

A woman in a black, shimmering dress stands in a dark, desolate landscape. She is looking towards a large, ruined stone building in the background. The scene is dimly lit, with a cloudy sky and a path leading towards the ruins. The overall mood is somber and mysterious.

IN NOMINE ANNA

Первая половина восемнадцатого века полна сюрпризов. В мире вампиров затевается большая игра за польскую корону, а ясновельможный князь вдруг начинает крутить роман с простой служанкой, и чем это обернется, не знает никто, даже сам Господь Бог. Впрочем, совсем не он тут правит балом.

На Варшаву спускалась прохладная летняя ночь. Граф Вацлав Левандовский любил такие — можно было подумать, повспоминать или, скажем, встретиться с нужными людьми. Ночь могла скрыть и смыть всё, стоило ему только пожелать, ночь была его стихией. А сам Вацлав был лучшим из её последователей — двухсотлетним хитрым вампиром, проклятым Господом.

В сущности, Левандовский не верил ни в бога, ни в дьявола, ни в кого-либо ещё. Он верил только в самого себя, потому что очень давно убедился в том, что никто и никогда не поможет, сколько бы ты ни молился и ни жертвовал деньги. Возможно, дело в том, что ни на небе, ни под землей никого и ничего нет.

Атеизм, разумный эгоизм и прочие подобные вещи в восемнадцатом и уж тем более в шестнадцатом веке в его кругах были скорее поводом ужаснуться и разжечь костёр, нежели предметом спора или личным делом каждого человека, а потому Вацлав успешно скрывал большую часть своих взглядов и вежливо улыбался всем окружающим, старательно пряча клыки. Он учился, преподавал, танцевал на балах как среди вампиров, так и среди людей — у последних он искал талантливых и умных, чтобы потом сделать такими же, как он сам, и хоть сколько-то приблизить мир к порядку; бессовестновмешивался в различные скандалы для собственного развлечения и занимался тем, чем ему нравится — жил, в своём роде, на широкую ногу.

А ещё Вацлав любил политику. При жизни он не сумел ей толком увлечься, потому как провёл свои, как он говорил, лучшие годы на войне и даже на сейм, выбиравший в том недобром году польского короля, опоздал из-за сильных дождей. Левандовский не стал долго расстраиваться и пьянствовать, ища утешение у собственных хорошеньких крестьянок, а стал думать. Его мысли, принявшие вольный оттенок ещё в юности, завели его сначала в тайные общества итальянцев, а потом и в такие круги, в которые обычным людям попадать случалось, в основном, только в качестве напитка — Вацлав попал к тем, кто называл себя Детьми Ночи или же вампирами. И, стоит заметить, ни разу не пожалел! У бессмертной жизни находилось гораздо больше преимуществ нежели у человеческой, а потому он быстро сделал верный выбор.

И вот теперь Вацлав стоял на балконе огромного особняка и смотрел на загорающиеся одна за другой яркие звёзды, овеваемый лёгким приятным ветерком. Он ждал.

По камням дороги простучали колёса кареты, и вампир встрепенулся, опуская взгляд вниз, где заблестели в свете фонарей золотые полосы герба рода Мнишек. Фигура, показавшаяся перед его домом, была ему очень знакома. Да, именно этот Сородич был ему так нужен. От их беседы зависело многое.

Не прошло и пяти минут, как Левандовский уже встречал гостя на пороге. Они обменялись положенными их статусу любезностями и тут же перешли к самому главному: этот разговор откладывался уже добрый десяток лет, а бессмертная часть Польши уже слишком давно обреталась без короля, что было крупным упущением — любому слою общества, даже самому изысканному и образованному, нужна твёрдая рука. Вацлав знал двух, способных дать ей эту руку: Велислава Потоцкого и Станислава Мнишека. Первый Левандовскому был приятен — Потоцкий, хоть и впадал в безумие, впрочем, мимолётное и толком не мешающее ничему, был грамотным стратегом и хорошим управителем, его

прошлые победы указывали на это. Мнишек же был молод, дерзок, горяч, жаден до власти, хотя и знал, как править так, чтобы привести то, что ему подвластно, к расцвету. И вот теперь Вацлаву, извечному серому кардиналу, предстояло решить, кому отдать своё предпочтение на грядущем Самайне.

— Я слышал, вы дружны с моим соперником, — Станислав отставил бокал с кровью и откинулся на спинку кресла, совсем не чуя шаткости своего положения — ему всё ещё не хватало опыта в общении с такими же, как он. — Однако этот вопрос не терпит дружбы или вражды, верно? На кону судьба страны, нашей отчизны. Каков ваш ответ?

— Вампиры тоже собирают сейм, пан Мнишек. Бесспорно, моё слово там имеет немалый вес, но решать буду не я, а ясновельможная шляхта, какое мое дело сейчас? — деланно удивился Левандовский, сохраняя вежливый тон. Конечно, он лукавил, он часто диктовал сейму свои решения, но нельзя было лишать Мнишека надежды сейчас, потому как этот вампир мог стать очень опасным и мстительным врагом в случае собственной неудачи. Вацлав не знал, что его так озлобило, но опасался той силы, которая у него была. Он уже толком не сомневался в решении, но последнее слово оставалось за Станиславом.

— Вы и сами знаете, — Мнишек криво улыбнулся. — Граф, вы нередко пользуетесь, даже злоупотребляете своим влиянием, разве не так? Вот именно поэтому я и бросил всё, приехав в такую даль из Будапешта, чтобы спросить, кого вы видите новым королём.

— Вы сделали неправильный выбор, к сожалению, — Вацлав кисло улыбнулся ему — слово было сказано неправильно. — Я не стану водить вас вокруг да около, не стану тянуть этот разговор, потому как он неприятен обоим. Моё согласие достанется пану Потоцкому, конечно же. И дело тут не в дружбе.

— А в чём же? — видно было, что в Станиславе с новой силой закипала злость, зависть по отношению к гетману Велиславу. — Я жду.

— Вы неопытны и молоды. Власть — вещь тонкая, она любит рассудительность, коей вы покуда не обладаете. Зато, вы, без сомнения, обладаете большим умом, но его здесь недостаточно, чтобы управиться с целым государством и всеми вытекающими, — спокойно отвечал Левандовский, вовсе не кривя душой, хоть и понимал, что к нему не прислушаются и не станут искать смыслы и связи. — Вот вам мой ответ. Согласиться или нет — дело ваше, но вряд ли что-то сможет повлиять на моё решение.

— В таком случае, мне тут делать больше нечего, — Мнишек резко встал. — Вы правы, согласиться или нет — дело моё. И я не соглашусь.

— Как хотите, — Вацлав тоже поднялся. — Я не настаиваю.

— Ну конечно, — Станислав издевательски поклонился. — Мы ещё вернёмся к этому разговору. Только уже при других обстоятельствах. Прощайте.

— До свидания, — Левандовский коротко кивнул, и Мнишек тут же растворился в воздухе, а на улице буквально через мгновение вновь застучали колёса, унося экипаж далеко на запад. Вацлав остался один в полутёмной библиотеке.

Игра началась.

Глава первая

Лил дождь. Да какой там дождь, самый настоящий ливень. Дороги в Грохове размыло, и проехать по ним не представлялось возможным. Больше всех досталось панскому поместью. Если в деревне имелись кое-где мощеные хорошим камнем улицы, а пан предпочитал именно так называть участки между домами, то усадьбе не повезло. Она оказалась отгорожена водой, а разлившаяся река только добавила проблем. Крестьяне искренне жалели господские сады, а слуги в доме и самого господина, потому как он с утра уехал на охоту и до сих пор не возвращался.

Раздался стук копыт. В ворота влетел вымокший до нитки всадник в охотничьем кунтуше. Он резво соскочил с порядком уставшей лошади, кинул поводья старому конюшему и прошёл в дом.

— Мопанку, да вы с ума сошли! — Юзефа, пожилая служанка и бывшая кормилица пана, подбежала к вошедшему. — Дождь уже два часа идёт, а вы только сейчас примчались.

— Юзефа, не сердчай, — мужчина улыбнулся. — Ты знаешь, что я здоров как бык.

— Доведете вы себя, мопанку, — служанка забрала у него ружье и охотничью сумку. — Быстро греться!

— Добро, только не сердись, я тебя боюсь, — пан звонко расхохотался.

— Баловник! Всё пани Телимене напишу, — беззлобно отозвалась Юзефа.

— Мне двадцать шесть лет. Тётушка уже давно умыла руки, — мужчина широко улыбнулся и взбежал по лестнице, уже оттуда крикнув: — А зайца всё ж пристрелил!

***

Матиуш Камил Вишнивецкий родился на длинном и болезненном рубеже не просто веков, а целых эпох, и представлял из себя человека склада нового и сумасбродного. В борьбе меж старой и новой шляхтой он выбрал вторую и вскорости отошёл от любых славянских корней, предпочтя европейский путь. Так вышло, что вместе с тем, как рос и менялся Матиуш, преобразовывалась и его родина — Речь Посполитая. Улицы Варшавы и Кракова постепенно наполнялись пышными платьями и камзолами, дома из деревянных становились каменными и вычурными, словно на парад, а умы ширились и алкали нового и неизведанного. В тот век родилось много прекрасного и уродливого, и Вишнивецкий нежданно-негаданно, но вполне желанно оказался у руля этих перемен.

В его обществе не встречалось людей старше тридцати, вокруг говорили по-французски, а народные мотивы заменили менуэты, чтобы уж наверняка отделить это образованное, молодое, лощёное дворянство от старого и закостенелого. Слово «шляхта» в этом кругу не употреблялось, заменённое холодным и возвышенным «аристократия». Так теперь обреталась жизнь.

Матиуш был горд и рад слыть человеком образованным и новым. К двадцати пяти годам из множества действительно близких родственников у него осталась только пожилая тётушка, души не чаявшая в своём племяннике. Она не одобряла его поведения и занятий, но прощала совершенно всё, лишь изредка решаясь спорить. «Нет, Матиуш, нельзя так, нельзя от прошлого отказываться, уж коли оно есть», — почти что ласково ворчала она. «Но как же тётушка, если мир меняется? И вскоре не останется ничего старого, даже шведы, что ходили на нас в конце прошлого столетия, решили, что не могут оставить это, как раньше, и пришли ещё раз, в начале нынешнего, стёрли свой былой след, исправились!» — смеялся её Матиуш,

приводя ей самые глупые и абсурдные аргументы, впрочем, действовавшие так, как надо.

Не укрылось от молодого князя Вишнивецкого и такое прелюбопытное явление, как масоны. Они, казалось, вели этот мир вперёд, помогая ему становиться лучше и ближе. Именно у них Матиуш тесно познакомился с Просвещением. Это веяние, это мировоззрение с лёгкостью заменило ему христианство, и Вишнивецкий почти сразу уверился в том, что это единственно истинный и верный путь, не приемлющий какого-либо обмана и лицемерия. Ещё более ему понравилось то, что этот путь не говорил жениться и обзаводиться детьми, бесполезно сидеть в салонах и слушать унылые политические речи, а обратиться к облагораживанию всего вокруг и помогать людям.

Матиуш с удовольствием направил свои силы на помощь собственным крестьянам, ведь его имение и немалые земли рядом были его полноправными владениями. Он построил несколько больниц, школ, велел мостить дороги и отменил телесные наказания. На этом, впрочем, его потуги и кончились. Он уехал в Варшаву, познакомился там с разными интересными и поистине красивыми дамами да так и остался развлекаться, однако порой посещая своих друзей-просвещенцев.

Там же он на одном из званых вечеров познакомился с человеком поистине интересным, но таинственным — графом Вацлавом Левандовским. Они быстро сошлись: Вацлав поощрял его прогрессивность, а Матиуш оказался ему достойным собеседником. Именно благодаря Левандовскому он вновь занялся когда-то заброшенной химией и отвлёкся от сладострастия и пустого веселья, вернулся домой, вновь принялся за дело. Так и протекала теперь его жизнь.

Матиуш наконец оказался в своих комнатах, распечатал долгожданный конверт, пришедший от Вацлава, и довольно утащил его в некое подобие ванной. Он кинул лист на столик, наспех разделся и с превеликим наслаждением опустил в горячую воду.

— Благослови, Господи, тепло! — произнес он, окунаясь в ванну с головой.

— Пан Вишнивецкий, я принесла вам чай. Пани Юзефа распорядилась, — послышался из спальни нежный девичий голос.

— Можешь зайти, — разрешил Камил.

В помещение зашла хрупкая юная девушка, неся в руках увесистый поднос с фарфоровыми чашкой и чайником, выписанными пару месяцев назад прямым из Китая, не без помощи вездесущего друга. Она аккуратно поставила его на небольшой деревянный столик и наполнила чашку душистым чаем из местных трав.

— Спасибо, — Матиуш чуть пригубил напиток, — и чаи у нас замечательные, — он оглядел служанку и на мгновение задумался. — Как тебя зовут? Я тебя раньше не видел.

— Анна, мопанку, я только несколько дней назад приступила к своим обязанностям, — девушка чуть смутилась от такого внимания к себе.

— Ты грамотная, Анна? — Вишнивецкий с интересом разглядывал новую прислугу.

— Так, пан, — Анна кивнула, смутилась тут же поспешила объяснить: — Не в школе, что вы построили. Меня брат научил, чтобы позабавить.

— Прочитай мне это письмо, — попросил Матиуш, кивнув на конверт. Девушка присела в реверансе и взяла мелко исписанный аккуратным понятным почерком лист. По мере чтения, медленного, но чёткого, Вишнивецкий кивал, что-то прикидывал и задумчиво, почти что оценивающе смотрел на то, как свет канделябров играет в золотисто-рыжих волосах девушки.

— Анна, отнеси письмо обратно в комнату и возвращайся, — в голове Матиуша что-то

щелкнуло, на секунду сердце будто забилось чуть быстрее. Новая служанка была слишком уж хороша.

Она положила лист на письменный стол и тут же пришла обратно. Снова присела в реверансе, не поднимая взгляда на господина, и так смятённая его вниманием.

— А теперь иди ко мне, — довольно мурлыкнул Вишнивецкий, таким тоном, чтобы девушке было ясно: отказ не примут.

***

— Мой господин, сегодня Станислав Мнишек-Вранич получил отказ, — Каслав Новак толкнул балконную дверь, оказался рядом с высоким темноволосым мужчиной, неотрывно смотрящим на ночной Загреб. — Они выпустили чёрта из табакерки, ведь Мнишек своего ни за что не упустит.

— У него есть на то весомые причины, — отвечал его собеседник, не поворачивая головы. — Можешь мне поверить.

— Не спорю, но чем это обернётся для нас, господин? — спросил Каслав, опершись на прохладные перила.

— Я пока не могу этого знать, — покачал головой тот.

— Даже не попробуете предположить? — в глазах Новака промелькнули искорки веселья, он прекрасно знал, насколько азартен его повелитель.

— А ты неплохо меня изучил. Что ж, думаю, юный Мнишек обратится за помощью... к нам, — тот слабо рассмеялся.

— Вы сами не хотите вступить в игру, не дожидаясь приглашения? — уточнил Каслав.

— Это было бы невежливо. Книнский принц покуда не станет вмешиваться в этот феодальный спор, там и без меня полно титулов и интриг. Я буду выжидать, ибо терпение всегда должно быть вознаграждено.

Глава вторая

Анна бездумно улыбалась, ощущая, как мягкая рука Матиуша нежно поглаживает её по обнаженному плечу. Ей было очень и очень хорошо — ей хоть и ненадолго, но позволили отвлечься от повседневных забот. Она чуть потянулась, кладя голову ему на плечо, и тихо порадовалась тому, что сейчас ночь. При свете она бы с ума сошла от смущения и стыда. То, что случилось, для неё было не ново, она и раньше знала, что происходит между мужчиной и женщиной в таком месте и в такое время, но всё равно её тело окутало лёгкое волнение, Анна прислушивалась к себе, пытаясь понять, что изменилось. Матиуша забавляло её поведение, но он молчал, давая девушке привыкнуть и успокоиться. Он знал, что она была девственна до этой ночи, он знал, что она была наивно мила и искренна в своих чувствах, дикая, на фоне прочих его женщин, и неизведанная, она казалась ему удивительно настоящей.

— Ануся, нежная, ну до чего же ты красивая, — он всё же мягко поцеловал её в висок и зарылся носом в шелковистые волосы, не выдержав очарования. Странно, но всё это он произнёс искренне, а не потому что так было надо; эти слова прозвучали вовсе не заученно-фальшиво, вовсе не для того, чтобы как-то завершить эту встречу и отдать должное. — Моя Ануся, — Вишнинецкий видел много женщин, и Анна была приятным и неизведанным разнообразием. Её естественность только придавала ей шарма.

— Пан, я... — девушка вынырнула из своих мыслей и вдруг погрузилась: чудесное небытие спало, а сказка кончилась, даже не начавшись: на что она рассчитывала, ведь она простая служанка, от которой не требовалось ничего, кроме как доставить удовольствие и исчезнуть, ведь только за этим она была нужна, и Анна это прекрасно понимала, знала, что не имеет права вот так разлёживаться и отнимать время у своего господина, впрочем приятного и нежного — он постарался сделать так, чтобы и ей было хорошо. — Мне, верно, идти надо...

— Не надо, — Вишнинецкий ласково провел кончиками пальцев по лицу служанки и ревниво прижал к себе. — Моя Ануся должна быть со мной. Не пусти, — он зарылся носом в её волосы, не позволяя двинуться. Для себя Матиуш уже решил, что она не станет для него девушкой на одну ночь. Отпускать такое было ужасно жаль. Анна была хорошо собой и, кажется, не совсем уж дурна умом, и ему представилось, что он сможет сделать из этой крестьянки что-то стоящее. Матиуш всегда хотел проверить слова просвещенцев сам, но школ для этого было мало, а тут у него появилась возможность лично воспитать из дикаря настоящего человека и представить его обществу, как должное и важное.

Анна снова тепло улыбнулась и доверчиво прижалась к мужчине. Он разом, пусть и ненадолго, убрал все её страхи, оставив с собой, и её сердце радостно забило. Матиуш нравился ей, он бередил её душу, и девушке очень хотелось любить. Она как-то слышала, что это крайне тёплое и доброе чувство, которое заставляет заботиться о том, на кого направлено обожание, и это её очень привлекало. Анне даже казалось, что она уже влюблена, ведь внутри было так тепло и сладко. Это обволакивало её, сердце, ещё не успокоившееся, билось часто и гулко, и это только убеждало девушку в её предположениях и надеждах. А почему, собственно, не полюбить, если так хорошо? Чего же в этом такого сложного?

— Спокойной ночи, — Вишнинецкий коснулся губами её виска, поплотнее укрыл

одеялом, крепко обнимая. — И даже не думай вставать рано, — его мягкий тон убаюкивал уставшую девушку.

— Я постараюсь, — служанка смутилась ещё больше: как бы потом пани Генрике объяснить своё отсутствие, если она никого не слушает, только ругается. Пана просить о защите было неудобно. Анна совсем не хотела прослыть продавшей и зазнавшейся, но очень боялась гнева ключницы. Она бы ещё думала об этом, рассуждая, как ей поступить, но её ласково сморил мягкий сон без сновидений.

— Ануся, — шепотом повторил Матиуш, закрывая глаза. — Так вот как будут звать это прекрасное творение разума.

***

Анна проснулась по привычке — рано, за окном едва занимался рассвет. Ей было очень совестно уходить, ведь князь просил её, но работа не ждала, именно она кормила семью девушки. Анна поморщилась от легкой боли и каких-то непонятных ощущений, видно, появившихся за время, пока она спала, и медленно села на кровати. События прошлой ночи не укладывались в её голове. Она никогда не считала себя красивой или какой-то... привлекательной. Мать, конечно, говорила, что дочь у неё как раз-таки хороша собой, да и Конрад, самый завидный жених на всю деревню, какое-то время обивал её порог, пока отец Анны не умер. Там поле пришлось продать, потому что работать было некому, а Анна пошла в помощницы поварихе в господское поместье. Тут-то Конрад и испарился, и теперь девушка понимала почему — он не хотел себе испорченной, уже тронутой жены, считая себя выше этого, ведь Конрад был сыном богатого мельника, он мог себе позволить жениться на любой девушке, причём многим краше и здоровее Анны. Неясно было, что в ней такое увидел пан, что захотел овладеть ей. Впрочем, кто их, этих панов, разберёт, ведь Анна толком их не знала. Скорее всего, она показалась ему достаточно приятной для того, чтобы провести ночь и удовлетворить свои желания, никак иначе, ведь ни поддержать беседы, ни развлечь господина как-то ещё она не могла. Служанка вздохнула, отгоняя безрадостные раздумья (ей было слишком сложно предполагать, что творилось у Матиуша в голове), и придвинулась к краю кровати, но попытка бегства тут же была пресечена.

— Всё-таки встала, — сзади её обняли знакомые теплые руки и нетерпеливо, твёрдо утянули обратно. — Ануся, не уходи, мне без тебя грустно будет, — Вишнинецкий говорил капризно, словно ребёнок, у которого пытаются отнять любимую игрушку. Возможно, это так и было. Матиуш с детства привык, что всё, что вокруг него находится, будь то живой человек или вещь. Тётка из огромной любви к племяннику никогда ему ни в чём не отказывала и потакала всему, то он делал, даже отказ жениться приняла стойко, объяснив это себе тем, что соколик, как она его называла, ещё не нагулялся, не испробовал жизни, да на том и порешили.

— Так разве я... — Анна запнулась, не зная, что ответить ему, спорить открыто она не решалась. — Я ведь простая служанка, что с меня взять, кроме... — она замолчала, постыдившись продолжать, она не умела говорить красиво и верно, а потому боялась вступать в толковую беседу. Однако Матиуш её вполне понял, искушенный кокетливыми дамами и намёками, скрывающимися не просто за словами, но и за малейшими движениями платьев и вееров, намёками, присущими только высшему обществу. Впрочем, здесь они появились не по причине жеманства, а лишь потому, что очаровательная крестьянка устыдилась своих же помыслов.

— Ануся, какая же ты милая и непосредственная, — он тепло улыбнулся и покачал

головой, продолжил, словно разъяря не взрослому человеку, а ребёнку: — Нет, не «кроме». Ну... Понимаешь, девочка моя, ты живая.

— Все люди живые, — служанка наивно улыбнулась в ответ, поудобнее устраиваясь в его объятиях. Ей его слова показались глупыми и слегка лживыми, откуда ему было знать, какая она, после одной ночи? Вот уж неправда какая.

— Не совсем. Есть люди живые, а есть будто и не люди, а статуи. Я в Варшаве много таких видел, — Вишнивецкий взял её руку и нежно поцеловал. — Взять хотя бы панну Елену. Она такая... такая обычная, — он сказал это скупающе и печально, будто это его действительно огорчало, раздражало, не давало жить счастливо, и лицо его стало ещё бледнее. — Понимаешь, я о ней будто бы всё знаю, мне с ней вовсе не интересно, да. А с тобой иначе.

— Льстите вы мне, пан Вишнивецкий, — Анна покраснела и опустила взгляд, она неплохо понимала, что значит «обычная». — Я же крестьянка простая, чего во мне особенного? Столичные, они хоть образованные.

— И тебе образование дать можно. Ты способная, раз читать научилась, — Матиуш снова улыбнулся. — Я научу тебя, Ануся. И писать научу, и по-французски немного. И танцевать, и этикету. Ануся, я тебя освобожу, шляхтянкой сделаю, — с запалом сказал он, горячась и загадывая далеко наперёд, будто чувствуя, что вот он, его шанс, окончательно присоединится к тем, кто двигал Просвещение дальше, кто не боялся трудностей и вводил людей в мир лучший и светлый.

— Я бы хотела вам верить... — девушка печально посмотрела на него и покачала головой, она была для него в диковинку, вот и вся живость, она ведь хорошо понимала, что ни умом, ни обхождением не достигнет его высот. — Мне на кухню надо, а то пани Генрика заругает.

— Давай помогу одеться, — Матиуш мягко коснулся губами ее плеча и накинул рубашку. — Моя милая Ануся — он говорил мягко и сладко, и служанке хотелось доверять его словам.

Когда Анна уже выходила из покоев князя, тот с нажимом, но по-своему ласково сказал ей вслед: — Приходи вечером. Каждый день приходи. Пожалуйста.

В его голосе не было толком ни тепла, ни любви, ни капли чувств, что порой зарождаются между двумя людьми и навек их связывают, уж скорее они звучали не правдиво и слишком слащаво, будто имели под собой двойное дно, но Анна этого вовсе не заметила, чересчур очарованная князем.

Она обернулась и смущённо, с какой-то затаённой надеждой и нежностью пробормотала, легко забывая случившийся разговор: — Я обязательно приду, пан Вишнивецкий. Обязательно.

***

Станислав со злостью кинул очередной бокал в стену и едва ли не взвыл от отчаяния. Ему в который раз не везло.

Конечно, он и раньше отменно понимал, что Вацлав Левандовский сделает всё, лишь бы не дать ему править, ведь Вацлав явно кое-что знал, а потому боялся увидеть на троне короля, так похожего на предыдущего. Но чтобы вот так унижить... О, если Влад Дракула, с которым у Станислава были свои счёты, был королём этих театрализованных представлений на публику, то Вацлав — наследным принцем.

Мнишек раздражённо сел на подоконник, задумался. Зачем же всё-таки Левандовский

вызвал его?

Унизить?

Лишний раз напомнить его место?

Нет, Вацлав таким не занимался бы, ему из без того было достаточно нескучно, значит, что-то иное. Но только что? Станислав совершенно этого не знал. Но зато он знал кое-что другое.

Если ему не удастся вырвать корону из рук Потоцкого, второго кандидата, своими силами, то он прибегнет к помощи другого наследного принца, пусть и опального. В конце концов, он будет только рад посодетьствовать, ведь Мнишек с удовольствием выдаст ему на расправу тех, кто причинил ему боль.

Книнский стригой вряд ли откажется от такого предложения.

***

В Брашове веяло прохладой, и Раду Ливиану в очередной раз обрадовался, что выбрал для проживания именно этот город. Он переехал сюда не так давно, и старый дворец только закончили приводить в порядок, он вновь заблестал былой красотой, что не могло не радовать его, любителя всего изящного и приятного глазу. Это было место, которое Раду теперь с удовольствием мог бы назвать домом.

Впрочем, сейчас ему было совсем не до любования, ведь в мире политики и лжи, уже давно застоявшемся и затхлом, всё вдруг всколыхнулось и ожило: Ливиану верные люди донесли, что в Польше уже заочно выбран новый король, а отвергнутый претендент не смирился со своей участью.

И теперь Раду ждал гостей: сначала из Загреба, затем, быть может, из Варшавы. Все сейчас захотят с ним договориться, чтобы в случае чего иметь того, кто прикроет им спину. Но Раду умён и хитёр, Раду потрепали предательство и война, он не будет действовать наобум, он станет выжидать.

Раду прекрасно знал себе цену.

И она было дюже высока.

Раздались тихие шаги, и Ливиану обернулся. Вот и первый гость.

— Домнуле Новак, добро пожаловать, — он вежливо улыбнулся и кивнул на пару кресел у белеющих в ночной тьме перил. — Я полагаю, ваше дело не терпит отлагательств, раз вы прибыли так быстро.

— Вы правы, — тот улыбнулся в ответ. — Должно быть, вы слышали о том, что случилось в Варшаве вчера.

— Ну конечно, — Раду усмехнулся. Книнский принц был явно обеспокоен тем, что творилось так далеко от его владений, раз отправил за вестями не кого-то, а своего самого ближайшего помощника. — И что с того?

— Дело, вы сами понимаете, непростое и опасное, — осторожно начал Новак, и Ливиану в очередной раз восхитился его спокойствию и такту, что определённо делало ему честь как дипломату и политику.

— Безусловно, — согласился он. — И вновь я задаю вам тот же вопрос, домнуле Каслав.

— Мой господин покуда предлагает вам объединить силы стригоев и выступать совместно, если выпадет случай, — пояснил тот. — Мы знаем, что ваш брат на той стороне и просим не давать воли чувствам.

— Мне нет никакого дела до того, чем и как занят Влад, можете не беспокоиться, — холодно отозвался Раду. — Я принимаю предложение вашего господина и прошу его впредь

считать наши кланы единой силой. Я отправлю послов к домнуде Чеботари и домнуде Морару, но их согласие гарантировать не могу, во всяком случае, пока. Быть может, я сам лично навещу их, чтобы переговоры прошли так, как надо.

— Моего господина более чем устроит такой ответ, — Каслав чуть склонил голову в знак уважения. — Вы не так давно стали главой клана, но уже делаете ощутимые успехи в управлении.

— Благодарю, — ответил Ливиану. — Позвольте заметить вам то же.

Глава третья

Анна взяла поднос и медленно пошла в столовую. Тело всё ещё хранило воспоминания о прикосновениях заботливых рук Вишнинецкого. Девушке от этого становилось теплее на душе, но вместе с тем она стеснялась посмотреть пану в глаза, смущение, не до конца дошедшее до неё ночью, окутало её с головой, напоминая самые личные детали случившегося.

Матиуш уже сидел за длинным деревянным столом и без особого интереса просматривал почту, скучающе постукивая пальцами по его поверхности, когда служанка подала ему завтрак. Вишнинецкий мягко улыбнулся, поднял на неё полный нежности взгляд и мимолётно коснулся её руки. Анна чуть улыбнулась в ответ и покраснела, пряча лицо. Она знала, что на них смотрят, но совсем не желала слухов среди черни, боялась стать их жертвой.

— А в сад придешь? — заговорщически шепнул Матиуш, с удовольствием оглядывая её тонкие пальцы и ладони. Ему было лениво в действительности заниматься её образованием и развитием, князь никогда не любил много работать, но его призвание, его дело вело его вперёд, он слишком жаждал увидеть прекрасный результат, слишком жаждал доказать всем и вся, что он может сделать Анну лучше, а для этого было можно потрудиться и заняться приручением. Пусть и немного позже.

— Работы много, вечером, пан, — девушка покачала головой, да и дело было совсем не в работе — она помнила своё место и считала стыдным вести себя неподобающе, жить праздно, жить, как живут шляхтянки, пусть и совсем недолго. — Я постараюсь, видит Бог, постараюсь, но я человек подневольный.

— Я буду ждать, — спокойно и сдержанно кивнул Вишнинецкий, однако не теряя к ней интереса, ведь приручение требовало терпения. — Ануся.

Служанка вернулась на кухню, как-то глупо улыбаясь своим мыслям. Мысли были совершенно неверные и бесполезные, и смешивались они с мечтами несбыточными и пустыми, никому не нужными. Перед Анной встал непростой душевный выбор: принять ухаживания самого князя и отдать ему своё сердце или же вести себя скромно и покорно, но не позволять себе чувства и веру. Любовь, да нет же, влюблённость, что родилась в ней ночью, порывалась склонить её ко второму, но разум, не раз обжигавшийся, повелевал первое и просил не бросаться в омут и не совершать дурного. Ведь разве есть в мире такое чудо, где господин не бросит свою рабу через месяц или два, не откажется от неё, как только она понесёт или наскучит, а проведёт с ней целую жизнь и даже женится? Нет, не слыхала Анна о таких делах, но как же ей хотелось, чтобы подобное случилось именно с ней. И снова рассудок говорил ей, чтобы она не тратила время попусту, а думала о Боге и слове Его, чтобы смотрела вниз, на землю, и размышляла о приземлённом, так, как и полагается простой крестьянке, но сердце звало её на иной путь и было многим настойчивее.

— Дура, — вдруг вырвал её из раздумий чей-то хмурый голос. На Анну исподлобья смотрела Злата, вторая помощница поварихи. Ей недавно исполнилось тридцать пять, она дважды выходила замуж и успела родить пять здоровых мальчишек и столько же девчонок. Житейского опыта женщине было не занимать, и Анна часто доверяла ей свои горести.

— Да отчего же? — девушка с сожалением вздохнула, но всё же стала слушать внимательно, потому что считала Злату мудрой и рассудительной.

— Влюбилась в пана, — Судовская отложила тарелку и скрестила руки на груди. — По глазам вижу.

— И что с того? — Анна принялась беспечно резать зелень. — Пан добрый, — просто сказала она.

— Анна... — Злата вздохнула и укоризненно покачала головой. — Ты девка смышленная, а попалась, как мышь в ловушку.

— Пани Злата, да что вы такое говорите? — Анна печально посмотрела на женщину, мечты грозились обратиться прахом. — Да разве вы нашего пана не знаете?

— Анна, да что ж ты такая доверчивая... паны с нами пануют. Развлекаются. Он с тобой пару ночей проведёт да выкинет, как котёнка. Ты хлопка, ты ему поигратися нужна. Знаешь, сколько у него таких? Полный двор. А в столице? Там все ясновельможные, образованные. Он им слова красивые говорит, раскланивается, а как время придет — женится на богатенькой панне и заживёт с ней. Ты ему не нужна, — Судовская отобрала у неё нож и сама закончила работу. — Иди к бабке Янине, возьми у неё травы, а то еще забеременеешь.

— Пан хороший, он ребенка примет, если Бог даст, — Анна блаженно улыбнулась, но тут же вновь нахмурилась и задумалась над своими словами, уж слишком они ей показались глупыми, сомнительными. — Его ведь кровь и плоть. А ещё он меня учить хотел. И научит.

— Еще лучше. Ты ему что собачка, как надоешь — прогонит, — Злата говорила ворчливо, но обеспокоенно. — Наживешь ты себе бед! Я понимаю, что тебе он сейчас голову вскружил, ну девка ты молодая, ну что с тебя взять. Но думала бы хоть немного.

— Пан хороший, — упорно повторила девушка, опустив взгляд. — Он честный человек, не то что прочие. Ну наверное.

— А то ты много панов видала! — женщина вздохнула. — Горемычная. Вот попомни мои слова, ещё плакаться придёшь.

Анна ничего не ответила. Да, она вовсе не знала Матиуша, не знала, что у него на уме, а потому не могла говорить так уверенно о том, что там в далёком будущем может с ними двоими случиться. Она всё-таки впустила в душу тревогу, дала волю неверию, пусть ей и было за это стыдно. Но вместе с тем она окончательно прислушалась к велению сердца, давая чувством заполнить своё сознание, чтобы хоть как-то загладить вину за свои сомнения. Так ей теперь предстояло жить.

***

Матиуш довольно оглядел письменный стол и улыбнулся. В его голове уже зрел план будущих занятий для Анны. Она ему нравилась своей кротостью и нежностью. Она ему попросту нравилась. Не больше, конечно, вовсе не больше, о любви Вишнинецкой не помышлял и толком помышлять не хотел, не желал себя чем-либо обременять. Бесспорно, он мог таким образом немного насолить тётке, которая не так давно вдруг захотела его с кем-то свести непонятно зачем, и хорошенько унизить Елену — разрыв с ней едва не обернулся скандалом, что значительно испортило ему настроение. И возможностью этой надо было полностью воспользоваться. Да, с титулами он уж слишком размахнулся, в пылу желаний не соизмеряя, что говорит, но вот попробовать дать Анне те знания, что сейчас получали девушки его круга, стоило, это соответствовало всеобщим идеалам. Её телом и поведением Вишнинецкой был вполне удовлетворён, так что тратить на неё время и силы было вполне осмысленно и желанно. Итак, решено. Он даст ей то образование, которое получают шляхтянки. «В конце концов, — думал князь, — раз читать научилась и по сей день хорошо читает, значит не дурочка. А остальное — дело наживное. У неё, у нас всё получится. Я ведь

поступаю правильно, очень правильно, многие книги, что у меня есть, говорят о том, что людям надо нести свет, и я это сделаю. Мои друзья будут гордиться мной, я сам собою стану горд и окончательно сделаюсь человеком правильным и достойным».

Ему уже было надоело ждать, как коридоре послышались шаги, затем в дверь кабинета робко постучали. Матиуш заулыбался. Наконец-то. Вот и она. На душе приятно потеплело, но сердце не отозвалось, и это его обрадовало.

— Ануся, я скучал, — он пропустил девушку в комнату и тут же прижал к себе, мельком оглядывая с головы до ног. — Моя Ануся, почему ты грустишь? — Вишницецкий постарался придать своему голосу как можно больше сочувствия и мягкости, ведь он твёрдо решил хотя бы попробовать сыграть человека нового и свободного от предрассудков, человека слова.

— Ничего, пан, всё в порядке, — девушка неестественно улыбнулась, опуская голову. Она не хотела его беспокоить своими бедами, да и вряд ли ему это было нужно — Анна твёрдо усвоила, что дарит господину удовольствие и отдых, и печали здесь места не было.

— Тебя кто-то обидел? — Вишницецкий мягко усадил её на парчовую софу, сел рядом и ласково, бережно взял руки Анны в свои. — Расскажи мне всё, — он не слишком покривил душой, желая это узнать, он действительно не любил, когда вокруг грустили, потому как не умел грустить сам.

— Нет, пан Вишницецкий, — служанка всё так же не глядела на него, стараясь говорить скромно и спокойно.

Камил нежно взял её за подбородок, поднял её лицо и заглянул в бездонные светло-голубые глаза.

— Что случилось? — терпеливо повторил он, почти невесомо проведя пальцами по её щеке.

— Зачем я вам? Вы со мной играете, как со зверушкой? — девушка посмотрела на него, спросив так наивно-просто, искренно, без малейшей обиды, что Вишницецкому стало до ужаса не по себе.

— Нет. Ты мне попросту приятна, Ануся, — он прижал её к себе и погладил по шелковистым волосам, стараясь не вдумываться в то, что она спросила, стараясь не будить в себе то, что люди звали совестью, да и не казалось ему, что он с ней играет — Матиуш ведь не думал вернуть её в деревню после всего; быть может, он бы оставил её при себе, быть может, подыскал бы нужного жениха, время покажет, но он никак не думал выставить всё так, словно она падшая женщина. — Нет, моя хорошая.

— Понимаете, я вам верю, — служанка нерешительно обняла его в ответ, затем как-то неуверенно, но не обиженно, будто частично признавая правоту старшей подруги, о которой она собиралась говорить, добавила: — А пани Злата нет.

— Она за тебя беспокоится, — князь как-то безразлично пожал плечами и поцеловал её в затылок. — Это, верно, естественно, — его даже оскорбило то, что Анна скорее поверила своей наставнице, его оскорбило, что эта самая наставница так о нём отзывалась, хотя с чего крестьянам было его отличать от прочих, если они ни разу не говорили друг с другом, кроме как по вопросам хозяйства?

— Пан Вишницецкий, а почему вы не как все остальные паны? — полюбопытствовала Анна и тут же прикрыла рот ладошкой, устыдившись собственного интереса и невежливости.

— Потому что все остальные паны воспитаны иначе. И имеют другой круг общения, — Вишницецкий ободряюще улыбнулся, возвращаясь к прежнему чувству гордости. — Я

ответил на твой вопрос? — кое-что он упоминать не стал просто на всякий случай, потому что побоялся, что Анна его не так поймёт.

— Да, пан, — девушка преданно прильнула к нему. — Спасибо.

— Зови меня по имени, а то это обращение слух режет, — попросил Матиуш, но без особого рвения. — Если не сложно, — это была для него резкая перемена, но попробовать определённо стоило.

— Хорошо, па... Матиуш, — Анна нежно посмотрела на него и крепче обняла.

***

Анджей Лович нечасто покидал свою обитель ради политики. Он считал её делом грязным и гадким, старался держаться подальше и посвящать свои старания только монастырю и людям, за которых он был в ответе: всех, нашедших приют в его церкви.

Но сегодня он оставил свой дом и направился в Варшаву: там, после долгого затишья, прозвучало в кулуарах имя нового короля, и теперь Анджею предстояло либо согласиться с кандидатурой, либо отвергнуть её. Он предпочёл первое.

Лович знал их обоих: Потоцкий был ему другом, Мнишек когда-то попросил его о помощи — похоронить мать, как и полагается, и Анджей не смог ему отказать.

Он одобрял выбор Левандовского, ведь Станислав был слишком горяч и резок для обдуманных решений, в отличие от Велислава, но, признаться, считал, что польский престол должен по праву занимать сам Вацлав, никак иначе. Левандовский был многим умнее и хитрее их обоих, он заслужил всеобщее уважение, а самое главное, он почти всю свою жизнь не чувствовал. А это дорогого стоило. Лович вспоминал их прошлого короля: грубого, алчного, похотливого. Безусловно, Кшиштоф знал своё дело, но все эти качества его ужасно портили. Все эти качества лишали его того, чем должен обладать всякий правитель: достоинства. Этого у беспринципного Водлевского не было никогда. Впрочем, что уже было теперь ворошить прошлое: с приходом нового короля наступала новая эпоха. Отчего-то Анджею казалось, что она будет недолгой и ознаменует собой страшное, но великое время. Таково было всё в восемнадцатом веке.

Глава четвёртая

Даже три недели вместе показались Анне настоящим чудом. Она до сих пор не верила в то, что настолько сумела заинтересовать пана. Конечно, их отношения покуда ограничились только совместными ночами и несколькими вечерами, когда Вишницецкий продолжал учить её писать, но и только. Анна уже даже начинала потихоньку верить словам Златы, но всё ещё надеялась, что пан всего лишь устал от прочих забот и хочет пока насладиться покоем с ней. Да и к чему, если так подумать, эта вся учёба? Да, ей было интересно узнавать что-то новое, но вот вряд ли бы она смогла это где-то применить, ведь Анне не представлялось возможным хоть когда-нибудь покинуть деревню.

— Доброе утро, — она ответила на мягкий поцелуй и сонно посмотрела на Матиуша. Просыпаться в его постели было всё ещё стыдно, но это по-своему льстило девушке.

— Доброе, моя Ануся, — Вишницецкий тепло улыбнулся и снова поцеловал девушку. Та довольно зажмурилась, аккуратно, немного нерешительно обнимая его за шею. Это оказалось Матиушу приятно, и он в очередной раз задумался над тем, что совершенно не ошибся в выборе развлечения и компании.

— Вы из-за меня опять рано проснулись, вторую неделю, верно, не высыпаетесь, — служанка покраснела, зарываясь в одеяло, и отвела взгляд. У неё это выходило настолько искренне, что Матиуш невольно заулыбался и ощутил, как у него в груди разливается некая нежность.

— Девять часов утра вполне приемлемое время для подъема, — он улегся рядом, потянулся и крепко прижал Анну к себе, прижал собственнически, как вещь, не как человека, и ему показалось, что девушка поморщилась от боли. — Я отлично выспался. Правда, я и до встречи с тобой пробуждался не так уж поздно, во всяком случае, раньше полудня. Так вот, сейчас девять.

— Девять?... — Анна, пропустив большую часть его речи мимо ушей, кое-как выбралась из уютных объятий пана и села на постели, испуганно оглядываясь. — Пани Генрика меня теперь со свету сживёт, я опаздываю... До того я никогда не опаздывала, как-то мы с вами успевали, а теперь... Ох, что же будет, я же ей ничего не говорила!

Она потянулась к льняной рубашке, валявшейся под стулом, но слезть с кровати ей не дали. Матиуш с тихим смехом притянул служанку к себе и невесомо поцеловал в плечо.

— Она тебе и слова не скажет, я позабочусь, — руки Вишницецкого крепко обняли Анну, губы мягко коснулись виска. Он до того и не задумывался, что она не помышляет ни о чём, кроме долга и работы, и даже их отношения скорее всего считает обязанностью, пусть они и приятны ей. Это противоречило его планам, ведь он хотел сделать Анну хоть сколько-то подобной себе. Бесспорно, покуда он ленился, не слишком трудясь над её преобразованием, но разве то, что он так долго уделяет ей своё внимание, не должно было что-то изменить?

— Спасибо, Матиуш, — девушка смущенно улыбнулась и робко погладила его руку.

— Ласковая Ануся, — тот ласково поглядел на служанку и зарылся носом в её волосы. Он заботливо погладил её по плечу, поправил сползшее шёлковое одеяло и снова посмотрел на часы. Вставать решительно не хотелось, но он понимал, что ему пора уже откинуть праздность, тем более что в этот день у него было немало дел.

— Вставать надо, — как-то без особого упорства пробормотала Анна и тут же чуть

покраснела, и опустила взгляд, боясь разозлить пана, хотя, сама того не зная, и подтвердила его мысли.

— Ну ладно, — Вишницецкий сел на кровати и хитро улыбнулся, это её попытка спорить ему понравилась. — Буду сейчас как куколку одевать, — он и не заметил, как легко и просто произнёс слово «куколку». Нет, он не мог считать Анну куклой, она под это не подходила, скорее, это была участь гордячки Елены, но тем не менее, он почему-то назвал её именно так.

— А может, я сама? — девушка совсем смутилась.

— Нет, — покачал головой Матиуш, поглаживая её плечи, настойчиво повторил: — Мою Анусю я буду одевать.

***

— И последний штрих, — он закрепил в её золотисто-рыжих волосах серебряную заколку. — Нравится?

— Матиуш, я... вы... это же... — Анна удивленно и благоговейно касалась подарка. — Спасибо вам.

Она прильнула к мужчине и несмело обняла. Матиуш мягко прижал её к себе и поцеловал в затылок.

— Ануся, ты красавица, — шепнул он.

***

Анна напевала что-то себе под нос, ополаскивая тарелки в большом глиняном чане, и думала о том, как они с Матиушем проведут вечер. Она представляла, как зайдёт к нему, как он встанет из-за стола и обнимет её, как поцелует и возьмет на руки. От этого на душе становилось как-то нежнее и теплее. Девушка бессмысленно улыбалась, вспоминая, как его руки гладили её тело перед тем, как накинуть рубашку, как аккуратно зашнуровывали корсет и причёсывали. Матиуш был такой заботливый. Такой добрый. Анне не хотелось уходить от него каждое утро и чувствовать, как тепло от его руки медленно покидает её.

— Мой Матиуш, — произнесла она, будто пробуя обращение на вкус. Ей определенно нравилось, но было ужасно стыдно, ведь она не считала себя достойной называть его по имени. Она не считала себя достойной мечтать о том, что это действительно когда-нибудь будет так, и они будут вместе счастливы. Ей вдруг даже захотелось, чтобы вездесущая Злата её осадила, чтобы потом не было больно.

— Да какой он твой... — на Анну не мигая смотрела та, о ком она только что подумала. — Слышала, он в Варшаву собирается.

— И что с того? У Ма... пана дела, наверное. Как разберется со всем, вернется, — рассудила девушка, хотя сама мало верила в то, что говорит, припоминая некую Елену, о которой слышала от Матиуша.

— Ну да, дела. Небось к какой-нибудь ясновельможной поедет, — Судовская покачала головой. — А ты дура. Но подарки принимай, принимай. Они пригодятся, продашь потом.

— Да что вы такое говорите? — к горлу девушки подкатился тугой комок, на глазах выступили слезы. — Матиуш... Он вряд ли может меня обмануть, — она не верила в свои слова, разум говорил верить Злате, но сердце просило об ином.

— Он тобой пользуется, — женщина тяжело и устало вздохнула. — Ты не сходи с ума. Был у нас когда-то пан, дядя нашему, наверное. Ох я его и любила, знала бы ты, как. И сама ему приглянулась, он месяца два или три со мной веселился. Подруги меня тоже отговаривали, тоже поучали, наставляли, дай им Бог, ведь никто тогда не отвернулся от

меня. А потом я понесла. Старший мой ребёночек от него, он по крови паныч, да только мать у него не та. Вот и осталась одна, благо, нашёлся хороший человек, что понял и защитил. Послушай, знаю ведь, о чём говорю...

— Хотела бы я вам верить, — покладисто начала Анна. — Правда, вы мудрые вещи говорите, а я дура, что начала с вами спорить ещё тогда, но видите, как оно вышло-то? Мы уже две недели вместе с паном, он добр со мной, ласков. Может, и не все обещания выполнил, но кое-что уже есть, и мне стыдно не доверять ему, словно он ко мне со всей душой, а я его обманываю. Я пойду и спрошу его про Варшаву, это вы верно сказали, быть может, он мне объяснит, — он понимала, что Матиуш не должен ей отчитываться, но в ту минуту её душа возжелала больше, чем было ей положено, и Анна утвердилась в своём намерении узнать о делах пана.

***

Анна бежала по коридорам, надеясь успеть до отъезда пана, бежала, подхватив юбки и почти не глядя перед собой, её причёска сбилась, а щёки покраснели, и со стороны, верно, думалось ей, она выглядела неприлично и неправильно, снова в душе начал просыпаться уже соединившийся с ней навсегда стыд. Анна вдруг почувствовала, что, возможно, смотрится сейчас грешно, но поразмыслить толком не успела, попавшись на глаза пану.

— Моя нежная девочка, что случилось? — её неожиданно поймали в теплые родные объятия и прижали к себе, и голос звучал с участием и сочувствием.

— Вы уезжаете? — выпалила девушка, ненароком обнимая его в ответ.

— В Варшаву на пару дней. Я должен кое-что обсудить с Вацлавом, моим другом, — Вишницецкий мягко поцеловал её. — У меня есть дела, которые бывают у всех людей моего круга, только и всего, — не сказать, что он хотел ей обо всём поведать, но решил, что теперь ей это не повредит, тем более при нынешних обстоятельствах Анна вполне имела на это право. — Я буду тебе верен, — осторожно добавил он, понимая основное её сомнение. Он действительно не собирался её обманывать.

— С... Спасибо, Матиуш, — девушка доверчиво улыбнулась. — Я буду ждать вас, я вам верю, — она не знала толком, для кого это сказала и сказала ли правду. Но Матиуш, кажется удовлетворился её ответом, а это было самым важным.

***

Вацлав отвлёкся от письма и поднял глаза на вошедшего. Перед ним стоял Велислав, он был бледнее обычного, выглядел очень взволнованным. Левандовский кивнул ему на кресло напротив и выжидающе замер. Потоцкий сел, расправил камзол, часто заговорил: — Ты на самом деле пригласил его лишь затем, чтобы показательно отказать? Вацлав, какое ребячество! Зачем ты это сделал, он ведь может мстить, этот Мнишек, он совсем безумен, разве ты не знаешь? Я примчался из Пруссии, как только смог, и что я слышу?!

— Знаю, — Вацлав беспечно пожал плечами. — Но суть была не в этом, если честно. Как там в Пруссии?

— Не переводи тему. Так в чём же? — Велислав постарался успокоиться, что у него с лёгкостью вышло, и тяжело вздохнул. — Что это был за театр имени одного актёра?

— Ты в самом деле повёлся? — граф расхохотался, и его острые клыки блеснули в свете каминного пламени. — Это был, своего рода, последний шанс, дорогой друг.

— Прости? — Потоцкий нахмурился, и его лицо медленно вытянулось, он закатил глаза. — Вацлав, ради сатаны...

— Я просто хотел увидеть его реакцию. Если бы он повёл себя иначе, если бы сдержал

себя, то я бы отдал корону ему, он талантлив и умён, но только выдержки ему и не хватало, чтобы быть Польше хорошим правителем. Увы, увy, но именно его вспыльчивость всё решила. Как, впрочем, и я, — Левандовский пожал плечами. — Скажешь, что я неправ?

— Скажу, что ты авантюрист, — Велислав прикрыл глаза. — Вот как у тебя только совести хватает?

— У меня её нет, — Вацлав фыркнул. — Забыл?

— У меня достаточно хорошая память, можешь не беспокоиться. Да только дело не в этом. Дело в том, что ты в который раз самовольничаешь, не поговорив ни с Сеймом, ни с нашими иностранными друзьями. Штраус бы сказал, что это глупо. Влад... — он тут же перебил друга, снова рассмеялся.

— Пусть говорят, что хотят, это не их страна, а наша, не забывай, дорогой друг, — твёрдо сказал Левандовский. — Да и вряд ли они будут спорить.

— Но кое-кто уже сделает свои выводы, — беспокойно заметил Потоцкий, глядя в огонь. Руки его дрожали, а брови были нахмурены. Гетмана мучили мрачные мысли.

— Не скучай без меня, нежная, — Матиуш прижал тонкую руку Анны к губам, затем притянул девушку к себе. — Я тебе что-нибудь хорошенькое из Варшавы привезу. Что хочешь, Ануся? — он говорил с ней ласково, даже как-то слишком по-доброму, будто снова видел перед собой ребёнка, он действительно зачастую попросту забывал, что Анна уже личность, пусть и не такая умная, как он.

— Чтобы вы вернулись скорее, — девушка робко обняла его. — Пожалуйста... — она бы не посмела просить чего-то ещё.

— Моя хорошая девочка, — Вишнивецкий ласково погладил её по щеке. — Всё будет в порядке.

— Едем, пан, — послышалось со стороны кареты. Пан как-то слишком легко выпустил девушку из объятий и пошёл к экипажу.

— Я буду очень скучать, — Матиуш сел на мягкие сиденья и помахал служанке рукой. Та присела в покорном реверансе: пропасть между ними всё же была достаточно велика. Карета медленно тронулась, оставляя Грохов и поместье позади. Анна смахнула не пойми почему набежавшие слёзы и медленно побрела назад к дому. Да, бесспорно, она влюбилась, влюбилась непринуждённо, но подружки говорили совсем не об этом. Ей казалось, что набежавшее чувство было лишь игрой разума, не более, и она в чём-то врёт Вишнивецкому. Но, может, всё было не так ужасно?

— Шла бы ты куда-нибудь... Хоть к крёстной своей, — заметила вышедшая на порог Злата, бросила взгляд на заколку, блестящую в волосах девушки. — И мой тебе совет: пока пана нету, сиди дома. Про тебя уже ходит достаточно сплетен. Люди у нас добрые, но как бес возьмёт — греха не оберёшься. Полагаю, ксёндз наш уже всё знает, придёт к тебе поучать. Поостереглась бы, он у нас строгий. Да и вообще поостереглась бы.

— Я лучше к матери пойду, одна она. Проверю, как она там, — Анна завязала на голове платок. — справишься без меня? Точно?

— Точно, — усмехнулась та. — О себе бы думала, всё о других заботишься.

— А что мне о себе думать, коли хорошо всё? Ем сытно, вниманием не обижена, грех теперь о помощи окружающим не помышлять, — просто ответила девушка. — А ксёндз меня поймёт, он сам говорил ведь, мол, Христос сказал любить друг друга, — задумчиво добавила она.

— Пан бы сам с ними разобрался. Он тобой дорожит, этого не отнимешь, долго будет играть. И да, Витковский имел в виду совсем не то, что имеешь ты, — Судовская покачала головой, но ободряюще улыбнулась. — Иди уж.

Девушка покинула поместье и бодро зашагала по широкой проселочной дороге к деревне. Мимо церкви она прошла с опаской, но в селении вновь почувствовала себя хорошо.

Их с матерью старенький, уже покосившийся домик с пустым, заросшим сорной травой садом стоял на окраине, невольно сжимаясь на фоне новых изб других крестьян. Анна легонько толкнула висящую на одной петле калитку и прошла по узенькой дорожке к двери. Та вдруг со скрипом отворилась, и в проходе показалась пани Августина, мать девушки.

— Давно не была, — они зашли в дом, Августина тут же засуетилась, налила в блюдце пахнущий ромашкой чай. — Работы много?

— Да, матушка, — Анна поставила на стол хлеб.

— А что пан? — женщина зябко укуталась в платок. — Хороший? Старый был самодур.

— Пан... — девушка замялась и опустила взгляд, сказать, что было, она стеснялась. —

Пан...

— На тебя глаз положил, — Августина тяжело вздохнула, но ничуть не рассердилась. —

Он был с тобой?

— Да, — Анна покраснела от таких подробностей.

— Такова доля служанки в господском доме, — женщина философски пожала плечами. — Не беда, не беда. Он ласков с тобой в том смысле?

— Да, пан добрый, — девушка заулыбалась. — Он меня грамоте учит. Заколку подарил.

Пан очень, очень хороший.

— Добро, — крестьянка чуть улыбнулась. — Только детей его не носи, не примет от хлопки. К бабке Янине поди, коль что. Ну сама понимаешь.

— Матушка, да как же? Ну, я ведь не могу это сделать, не сказав ему. А сказать стыдно, мало ли что он подумает, — Анна сняла заколку и прижала к груди. — Да и люб он мне, что уж греха таить.

— Дура девка! — строго сказала Августина. — Не нужно ему об этом говорить. У вас и быть ничего не может. Есть ты, хлопка безродная, Анна Костюшко, а есть он, ясновельможный князь Вишнинецкий. Нет Матиуша, есть пан. Он тебе объедки с барского стола кидает, как собаке какой, а ты и польстилась. Дети бывают только если семья есть, а у вас её никогда не будет. Анна, Анна, семнадцать лет живёшь на свете, а никак не поймёшь: нет такой любви между людьми. Любовь есть к Господу, детям и родителям. Люди друг с другом живут по привычке, из надобности. Я с твоим отцом так жила, моя мать так жила и ты будешь. Не умеют крестьяне любить. А паны и подавно. Они кланяться умеют, слова вежливые говорить да в танцах своих бесовских упражняться, а любить не могут. Не пара ты ему, как и он тебе. Не люби, дочка. Горя хлебнёшь. Ты ведь к нему, как к человеку, а он-то к тебе нет...

— Матушка... — Анна всхлипнула. — Матушка...

— Поди ко мне, — женщина обняла дочь. — Ну не плачь, не плачь. Полно.

***

Карета с гербом Вишнинецких остановилась у богатого варшавского особняка. Дверцы отворились, и из экипажа чинно вылез Матиуш. Оправил камзол, прическу, поднялся по массивным каменным ступеням. Дверь дома отворилась, пропуская его внутрь.

— Матиуш, друг, ты быстро! — по лестнице сбежал высокий светловолосый человек и заключил князя в крепкие объятия.

— Вацлав, задушишь, — Вишнинецкий улыбнулся. — И откуда в тебе столько силы?

— Не знаю, — пожал плечами Левандовский, при этом сильно покривив душой. — Якуб, накрывай обед.

— На двоих, мопанку? — осведомился слуга.

— На одного, я не голоден, — отозвался Вацлав. — Ну-с, поешь, и сразу к делу. И тебе явно есть что рассказать.

— Откуда ты всё вот так вот знаешь? Я ведь ничего не писал про это, — Матиуш внимательно посмотрел на друга.

— Вся Варшава наслышана о моей проницательности, — отшутился тот. — Идём.

***

Максимилиан фон Штраус прибыл в Польшу немного раньше, чем задумал изначально,

но дело у него было неотложное, да и шпионы донесли слухи крайне важные и недобрые. Вацлав опять. Нет, конечно, Максимилиан признавал все его таланты, но чего ему стоило поубавить, так это гордыню. Он был крайне недоволен таким мальчишеским поступком столь старого вампира.

Штраус вздохнул и прикрыл глаза, чувствуя, как ветер с реки приносит с собой желанную варшавянам прохладу. Всё вокруг было так мирно и спокойно, так лениво, что Максимилиану даже стало жаль город — теперь он оказался под большой угрозой.

Станислав Мнишек-Вранич был неплохо известен в кругах прусской и немецкой знати. Более того, Максимилиан лично выяснил, какой козырь припас этот страшный вампир у себя в рукаве. Стригоев. Да, эти существа, обитавшие южнее Речи Посполитой, представляли огромную опасность и могли стать весомой силой, мощным рычагом. В том вопрос, что Станиславу хватало ума покуда их не использовать.

Максимилиан жил так давно, что мог предсказать войну, лишь с несколько минут послушав разговор двух враждующих сторон. По голосу, по движениям рук, по выражению лиц, по рвущимся мыслям можно было с лёгкостью сказать, возьмутся ли люди за оружие. А с вампирами всё было и того проще.

Мнишек пока не перешёл ту грань, что давала повод готовиться к бою.

Но он ступал по настолько скользкой тропе, что Штраус с мгновения на мгновение ожидал бури.

Глава шестая

— Ну-с, как там твоя деревня? — Вацлав стоял у горящего камина и смотрел в огонь, скрестив слишком бледные даже для аристократа руки за идеально прямой спиной.

— Я построил ещё школы, представляешь, решил, что тех двух было маловато, — улыбнулся Матиуш, устраиваясь поудобнее в мягком кремовом кресле. — Хлопи не слишком хотят учить своих детей, но несколько человек всё же пришли.

— Ещё школы? Матиуш, думаешь, они всё же пустят своих детей учиться? Хлопи? Те, что пришли, наверняка сироты, — Левандовский обернулся и посмотрел прямо на друга. В его зелёных глазах плясали искорки смеха.

— А... что ж они, не люди? — Вишницецкого неожиданно даже для самого себя оскорбило такое пренебрежительное отношение собеседника к крестьянам.

— Как ты заговорил... — Вацлав немного насмешливо улыбнулся и, прищурившись, посмотрел в карие глаза друга. — Что же ты такого читал? Раньше это не оказывало на тебя такого влияния, Матиуш.

— Читал? — не понял тот. — Что я мог читать?

— Ах вот оно что... — Левандовский состроил понимающее лицо.

— Не начинай, — Матиуш недовольно тряхнул головой и чертыхнулся, заправляя выбившуюся прядь чёрных волос за ухо.

— Влюбился? — с явным интересом уточнил Вацлав, вообще не слушая, что ему говорят.

— Да не сказать чтобы влюбился... Я... Я не знаю, — Вишницецкий чуть покраснел, сплёл пальцы тонких рук между собой и отвёл взгляд, толком и не зная, что добавить. — Но это не любовь, правда. Рядом не стояло, что уж.

— Хорошенькая, видно, хлопка тебе приглянулась, — с видом знатока заключил Левандовский. — Однако ты эксцентрик, друг мой. Я, конечно, слышал о нынешней моде и знаком с твоими поступками, но не настолько же ты спятил.

— Её зовут Анна, — Матиуш на мгновение чуть улыбнулся уголками тонких бледноватых губ.

— Какой роман! Какой роман! — Левандовский слегка ухмыльнулся, отчего его родинка над верхним уголком левой губы съехала немного вниз. Когда Вацлав улыбался так, Матиушу становилось отнюдь не по себе.

— Так ты женишься на ней? — с живостью продолжал свой допрос Левандовский. — Выпросишь у короля титул для неё? Похвально, похвально.

— Я не знаю. Про женитьбу уж точно, это абсурдно звучит — покачал головой Вишницецкий. — Вацлав, ради Бога, зачем ты поднял эту тему?

— Потому что ты сумасшедший, — издевательски спокойно ответил тот. — Сумасшедший. Могу по буквам продиктовать, если хочешь. Что ты скажешь тётке? Елене, по сей день ведь ругаетесь? Впрочем, бог с ней, вы ведь расстались, и славно. Как ты объяснишь свою очередную прихоть обществу? Про тебя и так ходят слухи, Матиуш. Твоё решение крутить официальный роман с этой... как её... Анной — это безумие. Выйдет потрясающий скандал. Только представь, о чём будут судачить во всех салонах Варшавы и Кракова: ясновельможный князь Вишницецкий, считай, у всех на виду развлекается, уж прости за выражение, с хлопкой. Право, я читал твоё последнее письмо. «Научу», — писал мне ты.

Научишь? Танцам, французскому, этикету? Оденешь в платье и нацепишь дорогие украшения? На балы поведёшь? Матиуш Камил Вишнивецкий, ты в своём уме? Ладно ты, ты у нас привычный и гордый, весь такой независимый, ладно, но ты о ней подумал? Девушка ничего такого не видела и не знала, а тут ты хочешь везде таскать её с собой, как комнатную собачку! Матиуш, пожалей эту несчастную, не позорь её. Зная твою тягу к работе, я готов утверждать, что ты только хуже сделаешь. Несколько вечеров — это не учёба.

— Вацлав, замолчи, — неожиданно резко ответил Матиуш. — И даже не смей говорить о наших отношениях в таких выражениях и таким тоном. Я понимаю твоё беспокойство, но будь добр уяснить, что это моё дело.

— Извини, я погорячился, — несколько пристыженно признал Вацлав, чуть склонив голову, отчего светлые волнистые волосы упали на его точёное изящное лицо. Он отчасти играл, но, в сущности, сейчас оно того стоило.

— Она дорога мне, и я попросил бы никоим образом не оскорблять её и её честь, — голос Вишнивецкого стал теплее, однако он всё ещё злился на друга. Или же на себя?

— А знаешь, что, — Вацлав вдруг широко улыбнулся и потёр руки. — Привози её сюда, ко мне. Познакомлюсь с девушкой, которая так тебя очаровала. Не почтёшь за труд, правда?

— Если она захочет. Вацлав, Ануся не вещь, — отчеканил Матиуш. — Попрошу это впредь запомнить.

— Ну конечно же, — Левандовский тепло улыбнулся и тут же перевёл разговор в другое русло: — А как там твои химические изыскания?

— О, совершенно прекрасно, — Вишнивецкий тут же просиял, будучи только рад сменить тему. — Конечно, я совершенно не говорил со своими бывшими учителями, но я продолжал читать те книги, что ты мне дал, даже что-то пытался повторить сам... Пока чуть не сжёг половину старого амбара. Теперь только в теории тружусь, во избежание, так сказать. Мне бы настоящее место для опытов, мне бы таких же сведущих друзей, жаль, что ты предпочёл естественным наукам политику и философию.

— Ну, что теперь поделать, — усмехнулся Вацлав. — Я попробую что-нибудь придумать, сдаётся мне, из тебя выйдет отличный первооткрыватель, ты талантлив, друг мой.

Они долго ещё говорили о науке и прочих подобных делах, но Матиуша всё ещё не оставляли мысли про Анну и её положение — слова Левандовского заделали его.

— Вот возвращаясь к крестьянам, — как-то невпопад вдруг сказал он, когда они ненароком коснулись в своих речах Просвещения, словно его мучила совесть, а слова грызли изнутри, пытаюсь вырваться наружу. — Я не считаю Анну вещью.

— А разве то, что ты был с ней, только потому что сам захотел, не испросив её, не значит обратное? — серьёзно спросил Вацлав, внимательно глядя на него. Матиуш не нашёлся, что ему ответить, он об этом вообще не задумывался, и снова ушёл от темы, а потом и вовсе, сославшись на дурное самочувствие, поднялся в комнаты. Левандовский остался один.

О, он никому не уступал в остроумии, он с лёгкостью обличал чужие пороки и ошибки и теперь совершенно точно не мог смолчать, ведь Матиуш был ему особенно дорог. Левандовский был знаком с разными людьми, он знал несколько девушек вроде Анны, и ему было действительно жаль, что Вишнивецкий, поддавшись новомодным веяниям, но не пожелав в них толком разобраться, тут же стал проверять всё на несчастной, ничего не понимающей крестьянке, стал обманывать её, говоря одно, но делая совсем другое, и самое

страшное было то, что Матиуш этого не замечал, считая, что поступает так, как и нужно. Вацлав толком даже не знал, что из этого хуже: его беспечность или его желание насолить всем и вся подобными опытами. Но для бедной девушки это было одинаково мерзко, а потому Левандовский твёрдо решил, что заставит друга привезти её сюда, а дальше уж он придумает, как быть. Да и самого Вишнивецкого не стоило теперь отпускать: Вацлав задумался о том, что если слегка перевоспитать его, направить его энтузиазм в более верное русло, то можно получить человека поистине стоящего. И ещё более стоящего вампира.

***

Владислав Дракула, по прозвищу Цепеш, не любил ждать.

Он назначил эту встречу задолго до рокового вечера, когда граф Левандовский отказал бастарду Мнишеку, и теперь был совершенно недоволен тем, что вторая сторона бессовестно опаздывала.

— Дядя, этот человек вообще собирается сегодня явиться, или я зря надела своё новое платье? — к нему скользнула Эржебет и усмехнулась. — Не то чтобы мне это так важно, я уже была замужем и больше не хочу, пожалуй, но покрасоваться лишний раз перед твоим гостем я не прочь. Балканская знать много потеряла, отказавшись поддержать меня и спасти от Турзо.

— А если бы поддержала? — ухмыльнулся Дракула. — Бет, не рисуйся, прошу, тебе...

— Сорок два, я помню. Моя сущность меня слегка омолодила, но я и раньше была хороша, — гордо и даже немного кокетливо отозвалась Батори. — И всё же. Если бы поддержала, я бы была не прочь выбрать себе из числа прекрасного... — она опустила взгляд и улыбнулась несколько жеманно, но удовлетворённо и хитро, так, что Влад ясно понял, кого она едва не назвала.

— Ну, уж если говорить о принцах, то этот бы тебе вряд ли подошёл, хотя... Попробовать стоило бы. К счастью, он был слишком занят тем, что заливал своё горе по Невене, так что не судьба, — расхохотался Дракула, и Эржебет обиженно замахнулась на него веером.

— Он вообще-то очень хорош, вот так и знай! — фыркнула она. — Может, и подошёл бы. Мы оба пожившие взрослые люди, почему нет? Он мне нравится, он хорош собой, он умён... Что нам может помешать?

— Потому что ты сейчас говоришь совершенно несерьёзно и вообще готова решиться на это полнейшей скуки и пресыщенности всем, а Да... — но стук в дверь перебил Влада.

— Войдите, — довольно раздражённо произнёс он, скривив бледные губы. В своё время он бы на кол посадил наглеца, но теперь у него подобной возможности не было.

— Господин не смог прибыть лично, но послал меня. Каслав Новак, — в кабинете возник высокий стригой вполне приятной наружности и чуть поклонился. — Прошу простить за опоздание, остаток пути мне пришлось провести в виде птицы, а погода была на редкость нелётная.

— Что ж, впредь выбирайте другие пути, — с нажимом сказал Владислав. — Итак, раз господин не может прибыть лично, то, полагаю, вы обладаете правом подписывать соглашения за него.

— Конечно, — Каслав снова поклонился. — Я больше, чем просто посол.

— Бан Славонии, — протянула Батори, и её губы медленно расплылись в странной полубезумной улыбке. — Надо же, как он ненавидит этот титул.

— Это право господина, и не мне его судить, — коротко отозвался Новак. — Так в чём

закключается ваше предложение?

— Взамен тех невинных девушек, что будут отданы в качестве кровавой дани, и фиала моей крови я прошу твоего господина год не вести с польским вампиром, по имени Мнишек-Вранич, никаких дел. То же касается и всех, кого он пошлёт, — Владислав говорил так, что спорить с ним было трудно, да и Каслав этого не желал. Его предупреждали, что дело может принять такой исход.

— Пусть так, мы принимаем ваше предложение, — он сдержанно улыбнулся. — Господин ждёт вас и племянницу к себе, раз уж мы с вами так удачно договорились.

Глава седьмая

Матиуш лежал на кровати и бесцельно смотрел в потолок. Сон совершенно не шёл, головная боль улеглась, но вставать теперь смысла не было. Слова Вацлава заставили его задуматься над тем, что он уже успел сделать, и ввели его в самое настоящее смятение. Он не осознавал, что воспользовался девушкой без её согласия, ведь до того при всём своём хорошем отношении считал крестьян своей полной собственностью. Девушка вряд ли заслуживала такого отношения, он и понятия не имел, что она чувствовала. Скорее всего, её научили подчиняться мужу, пану, но это было так жестоко. Он не хотел становиться для неё таким. Он хотел скорее быть для неё чем-то хорошим, хотел сделать её счастливой. В конце концов, она была этого достойна.

Кое-какие дела у него всё ещё оставались. Безусловно, не политического характера, Матиуш предпочитал туда не соваться. Надо было обсудить некоторые траты, касавшиеся поместья и крестьян, да встретиться наконец с ещё одним старым другом. Конечно, стоило заглянуть и в варшавский особняк, но Матиушу этого совершенно не хотелось — он толком не любил этот дом и боялся оставаться там один, словно ему было девять, а вовсе не двадцать шесть лет. Ему казалось, что портреты, коих было ужасно много, в полумраке комнат и коридоров движутся незаметными тенями, словно призраки. Матиуш, при всех своих учёности и атеизме, верил в то, что души умерших могут возвращаться в дом, где они раньше жили, и боялся их. Страх этот был настолько звериным и сильным, что всякий раз, приезжая в Варшаву, он оставался у Вацлава, и тот ни разу ему не отказал, прекрасно понимая причины.

Быть может, бесстрашный Вацлав и сам чего-то остерегался?

Матиуш этого не знал и друга о том никогда не спрашивал, боясь обидеть, а Вацлав ему не рассказывал ничего такого.

А вот второй его друг был и того скрытнее.

С Фабианом Концепольским они познакомились совершенно нечаянно: князь спросил у него, который час, они разговорились, одним словом, подружились. И Матиушу нужно было испросить и его совета: если Вацлав, вроде как, не любил никого и о дамах почти не говорил, то Фабиан был не прочь поделиться опытом и просто это обсудить без всяческих поучений со своей стороны.

Третья встреча его радовала более всего: один из его знакомых масонов устраивал небольшую встречу, посвящённую их общему делу, и Матиушу не терпелось побывать на неё, дабы похвастаться своими достижениями и быть достойным своего окружения. Он гордился тем, что сделал, он надеялся вскорости представить им и Анну как венец творения.

И вот только теперь его наконец сновал сон, разом спрятавший все сомнения и притушивший чувства. В конце концов, нельзя же бесконечно гадать, что принесёт завтрашний день.

***

Анна сидела на берегу реки и мечтала. Ей безумно хотелось оказаться в объятиях Матиуша. Матиуш... добрый, ласковый, понимающий. Девушка видела, с какими восхищением и нежностью он смотрел на неё утром, касаясь кончиками изящных пальцев её бледного лица, как улыбался, когда гладил её по плечу тогда, в первую ночь. Анна скучала по нему. Ей хотелось вечером незаметно прийти к нему в спальню, лечь рядом, поцеловать.

Ей хотелось проснуться утром в его объятиях и никуда не идти. Ей просто хотелось быть счастливой с ним и ни с кем больше. А Матиуш мог это дать. Он ведь заботился о ней, дарил красивые вещи, ухаживал, пусть и по-своему, но ухаживал. Да, он её не любил, но ничего толком страшного в этом не было. Если всё так и будет, но без высоких чувств, то пусть. Хоть так. Хоть как-то. В душе уже давно поселились сомнения, но Анна чувствовала, что всякую девушку её положения должна постигнуть такая судьба, и если у неё хоть что-то хорошее, что она может дать, то пусть, что же ещё теперь делать?

— Анна! — служанка обернулась на крик. Перед ней стояла запыхавшаяся Зося и вся дрожала. — Анна, пани приехали, шкатулку с семейными драгоценностями потребовали, а заколки, ну что у тебя вот, нету. Она весь дом подняла бы, наверное, ну мне и пришлось сказать, что у тебя.

— Она меня видеть желает? — испуганно уточнила Анна. Старая пани была строгой и злой помещицей, которую боялись все крестьяне Вишницецкого.

— Да, идём скорее. Уж как бы она сердита была, — Зофия явно волновалась. — Идём, ей-Богу, побьёт ведь. Пани очень строгая, не то что пан.

— Христосе... — Анна поднялась. — Матери скажу, и пойдём.

***

Пани Телимена Вишницецкая-Руцевич была властной, уже немолодой женщиной из тех, кого называли нынче «старой шляхтой». Племянник её не понимал и понимать, в общем-то, не хотел, а потому Телимена решила, что доказывать ему что-то бесполезно. Всё-таки Матиуша она любила. В итоге пани Вишницецкая-Руцевич передала воспитаннику огромную усадьбу под Варшавой и со спокойной душой уехала в Краков. Однако и там её настигли сомнительные слухи о любимом родственнике. Пани Телимена повздыхала, поохала, велела собрать вещи на пару недель и поехала навестить нерадивого племянника. В целом, устройство Грохова ей понравилось. Конечно, она не понимала, зачем крестьянским детям ходить в школу, но решила оставить эту деталь без внимания, в конце концов, худого в этом не было, да и слова племянника всякий раз звучали убедительно. А вот кое-что другое она пропустить не могла.

Верная Юзефа написала ей о том, что Матиуш вдруг выбрал себе в качестве развлечения одну из девушек и зачем-то учит её писать, обещает с три короба и вполне возможно, что свои обещания когда-нибудь да выполнит. Словом, всё письмо было исполнено беспокойства за нерадивого «соколика» и доверчивой «голубки». Поначалу Телимена значения этому не придавала, но подумав немного, всё же решила проверить, насколько всё серьёзно, ведь она знала, что если Матиуш чем-то по-настоящему увлечётся, то не отступит. Она считала нужным уберечь его и несчастную девочку от больших ошибок, а потому начала с простого: с украшений. Матиуш, если считал, что в отношениях есть толк, раздаривал всем своим женщинам так любимые покойной Эльжбетой заколки. Телимене они никогда не нравились, она смотрела на подобное сквозь пальцы, пусть, если ему так хочется. Сейчас же ей нужно было проверить, не пропала ли ещё одна, последняя, та, что поддерживала фату сестры — её Матиуш почему-то всё время намеренно откладывал подальше, не желая никому отдавать. Женщина тут же послала за Зосей, та принесла шкатулку, в которой заколки не оказалось, и с четверть часа служанку мягко, но настойчиво допрашивали о судьбе украшения. В конце концов несчастная девушка призналась, что видела такую у судомойки Анны, которая уже не первую ночь проводит в господской спальне. Пани Вишницецкая-Руцевич тяжело вздохнула, покачала головой и велела позвать к ней эту самую

Анну, что Зося и поспешила сделать. Предупредить девочку и напомнить ей о всех грехах милого Матиуша совершенно не мешало: немало доверчивых шляхтянок постигла такая судьба, но все они потом были Телимене благодарны — она уберегла их своими речами от такого большого горя, как интерес её племянника. Служанке бы было подобное ещё тяжелее перенести, и пани считала своим долгом ей это объяснить.

Дверь покоев вдруг отворилась, и она обернулась на стук.

— Здравствуй, — сказала пани Телимена, с неким презрением, пусть и довольно сдержанным, глядя на бедное платье служанки, даже на это он поскупился, прости Господи. — Ты Анна, так?

— Да, пани, — девушка низко поклонилась. — Вы хотели меня видеть?

— Верно, — женщина сжала подлокотники кресла. — Мне донесли, что мой племянник уже немало ночей провёл с тобой. Ещё я знаю, что он задался целью сделать тебя равной себе. Это правда?

— Да, пани, — внутри Анны всё похолодело. Она прекрасно понимала, что такие разговоры ничем хорошим не кончаются.

— Добро, — пани усмехнулась. — Чем же ты его так привлекла, что он подарил тебе фамильную драгоценность, которую носила его мать во время свадебной церемонии? Ты не бойся, отвечай по чести, я совершенно не сержусь.

— Я... Я н-не знаю... — девушка судорожно вытатила из волос заколку и положила на секретер. — Вот, возьмите.

— Оставь себе, девочка, я не имею намерения препятствовать милым развлечениям Матиуша. Молодое дело, пусть гуляет, — Вишнивецкая-Руцевич снисходительно, даже тепло улыбнулась. — Но не мни себя шляхтянкой, девочка. Скорее так, не мечтай об этом, не думай, что это возможно. То, что мой племянник с тобой постель делит, ничего не значит... К сожалению. У него вас таких полная деревня и два города ясновельможных. Он на тебе никогда не женится и никогда не примет твоих детей. Добром говорю, не худом, могла бы ты ему хорошей женой быть, вот тебе крест, уж получше всяких Елен да прочих его любовниц, что уж греха таить, да только родились вы в разных по достатку домах, и он, милая моя, тебе не ровня. Не губи себя, погуляете да разойдётесь каждый по своим заботам. Мир так устроен, девочка. Сама я много кого любила, но замуж пошла, за кого надо. Слушай, пока по-хорошему говорю. Я ведь знаю его, сама его воспитала, сама же и избаловала, он тобой повеселится, а потом это пройдёт, и ты останешься одна, больно тебе будет. Не люби, девочка, любовь многим горе принесла. Во всяком случае, та любовь, что движет тобой сейчас. Был у меня добрый муж, мы друг друга уважали, он стал мне защитой и опорой, я стала ему советником в его делах и ласковой подругой. Не было у нас страсти, не было пыла, но мы чувствовали, что счастливы так. С Матиушем же такого не будет, он не тот человек, он совершенно иного, безумного строя. Нам с тобой за ним не угнаться. Знаешь, милая моя, такие не женятся...

— Д-да, пани, — Анна стояла, опустив голову, сглатывала слёзы.

— Иди, — кивнула Телимена. — И заколку свою не забудь. Да не плачь, не плачь, ты и сама всё хорошо понимаешь, девочка, — она поднялась и мягко обняла её. — Знаешь, может, и хотела бы я быть неправа в своих опасениях, да только редко такое случается. Ну всё, всё, не грусти. Всякое случается. Не хочу тебе надежды давать, но и впрямь всё может быть.

— А что плохого-то... в надежде? — непонимающе спросила девушка, всхлипнув.

— Ну как что... Надежда — это самое дорогое, что у человека есть, это то, что его на

плаву держит, даже когда всё остальное уже не поможет. Когда и она разбивается, тяжело очень становится, девочка, — мягко объяснила пани Вишнивецкая.

— А можно, я всё-таки немножечко буду? — тихо и задумчиво произнесла Анна.

— Можно, наверное, — улыбнулась пани.

Девушка слабо улыбнулась в ответ.

— Спасибо вам, пани Вишнивецкая, — прошептала она.

— Да было бы за что... — тяжело вздохнула та.

***

— Ты принял приглашение? — Эржебет смотрела в неестественно прямую спину дяди и улыбалась.

— Конечно, иначе бы ты тут совсем с ума сошла от безделья. Бет, вот вроде бы ты взрослая женщина, а последний месяц не можешь занять себя ровным счётом ничем, — Влад усмехнулся, оборачиваясь к ней. — А глаза-то сразу загорелись, хвост распушила... Женщина, вам больше ста или двадцать?

— Женщине всегда столько, насколько она хочет выглядеть и мыслить. Лично мне тридцать пять, — Батори мягко обняла его за плечи.

— В таком случае, Книнскому принцу должно быть под пятьдесят, — фыркнул Дракула.

— Он не женщина, — Эржебет расхохоталась.

— Разумное замечание, — Владислав осторожно обнял племянницу в ответ. — Будешь танцевать с ним весь вечер?

— Если пригласит, — Батори прекрасно знала себе цену.

— Пригласит, куда ж он денется. Поверь мне, он бы нас не позвал в такое время, если бы не симпатия. Я думаю, ты ему тоже нравишься, Бет, — мягко пояснил Владислав. — Ты у меня умница и красавица.

— Благодарю, — та чуть склонила голову, будто бы пряча смущение. — О чём мне стоит с ним поговорить? Может, ты хочешь, чтобы я что-то узнала? Нехорошо пользоваться положением, но что делать. Я уверена, он попытается сделать то же самое.

— Да нет, не надо ничего. Поверь, одного твоего присутствия достаточно, чтобы у Книнского принца всё было на лице написано. Просто танцуйте и говорите друг о друге, с остальным я сам разберусь, — ответил Влад.

— Хорошо, — покладисто кивнула Эржебет.

Глава восьмая

Следующий день за разговорами и встречами протёк быстро, весь вечер Матиуш с Вацлавом проговорили за бокалом хорошего вина. На утро же Вишницецкий отправлялся в гости к Фабиану, затем в ложу, а потом уже домой.

— Милая Ануся ждёт, не так ли? Да и с паном Концепольским тебе встретиться охота, если не ошибаюсь, — усмехнулся Вацлав, хотя и так знал ответ на этот нехитрый вопрос. — А ещё... — он не стал договаривать, но Вишницецкий понимающе кивнул.

— Да, — он поправил камзол и чуть пригладил угольно-чёрные волосы. — Что смогу, напишу, если тебе так интересно. Но вообще вступил бы сам и не мучился.

Левандовский хмыкнул и чуть покачал головой. Его аквамариновые глаза на мгновение стали изумрудными, а взгляд немного хитрым и заинтересованным.

— Не надо так на меня смотреть, — как можно вежливее попросил Вишницецкий, чуть поёжившись. — У меня от такого мурашки по коже. И повторю, если так любопытно узнать, чем мы занимаемся, присоединяйся, ты из тех людей, кого без вопросов примут, иначе бы я не предлагал.

— Ну-ну, — улыбнулся Вацлав. — Куда мне, я уже староват для всех этих игр и метаний. Езжай с богом, — последнюю фразу он произнёс как-то вымученно, кисло улыбнувшись. Его бескровные губы на миг показались ещё бледнее обычного, отчего Матиушу стало ещё неуютнее под взглядом его чёрных, будто поблёскивающих зрачков.

— До свидания. Спасибо за всё, ты и сам понимаешь, как мне всё это важно, — он чуть кивнул, улыбнулся на прощание и сел в карету, тут же отвернувшись к окну, чтобы побороть страх. Взгляд Левандовского определённо мог нечто большее, чем взгляды прочих. Нет, Матиуш вовсе не верил в подобные вещи, но порой его терзали смутные сомнения, а сказки, слушанные в детстве, только подогревали их.

***

— Давненько ты не бывал в наших краях, — Фабиан был одет в самый дорогой из возможных камзолов: тончайшие кружева, изящная золотая вышивка, шёлк, пуговицы из перламутра... Матиуш такой роскоши не понимал, а Концепольский в таком наряде смотрелся попросту смешно.

— Да вот всё занимаюсь поместьем и моими людьми, — беззаботно отвечал Матиуш, едва сдерживая улыбку. — Ну и химией понемногу, тебе стоило бы присоединиться к этому.

— Да по тебе видно. Так утомился, пока с какой-нибудь хорошенькой панно по... — Концепольский хотел было добавить парочку пошлых и попросту неприличных выражений, но Вишницецкий не дал ему этого сделать, неприятно поморщившись.

— Фабиан, манеры. Нельзя так выражаться, — укоризненно сказал он, качая головой. — Ты одет, как истинный человек нашего времени, но выражаешься, как шляхтичи, жившие сто или двести лет назад, так некрасиво поступать.

— Какие мы вежливые, а как Гальшку в коридорах к стенке прижимать, так пожалуйста. Не поучай, я уже понял, что у тебя были лучшие немецкие учителя, вроде Шт... а впрочем, неважно, давай лучше к делу, — Фабиан хитро улыбнулся. — Кого нашёл?

— Девушку одну, — уклончиво ответил Вишницецкий, прекрасно зная, что Концепольскому никогда нельзя рассказывать всех подробностей.

— Опустим пару моих шуток. Я так понимаю, это была не ясновельможная, ты с одной-

то никак не помиришься, — Фабиан вдруг заговорил гладко и приятно, без привычных грубых словечек, а его тон сделался заинтересованным.

— Да, она крестьянка. И я не знаю, что делать. Вот до сегодняшней ночи я и думать не думал, что буду с ней дольше, чем полгода, ну до Рождества, там бы она уже чему-то научилась, и можно было бы ввести её в общество, а теперь вдруг понял, что, может, и буду... Ну просто так, потому что хочу. Я не знаю. Она довольно забавная, с ней нескучно, и в постели она диво как хороша, но это, знаешь ли, не повод жениться или что-то такое делать. Я не люблю, вовсе нет, я даже не влюблён, у меня было много женщин, но вот теперь мне что-то мешает её отпустить, хотя я изначально думал, что мы не сможем быть вместе так уж долго. Путаница какая-то! — Матиуш говорил быстро и как-то беспокойно, будто сам стыдился того, что с ним произошло. — Ну что за странность, что за блажь. Не сказать, что мне нравится вечно жить в этом полусне, полном ласки, это скучно и надоедает. Повторюсь, мне хорошо с Анной, но мне будто нужно что-то ещё, что-то... Будто мне нужно не только физическое удовлетворение, но и духовное. Но с ней... Я, конечно, буду её учить, да, но для этого надо... — он даже удивился собственному совершенно неожиданному выводу. — Надо... из служанок её вывести, я как-то про это сначала не подумал. Вот что мне делать?

— Сложно сказать. Ты, на мой вкус, ужасно избалован, — пожал плечами Концепольский. — Если ты хочешь совета, то я тебе его дам, но в этот раз он будет короткий. Не ври ей. С Еленой и прочими актёрствуй, сколько тебе угодно, они и сами примы, не иначе, это в нашем кругу так же естественно, как людям молиться, а вот ей не ври. Бросишь — брось, да только так и скажи. Оставишь — тоже не гуляй вокруг да около. А в остальном сам разберёшься, ты уже взрослый. И уж если на то пошло... выводы, ты же для этого её взял. Ей-богу, не разочаровывай меня.

— Почему именно так? — удивился Вишнивецкий. — Почему ты сказал именно про ложь, фальшь?

— Потому что она этому умению не научена. Не умеет притворяться, — Фабиан ненадолго замер, словно что-то вспоминая, его пальцы произвольно сжали ножку бокала, а лицо на мгновение исказилось непонятной мукой.

— Не обманывай, просто послушай меня, не надо этого делать, — только и сказал он. Глаза у него были пустые.

***

— Ну-с, что нам расскажет пан Вишнивецкий? — граф Ян Радецкий расхаживал туда-сюда по небольшой гостиной, то и дело отпивая немного вина из красивого хрустального бокала.

— В Грохове и его окрестностях за то время, что мы не виделись, были построены ещё две школы. Несколько особенно способных крестьян я отпустил на заработки в город. Одну из девушек, что служат в моём доме я и вовсе взял к себе, чтобы обучать лично, — гордо ответил Матиуш, высокомерно оглядывая прочих гостей. Он мнил себя воистину тем, кто справился с поставленной задачей.

Послышались смешки и покашливания, дворяне вокруг перешёптывались, поглядывая на Вишнивецкого снисходительно и даже сочувственно. Радецкий же молчал, ухмыляясь и задумчиво постукивая пальцами по каминной полке.

— Нет, это, конечно, похвально, — терпеливо начал он. — Но не то. Понимаете ли, Матиуш, мы здесь не кидаем объедки со стола тем, кому повезло меньше нашего, как это делаете вы. Мы тут действительно пытаемся преобразовать мир целиком, не делая

исключений. Мне странно слышать ваши слова, но вы пока молоды и хватаетесь за каждую идею, вы пока ещё не научились доходить во всём до конца, но это придёт. Не обижайтесь на мои речи, учтите их на будущее. Чему вы уже успели научить ту девушку?

— Она умела читать, теперь ещё и писать, — это Вишнинецкий сказал уже гораздо более сдержанно, пристыженный старшим другом.

— Это, признаться, вовсе не то, о чём я изначально говорил, — покачал головой Ян. — Этого мало, и это не заставляет её изменить образ мышления. Обучить не значит показать, каким образом люди изъясняются беззвучно, обучить — это, считайте, вашу голову поставить ей на плечи. Вы должны приложить все усилия к этому, а не отлынивать и развлекаться, верно, вы с ней не только вечера проводите, — он снова заулыбался, мягко и по-отечески. — Я понимаю, что вы хотите всё и сразу, это вполне естественно, я ни в коем случае вас не осуждаю. Но помните, что наша цель не унижить и поиграться, а наоборот, помочь.

— Да, конечно, — Матиуш не мог выдавить из себя и слова, опозоренный и чувствующий себя виноватым. Но вместе с тем в его голове рождались мысли уже более серьёзные и оформившиеся, мысли не о теле Анны, но о её душе, о её сознании. Пора было прекратить ядовитую негу и заменить слабые и ненужные, наигранные чувства разумом. Начинать надо было уже сейчас.

***

В ночь по мощёным улицам Грохова простучали колёса барской кареты.

Экипаж остановился у самых дверей, Матиуш быстро покинул его и поднялся по серым каменным ступеням к входу. Дверь ему открыла, на удивление, Анна. Она пригляделась, счастливо улыбнулась и смущённо обняла пана.

— Ануся, я скучал, — Вишнинецкий крепко прижал её к себе, целуя в затылок. — Как ты тут жила без меня?

— Матиуш, мне вас очень не хватало, — девушка крепче обняла его, прислушиваясь к биению его сердца. Она хотела верить, что он выполнил своё обещание.

— Мне приятно знать это, дорогая Анна. В следующий раз вместе поедем, могу заверить тебя, — мягко заверил тот, проводя ладонью по её щеке. — Только ты должна мне кое-что пообещать. Думаю, ты и сама понимаешь, что я выбрал тебя не просто так. Я хочу выучить тебя, и ты должна будешь хорошо трудиться, чтобы достигнуть успеха. На таких условиях мы останемся с тобой вместе. Хорошо?

— Я с радостью, родной, — девушка же доверчиво положила голову ему на плечо, счастливо рассмеявшись. Она не слишком понимала, что её ждёт, но вообще-то была на всё согласна, ведь Матиуш сумел расположить её к себе, сумел заслужить её доверие своим обхождением.

— Ну и славно. А теперь я хочу отдохнуть, — всё-таки отказываться от приятных дополнений к своим планам Вишнинецкий не собирался, ему так было вполне удобно и хорошо, и он позволял себе это, пусть и в меру. Впрочем, он уже в который раз забывал о том, как это гнусно было по отношению к Анне.

***

Анна прижалась к пану и осторожно коснулась кончиками пальцев его плеча. Матиуш с улыбкой перехватил её руку и поцеловал, затем вернул обратно. Девушка чуть поёжилась и теснее прижалась к нему всем телом. Эта летняя ночь выдалась прохладной, сквозь открытое окно в покои то и дело пробирался приятный ветерок, раздувавший тонкий тюль.

— Холодно? — Вишнинецкий обеспокоенно поглядел на Анну и потянулся за одеялом. Та лишь отрицательно покачала головой.

— Мне просто не верится, что все это происходит на самом деле, — эхом ответила девушка. — Я счастлива.

— Я тоже, — Матиуш ласково, но больше по-дружески коснулся губами её лба. Его постепенно укрывал сон, но сознание всё ещё гудело от разных мыслей, и он был совсем не прочь, чтобы Анна поговорила с ним ещё, чтобы ненадолго их развеять, а также удовлетворить своё извечное любопытство: днём бы ему стало не до этого, а сейчас в самый раз.

— Матиуш, а где ваши родители? — тем временем тихо и немного робко спросила девушка.

— Умерли, — спокойно ответил князь, едва пожав плечами: в детстве он порой скучал по ним, подолгу стоя у парадного портрета, но со временем это прошло. — Я их не помню совсем, меня воспитывала тётя. Мама была красивая, я по картине знаю. А отец... он мудрый был, добрый, наверное. Я не задумывался над этим, — он просто улыбнулся. — Тётя Телимена редко мне о них рассказывала, если честно.

— Ваша тетя... она хорошая, но очень строгая. Она несчастлива? — как-то задумчиво спросила Анна. Матиуш нахмурился и внимательно посмотрел на неё.

— Да вроде бы её всё устраивает, а что? — уточнил он, понимая, что Телимена наконец изволила их навестить.

— Она говорила со мной, впрочем, очень по-доброму, даже слишком, пожалуй, но она всё время такая беспокойная была, печальная, будто бы очень чего-то боялась, хотя ведь знает, что в её воле приказать меня насмерть забить, — отвечала девушка, медленно рассуждая и пытаясь связать свои мысли воедино. — Ну знаете, бывает такое, когда человек что-то знает, что не знают другие, но не может этого сказать, и тем не менее пытается всех предостеречь. Ну... Ну... То есть он даже может как-то пытаться это объяснить, но в итоге не договаривает, и... — она нахмурилась, пытаясь закончить фразу, но Вишнинецкий мягко остановил её.

— Я тебя понял, — сказал он. — Не обращай внимания, просто я у тётки один, вот она и печётся обо мне, словно насадка. Если она что и сказала тебе чересчур резкого о нас с тобой, то не обижайся, не стоит того. Мы будем вместе, и никто не сможет нас разлучить, пока мы сами того не захотим.

— Да, — Анна закрыла глаза. — Я верна вам, я ваша, — она сказала это настолько покорно, даже раболепно, что Матиушу стало не по себе.

— Я знаю, знаю, — он укрыл её одеялом и обнял. — Я не брошу тебя, я обещаю. Я пока не уверен, могу ли обещать тебе брак или что-то подобное, но я не обойдусь с тобой, как обошлись со Златой, как обходятся с многими девушками твоего положения.

— Я понимаю, что я просто хлопка, — служанка неожиданно подняла голову и пронзительно посмотрела на него своими огромными серо-голубыми глазами. — Но... просто... мне кажется, даже я заслужила право на капельку счастья. Это же совсем немного.

— Верно. Я в этом никогда не сомневался, — Камил провел ладонью по её щеке. — Не говори о себе так пренебрежительно, хорошо? Просто пообещай мне, что не будешь так.

— Хорошо, — девушка закрыла глаза и поудобнее устроилась в его объятиях. — Спокойной ночи, Матиуш.

— Спокойной ночи, Анна, — прошептал в ответ князь.

***

Матиуш осторожно прикрыл дверь и вновь улёгся на кровать. В спальню проникал неяркий солнечный свет, освещавший валявшуюся на полу смятую одежду, письменный стол с разбросанными на нем бумагами и спящую Анусю. Её кудри разметались, длинные, тонкие ресницы едва трепетали во сне, губы чуть припухли от ночных поцелуев, а на щеках играл розоватый румянец. Вишнинецкий улыбнулся и поцеловал её в плечо, уложил на себя.

— Доброе утречко, — Анна сонно захлопала ресничками и вздохнула, просыпаясь от его прикосновений. — Хорошо-то как.

— Доброе утро, — Камилу очень захотелось сжать в объятиях и приласкать такое очаровательное создание, что он, впрочем, и сделал. Ануся взвизгнула от неожиданности и рассмеялась, ощущая, как Вишнинецкий покрывает поцелуями её лицо.

— Мне так нравится, — она счастливо посмотрела на князя и ласково коснулась тонкой ладошкой его щеки.

— И мне. Правда, очень нравится, — Матиуш мягко улыбнулся девушке, сел, как бы обрывая мгновения нежностей, весело произнёс: — У меня есть сюрприз.

Анна с детским любопытством заглянула ему в глаза и часто заморгала. Князь потянулся к серебряному колокольчику, стоявшему на прикроватном столике, и позвонил в него. Буквально через минуту дверь в комнату отворилась, и в покои заглянула немного растрёпанная Зося.

— Принеси подарок для Анны, пожалуйста, — попросил Матиуш. Зося заговорщически улыбнулась, будто знала всё заранее, тут же исчезла и вскоре появилась вновь, неся в руках красивое платье из дорогой ткани. Оно было небесно-голубого цвета, манжеты и воротник были выполнены из очень тонкого и невозможно красивого белоснежного кружева, а подол был расшит серебряными нитями.

— Нравится? — счастливо спросил Матиуш, наблюдая за реакцией девушки. Та заворожённо разглядывала платье и широко улыбалась.

— Зося, оставь нас, — Саровская поклонилась, подмигнула Анне, оставила платье на стуле и выскочила за дверь. Анна же оторвалась от созерцания наряда и крепко-крепко обняла Матиуша.

— Спасибо вам, спасибо, — она беспорядочно целовала его губы. — Оно такое красивое.

— Я рад, что тебе пришлось по душе, — Вишнинецкий осторожно отстранил её. — Давай помогу одеться.

Анна с интересом разглядывала себя в зеркале, касаясь складок наряда. Матиуш колдовал над её волосами, затем убрал руки, достал что-то из ящичка и застегнул у Анны на шею тонкую золотую цепочку с небольшим сапфиром.

— Ты самая красивая на свете, — ласково и ободряюще сказал он, с удовольствием отмечая, как девушка благоговейно гладит украшение. — Идём?

***

В огромной гостиной в багряно-красных тонах горели канделябры. Высокий черноволосый мужчина стоял у камина, держа руки за спиной и глядя в огонь. В креслах, расставленных в полукруг, сидели двое: один в очках с золотой оправой, а второй в рясе ксёндза. Близ них устроилась красивая женщина средних лет, одетая в венгерские одежды. Все они будто застыли во времени, вечные и прекрасные, чего-то ожидая.

По коридору раздались тихие шаги, дверь отворилась, и в комнату появились ещё гости

— то были Вацлав и Велислав.

— Приветствую, — мужчина обернулся. — Как дорога?

— Добрый вечер, Влад. Вполне приемлемо. Пан Анджей, пани Эржебет, моё почтение, — Вацлав чуть склонил голову. — Рад здесь всех вас видеть.

— Благодарю, что прибыли по моей просьбе, — добавил Потоцкий, пожимая руки Владу и Анджею, целуя пальцы Эржебет. — Вацлав уже поведал, зачем мы все здесь?

— В определённой мере, — Батори поднялась и подошла к Дракуле. — Мы с дядей были в подобной ситуации. Что скажет пан Лович?

— Ты замыслил интересное дело, Вацлав. Если этот самый Матиуш так полезен, как ты говоришь, то в рядах вампиров ожидается неплохое прибавление. Но если дела обстоят иначе, то решение принять не так-то просто. Всем нам ты друг и себе в друзья выбираешь достойных людей, но дать бессмертие — это не на брудершафт выпить, сам понимаешь, — ксёндз говорил размеренно и мягко, но спорить с ним было сложно.

— Понимаю, — Левандовский вздохнул, взял со стола бокал с кровью. — Но я готов за него поручиться. При нужном воздействии с нашей стороны он может быть просто кладезью.

— Допустим. Но что тебя подтолкнуло к этому решению? — Влад не мигая смотрел на него и как-то странно улыбался. — А?

— Что ж, дело в том, что Матиуш поведал мне о своём новом романе. Не с ясновельможной, — Вацлав выдержал должную паузу. — Я давно заметил его рвение к наукам, к идеалам Просвещения, и пусть это пока не слишком походит на то, на что должно, этот роман лишь подтвердил мои наблюдения. Он станет её учить. Пока он этого толком не сделал, но он станет. Я уверен в этом.

— Учить? Долго ли? — Дракула едва не расхохотался. — А ты уверен, что это не очередная блажь богатого паныча? Много у нас таких, много таких я знаю лично, да и Просвещение покуда не вызывает у меня доверия, я не представляю, что оно принесёт этому миру.

— Уверен, — Вацлав прервал его, оскалился. — Он повезёт её в Варшаву, а там уж я найду подход. К ним обоим. Что я, не знаю, как это делается?

— Зачем тебе так нужно, чтобы Матиуш достиг нашего уровня осознания мира и стал бессмертным? — вдруг спросил Потоцкий.

— Он талантлив в химии, он ещё пригодится этому миру, — отозвался Левандовский. — Верьте мне. Я не знаю, как вам толком это объяснить, но чувствуется мне, что скоро грядёт что-то, где он сумеет нам очень сильно помочь. Разве это не стоит того, чтобы дать ему вечную жизнь?

Глава девятая

Матиуш подал Анне руку и чинно вывел из комнаты, чуть улыбаясь. Они медленно прошли по широкому коридору, освещённому ярким солнцем. На стенах по обе стороны от пары висели многочисленные картины, изображавшие всех, принадлежавших к роду Вишницецких. Меж них висел и портрет Матиуша. Там ему было едва за двадцать, он счастливо улыбался, втиснутый в новенький камзол, сжимая в пальцах какой-то бесполезный свиток. Анна задержалась взглядом на его лице и протянула руку к искусно написанному полотну, но коснуться его так и не решилась.

— Тут очень красиво, — заметила она, поворачиваясь к князю.

— Рад, что тебе нравится, — тот говорил сдержанно, всё больше Анне его голос напоминал тон отца или старшего брата. — Быть может, я и твой портрет закажу, почему бы нет?

— Смущаете, — девушка прильнула к нему и поцеловала. Рыжая прядь выбилась из тщательно уложенной косы, и Матиуш заботливо заправил её за ухо. Девушка чуть покраснела и положила голову ему на грудь. Князь улыбнулся, обнимая её за плечи. Он решил, что постарается быть ей наставником и другом, а остальное пусть пойдёт так, как пойдёт. Пора было выводить Анну из статуса просто любовницы.

***

Матиуш крепче сжал руку служанки и ступил в столовую. Пани Вишницецкая-Руцевич уже сидела за столом и чинно ожидала племянника. Она, завидев его, поднялась, шурша необъятными юбками своего красного парчового платья. Камил подбежал к ней и крепко обнял.

— Тётушка, я рад вам, — Вишницецкий улыбался, глядя в серые глаза Телимены. — Вы давненько не приезжали. Как ваше здоровье?

— Всё в порядке, всё хорошо, — женщина погладила его по голове. — Дал Бог, жива пока. А вот про тебя ходят странные слухи, милый племянник, — она тепло улыбнулась. — Не успокойсь никак, соколик. Чего людей зазря мучаешь, много ли им толку?

— Мы уже говорили об этом, тётя, — голос Матиуша сделался капризным и немного резким. — Это моя деревня и мои крестьяне. Дозвольте мне самому решать, что мне с ними делать.

— Полно, не обижайся на старуху, — от таких слов пани слегка стусевалась, в который раз не решаясь спорить. — Пусть так, пусть так, дело молодое. Не бойся меня, Анна, я не сержусь, что уж теперь, девочка.

— Верно, — кивнул Вишницецкий. — Ануся, проходи, садись рядом. Не стесняйся.

Анна скромно ступила на отполированные плиты столовой и скользнула к Матиушу, робко сядя на пододвинутый им стул. Она чувствовала себя неуютно в столь, как ей казалось, торжественной и панской обстановке. Девушке было неловко признаться, что ела она руками и из простых тарелок да чашек, а питаться привыкла самым простым. Ей непонятно было, зачем на столе такая красивая белоснежная скатерть, пять или шесть серебряных и эмалированных вилок, несколько позолоченных ножей и хрустальные бокалы. Яства, приготовленные им на завтрак, поражали её, Анна и понятия не имела, какие они на вкус. Ей было удивительно всё в этой комнате, ведь до того она могла лишь едва прикоснуться ко всему этому великолепию, а теперь сама ненароком стала его частью.

— Что ты хочешь? — спросил Матиуш, мягко глядя на неё. Анна вновь обвела взглядом представленную пищу и опустила глаза. Вишницецкий осторожно погладил её по руке и положил немного мяса ей на тарелку.

— Спасибо, — девушка задумчиво посмотрела на представленные вилки, и Матиуш осторожно пододвинул ей нужный прибор. Пани Телимена наблюдал за этим с почти что рассеянной улыбкой.

— Хорошо бы, если бы ты хоть раз серьёзно к делу отнёсся, — заметила она, тоже приступая к еде. — Жаль будет, если всё выйдет, как всегда у тебя выходит.

— Тётя, не начинайте, я же вас переспорю, — шутливо предупредил Вишницецкий.

— Вот видишь, Анна, как он ко мне относится, никакого почтения, — Телимена рассмеялась. — Ну ешь, голодной ведь останешься, — она внимательно посмотрела на племянника, затем добавила: — А потом пройдемся с тобой по саду, познакомимся хоть поближе, поговорим там о своём, о девичьем, — она намеренно произнесла это слово громче прочих, чтобы Матиуш даже не вздумал подслушивать. — Хорошо?

— Да, конечно, — Анна совершенно смутилась, но отказаться не могла и не хотела. — Вы ведь позволите, Матиуш?

— Позволю, — Вишницецкий благодарно кивнул тёте, ему было важно её понимание. — Ну что ж, приятного всем аппетита.

***

— Странно, что ты ничего им не сказал о соглашении, — Эржебет смотрела на дядю смешливо, но не дерзко, прекрасно понимая, что он сейчас не слишком доволен происходящим вокруг, и не желая его злить.

— А какое их дело? Страна моя, люди тоже, а с Книнским принцем им никогда не договориться. Знаешь, Балканы — дело деликатное, — Дракула немного расслабился — тон любимой племянницы тому поспособствовал.

— Знаю, к тебе непросто подступиться, — Батори расхохоталась, но добродушно, и прозвучали её слова скорее в шутку, нежели на полном серьёзе, хотя сама она имела в виду именно второе.

— Ну, ты мне не жена, это определённо делает твою жизнь легче. Собственно, дело в том, что... не доверяю я польской знати. Они такие... так на людей похожи, что сил моих нет. Я-то от всего человеческого отгораживаюсь, разве что для развлечения что-то себе беру, не больше, а они, как примут становление, так и живут, будто ничего не случилось. И ладно бы так, дело не моё, но я боюсь, что они могут себя повести так же: бездумно, резко, на поводу у чувств, а бессмертие для того и нужно, чтобы этого не делать. Да и Книнский принц вряд ли будет рад увидеть своих врагов, уж коли на то пошло. Они определённо захотят встречи, а она здесь совсем ни к чему, милая племянница. Ты понимаешь меня? — Влад поднял на неё спокойные чёрные глаза и чуть приподнял бровь в некоем ожидании.

— Да, дядя, — Эржебет всегда была умной женщиной и хорошо знала, почему он так боится чувствовать. — Я теперь тоже вижу твои мотивы. Всё верно, всё очень верно и предусмотрительно.

— Хорошо, если так, но что-то меня тревожит, — Влад вздохнул. — Что-то... Не знаю что. Есть смутные догадки, страхи. Не знаю.

— Мне почему-то кажется, что в этот час нам стоит остерегаться Книнского принца, — как-то печально бросила Эржебет. — И мы просто обязаны прибыть к нему на бал. Теперь.

Однако лицо её было совершенно спокойно.

Глава десятая

— Да погоди ты, я за тобой не успеваю, — Телимена тяжело вздохнула и остановилась. — Вот сразу видно рабочего человека. Матиуш тебе, верно, не объяснял, но люди в нашем кругу ходят медленно, как я, например. Торопиться некуда, знаешь ли.

— Простите, — Анна тут же вернулась обратно к ней. — Я постараюсь.

— Да ничего, откуда ж тебе было знать. Бедная, он тебя чуть не опозорил. Ничему не научил, решил, сама сообразишь, а так не бывает. Сам-то вовсе не без подсказок разобрался, а шляхтич, — Вишницецкая улыбнулась и оперлась на руку девушки. — Удивительно, что догадался хоть одеть по-человечески.

— Вам тоже нравится? Мне очень, такое платье красивое, — та благоговейно коснулась оборки.

— Красивое. Тебе идёт очень, вообще лёгкие и светлые цвета идут. Белый, голубой, персиковый... Я ему потом намекну, есть вещи, в которых он меня слушает, — Вишницецкая ненадолго замолчала, затем продолжила: — Есть кое-что поважнее. У тебя кровь за всё то время, что вы вместе, была?

— Да, — Анна покраснела. — А что?

— Ну как что, не беременна значит, — терпеливо ответила Вишницецкая. — Ты не пойми меня неправильно, но, думаю, ты и сама заметила, что он стал к тебе поспокойнее относиться. Ну как, я-то сравниваю со своим предыдущим опытом, а ты можешь сравнить только с теми днями, что вы были вместе, но мы явно придём к одному выводу.

— Это правда, — девушка тяжело вздохнула. — Ну... Да, я вижу, что Матиуш ко мне охладел... Я просто постаралась это не выказывать, чтобы не сердить его.

— Правильно поступила, — кивнула Телимена. — В общем, думаю, твоя мать тебе уже это говорила, но всё-таки. Я дам тебе денег, и ты возьмёшь у местной знахарки травы. Я попрошу тебя пить их, пока ты не будешь уверена в том, что не останешься с ребёнком одна. Не знаю, наступит ли такой момент, но всё-таки.

— А разве так можно? Разве это не обман? — искренне уточнила Анна. — А вдруг он хочет, чтобы я ему ребёнка родила?

— Хотел бы, повёл бы к алтарю, но скорее Висла высохнет, чем он женится, — Вишницецкая сказала это устало, словно сталкивалась уже не первый раз. — Так что лучше последуй моему совету.

— Хорошо, — неуверенно согласилась девушка. — Я впредь буду осторожнее, мне и Злата то же самое сказала. Пани Телимена, можно я вам секрет расскажу?

— Ну конечно, — та ласково посмотрела на неё.

— А я Матиуша люблю. Ну... то есть, я не могу знать, действительно ли это то, что называют любовью, но я к нему привязалась. Это... словно обнимешь человека и не хочешь отпускать, — пояснила Анна. — Вы понимаете?

— Да понимаю, у самой было, — Вишницецкая покачала головой. — Этого уже не отнять, очарование-то его спало, раз у тебя глаза открылись, но если ты, несмотря на его поведение, вот так относишься к нему, то это дорогого стоит.

— Да разве? Я всего лишь хлопка, я же не королева какая-нибудь, — Анна грустно улыбнулась.

— Цена любви не зависит ни от статуса, ни от кошелька. Порой любовь нищенки

оказывается гораздо более стоящей, гораздо более верной, чем любовь принцессы, — наставительно произнесла Телимена. — Никогда этого не забывай.

— Не забуду, пани, — пообещала девушка. — Я обязательно буду с ним. Знаете, может, и не будет между нами прежнего, но если Матиуш выполнит своё обещание, то будет прав. Он сказал, что хочет из меня сделать, и это, верно, теперь главное.

— Быть может, быть может, — Вишницецкая согласно кивнула. — Но это знаешь как, сейчас он действительно делом займётся, уж если рассказал об этом всем, кому мог, а там, может, и будет у вас что-то путное, а не только постель. Отношения-то не на ней строятся.

— И то правда, — задумчиво произнесла Анна.

***

— Влад был напряжён сегодня, не находишь? Он будто... не доверял нам всего, что действительно было в его мыслях, — Велислав сидел, прикрыв глаза, но его руки почему-то дрожали. — Я вдруг даже понял его — самому надо скрытничать и прятаться от шпионов Мнишека, ведь власть не терпит дружбы. Он ведь может использовать это против нас, и сказать, что лишь желал угодить мне. Как я устал, как я устал!.. — он болезненно свёл брови, хмурясь. — Я не так уж хочу править, сомневаюсь, что игра стоит свеч. Но я должен. Поразительно странный долг, — его не слишком низкий голос казался теперь полным горечи и отчаяния. — Ну и пусть... — добавил он как-то обречённо, но не теряя чести и достоинства.

— Да перестань, что ты... Ты будешь хорошим королём, правда, тебе доверяют. Ты мудрый, выдержанный, что тебе стоит? — Вацлав ободряюще сжал его руку.

— Душевного спокойствия, — Потоцкий кисло улыбнулся. — Прозвучало, как дешёвая шутка, но на деле так и есть, я лишусь последнего, что мне дорого.

— Эта тоска точит тебя, и ты знаешь, о чём я. Не отдавайся ей, прошу, это тебя убивает, — Левандовский покачал головой, опустил взгляд.

— А ты когда-нибудь тосковал, Вацлав Левандовский? — почти что прошипел Велислав, наклоняясь к его лицу. — А? Разве ты не понимаешь, что меня гложет? Разве не знаешь, что я пережил?

— Не надо, не стоит, — тот не выдержал его слов. — Спорить не стану, но всё же прислушайся ко мне, прошу. Никто теперь не поймёт, если вдруг в итоге на троне окажется Мнишек. Если вдруг в итоге на троне окажусь... я, — последнее прозвучало как-то жалко и без особой веры.

— Твои интриги запутанней, чем интриги господина Шетарди и всего французского двора. Я давеча получал письма из России, читал про козни канцлера Бестужева, про то, какую аферу провернула Елизавета Петровна, чтобы встать императрицей. Ничто не идёт в сравнение с твоими желаниями. Европа поглощает тебя, — Потоцкий усмехнулся, его тон был вкрадчивым и безразличным. — Европа поглощает Польшу, я помню её не такой. Я помню Варшаву не славянским Парижем. Впрочем, быть может, это и к лучшему. У женщин, вроде любовницы твоего друга, может появиться маленький шанс не остаться потом у разбитого корыта.

— Откуда ты знаешь?.. — удивился Левандовский, ведь ничего ему не говорил.

— Я много чего знаю, Вацлав. Не приведи небо тебе знать то же, что и я, — туманно ответил Велислав, и недобрый огонёк, загоревшийся в его тёмно-карих, словно кофейных, глазах, потух.

Глава одиннадцатая

— Варшава большая? — Анна сидела в кресле и смотрела Матиушу в спину. Тот думал над чем-то, склонившись над картой, лежащей на массивном дубовом столе с малахитовыми вставками. Длинные волосы князя разметались по спине и спадали по плечам вниз, закрывая нахмуренное лицо. Пани Телимена, отведя Анну к нему, шёпотом посоветовала его не беспокоить, но та сидеть молча так долго попросту не смогла.

— Что? — Вишнивецкий обернулся, тревожная морщинка между его бровей тут же разгладилась, а губы заулыбались. Только глаза оставались серьёзными. — Варшава? Да, пожалуй, немаленькая. В разы больше Грохова.

— А Варшава красивая? — девушка блаженно улыбалась, с теплом глядя на пана. Её тонкие руки лежали на подоле платья и бережно гладили дорогую вышивку, сложная причёска растрепалась после утренней прогулки, и теперь локоны вновь обрамляли её по-детски очаровательное лицо.

— Очень красивая. И очень пышная, — Камил вновь отвернулся и углубился в изучение карты, не придав особого значения вопросам служанки. Та тихонько поднялась, бесшумно подошла к любимому и крепко обняла со спины, утыкаясь носом между лопаток.

— Ну отвлекитесь, отдохните, — попросила Анна, прижимаясь к нему щекой. — Пан, голова заболит.

— Спасибо за заботу, — Матиуш отвечал сдержанно и спокойно, но наряду с ласковыми нотками в его голосе чувствовалось раздражение. Ему было приятно её волнение о его здоровье, но она его сильно отвлекала. С одной стороны, Вишнивецкий был рад тому, что она наконец стала проявлять хоть какую-то волю, но ему мешало то, что она не знала, куда её направить.

— Я вам надоедаю? — девушка спросила это безо всякой обиды, лишь выпустила Вишнивецкого из объятий и села обратно, опустив голову, приняла серьёзный вид, строго-настрого запретив себе расстраиваться из-за своей же глупости.

— Нет, вовсе нет, — поспешил ответить Матиуш, всё же решив, что они одинаково виноваты в этой маленькой ссоре: он ведь должен был её как-то занять.

— Прости меня, — произнёс он, серьёзно глядя в её огромные глаза. Та смущённо кивнула и сбивчиво прошептала: — Всё в порядке, я сама была не права, я не должна была вас отвлекать. Видите? Я совсем-совсем не расстроена, — Анна ласково улыбнулась. — И вы меня простите, я не хотела показаться навязчивой.

— Не стоит извинений, — Матиуш поднялся и подал ей руку. — Анна, я действительно хочу кое-что показать тебе. Идём.

— Идёмте, — девушка покладисто кивнула.

***

Матиуш повёл её в усадебные сады, но не в ту часть, где она утром была с Телименой, а в дальнюю, заросшую дикими вишнёвыми деревьями, ветви которых плотно сплелись и образовали собой густую и мрачную чащу. Аккуратных, засыпанных песком дорожек там не было — садовникам было запрещено заходить в эти уголья. Не увидела Анна и стриженных газонов или ярких ухоженных клумб, словом, ничего тут не коснулась человеческая рука. Отовсюду веяло чем-то волшебным и древним.

— Это бывшие сады князей Потоцких, Анна, — Матиуш остановился и неожиданно для

девушки перекрестился, затем вновь пошёл дальше. Та семенила за ним, едва успевая разглядывать узловатые чёрные деревья.

— Почему они заброшены? — девушке было немного страшно, но в то же время очень интересно. Ей хотелось узнать историю этих земель.

— Потому что в старом замке приключилось несчастье, — Вишнивецкий немного помолчал, а затем продолжил:

— С два века назад, может, больше замком управлял князь Винсент Велислав Потоцкий. У него была очень красивая жена, Фелисия Любомирская. Их женили по расчёту, как это часто бывает. Винсент, однако же, как говорят, безумно любил её, любую прихоть бросался исполнять, будто волю Божью, луну б ей достал, если бы попросила. Вместе с тем Потоцкий был востребованным военачальником, часто ездил в Варшаву, оставляя замок на попечение жены. Был у него сосед, гетман Чаплинский. Уж не знаю, предок ли, однофамилец старосты Чаплинского, который в своё время увёл у Богдана Хмельницкого жену, но факт есть факт — фамилия та же. В общем, понравилась ему Фелисия, да и на Потоцкого зуб давно точил, и решил он забрать эти земли и прекрасную пани заодно. Осаду в замке долго держать не смогли. Говорят, когда Чаплинский ворвался в покои Фелисии, она прямо у него на глазах бросилась вниз. Сказала, что живой не дастся. Как видишь, не далась. Весть об этом долетела до Варшавы, Потоцкий с горя помутился рассудком. Он убил Чаплинского, свой замок повелел сжечь, а тело Фелисии перенести из домово́й церкви в часовню у реки. Он заперся там, молил Бога вернуть жену, а когда понял, что Господь его, видно, не слышит, обратился к дьяволу. Я слышал, что он сделался вурдалаком. Такая история.

— Какой страх, Матиуш, — Анна прижалась к нему и спрятала лицо на груди. — Что за жуткая история. Они ведь не упокоились, не повстречались. Право, мне их жалко. Не хочу в тот замок, боязно.

— И мне там не нравится, — понимающе кивнул Матиуш, осторожно обнимая девушку за плечи. — Неприятное место. Всё время покойница чудится. А вот в часовне хорошо. Помню, тётушка часто водила меня туда молиться за упокой моих родителей и княгини. Мы стояли на коленях перед Мадонной и просили её помиловать их души. Я всё время спрашивал, почему на надгробии ничего нет, только имя и цветы.

— Почему? — недоумевающе спросила девушка, сызмальства знавшая, что над могилой ставят только крест.

— Ему было слишком больно видеть кого-то, даже отдалённо похожего на неё. Потоцкому везде мерещился её силуэт. Бедняга сошёл с ума, как я уже сказал, — князь скользнул в небольшой проход между деревьями и вывел Анну на залитый солнечным светом луг. По правую руку от них протекала неширокая река, задорно журчавшая по камням, по левую стоял лесок. Деревья его шумели от лёгких дуновений приятного летнего ветра, ветки медленно раскачивались и переплетались между собой в причудливых узорах. Чуть дальше, за спиной Анны, рощи по обеим берегам соединялись в одну, и под их сенью стояла небольшая мраморная часовенка с золотым крестом. Матиуш обернулся и повёл Анну к тёмно-голубой воде. Как оказалось, через речку был перекинут узкий деревянный мостик. Они прошли по нему и остановились у самого порога церкви. Девушка неуверенно переминалась с ноги на ногу, не решаясь войти — она впервые видела такую красивую и миниатюрную часовню.

— Не бойся, — Вишнивецкий осторожно потянул её за собой, и они ступили под тень расписанного мраморного потолка. Отовсюду на них смотрели святые, с алтарной стены

глядел Христос. Посередине стояло одинокое белое надгробие, усыпанное такими же белоснежными розами.

— Тут Бог, — Анна опустилась на колени перед алтарём и зашептала молитву. Матиуш смутился такому, не решаясь повторить её действие, затем всё же опустился рядом и как-то неуверенно перекрестился, повторяя за девушкой обращение к Господу.

— Почему ты это сказала? — Матиуш нежно смотрел на неё и осторожно сжимал её руку. — Как это?

— Знаете, Бог не всегда в церкви, — девушка перекрестилась и сжала ладони в молитвенном жесте. — Иногда он дома, приходит и садится рядом, чтобы было нестрашно спать. Иногда он помогает на кухне, иной раз выйдешь в поле, и там Бог. Словом, он везде, куда его душа позовёт.

— Какая ты милая, Анна, — серьёзно заметил Вишнивецкий, когда они вышли из часовни. — Бог там, куда его душа позовёт... твои слова сделали больше, чем много лет проповедей нашего ксёндза. Странно, но ты рассуждаешь так, словно знакома с теологией, хотя я знаю, что это не так.

— Смущаете, Матиуш, — служанка ласково провела своей тонкой рукой по его щеке. — Девушка как девушка, матушке моей сказать надо спасибо, что воспитала такой. А что до... Те... Теологии, то я не ведаю, что это. Но хотела бы узнать, чувствуется, что дело богоугодное.

— Я учту твои пожелания, — кивнул Вишнивецкий. — В конце концов, это тоже нужно.

Глава двенадцатая

В этот раз Матиуш действительно не солгал. С того дня Анна была освобождена от любой работы, и всё её внимание было направлено лишь на учёбу. Вишнивецкий постарался на славу: он приготовил расписание занятий и продумал, что и как будет ей рассказывать и объяснять, пани Телимена, к всеобщему удивлению, вызвалась ему помочь, да так и повелось. Анна плавно познакомилась сначала с письмом и словом, затем научилась не путаться в счёте, узнала, пусть и тезисно и поверхностно, как обращаться со словом Божиим, вместе с тем, ей объясняли, как вести себя в обществе, Матиуш даже пытался привить ей французскую речь, но Телимена, женщина поистине мудрая, вовремя его остановила, наказав учить девушку латыни: тогда она запросто могла зайти за представительницу старой шляхты, во всяком случае, это бы выглядело гораздо более правдиво.

Дни потекли однообразно, лето стало постепенно клониться к закату, близился жаркий и плодоносный август. Анна прилежно трудилась над книгами и украдкой мечтала, что вскоре Матиуш позволит ей перейти и к тому, чему она в тайне очень хотела научиться — танцам. Она ни разу не видела, как это делается у богатых, но Вишнивецкий несколько раз играл ей на клавесине очень красивую мелодию, а затем рассказывал, что такая часто звучит на балах, и с тех пор Анна думала, как бы ей тоже уметь под неё красиво двигаться и кружиться. Ей понравился и сам клавир, Матиуш даже научил её нотам и несколькими простенькими песенкам.

И вот в одно из утр Анне наконец повезло. Матиуш привёл её в не слишком большой, но красивый и пышный зал, кивнул своему секретарю, отменно игравшему на клавесине и согласившемуся аккомпанировать им: старик Вельский души не чаял в своём хозяине, бывшем воспитаннике, и его даме и всегда рад был помочь.

— Вы меня простите, если у меня не сразу выйдет, я очень постараюсь, но я такое первый раз танцую, — Анна пугалась в юбках, дрожала от волнения и краснела. — Ох, как бы не опозориться.

— Не бойся, милая, я всё понимаю, — Матиуш осторожно переплёл их пальцы. — Ну, держи меня за руку и медленно отходи назад на несколько шагов. Смелее.

Анна послушно выполнила его команды, стараясь неотрывно смотреть ему в лицо и улыбаться, хотя внутренне она ужасно беспокоилась. Ей упорно казалось, что все её движения неловки и смотрятся ужасно, а делает она всё неправильно.

— Нет, нет, больше плавности, ожидания, это не мазурка, — мягко заметил Вишнивецкий, обходя её и приобнимая. — Менуэт — это танец-церемония, танец-степенность, тут всё нужно делать размеренно. Не торопись.

— Хорошо, Матиуш, — девушка безуспешно пыталась поймать темп и попасть в него. Как же это получается у панства? Анна, сколько себя помнила, никогда не училась сельским танцам, просто смотрела, как делают старшие, и повторяла за ними. По правде сказать, каждый танцевал, как умел и хотел, а потому конкретного порядка не было, только веселье. Тут же творилось что-то непонятное — какая забава в том, чтобы вот так вот медленно двигаться?

— А, — девушка всё-таки отважилась спросить, — почему вы находите это весёлым? Не поймите меня неправильно, но это так... усыпляет. Мы всегда танцевали быстрее.

— Я лично не люблю менуэт, — пожал плечами князь, обнимая служанку за плечи. —

Но танцевать его всё равно приходится. Без этого танца не обходится ни один бал. Ну, кроме балов старой шляхты, конечно. Слышала бы тебя тётя... Ей бы определённо понравились твои слова, она то же самое говорит.

— И правильно. Ну, может, остальное повеселее будет, — заулыбалась Анна, прижимаясь к нему. — Спасибо за терпение. Я такая неуклюжая, неумная, а вы возитесь со мной. Я очень ценю это.

— Мне в радость тебя учить, милая Анна, не говори глупостей, — ласково ответил Матиуш. — Итак, продолжим.

***

— Пан Левандовский, вы так и не скажете ему? — при слабом свете свечи лицо Якуба казалось другим, нежели при солнце. Он выглядел моложе и здоровее, а глаза недобро поблёскивали мёртвым огнём.

— А он поймёт? — тот склонился над какими-то старинными пергаменами, исписанными непонятными знаками и снабжёнными разными странными и страшными рисунками. Его изящные пальцы бродили по изгибам рун, а тонкие губы что-то шептали, глаза внимательно изучали текст.

— Разве у вас в планах?.. — Вацлав поднял голову и вопросительно изогнул бровь, затем медленно кивнул.

— Позже, позже, лучше пусть поймёт это непосредственно после исполнения моей задумки, он знатный паникёр, — пояснил он, продолжая работу над письменами. — Пока нам придётся держать всё в секрете, он начал догадываться. Будь осторожен, Якуб.

— Буду, мопанку, — слуга чуть кивнул. — Прикажете подавать... ужин?

— Да, пожалуй, — Левандовский отодвинул манускрипты. — Что-то я сегодня заработался, а, Якуб?

— И то, правда, мопанку, — тот укоризненно покачал головой. — Не дело это. Конечно, вампирам уставать не положено, но всё-таки и на старуху бывает проруха. Вы бы себя видели со стороны, заметно, что которую ночь не спите. Не шутили бы.

— Вот как только я даю тебе волю ворчать, ты тут же теряешь всяческую совесть, — покачал головой Вацлав.

— Каков хозяин, таков и слуга, — покладисто заметил Якуб. — Послушайте моего слова, мопанку, я вам дурного покуда не советовал.

— Ну конечно, — Левандовский поднялся. — Что ещё скажешь? Ты немало наблюдал за мной и моими гостями.

— Вы бы последили за паном Матиушем, — заметил Якуб. — Есть у него друг, граф Концепольский, он говорил о нём. Так скажу я вам, дело тут нечисто. Пан Фабиан пусть и чурается нас, но своего не упустит: он захочет переманить пана Вишницецкого на свою сторону, уж поверьте мне. А мы должны успеть раньше, многим раньше, ведь пан Фабиан — человек худой, покуда мы от него толку не видели.

— Ты верно это сказал, Якуб, — Вацлав нахмурился, задумчиво кивнул сам себе. — Я постараюсь сделать так, чтобы они не встречались, видимо, придётся посвятить его в то, кто мы такие...

— Непросто будет, — покачал головой тот.

— Непросто, но что уж поделать. Придётся подстроить всё так, словно и Матиуш, и Анна сами догадались, кто я такой. А там я уж постараюсь подавить их испуг и увести мысли в нужное русло. Я не хочу, чтобы эти люди от меня отвернулись, — Левандовский

был печально-серьёзен.

— А быстро вы Анну-то в свой круг приняли, даже ещё не видали её, — Якуб удивлённо поглядел на пана.

— Быстро? Ну, я позволил себе немного понаблюдать за ней и Матиушем и убедился в том, что дело того стоит. Конечно, близко я ещё с этой милой панной не знаком, но уверен, что она ещё приятно поразит всех нас. Свежая кровь во всех смыслах, — пояснил Вацлав, хитро улыбаясь. — Нас ждут великие дела! И, признаться, они вершатся уже сейчас.

Глава тринадцатая

— Тебе не скучно? — они уже около получаса играли в шахматы, Анна задумчиво переставляла фигурки на доске, хмуря высокий лоб и накручивая на палец рыжие кудри. Она шевелила губами, что-то там себе шепча, то и дело смотрела на фигуры Матиуша и нерешительно крутила в руках коня. Эта игра у них в обиход вошла совсем недавно: пани Телимена обнаружила в своих покоях старую клетчатую доску, оставшуюся ещё от мужа, отнесла её Матиушу со словами: «Девай её, куда хочешь, он меня вечно пытался этому научить, видеть не могу», а тот с лёгкостью и не меньшим удовольствием нашёл ей применение.

— Нет, отнюдь, — она наконец робко поставила фигуру на нужное место и убрала в сторону чёрную пешку соперника. — Просто странно. Уже вторую игру ведём, а я опять выигрываю, хотя до того ни разу подобного не делала. Уж не поддаётесь ли?

— О чём ты? — Матиуш покачал головой и серьёзно посмотрел на девушку, но в глазах его плясали бесенята. — Просто тебе везёт.

— Матиуш, вы точно не подыгрываете? — Анна прищурилась и подозрительно посмотрела на пана. Тот отвёл взгляд и как ни в чём не бывало продолжил игру, однако улыбка у него была хитрая.

— Матиуш! — девушка возмущённо покраснела и покачала головой. — Матиуш, это нечестно.

— Ничего предосудительного, — Вишнивецкий постарался сделать улыбку невинной и ничего не значащей, но с треском провалился в своей попытке не выдать себя и теперь любовался сердитой донельзя Анной.

— Пан, я протестую, — Анна укоризненно покачала головой. — Мне приятно, что вы не хотите обидеть меня, но просто... просто это как-то несправедливо. Мне неудобно перед вами.

— Не беспокойся, — Матиуш перегнулся через небольшой столик из красного дерева и нежно поцеловал её, наслаждаясь лёгкой скованностью и робостью. — Ануся, ну я так не хочу сделать тебе больно. Ты ведь хорошая, ты такого не заслужила. Понимаешь ли, в моих целях привить тебе интерес и пыл, а вовсе не отпугнуть. Только и всего. Как только ты обучишься играть лучше, я перестану поддаваться.

— Поверю вам, — девушка посмотрела прямо ему в глаза, счастливо улыбнулась. — Продолжим?

— Конечно, — тихо ответил Вишнивецкий, чуть вздрогнув и нахмурившись. Ему вдруг показалось, что он обманывает её. Немного, самую малость, но обманывает. И ему стало совсем гадко. Его и раньше, после всех разговоров с друзьями, мучили мысли о том, что он где-то в корне ошибается и тем самым делает Анне очень и очень больно, он стал понимать, что запутался, что сам уже не знает, а только ли Просвещение двигает его с Анной отношения, общение вперёд. Вишнивецкий заставил себя думать, что стоит сосредоточиться лишь на воспитании девушки, но за всё то время, что они держались друг от друга на почтительной дистанции, он стал понимать, что несколько скучает по тем беззаботным дням, когда просто находил в её объятиях покой и рай. Удивительно, что тогда они ему вдруг надоели. Матиуш боялся любить, он не знал, что это, не знал, как это, да и вовсе не хотел об этом помышлять, потому как ничего подобного здесь не было, он не готов был признаться

сам себе в том, что Анна ему нравится, это уже чуточку, самую малую, больше, чем симпатия и плотское желание. Привязанность? Да, пожалуй, именно сильная привязанность вдруг появилась в их с Анной странных и совершенно несуразных отношениях. Вишнинецкий не представлял, что с этим делать, и думать об этом не желал, привычно оставляя все трудности на потом. Он говорил себе, что всё это проходящее, что он всё это начал вовсе не за ради любви, душевного тепла, счастья, а лишь для доброго дела, и ничего больше там быть не может. Матиуш совсем не понимал, как это: брак, семья, в конце концов, дети. Не успевший вкусить этого ранее, чудом избегший женитьбы, он полагал, что живёт в счастливом неведении, и был не прочь подольше в нём оставаться. Вишнинецкий совершенно не желал себе ответственности, не понимая, что всякое воспитание её влечёт.

А ведь он, сам того не зная, уже приручил Анну к себе и себя к Анне.

***

— Вацлав, ты здесь, — Велислав говорил глухо и безразлично, так и не обернувшись на гостя.

— Да, хотел навестить тебя. Ты с нашей последней встречи не появлялся нигде, и я решил, что должен прийти сам, — ответил Левандовский, про себя отмечая совершенно мрачную обстановку дома: полутьму, холод и ощущение могилы.

— Мило с твоей стороны. Знаешь, было бы забавно, утром просыпаетесь, а вашего кандидата короли уже нет... Потому что он решил, что ему приятнее вечный сон, нежели вечная мука, — прошептал Потоцкий откуда-то из угла комнаты: он сидел в кресле у самого стыка стен и безумно улыбался. — Как вы ловко всё за меня решили...

— Велислав, в тебе говорит твоя болезнь, — мягко пробормотал Вацлав, бесшумно приближаясь к нему.

— Болезнь не лишает меня способности мыслить, — отозвался тот, слабо рассмеявшись.

— Но ты мыслишь неверно и спутанно, — парировал Левандовский. — Что произошло?

— Я снова видел её, ко мне стали приходиться кошмары... Как и тогда. Но самое страшное не это. Самое страшное то, что я вижу будущее. И оно меня пугает, — Потоцкий говорил непонятно, его слова казались Вацлаву бредом. — Я чувствую, что мы все ошиблись, что всё теперь будет сломано, всё будет испорчено, я вижу гибель, — он замолчал, замер, словно вглядываясь, вдруг продолжил: — Но я вижу и что-то светлое. Что-то очень доброе и хорошее среди всей этой тьмы. Мы должны это сохранить, иначе окончательно погрузимся во мрак. Это... — тут его всего затрясло, и Левандовский поспешил удержать друга, положил ему на лоб прохладную ладонь и зашептал что-то на латыни. Велислав успокоился и обмяк, затих, но его глаза оставались печальными.

— Я так боюсь своего безумия, я так его ненавижу, — сказал он вдруг уже совершенно чётко, и стало ясно, что всё кончилось. — Но именно оно порой даёт мне надежду. Это так странно, Вацлав.

— Таков это мир, — эхом ответил тот. — Всего на свете горше мёд, и лишь влюблённый мыслит здраво.

— О, мэтр Вийон, — бледный губы Велислава тронула слабая улыбка. — Жаль, что в моём случае это не так...

Глава четырнадцатая

В первый день августа из Грохова в Варшаву выехала богатая карета с гербами князей Вишницецких, унося в сторону столицы двоих: ясновельможного князя и его безродную служанку. Анна очень ждала это путешествие и тщательно повторяла всё то, что ей рассказывал Матиуш, всё время прокручивала в голове основные движения менуэта — за почти что пару месяцев его всё-таки удалось запомнить, а с мазуркой проблем, как оказалось, не было. В целом, повода для беспокойства вроде как не было, да и ехали они к близкому другу, но Анна всё равно очень волновалась.

— А ваш друг, он серьёзный пан? — робко спросила она, наклоняясь и касаясь руки Вишницецкого. Тот ласково сжал её пальцы и весело улыбнулся.

— В определённой степени это так, но у нас достаточно близкие отношения, чтобы это не было заметно, — мягко ответил князь, откладывая какую-то итальянскую книгу и внимательно глядя на девушку. — Ты так беспокоишься, Анна?

— Я бы не хотела, чтобы вам было за меня стыдно, — призналась Анна, отводя взгляд, на её щеках появился румянец. — Право, я ведь толком ничего и не узнала о человеке, с которым мне предстоит познакомиться. Мне страшно, Матиуш.

— Прелестная, как дитя, — заметил Вишницецкий, откидываясь на мягкую, расшитую бархатом спинку. — Ну иди ко мне, моя девочка. Всё, ничего не бойся, — он заключил подсевшую к нему Анну в объятия, та тут же прильнула к нему и положила голову на грудь.

— Я не подведу вас, — вдруг серьёзно сказала она, сжав тонкие губы и нахмутив брови, отчего стала казаться на несколько лет старше.

— Я не сомневаюсь, — тихо отозвался Матиуш, поглаживая её по закрытому дамастом плечу.

***

— Ну наконец-то вы приехали! Я ждал вас! — граф Левандовский вальяжно улыбнулся и пожал Матиушу руку, затем осторожно поцеловал запястье донельзя смущённой таким приветствием Анны. — Добро пожаловать, прекрасная панна. Может, представишь нас, Матиуш?

— Да, конечно, — спохватился князь, чуть покраснев от осознания собственного промаха. Будь это любая ясновельможная, он бы уже расписывал все её достоинства, а тут даже забыл назвать имя спутницы. Как хорошо, что Анна не обратила на это внимания, впечатлённая красотой варшавской архитектуры. Какой стыд! А вот Вацлав наверняка всё заметил и учёл, вон как смотрит, на губах застыла издевательски хитрая улыбка. Беда.

— Вацлав, это Анна, моя... — начал было Матиуш, но запнулся, не зная, какое слово ему подобрать, чтобы не оскорбить девушку, но и не дать ей лишних надежд.

— Фаворитка, — любезно подсказал Левандовский, окинув Анну заинтересованным взглядом. Та удивлённо захлопала ресницами, пытаясь понять для себя незнакомое слово.

— Да, должно быть так, — Вишницецкий как-то кисло улыбнулся другу и повернулся к Анне. — А это мой друг и учитель, граф Вацлав Левандовский.

— Я рада знакомству с вами, граф, — сдержанно произнесла девушка, глядя на него не снизу вверх, как она смотрела на Матиуша, а как на равного. Удивительно, но фактически незнакомый ей человек вызывал немало доверия. Что-то в нём такое было, что заставляло не бояться, а наоборот проникнуться уважением.

— Взаимно, панна Анна, — Вацлав снова поцеловал ей руку, затем отпустил и вновь обратился к Матиушу:

— Пойдёмте в дом. Вы, должно быть, устали с дороги, вам стоит отдохнуть и набраться сил. Мои слуги подготовили вам комнату, как ты и просил, Матиуш, общую, попросторнее и посветлее. Признаться, мне по душе что-то более мрачное, но зачем такому юному и прекрасному сознанию чахнуть во тьме? Правда?

— Вот, видишь, как он ко мне относится, — рассмеялся князь, глядя на смущённую, но счастливую Анну. — Совсем не ценит.

— Да, конечно же, — расхохотался Левандовский, отвечая на шутку. — Такие уж мы друзья.

— Очень мило, — только и смогла выдавить из себя девушка, не понимая, надо ли ей смеяться. Матушка учила, что в угоду панам надо, но эти двое, кажется, были ей не совсем паны, а на этот счёт Матиуш ей ничего не рассказывал, и теперь она оказалась в тупиковом положении.

— Право же, не стесняйтесь, мы вас не съедим, — поспешил замять неловкость Вацлав. — Ну всё, идёмте в дом.

***

— Матиуш, а что такое фаворитка? — Анна сидела на кровати и с недоверием шупала парчовое покрывало, расшитое золотом — у Вишницецкого, хоть он и был баснословно богат, такого практически не водилось — он не любил роскошь в её полном смысле.

— Фаворитка... ну... дама, с которой мужчине интересно и приятно, — попытался объяснить тот, с трудом находя нужные слова.

— А чем она отличается от жены? — не отставала любопытная девушка.

— Тем, что жена — это что-то официальное, — терпеливо ответил Матиуш, которого подобный диалог очень забавлял. Да и то, что Анна не придавала этому слову особого значения, а интересовалась из любознательности, было весьма на руку.

— То есть... — Анна немного задумалась, затем придвинулась к лежащему Матиушу, наклонилась и прошептала ему на ухо слышанное от Зоси неприличное слово: — Любовница?

— В определённой мере это так, но не отражает полный смысл слова, — поспешил откреститься Вишницецкий и увёл разговор в другое русло, опасаясь, как бы девушка не обиделась и не расстроилась.

Чуть погодя Анне надоело расспрашивать пана, и она попросилась погулять по дому — Матиуш хотел немного подремать с дороги, а вот она не чувствовала себя уставшей, а потому, получив его разрешение, выскользнула из комнаты и направилась вглубь полутёмных коридоров. Повсюду ей попадались разные запертые двери, странные картины в золочёных рамах, отовсюду веяло чем-то потусторонним — её отталкивал этот дом.

Вдруг коридор кончился и упёрся во вход в огромное помещение, уставленное массивными книжными шкафами из тёмного дерева. Везде горели канделябры, в глубине стояли несколько длинных столов с мраморными вставками, множество мягких кресел и с десяток стульев — Анна поняла, что попала в графскую библиотеку. Это воодушевило девушку — она очень хотела читать, но Матиуш отчего-то не пускал её туда, а книги выбирал сам. Причины она пока не нашла, но где-то в глубине души немного обижалась на пана за такое.

А книги манили. Девушка благоговейно разглядывала красивые, инкрустированные

драгоценностями, читала оттиснутые на корешках названия, но всё боялась прикоснуться к такому великолепию.

— Берите, не стесняйтесь, — мягко сказали откуда-то сзади. Анна обернулась и увидела перед собой Вацлава. Тот стоял и мягко улыбался ей, одобрительно и ласково глядя.

— С-спасибо, — девушка наугад вытянула какую-то книгу и прижала её к груди, будто боясь, что её отберут.

— Тацит? Похвально, — изрёк Вацлав после недолгого молчания и кивнул на пару кресел у окна. — Присядем.

— Благодарю, — девушка, всё так же не выпуская книгу, опустилась на краешек сиденья и во все глаза уставилась на Левандовского.

— Не обнимайте так книгу, никто у вас её не заберёт, — тепло сказал Вацлав, и Анна робко положила её на стоящий рядом резной столик, покрытый золотистой краской. Солнечные блики красиво играли на блестящей поверхности и отражались в стёклах окон.

— Так вот, — продолжал Левандовский, вежливо улыбаясь, отчего обнажались его неестественно острые клыки, потому как зубами это назвать было сложно, — вы любите читать? А, и, может, сразу на ты? Всё-таки не чужие друг другу люди.

— Да, пожалуй, только... я, если можно, всё-таки к вам на вы, я пока не могу иначе. Так вот, я люблю читать, я... — девушка поймала его притягательный и какой-то... вовсе не человеческий взгляд, словно по наитию, в медленном сне пригляделась к пятнышку на его щеке и нахмурилась, гадая, что это могла быть за еда. Неизвестно ей было, почему вспомнилась именно пища, ей казалось, будто её мысли выстроили уже заранее и теперь водят её по ним, словно по лабиринту. Отчего-то теперь вспомнился отец, зарезавший курицу для Рождественского обеда, у него на лице тоже было такое пятнышко. Так значит это...

— «Вурдалак!» — хотела было закричать Анна, будучи вне себя от ужаса, но всё-таки остановила себя, попытавшись задуматься. Или она успокоилась не сама... Ей показалось, что последняя подсказанная мысль, так напугавшая, сопровождалась чем-то, что крепко притушило чувства. Ну вурдалак, да, досадное допущение, ну и что? Он, похоже, не собирался на неё бросаться или делать что-то непотребное, да и Матиуш о нём отзывался хорошо и, кажется, не отличался склонностью к крови. Собственно, бояться тут было совсем нечего. Конечно, это было скорее всего нехорошо и неправильно, но, в сущности, всякое бывает, да и противиться чужой воле сил не было, а потому девушка тяжело вздохнула и с нечеловеческим спокойствием уточнила: — Кусать будете?

— Ай, ладно тебе, — Вацлав вздохнул не менее тяжело и обиженно закатил глаза. — Ну что мне, рассказывать о том, чем отличаются вампиры и представления о них? — по его лицу было видно, что в целом он рад именно этому вопросу.

— Ну... наверное, не надо, — Анна чуть не прыснула со смеху, до того смешное у него было лицо. — Ну, или надо, но как-нибудь потом, вы меня с ума сейчас сведёте. Ну не сердитесь.

— Я сегодня добрый, — Левандовский уселся поудобнее, девушка последовала его примеру. — А теперь поговорим о тебе.

***

Станислав поднял голову и довольно улыбнулся. Старая библиотека принесла ему гораздо больше, чем он ожидал. Придя сюда в надежде найти про Велислава хоть что-то, Мнишек обнаружил поистине ценные сведения, многим выше самых нескромных его

мечтаний. Какое счастье, что в мире людей пан Потоцкий уже очень давно стал историей, и о нём совершенно не стеснялись писать.

Итак, теперь Мнишек был готов к любому исходу запланированной дуэли, у него тем не менее оставался козырь в рукаве. Более того, он задумал чуть позже припасти ещё один: так уж вышло, что с того дня, как он научился ходить, ему пришлось быть внимательным и замечать всё, что творилось вокруг, попросту для того, чтобы выжить. Годы шли, любая опасность уже давно миновала, ему теперь вряд ли что-то угрожало, но старая привычка осталась, и, конечно же, Станислав не мог не обратить внимания на слежку. Совсем недалеко от его дома находилась обитель иезуитов, и один из монахов вечно за ним наблюдал. Безусловно, это был праздный интерес, не более, но всё же это несколько напрягало и раздражало, и тогда Мнишек позволил себе кое-что о нём разузнать. И это кое-что его совершенно устроило, позволяя использовать себя против партии Потоцкого.

Мнишек устало потёр виски. Ему действительно нужна была эта власть, она стала бы для него средством достижения цели, цели поистине достойной и праведной. Он бы просто разогнал всех этих лицемеров, всех этих подпевал, всех тех, кто когда-то так поиздевался над его родными, он бы привёл распоясавшееся дворянство к порядку.

Но это дворянство бы никогда его не выбрало. Конечно, слово Левандовского дорогого стоило, но оно не являлось окончательным решением. Если за Потоцкого были готовы проголосовать как и сам граф, так и Сейм, то вот за него, безродного Мнишека-Вранича, сына буйных и диких Балкан, никто бы и слова не замолвил.

А значит ему придётся всё делать самому. Как и всегда.

Глава пятнадцатая

— Обо мне? Зачем вы хотите говорить обо мне? — Анна не привыкла к таким расспросам, а потому отнеслась к этому с некоторым недоверием.

— Ну, ты моя гостья, я бы хотел знать о тебе побольше. Это было бы правильно, как мне кажется, — Вацлав чарующе улыбнулся, снова показывая клыки, и девушка инстинктивно вздрогнула, но снова совладала с собой и теперь укоризненно покачала головой, будто журя его.

— Хорошо, — она постаралась придать своему голосу как можно больше уверенности и весомости, не желая набиваться на жалость. — Я простая служанка, судомойка, если угодно, немного помогала по усадьбе, потому как работы на кухне было немного. Пан заметил меня, когда я принесла ему чай. Ну... вечером. Дальше, если можно, я не буду говорить, стыдно. Да вы и сами поймёте. Боюсь, вам было неинтересно меня слушать, мосци-пане.

— Отнюдь, отнюдь! — глаза Левандовского странно загорелись, а улыбка стала ещё шире, отчего родинка над губой стала смотреться примерно так же, как и клыки. — Ты поразительная девушка, поверь мне. Насколько я знаю, он озаботился тем, чтобы научить тебя хоть чему-нибудь. Я долго живу, панна Анна, и совсем не припомню, чтобы кто-то из господ таким даже думал озаботиться. Ну, кроме части нынешних.

— Не думаю, что дело во мне. Просто пан Матиуш очень хороший человек и поступает со мной по чести, только и всего. Это даёт мне повод уважать и любить его ещё больше, — скромно ответила Анна, опустив взгляд, только видно было, как зарделись её щёки.

— Любить? Неужто ты на самом деле испытываешь к нему такое столь сильное чувство, как любовь? Блажен тот, кто верует, радостно ему на свете, более того, блажен тот, кто любит, он ничего не видит и не слышит, а это дорогого стоит. Однако, как это мило, она любит, а он... — Вацлав явно воодушевился услышанным и теперь раздумывал над разными вариантами развития событий.

— Я знаю, что не любит, — девушка говорила спокойно, хотя вампир чувствовал, что в душе ей больно. — А почто ему меня любить? Но дело ли в чувстве, когда как он заботится обо мне, ухаживает, делает приятно и уважает, по-своему, конечно, но уважает, помогает? Какая разница, мосци-пане? Толку от любви, если она ничем не подкреплена? Вот я люблю его, понимаете? И я за него готова на всё. И я тоже дарю ему что-то. Возможно, вы не видите, но он часто устаёт от своих обязанностей и порядков, ему требуется отдых и покой, а я могу дать его. Это га... гармония, верно?

— Верно, светлое дитя, — Левандовский откинулся на мягкую спинку и лениво потянулся. — Ну продолжай, продолжай, я слушаю.

— Любовь, мосци-пане, вещь хорошая, — Анна ненадолго задумалась, пытаясь подобрать нужные слова и грамотно сформулировать свои сбивчивые мысли. — Я лично верю, что она на свете есть, я сама тому доказательство. Но вот матушка говорит, что любви не бывать, и Злата говорит, что не бывать, а Зоська не знает. Пани Телимена же со мной согласна. Что вы скажете, мосци-пане, граф Левандовский? Я мало живу на свете и понимаю, что знаю совсем немного, но мне стыдно спрашивать об этом пана Вишницецкого, я бы не хотела задеть его своей глупостью.

— Что я скажу? — Вацлав чуть приподнял брови и безразлично пожал плечами, бессмысленно накручивая светлую прядь на тонкий указательный палец. — Пожалуй,

бывает, почему бы ей не быть? В конце концов, слишком много достойных людей её воспели, я не волен им не доверять. Право, что же до меня, то стрела Амура так и не долетела до назначенной цели — я не бывал влюблён, панна Анна. Очарован не раз, но вот истинного чувства я так и не вкусил. Возможно, я ещё не встретил такой девушки, а, возможно, вампирам попросту не дано любить, как любят люди. Вечная жизнь — это великий дар, который не каждому по силе, но тот, кто оказался его достоин, вынужден платить. Я не боюсь солнца, крестов и слова Божьего, но внутри я навеки замёрз, моё сердце не бьётся, я не могу до конца получить удовлетворение едой, питьём или всяческими развлечениями. Истинное наслаждение мне дарит лишь живая горячая кровь. Хороша ли плата, ваць-панна?

— Я не могу до конца понять вашего положения, потому как не могу ощутить того, что ощущаете вы, но, верно, вам и впрямь несколько тяжело, мосци-пане. Сызмальства я чувствовала себя живой только тогда, когда ощущала, что внутри меня есть разные силы, будь то радость или гнев, и это давало мне знать о том, что моё сердце стучит. Я не могу представить жизнь без этого. Неужто вы никогда не будете счастливы? — девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами, её лицо приняло скорбный вид, отчего она стала похожа на изображения Мадонны на стенах костёла святого Вацлава и Станислава.

— У всех своё счастье, панна, — отвечал граф, как-то странно и несколько натянуто улыбаясь. — Моё в том, что я могу жить вечно и изучать мир, быть молодым, красивым, взять всё, что я только захочу. Мне нравится мой выбор.

— Это хорошо, мосци-пане, что вы нашли своё место в жизни, — Анна улыбнулась и чуть покраснела. — Спасибо, что говорили со мной, как с равной.

— Не стоит благодарности, — Левандовский поднялся. — Прогуляемся? Тут душновато становится. Не бойся, Матиуш тебя на хватится, я его предупрежу. А мы тем временем насладимся видами Варшавы. Разве не прелесть? Тебе было бы полезно познакомиться с этим городом, я бы мог что-то рассказать из его истории. Соглашайся, тебе понравится.

— Спасибо вам, пан граф, — девушка чуть склонила голову. Вопрос был непростой. Конечно, Вацлаву, верно, можно было верить, но не стало бы это предательством Матиуша? Да и знакомы они были немного. С другой стороны, отказываться было некрасиво, ей не хотелось обижать графа. Согласиться или нет? Будить ли ради такого Матиуша? А, может, можно решать самой, пока никто не видит? Ведь Вацлав, похоже, только рад её желанию пойти. Внутренне Анне казалось, что она не может иметь своё мнение, не может решать, но соблазн был так велик. В конце концов, что тут такого? Ничего. Она не делает ничего зазорного или непотребного, а пан Левандовский тем более. Он не оскорбит чести своего друга. Значит, решено. Анна снова посмотрела Вацлаву в глаза, и они тут же развеяли её последние сомнения: она нежно улыбнулась и протянула ему руку, коротко и степенно ответив: — Что ж, пойдёмте.

***

Если Фабиан Концепольский что-то замышлял, то это обязательно притворялось в жизнь. Он так или иначе добивался желаемого, и зачастую ему было всё равно, хочет ли этого кто-то ещё. Покуда он проиграл всего один раз: упустил единственную любимую женщину. Это мучило его по сей день, но боль была настолько застарелой, что он привык с ней жить и старался не придавать ей большого значения. Тем более что сейчас у него нашлось самое настоящее дело: Матиуш.

Этот шляхтич ему нравился своей живостью и желанием менять мир, Концепольский

был уверен, что при правильном руководстве из него выйдет какой-никакой, а толк. А правильным наставником он считал только себя. Фабиан задумал обратить Вишнивецкого и лично его направлять, и теперь ждал момента, чтобы это устроить. Он не знал, куда, что делать с Анной, так неожиданной ворвавшейся в жизнь Матиуша, но, в сущности, готов был сделать такой же и её, тем более что друг хорошо о ней отзывался. Фабиан знал, что им предстоит встретиться на Рождественском балу. И вот там он примет своё окончательное решение.

Фабиан давно привык быть один, его это толком никогда не беспокоило, но всё-таки порой он помышлял о том, чтобы иметь хоть кого-то, кто сможет его понять. Матиуш стал ему настоящим другом, пусть Концепольский и знал, что это не так уж взаимно, и он был не прочь этого друга не терять.

Вообще-то одиночке Фабиану не было нужно ничего.

Во всяком случае, так он предпочитал думать, в этом предпочитал себя убеждать, чтобы казаться себе и другим непоколебимым.

Но вовсе не каменным.

Фабиан всегда стремился к жизни, отчасти именно поэтому он оставил вампиров и выбрал людей, это была его слабость. Общество вокруг создавало для него иллюзию пусть и неправдоподобной, но хоть какой-то поддержки.

Очень жаль, что в минуты горечи: слабости, боли, тоски, это совершенно не помогало.

Почему именно тогда всякому существу требуется что-то истинное, что-то настоящее. Именно в такие моменты обнажаются и плачут души.

Фабиан очень хотел бы этого всего не чувствовать, он по сей день мечтал о мифическом спасении. Как парадоксально! Всю эту бурю породило изначально породило в нём именно это проклятое желание.

Глава шестнадцатая

— Я впервые в подобном положении, — призналась Анна, неуверенно опираясь на руку Вацлава. — Я, мосци-пане, никогда не гуляла вот так, просто, с графом. Да что там, я и в городе никогда не была, представляете? Я совсем простушка.

— Ну, я бы не сказал, что это говорит о твоей простоте или чём-то подобном, — мягко отозвался Левандовский. — Судя по нашим разговорам, ты вполне разумная, у тебя есть что-то, чем ты можешь поделиться, ты умеешь судить и делать выводы. Это немало для твоего происхождения и уровня образования, поверь. Да и держись, как шляхтянка, не отличишь, панна Анна.

— Смущаете и говорите неправду, — коротко отмахнулась девушка. — Ну как такому возможно быть? Конечно, матушка говорит, что я смышлёная родилась, но толку-то от слов? Я не могу пойти против правды и сказать, что это не так, но все те семнадцать лет, что я живу, я выполняла совсем неприглядную работу то дома, то немного в поле да шила себе приданое, когда время оставалось. Да, брат учил меня читать, но вряд ли это многое значит. Я не могу назвать себя глупой, мосци-пане, но матушка велела мне молчать, велела не показывать, что я думаю, женщине это не пристало. Мужчины не любят, когда мы хотим казаться умнее их, а крестьянам это и вовсе противно. У меня на роду написано выйти замуж и рожать детей, но никак не рассуждать о жизни.

— И тем не менее сейчас ты верно описала всё то, что было в твоих мыслях, и оказалась многим умнее меня, когда я был в твоём возрасте, — рассмеялся Вацлав, щурясь на слабом летнем солнце, выглядывающем из-за белёсых туч. — Я на тот момент не думал о таких вещах, я вообще мало думал, мало рассуждал, я отдавался развлечениям. Я уже, верно, говорил, что ты необычная девушка, Анна. В тебе скрывается большой талант, большие способности. Ты не должна больше мыть полы и ощипывать куриц, тебе надобно жить в той среде, для которой ты была рождена.

— Но я была рождена как раз для того, что вы только что назвали не должным, — Анна смущённо улыбнулась, подставляя лицо лёгкому ветерку. — Уж простите меня за дерзость, но это так.

— Ты попросту сама не знаешь, как это может быть иначе, — покачал головой Вацлав. — А теперь оставим это. Любуйся Варшавой.

А ведь было, чем любоваться, и девушка решила отвлечься от долгих разговоров и оглядеться. Её взгляду предстали типичные европейские городские пейзажи: небольшие разноцветные дома с крохотными оконцами, плотно стоящие друг другу, мощёные мосты, перекинутые через широкую реку, шумные площади и мостовые, заполненные разными людьми. Всё это перемежалось неярким солнцем, пением птиц и скрипом колёс, шорохом дамских платий и стуком каблуков. Анна вдруг резко оказалась в новом и незнакомом мире, который пугал её и восхищал одновременно. Он был невероятно прекрасен, такова была Варшава, польское произведение искусства, и у девушки дух захватило от всего, что с ней произошло.

— Какое поразительное влияние оказала на тебя столица, — усмехнулся Вацлав, невесомо целуя ей руку. — Я знаю, куда мы пойдём.

— Куда? — глаза Анны округлились и засветились любопытством и восторгом ребёнка, которому обещают рождественское чудо.

— Покупать тебе платья, ваць-панна, ты этого вполне заслуживаешь, — отозвался Левандовский. — Матиуш тебя не балует, как я понял, у тебя их совсем немного.

— Ну что вы, пан, нельзя, — Анна зарделась как маков цвет и спрятала взгляд, смущённо отворачиваясь. Внутри всё похолодело от мысли о том, что Матиушу это может не понравиться. В самом деле, ей бы тоже не понравилось, если бы о нём заботилась другая девушка, а тут вообще мужчина, тем более богатый, тем более друг. Который сейчас ведёт её куда-то, чтобы сделать подарок. Нет, нет, Матиушу это совершенно не понравится, это низко и некрасиво, ему будет больно. Она его хлопка, его собственность, только он может ей что-то дарить. Но и Вацлав... Анна слышала истории про то, как шляхтичи менялись друг с другом крестьянскими любовницами, но вряд ли пан Вишницецкий стал бы так делать. Надо было вежливо отказаться и тут же обо всём ему рассказать, иначе бы это сошло за предательство.

— Можно, конечно, что тебя смущает? — удивился Левандовский, заглядывая ей в глаза. — Неужто боишься Матиуша?

— Понимаете ли, мосци-пане... — Анна замялась, выбирая нужные слова — она ступала по очень тонкому и хрупкому льду, опасность была велика. — Я чувствую, что могу его предать таким образом или, во всяком случае, обидеть, причинить боль, чего бы я совсем не хотела.

— Об этом не беспокойся, я поговорю с ним, если случится такая надобность, — Вацлаву уже поднадоело спорить и хотелось вновь перейти к более действенному методу — гипнозу. В конце концов, от Вишницецкого не убудет, если бедная девушка немного отвлечётся от осознания того, что она всего лишь чья-то вещь, которую никому нельзя трогать. Левандовского порой поражала наивность Матиуша в отношении этой милой крестьяночки. Он ведь свято верил, что она всем довольна, а если и сомневался, то отбрасывал эти мысли далеко в сторону и продолжал кормить себя чаяниями того, что ему лишь кажется, а Анна даст знать, если что-то не так. Как же он ошибался, этот взрослый ребёнок, когда думал, что она и впрямь почувствует себя свободной, получив побрякушку и красивую тряпку, проведя пару месяцев в его постели и освоив несколько основных фигур какого-нибудь танца. Нет, это делалось совсем не так, но мог ли Вацлав хоть как-то повлиять на то, что Матиуш от него так тщательно прятал — свою душу? Нет. Но он мог повлиять на Анну, что и собирался сделать. В сущности, она ему была без надобности, Вацлав пока не считал себя готовым к такому необъяснимому чувству как любовь, но помочь ей он хотел. В конце концов, пара шагов в сторону развития, и Вишницецкий женится на ней, у них будет хорошая семья и куча детей: брак с крестьянкой — дело доброе, ведь крестьянки рожают помногу и не мрут от множества наследственных недугов, которые часто встречаются в древних семьях. У Матиуша пока что есть все шансы прожить жизнь так, чтобы он остался ей доволен. Или во всяком случае не заскучал потом, если всё пойдёт так, как планирует граф.

— Да? — Анна доверчиво проследила за его взглядом, и этой пары секунд Вацлаву вполне хватило, чтобы внушить ей согласие с его планами. — Да. Вы абсолютно правы, мосци-пане, Матиуш всё поймёт, — заворожённо произнесла она, вновь покорно опираясь на его руку. — Идёмте, мне будет интересно это увидеть.

— Ну конечно, — довольно кивнул граф. — Идём, панна Анна.

***

— Не знал, что исповедуете хоть что-то, — Лович произнёс это мягко и без укоризны, и

Максимилиан в очередной раз убедился, что не ошибся священником.

— Я не могу назвать себя рьяным сыном Церкви, но даже у меня есть совесть, — отозвался он, приятно улыбаясь. — Я могу облегчить душу, святой отец?

— Ну конечно. Нечасто ко мне за этим приходят, но я только рад помочь, — кивнул Анджей. — Исповедальня там, я...

— Не стоит таких условностей, я хочу говорить именно с вами, а не с деревянной решёткой, — Максимилиан опустился перед ним на колени, снял очки, лишая себя возможности видеть чётко и тихо заговорил: — Я вампир, и это должен быть мой самый первый и самый тяжкий грех, но я не считаю это виной перед Богом, ведь я имел право выжить любой ценой. Мой порок в ином. Я азартен, азартен так, как никто другой, это моя страсть, именно поэтому я выбрал политику. И теперь, когда я приехал в Польшу, чтобы быть рядом с новым королём, я не имею на это права. В моих владениях я сам себе господин и сам отвечаю за своих людей, но теперь я стеснён тем, что не могу раскидываться жизнями направо и налево, потому что они мне не принадлежат. Я впервые за долгое время боюсь оступиться, боюсь ошибиться, потому что теперь мой промах будет чего-то стоить. Я замёрз, святой отец, я замёрз очень и очень давно, и теперь я вновь чувствую страх. Неужто я живу? Я не знаю, я рад был оставаться мёртвым, но раз у меня нет иного выбора, то я готов воскреснуть. Это опасный и непростой путь, но вместе с тем, он мне интересен. Надеюсь, в этот раз азарт меня не подведёт, и я, в свою очередь, никого не подведу.

Он замолчал, надел обратно очки и поднялся, отряхнул камзол. Лицо вновь стало непроницаемо, на губы легла печать извечного вежливого молчания и тайного знания. Лович тоже покуда не нарушал тишины, размышляя над его словами, а затем произнёс: — Я принял вашу исповедь. Вы зря беспокоитесь о своих чувствах, зря стесняетесь их, а это именно стеснение, пан Штраус. Всем нам когда-то приходится скинуть с себя эту маску безразличия и впустить так давно забытые нами движения души. Это естественно, и иначе быть не может. Позвольте себе воскреснуть, Максимилиан.

— Вы думаете? — тот внимательно, насколько это было возможно, посмотрел на Анджея поверх оправы и благодарно улыбнулся. — Что ж, пусть вы и младше, но у вас было больше времени, чтобы хорошо поразмыслить о многих важных вещах. Да и кому, как не вы, знать о жизни, смерти и светлом воскресении...

— Возможно, — скромно отозвался Лович. — Я искусен в теологии и схоластике, я немало внимания уделил этим наукам. Быть может, я даже написал бы пару трудов, но некое обстоятельство... отбило всяческое желание.

— Я вас понял, — кивнул Штраус. — Простите, если ненароком я пробудил в вас не слишком хорошие воспоминания, отче.

— О, ничего, всё в порядке. Они всегда со мной, — печально покачал головой тот.

Глава семнадцатая

— Ну-ка, как тебе вот это? — Левандовский почти не глядя ткнул в одну из моделей и обворожительно улыбнулся Анне, примерявшей шляпки. — А? — он поймал её взгляд, в который раз за день без труда прочитывая мысли. Девушка была кладезью как и интересных и довольно умных суждений, так и непонятных, скрытых глубоко внутри страданий. Анна сама себя убеждала в том, что она счастлива, что ей не на что пожаловаться, что Матиуш не должен её любить, а то, что он о ней заботится, и так большая услуга. Она упорно считала себя во всём ему обязанной, упорно думала, что не имеет права просить о большем. Бедная, бедная девочка, почему же этот индюк так и не объяснил ей самого главного? Разве сложно было вложить в этого очаровательного ангела всего одно знание, не обещания и заверения, а знание того, что она не рабыня? Видимо, Матиуш даже не попытался этого сделать. Или пытался, но так, для личного успокоения, не более. Самовлюблённый самодур. И во всех своих бедах виноват только он сам.

— Мосци-пане? О чём вы задумались? — Вацлав вздрогнул и тряхнул головой, отгоняя от себя ворох раздумий. Он посмотрел на Анну. Она широко улыбалась и показывала ему на какую-то безделушку, которая ей очень понравилась.

— О вечности, — она чуть кивнула, поняв его шутку и кокетливо, как первые красавицы Варшавы, опустила взгляд. Левандовский поймал себя на мысли, что родись она знатной дамой, у неё бы не было отбоя от женихов. Такая красивая, умная, такая юная и чистая, она бы сгодилась в жёны самому королю, но до недавнего времени вынуждена была тереть котлы и чистить овощи на кухне. Интересно, а Матиуш запретил ей это, когда их отношения переросли в нечто большее, чем пара ночей? Грех было портить такие руки, как у Анны. Белые, на самом деле белые, очень нежные, с тонкой кожей. Она, кажется, упоминала, что у их семьи было поле. Видимо, отец по тем или иным причинам не подпускал её к работе или нанимал батраков, кто знает. Девушка много умалчивала о прошлом, и тут Вацлав был не волен в нём копаться. Это он считал столь личным и столь же сокровенным, что не решался нарушить её границ.

— Ну так как вам шляпка? — повторила Анна свой вопрос. Мужчина облегчённо выдохнул, улыбка стала шире. Хорошо, что её мысли сейчас занимала такая безделица, как гардероб. Ей ведь тоже нужно развлекаться.

— Тебе явно идёт, панна Анна, — Левандовский кивнул владельцу лавки. Тот поспешил забрать у девушки товар и завернуть его. Она удивлённо захлопала ресницами, благоговейно глядя на Вацлава, покраснела и вдруг замялась, не зная, как его благодарить.

— Выбирай, не стесняйся, — махнул рукой Вацлав, мысленно готовясь к очередному поучительному и абсолютно бездейственному разговору. Матиушу полезно было узнать, что подарок, подачка отличаются от реального выбора. Анна чувствовала себя диковинной зверушкой, игрушкой, раз уж на то пошло, но ведь ей приятнее было самой решить, что ей нужно. Вацлав видел её живость, и ему было жаль, что девушка её подавляла.

— А вот эта? — Левандовский вздохнул, оглядываясь на Анну, и позволил себе с головой окунуться в мир моды на ближайшие пару часов. В любом случае, он уже придумал, как хотя бы попытаться наставить друга на путь истинный.

***

Матиуш встретил их кислой улыбкой и ледяным взглядом. Вацлав быстро догадался, что

это значит, а потому всучил покупки Якобу и отослал его с Анной наверх, лёгким движением подталкивая друга в сторону небольшой гостиной. Граф сам начал это, и теперь ему же предстояло разобраться. Оставалось надеяться, что Вишнивецкий не будет сильно упрячиться.

— Что это было? — отстранённо спросил Матиуш, когда они сели в кресла у камина. Его голос был спокоен, даже безразличен, но чёрные глаза метали искры.

— Я просто сводил её на прогулку и немного позаботился о её гардеробе, — пожал плечами Левандовский. — Ты-то этого не делаешь.

— Делаю! — сердито и настойчиво отозвался Матиуш, гневно глядя на друга. — Я ей платья дарю, драгоценности, я занимаюсь ей, в конце-то концов. Что ты врёшь?

— Нет, Матиуш, ты не понимаешь, — Вацлав покачал головой. Глупый и вздорный мальчишка. — Совсем не понимаешь. Ты читал что-то про то, как чувствуют себя рабы? Если не читал, то уж точно слышал, вы ведь наверняка это обсуждаете там у себя.

— Она не раба, — с жаром возразил Вишнивецкий, стараясь не встречаться с Левандовским взглядом. — Я ей говорил об этом. Кажется...

— Так кажется? Или всё-таки говорил? — Левандовский вздохнул и отвернулся к огню. — Так нельзя, Матиуш, она живая, она всё чувствует и понимает. Я имел честь говорить с ней лишь пару часов, но узнал больше, чем ты за много недель. Право, разве ты не понимаешь, лучший из моих друзей? Разве ты не понимаешь, что она страдает каждый миг от того, что чувствует себя многим ниже? Что ты ей обещал? Шляхтянкой сделаешь? Научишь всему? Не спорю, ты прилежно взялся за это, но это лишь видимость, фикция. Она это подспудно знает, просто не показывает виду. Ей не нужны подачки, ей нужно то, как живёшь ты. Это не значит дать ей что-то отдалённо похожее на твоё образование, да так и оставить, да даже Просвещение говорит об ином. Если ты хочешь быть мужчиной, быть спасителем, героем-любовником, то будь им до конца.

— Ты думаешь? — на лице Матиуша на мгновение промелькнула заинтересованность, но тут же пропала. — Нет, Вацлав, она бы мне сказала, у нас доверительные отношения. Она зовёт меня по имени, ест со мной за одним столом, спальня у нас одна, да мы живём, как муж с женой.

— Не венчаны, не пара, не любишь, — парировал тот. — Конечно, она тебе не скажет. Девочка не дура, у неё есть голова на плечах, поверь мне. Она хорошо знает, где её место, очень хорошо знает, что бывает с теми, кто жалуется. Она не то что боится укусить руку, которая её кормит, она даже к ней приласкаться боится. Да, она доверяет тебе свои желания, чувства, но не более. Она не доверит тебе боль, не доверит истинный страх, не доверит душу, пока не поймёт, что может доверять. Что ты ей ответишь. Попробуй обойтись с ней по-человечески, Анна не игрушка.

— Вацлав, я не знаю, верить тебе или нет, но, быть может, ты в чём-то и прав, — нехотя согласился Вишнивецкий. — Я попробую с ней поговорить. Спокойно поговорить. Прямо сейчас.

Он поднялся, вскоре по лестнице прошелестели его лёгкие шаги. Матиуш внутренне боялся, волновался, не зная, как повести разговор так, чтобы не обидеть девушку. В конце концов, ревность, внезапно появившаяся в его душе, была тут ни к чему. Да и откуда она?.. Сплошная чертовщина. Он поклялся себе не чувствовать, но это всё больше и больше набирало обороты, грозя прорвать любую защиту. Неужто ему пора признаться себе в том, что Анна ему всё-таки дороже, чем он думает?

Князь неуверенно коснулся пальцами позолоченной ручки и толкнул дверь. Пора было расставить хоть какие-то точки над «и».

***

Раду закрыл глаза и откинулся на прохладные подушки дивана, наслаждаясь ночным воздухом. Политика вечно не давала главе клана Ливиану покоя, и теперь им ценилось каждое мгновение отдыха. Едва он взял власть и навёл порядок среди своих людей, польским вампирам вздумалось выбирать короля, и его несносный, вечно желающий быть в гуще событий брат решил, что ему непременно нужно быть там. Раду, пусть и пообещал себе больше не связываться с ним, всё равно не мог не обращать на него внимания: да, между ним и Владом были разногласия, но всё-таки Ливиану позволял себе беспокоиться.

Имелась у него и другая причина — Книнский принц. Многим было известно, что опальный Мнишек, до того, как появиться в Польше, долгое время скитался по Балканам и обратил на себя внимание многих кланов. В том числе и клана Его Высочества. Раду прекрасно понимал, что он может пустить это на самотёк, не может дать волю слиянию двух поистине смертоносных и могущественных сил, а потому вынужден был следить за тем, что творилось в Речи Посполитой, и то и дело через Новака договариваться с его скрытным и хитрым господином.

Он нехотя сел и мельком просмотрел распечатанные недавно письма. И клан Морару, и клан Чеботари дали своё согласие на объединение, и теперь стригои, в случае чего, готовы были выступить единой силой. Ливиану был вовсе не уверен, что опасность действительно есть, он полагал, что Потоцкий, если и будет коронован, то продержится на троне недолго и покинет его по своей воле: несчастные, вроде него, никогда не выдержали бы того, что должны выдерживать носящие этот статус. Быть королём — это вечно находиться на виду у всех, знать, что подданные слышат каждое твоё слово и ждут малейшего промаха, чтобы зашептаться, заспорить, заговорить о том, кто на самом деле достоин трона. Быть королём — это быть гранитной статуей, недвижимой внешне, но живой и думающей внутренне. Быть королём — это никогда не терять лица. Быть королём — это не иметь ни единой слабости.

У Велислава бы в жизни не хватило на это сил, сколько бы он не пытался. Его супруга, пусть и покойная, всегда оставалась в игре и служила неплохим рычагом в правильных руках. Раду знал вовсе не много людей, способных им воспользоваться, но даже они уже были весомой угрозой благополучию Речи Посполитой. И Потоцкий это понимал не хуже него.

Ливиану была неплохо знакома причина, по которой королём становился Велислав: он, во-первых, мыслил многим разумнее Мнишека, а во-вторых, по меньшей мере казался родовитее Вацлава. Бесспорно, вопрос надо было ставить иначе. Не «Велислав или Станислав», а «Вацлав или Станислав». В идеале это должно было быть «Вацлав и Станислав», но это представлялось совершенно невозможным: Мнишек не терпел ничьих указаний.

Глупая игра. Ничто не мешало выдвинуть Левандовскому свою кандидатуру, шляхта бы с удовольствием её поддержала, несмотря на происхождение, пусть бы это и окончательно озлобила Станислава. Но Вацлав зачем-то брал себе отсрочку — год, и его мотивов Раду покуда понять не мог. Впрочем, двенадцать месяцев это не так много, а там тайна вскроется. И вот тогда он уже будет действовать по ситуации. Так хорошо, так правильно.

Раду прекрасно умел просчитывать все ходы, но очень давно разучился загадывать наперёд и верить, что так и будет.

Глава восемнадцатая

Анна неестественно прямо сидела в кресле, книга в её руках так и осталась открытой на второй или третьей странице, что говорило о том, что она сильно волновалась. Её тонкие брови были нахмурены, губы сжаты, а в глазах читался самый настоящий ужас. Матиуш неосознанно воскресил в памяти момент их встречи и тут же обругал себя последними словами, осознав ошибку — он ведь даже не посмотрел на неё, чем сильно напугал. Анна так покорно и преданно любила его, всякий раз внимательно слушала его, не спускала глаз, как верная собачка, для неё был важен каждый взгляд, каждая нота в его голосе, любое малейшее движение или слово. Нет, он, верно, не должен был так поступать. В конце концов, она ещё, в каком-то смысле, ребёнок, ей всё в новинку, всё хочется узнать и увидеть, попробовать, ведь Анна, наверное, никогда не была в больших городах, тем более в компании таких галантных мужчин, как Вацлав. В этом искусстве ему уступал даже Матиуш, реакция любопытной и любознательной девушки была естественной. Нет, нет, она всего лишь дитя, она ещё не знает, как поступать. Тут нет её вины.

А в самом деле, почему он вообще об этом думает? Матиуш с лёгкостью мог сказать, что он её не любит. Да, девушка была ему по-своему дорога, да, она ему нравилась, и делить с ней досуг было приятно, но не более. Анна оказалась чудесным разнообразием после варшавских дам, неплохим другом и собеседником, умелой ученицей, хорошей любовницей, в конце концов, но не возлюбленной. Но при всём при том сейчас Вишницецкий с новой силой ощущал ревность, накотившую ещё на лестнице, злость, ощущение, что использовали его сокровенное и личное, что это будто забрали. Конечно, Анна была живым человеком, непохожим на других, но она была его собственностью. И никто не смел вести себя с ней так же, как он.

Пора было что-то говорить. Анна заметила его и теперь дрожала, как лист на яростном ветру, часто дышала, чуть ли не плакала, уже, видно, сотни раз пожалев о той прогулке и всяческих купленных безделушках, о том, что вообще пошла в библиотеку. Сейчас нужно было не ухудшить ситуацию, нужно было успокоить эту ранимую девушку и внести ясность в их нынешние отношения.

— Ануся, — её имя далось Матиушу с трудом, но он постарался придать своему голосу большую уверенность и твёрдость, — я бы хотел поговорить о том, что произошло днём, моя милая.

— П-простите меня, прошу, простите... я не должна была... я... — Анна разрыдалась, спрятав лицо в тонких ладонях, её плечи часто вздрагивали. У Матиуша неожиданно и непонятно сердце сжалось от этого, и он тут же поспешил обнять её, девушка прильнула к нему, особенно громко всхлипывая, когда губы Вишницецкого тепло и мягко касались её затылка.

— Т-ш-ш, не стоит извиняться, всё в порядке, — Матиуш врал намеренно, понимая, что он сейчас не может объяснить ей, что он на самом деле чувствует, потому что и сам толком не знает, что это. — Ануся, моя хорошая, ну всё, всё, не плачь, я же не сержусь. Я не ругаюсь, светик. Ануся, ты меня слышишь? — он чуть отстранил её и взгляделся в её большие блестящие глаза. — Не плачь, — губы Вишницецкого осторожно коснулись её щеки. Анна слабо улыбнулась и обняла его за шею, снова прижимаясь к нему. Тот подхватил её на руки, осторожно покачивая. Теперь девушка уже почти успокоилась, всхлипы утихли, а тело

значительно расслабилось.

— Мне было любопытно, — призналась она чуть погодя, немного смущаясь и теряясь. — Тут всё такое необычное, новое. Мне чудно, Матиуш. Каюсь, я поддалась соблазну. А пан Левандовский... знаете, я думала, честно слово, думала, перед тем, как согласиться, уж хотела отказать, я-то своё место знаю. А он так посмотрел, как будто в душу заглянул. Аж насквозь взглядом пронизал, истинный Бог. Я ничего с собой поделатъ не могла, уже и стыдно отказать стало. Сами посудите: ясновельможный пан хочет уделить мне время, прогуляться со мной, что-то подарить. И самое главное, просит, по-человечески просит, не раз и не два. Стыдно отказать, говорю ведь. Лукавый попутал, простите меня.

— Забудем. Я и сам хорош, не догадался сразу, Вацлав просто меня опередил. Он, знаешь ли, галантный кавалер, моя красавица. Забудем, ни к чему ссора. Я понимаю тебя, а ты меня. Вот и всё, — вся обида тут же куда-то делась, Матиуш не мог больше хоть сколько-то сердиться на Анну, все заготовленные для объяснения слова исчезли. Ему не хотелось более обсуждать это глупое происшествие, а Анна, похоже, была и не против — устроилась у него на коленях и следила за тем, как он поочерёдно целует каждый её палец.

В конце концов, у него теперь было время ещё немного оттянуть свидание с собственной совестью.

***

Эржебет коротко улыбнулась дяде и опустила веки, словно собираясь пококетничать, но на деле ей было вовсе не это нужно: она лишь отвлекала от себя лишнее внимание. Человек, который должен был её заметить, уже и так это сделал.

— Графиня Батори, добрый вечер, — он скользнул к ней незаметной тенью, галантно улыбнулся и нежно, но с определённой страстью поцеловал руку, задерживаясь на коже удивительно горячими губами чуть дольше обычного.

— Добрый, Ваше Высочество, — Эржебет склонила голову набок, на мгновение открывая ему красивую тонкую шею, изящно подчёркнутую золотым ожерельем, а затем снова вернулась в прежнее положение, тем самым показывая ему, что сегодня у него есть шанс заинтересовать её.

— Как дорога? Как дворец? Надеюсь, ничто не испортило ваш день, — отозвался Принц, понимая намёк. — Вы так прекрасны, Эржебет, я не хотел бы наблюдать, как это лицо омрачается печалью.

— Благодарю, всё было чудесно, — отозвалась та. — А как поживаете вы?

— Этим вечером гораздо лучше, нежели в прошлые, — Его Высочество снова поцеловал её пальцы, и Батори ненадолго прикрыла глаза, наслаждаясь этим. Принц прекрасно угадывал её слабости.

— Потанцуем? — продолжил он. — Я давно желал себе такой возможности.

— Я с удовольствием, — Батори улыбнулась ему уголками губ и проследовала на середину зала, с непонятной радостью отметив, что ей приятно то, как Принц держит её за руку.

— Вы могли бы чаще приезжать, — Его Высочество говорил искренне и тепло, в его голосе порой сквозили неприкрытые нежность и обожание, которые грели Эржебет остатки её души. — Мне, право, нравится ваше общество.

— И кем бы я была при дворе принца? — потупив взгляд, словно первая скромница, словно святая на иконе, спросила Батори.

— Королевой, — ответил тот, неожиданно крепко прижимая её к себе. — Как вам это?

— Разве мне положено быть выше Его Высочества? — почти что притворно удивилась Эржебет, впрочем, задумавшись, что за игру он повёл.

— Вы всегда будете выше, Бет, — Принц вдруг назвал её так, как звали домашние, и это очень многое значило. — Вы рождены быть такой.

— В таком случае, какова ваша роль? — продолжала Батори, стараясь не выдать счастливого смущения: его внимание ей нравилось, она хотела, чтобы вышло так, чтобы он попытался её покорить.

— Служить вам, — Его Высочество внимательно посмотрел в её глаза.

— Вы мне льстите, я смятена, — прошептала Эржебет, приседая перед ним в положенном танцем реверансе, она признавала его главенство, потому что сама устала всем управлять.

— Но смятены приятно. А я вами приятно очарован и не хотел бы когда-либо очнуться от этого очарования, — Принц поклонился ей, и много в этом было уважения и такта.

— Быть может, вы хотите даже, чтобы оно сделалось глубже и переросло во что-то большое? — тихо спросила Батори, вновь пойманная в его тёплые чуткие руки.

— Я не смею об этом мечтать, но если вы позволите... — она его перебила коротким и тихим, но исполненным разных чувств: — А если позволю?

— Тогда я весь ваш, — Его Высочество наклонился к её губам. — Так вы позволите?

— Позволю, — выдохнула Эржебет, чувствуя лёгкий, почти что целомудренный поцелуй.

— Обещайте, что если вы и впрямь не играете, то вы как-нибудь напишете мне после этого бала. До того момента я не посмею вас побеспокоить, — Принц говорил это серьёзно, в его голосе слышалась надежда.

— Обещаю, — Батори сняла с пальца тонкое кольцо и протянула ему. — Пусть это будет залогом моего слова.

Глава девятнадцатая

Одним чудесным утром они втроём гуляли по городским улицам. Анна смеялась, кружилась, то и дело бросалась на шею Матиушу, целовала его, ластилась к его рукам и что-то щебетала о понятных одной ей вещах. Вишнивецкий одобрительно кивал и ловил девушку в объятия, целовал в лоб, а Вацлав лишь посмеивался и размышлял о чём-то своём.

— Хорошо-то как, панове, — Анна в очередной раз обняла любимого и уткнулась носом ему в шею. — Чудное место, мне очень нравится. Я бы хотела всегда тут жить. Вот вы тут всегда живёте, пан Вацлав, вам тут тоже нравится?

— Не спорю, я люблю большие города, люблю образованных людей, — тут Левандовский несколько странно поглядел на неё, и девушка едва удержалась, чтобы не рассмеяться, потому как прекрасно поняла, что он имел в виду.

— Да вы неплохо подружились! — Матиуш весело улыбнулся и чуть кивнул Вацлаву. — Я же говорил тебе, что Анна просто невероятна.

— Я заметил, поверь, — граф усмехнулся. — Думаю, в нашей очаровательной спутнице кроется немало сюрпризов.

— Да что вы меня смущаете? Не такая уж я и необычная, панове... — Анна замялась и отвела взгляд, юркнула за спину Матиуша, затихла. — Боком мне это выйдет, боком. Вот появится лихой человек, а я что, я безродная, кто меня спасёт, кто заступится?

— Ануся, не говори глупостей, прошу, — Вишнивецкий мягко, но укоризненно посмотрел на неё. — Никто тебя не тронет. В конце концов, я рядом, я сумею тебя защитить.

— Дай вам Бог, Матиуш, — девушка печально улыбнулась и уже больше не отходила от него ни на шаг, задумавшись о чём-то своём.

— Почему она вообще об этом заговорила? — спросил Матиуш по-французски, взволнованно глядя на Вацлава. — Я никогда не упоминал ни о чём подобном. Вацлав, что ты ей рассказывал?

— Ничего, она наверняка слышала разговоры на кухне, — пожал плечами Левандовский. — Челядь часто любит сплетничать, что с них взять.

— Какое старое слово, я думал, таких уже не употребляют, — Вишнивецкий удивлённо поглядел на него. — Уж и тётушка моя женщина немолодая, но от неё я такого не слышал. Странное дело.

— Не обращай внимания, я иногда так зачитываюсь трудами старины, что начинаю говорить их языком. Вернёмся к Анне. Я думаю, она вновь ощутила себя служанкой там, Матиуш. Ты должен искоренять это, а не поддерживать. Или же наша очаровательная панна нам что-то недоговаривает. Стоит её расспросить. Анна, послушай меня, — эту фразу он сказал уже по-польски, и девушка встrepенулась, внимательно посмотрела на него. — Анна, быть может, тебя что-то обидело, или тебе сказали что-то, что было неприятно, но ты не можешь это объяснить из стыда или скромности? Не бойся. Скажи.

— Вы правы, пан Левандовский, — Анна прятала глаза и склонила голову так низко, чтобы никто не видел её лица. — Я нынче проснулась спозаранку, пошла на кухню, есть хотелось, а Юлию, служанку вашу, гонять стыдно, у неё и так работы много. И слышала, что безвольная я. Мол, пан Матиуш, простите меня, Матиуш, видит Бог, я так не думаю, так вот, пан Матиуш меня взял, потому как я ему приглянулась, но так, поиграется и бросит. И всякий так со мной может, потому как я женщина и хлопка. И никому дела нет. И что зря я

такая красивая, что бедой обернётся, останусь одна и на сносях. Что как надоем, и другому отдадут, если понравлюсь, — она замолкла, будучи не в силах продолжать. — Противно.

— Глупости. Бабы пересуды и сплетни, — Матиуш недовольно скривил губы. Ему было мерзко и стыдно одновременно, потому что в словах Анны было что-то правдивое, что очень больно укололо его. Ведь он и впрямь не был с ней до конца честен и не мог ответить ей любовью. Он не мог перебороть себя и освободить её официально, не мог послать прошение на имя короля и дать ей титул, не мог сказать ей перестать обращаться к нему на вы, много чего не мог. Иногда он чувствовал, что зачастую она соглашается делить с ним ложе не потому что хочет сама, а потому что хочет он, соглашается с его выбором, потому что выбирает он, а не кто-то ещё, живёт и делает всё то, что хочет он. Вишнинецкий снова припомнил её полный вины и сожаления взгляд, когда она с Вацлавом вернулась с прогулки тогда, в первый день, припомнил, как она сидела, вся бледная, над книгой, будто читая, но сама не перелистнула и двух страниц, ожидая, что он накричит на неё, если не что похуже, припомнил, как она той ночью плакала, уткнувшись в подушку, а он просто не мог решиться на то, чтобы хотя бы обнять её. В такие моменты Матиуш отчётливо понимал, какой же он всё-таки трус и ясновельможный. Слишком князь, чтобы быть просто человеком.

— Матиуш? — Анна, видно, уже не терзалась сомнениями или же просто спрятала их глубоко внутри. Она вновь прижалась к нему и обняла за шею. — Матиуш, о чём вы задумались? Вы расстроены? Это из-за меня?

— Нет, Ануся, нет, что ты, — тот ласково поцеловал её в уголок губ. — Всё хорошо, просто мысли. Всё так, моя радость.

— Хорошо, — девушка всё же выпустила его и пошла рядом. — Слава Богу, — она снова принялась оглядываться по сторонам, пока не встретила взглядом с высоким и очень бледным человеком в тёмном камзоле. Он чуть приподнял шляпу, улыбнулся краешком губ и поклонился, затем внимательно посмотрел прямо на Левандовского. Глаза у него на мгновение сделались такие же, как были у графа тогда, в библиотеке, что тоже не укрылось от девушки.

— Ой, пан Вацлав, смотрите, вас кто-то узнал, вон как голову склонил. Вы, верно, уважаемый человек? Как сам король, вот вам крест, — Анна кивком указала на незнакомца.

— Нет, что ты. Это лишь мой друг, Велислав Потоцкий. Он гетман, ваць-панна, — Вацлав усмехнулся. — Идёмте, я вас представлю.

***

— Я смотрю, доamna Эржебет пьянит не хуже хорватских вин, — Раду нагло улыбался. — Вы так очаровались ей, что только сейчас озаботились личной встречей со мной, Ваше Высочество.

— Вовсе нет, я лишь ждал приближения выборов и коронации, — покачал головой Книнский Принц. — Но вы правы в том, что графиня Батори поистине прекрасна.

— В нашем роду не было некрасивых женщин, — усмехнулся Ливиану. — Даже домнуле Штефан это может подтвердить.

— Он и впрямь любил вашу дочь, — кивнул Его Высочество. — Господа Мария была ему хорошей женой. Она бы и сейчас смогла многое для нас сделать.

— Но она уже который век лежит в каменном гробу, — осадил его Раду, горько улыбаясь. — Да и вряд ли бы она сумела повлиять на Станислава. Впрочем, мы здесь не для этого.

— Верно, перейдём к делу. Я так понимаю, все кланы согласились выступить с нами за

одно, — начал Принц.

— Да, это так. Во всяком случае, это сделали Морару и Чеботари, а этого вполне достаточно. Вполне возможно, что и Мареш не обойдут это стороной, но их не так много, а Петру Мареш невозможно слаб, вряд ли он вступит в борьбу против нас, — Раду говорил лениво и даже скучающе. Он чувствовал, что Книнский принц ощущает себя не в своей тарелке среди румынских и молдавских стригоев, и это было Ливиану на руку. Всё-таки это были его люди.

— Вы забываете про его правую руку — Драгоша Микулэ. Он хваткий малый и своего не упустит. Надо бы и с ним договориться, но меня он не слушает. Разве что вас... — Его Высочество намеренно льстил, потому что знал, что господарь Раду это любит. Понимает, но любит.

— Разве я такой уж повелитель? — усмехнулся тот, желая вывести собеседника на чистую воду.

— Вы брат очень влиятельного вампира, — заметил Принц. — Это многое решает.

— Но я не мой брат, и моя власть заслужена мной по праву, — криво улыбнулся Раду. — Попрошу вас это запомнить.

— Конечно, — согласился Его Высочество. — Так вот. Раз уж все кланы скорее на нашей стороне, чем нет, то предлагаю в случае вступления на престол Велислава Потоцкого выступить едино.

— А если через год он снимет с себя полномочия? — уточнил Раду, уже предвкушая собственную победу.

— Если так случится, а так не случится, то вы сможете действовать, как вам угодно, — ухмыльнулся Принц. — Но мне слабо верится, что он поступит так, он слишком человек чести. Да и прочие ему не дадут.

— А это уже решать не нам, — улыбнулся Ливиану. — Меня устраивают ваши условия. Подпишем договор?

Потоцкий долго молчал, прежде чем назвать своё имя — он неотрывно глядел на Анну, и в его глазах плескалось что-то страшное и столь же горькое — девушка так и не поняла, о чём он тогда подумал или вспомнил. Что-то ей подсказывало, что это и есть тот самый человек, о котором говорил Матиуш. Он был ничуть не похож на сумасшедшего, скорее на тех, кто часто прогуливался в этом парке — аристократов и мещан. Такой же утончённый, приятный и подчеркнуто вежливый — его несчастье и впрямь выдавал только временами делающийся пустым, стеклянным, мёртвым взгляд.

— Винсент Велислав Потоцкий, шляхтич, — он будто очнулся от забытья и наконец представился, слабо улыбаясь. Руку Анны он целовал с неким трепетом, потом тут же отшатнулся, спрятав лицо, и снова какое-то время не произносил ни слова, борясь с остатками своей души.

— Анна, — девушка чуть присела в реверансе. — Я рада знакомству с вами.

— И вы одна из немногих, кто не лжёт, говоря эту фразу, — отозвался Велислав. — Редкость среди варшавских дам, если честно. Вы... Любомирская? — эту фамилию он произнёс дрожащим голосом, в глазах промелькнуло что-то вроде очень слабой надежды, настолько незаметное, что Анна на мгновение подумала, что ей показалось. Ей тяжело было отвечать ему и отвечать правду, но она всё-таки пересилила себя и произнесла: — Ну что вы, пан Потоцкий, я всего лишь хлопка, я у пана Матиуша работаю.

— Ах это... — Винсент горько улыбнулся, его глаза потухли. — Простите, если обидел, панна Анна.

— Всё в порядке, вы мне комплимент сделали, скорее. Разве я похожа на ясновельможных? — как можно более весело спросила Анна, отводя смущённый взгляд.

— Пожалуй, — коротко отозвался Потоцкий и больше не заговаривал с ней, лишь изредка отвечая на вопросы Матиуша или Вацлава. Он был мрачен.

***

После обеда Потоцкий, извинившись, уединился в библиотеке и сел у окна, бездумно глядя в сереющее небо. Этот день не принёс ему ничего, кроме разочарования — так ужасно обернулось для него это знакомство. Анна была до ужаса похожа на Фелисию, такая же тонкая, хрупкая, такая же прекрасная и чистая, только немного моложе. Самое страшное заключалось в том, что это была не Фелисия, потому что он похоронил её своими руками и как никто другой знал, что мёртвые не возвращаются.

И после стольких лет его надежда вновь проснулась и подкинула ему такой нож в спину.

Велислав устало прикрыл глаза, и тут же перед ним встал силуэт его покойный жены. В ушах зазвучал звонкий смех Фелисии, Потоцкий готов был поклясться, что он слышал её шаги и шелест платья. Уже много лет он мучился тем, что видел её всюду, где ступала его нога, Фелисия являлась к нему во сне, мерещилась в каждой женщине, не оставляла ни на минуту и часто звала, протягивая свои бледные окровавленные руки.

Винсент всё больше и больше сходил с ума, пытаясь хоть на мгновение коснуться её пальцев. Ещё ни разу ему не удалось это сделать. И никогда не удастся.

— Проклятый Чаплинский!

Это сорвалось с его губ само по себе, как будто так и нужно было, как будто именно

этого и не хватало, и эти слова неожиданно и фальшиво нарушили тишину библиотеки, отдаваясь от стен и книжных шкафов неприятным гулом. Потоцкий содрогнулся и закрыл лицо руками, неестественно сутулясь.

Фелисия...

Велислав ненавидел себя каждый миг за то, что он тогда оставил её одну.

***

Анна была чувствительна к чужому горю. Всё то время, когда они сидели за столом, она чувствовала, как Велислав всё больше и больше погружается в пучину того безумного горя, в какую можно попасть, потеряв самого дорогого человека на свете — так чувствовала себя её мать, Августина, когда у неё умер муж. Девушке было невообразимо жаль бедного шляхтича, даже при всём его смертном холоде так безумно любящего свою покойную жену.

Она не стала пытаться разговорить его, лишь дождалась, когда они закончат трапезу, и скользнула вслед за Велиславом, предварительно предупредив Матиуша. Тот как-то странно посмотрел на неё, но ничего на это не сказал, только кивнул и мягко улыбнулся. Анна на мгновение прижалась тёплыми губами к его губам, затем растворилась в полумраке коридоров, ведущих в сторону библиотеки.

Девушка немного постояла у приоткрытой двери, не решаясь войти и нарушить относительный покой Потоцкого, но и оставить его одного она не могла — она понимала, как ему в то мгновение было тяжело и больно, и отчаянно хотела хоть как-то помочь, догадываясь, что в ней он узнал ту, которая была ему так дорога.

Поначалу Велислав не обращал внимания на её присутствие, пребывая в своих мыслях, затем вдруг встрепенулся и бросил на неё полный тоски взгляд. В нём промелькнуло острое осознание, и Потоцкий вздрогнул, низко опуская голову.

— Зачем вы пришли? — тихо и как-то безжизненно спросил он. — Мне кажется, я отбил у вас всяческую охоту говорить со мной.

— Я понимаю, пан Потоцкий, что вы не обращали на меня внимания весь день не со зла — вы во мне видите другую, и вам очень-очень больно — разве могу я вас обвинить? — подоброму отвечала Анна, потупив взгляд и не решаясь присесть.

— Дело ваше, — пожал плечами Велислав. — Не стойте, вот свободное кресло. Спасибо, что пришли, панна, раз уж так. Признаться, тогда в парке я искал разговора именно с вами. Левандовский много раз упоминал ваше имя и лишь единожды — историю. Но мне интересно. Тем более вы живёте близ моих владений. Сама судьба свела нас.

— История моя скромна и проста, да только пан Вацлав, ой, просто Вацлав, всегда придаёт такие подробности, что мне в пору быть королевишной, не меньше. А на деле-то всё очень... прозаично, да. Я всего лишь служанка в господском доме. Пан Матиуш обратил на меня внимание и... — тут она запнулась, не зная, как правильно и вежливо рассказать о том, что с ней произошло, всё-таки Велислав был ей почти незнаком. Ему же хватило пары мгновений, чтобы досконально изучить её память — Анна почти не прятала своих мыслей, а в сокровенное он не лез.

— Я уже понял, — Велислав чуть усмехнулся. — Да, особой романтики тут нет, но вы, похоже, и так довольно счастливы.

— А с чего мне быть несчастливой? Я бы могла гнуть спину в поле, тереть полы или продолжать ошипывать кур на кухне, а теперь я встаю, когда захочу, читаю книги, ношу красивые платья, ем досыта, веселюсь, сколько могу, гуляю. Теперь вот в самой столице да с какими людьми! Это большая честь и такое же счастье. Я довольна, пан Потоцкий. Матиуш

не обижает меня, больно не делает, заботится... как умеет. Чего мне ещё желать, пан? — Анна говорила серьёзно, медленно, внимательно глядя Винсенту в глаза. — Я не дура, понимаю, что то, о чём я мечтаю, столько же несбыточно, сколько солнцу взойти на западе. Я поначалу верила, верила, любила, да и сейчас люблю, просто мечтаю меньше. Но что есть, то есть, и на том спасибо.

— Я не хочу вам разочаровывать, — мягко отозвался Потоцкий. — Но то, что вы сказали, прозвучало в несколько ином свете. Вам семнадцать, кажется? Для своего возраста и положения вы поразительно много понимаете, неплохо рассуждаете, это похвально. Только ваши рассуждения — это попытка убедить в счастье не только меня, но и себя. И это пугает, потому что на деле вы как раз несчастливы.

— А я не знаю, пан Потоцкий, — девушка тяжело вздохнула. — Во всяком случае, мне не хочется плакать. Это, наверное, уже что-то.

— А тут я склонен с вами согласиться, — Велислав слабо, но хоть сколько-то весело улыбнулся. — Давайте я вам сыграю, тут как раз есть клавишин.

— Я буду рада послушать, — они устроились у инструмента и вскоре уже оживлённо говорили о музыке, забыв обо всём плохом в их жизнях. Звучали Бах, Гендель, польские народные мелодии, отвлекая от всего мирского.

А Вацлав Левандовский стоял у дверей и одобрительно кивал, глядя на Анну и Велислава. Рядом с ним стоял несколько взволнованный Матиуш, то и дело посматривавший на друга.

— Изволь, ты услышал её откровение, — усмехнулся тот. — Теперь веришь мне?

Глава двадцать первая

— Вы, говорите, крестьянка? — Велислав поднял взгляд от шахматной доски и внимательно посмотрел на Анну, сосредоточенно думавшую над ходом.

— Так, пан Велислав, — та посмотрела на него и рассмеялась. — Я вам это ещё вчера сказала, помните? — она взялась за ферзя, но затем вернула его на место и сделала ход конём. — Вы так задумались над этим?

— Скорее забыл сообщить вам ход своих мыслей, — Потоцкий расхохотался. — Старая привычка, знаешь ли. Вампиры ведь могут читать разум, а я чаще думаю, чем говорю, вот и вышло, что собеседники слышат лишь конец фразы — остальное они обычно в состоянии прочесть. Простите, я редко общаюсь с людьми.

— Да не беда, — Анна пожала плечами. — А могу я вас просить об одной вещи?

— Ну конечно, — Велислав чуть кивнул и выжидающе поглядел на неё. — Вы такая скромная, если честно. Это достойно уважения. Я знаю несколько человек, достигших вашего положения, но они не отличались чем-то подобным. Богатство зачастую портит, но вам оно лишь украсило.

— Благодарю, — улыбнулась Ануся. — Но вы лучше называйте меня на ты, хорошо? А то мне совсем неудобно становится, когда пан гетман и меня на вы, как ясновельможную. Непорядок, мопанку, нехорошо, — она потупила взгляд, чуть покраснела. — Я же не шляхтянка.

— Ты лучше многих из них, — эхом отозвался Потоцкий. — Впрочем, как хочешь, я не желаю ставить тебя в неудобное положение, Анна. Это, по меньшей мере, некрасиво с моей стороны.

— Спасибо вам, — девушка смутилась ещё больше. — Так что вы хотели знать?

— Не подменили ли тебя при рождении, — отшутился Велислав, но глаза у него при этом были серьёзные. — Ты совсем непохожа на тех, кого я знал раньше. Может, люди немного изменились с того момента, как я забросил свои мирские дела? Я ведь почти не слежу ни за своими крестьянами, ни за именем, у меня прекрасный управляющий, он в этом неплохо разбирается. Он уже третий, кто приходит на этот пост, уже семь лет он исправно выполняет свои обязанности, и я могу его только похвалить. Он молодец, этот Рихард Милинский-фон Дорн, я уважаю его. Впрочем, сейчас речь не об этом. Ты уверена в своём происхождении?

— Как Бог свят, — тихо ответила Анна, пытаясь поймать его на удивление спокойный взгляд.

— Видно, он ошибся, — невесело усмехнулся Потоцкий, и на мгновение в его глазах снова промелькнула боль. — Он часто ошибается, — он немного помолчал, не глядя на Анну и так низко опустив лицо, что не слишком короткие чёрные волосы полностью закрывали его. Девушка так и не поняла, плакал ли он или просто смотрел пустым взглядом на скрещённые на коленях бледные руки, но когда он вновь обратился к ней, в зрачках было всё то же величественное спокойствие.

— А знаешь... — вдруг сказал он, слабо и как-то облегчённо улыбаясь. — Какая, к чёрту, разница, кем мы рождены? Ведь всё равно каждый строит свою судьбу сам, если того захочет.

— Да как же? Разве же я что хотела, что-то строила в моих-то обстоятельствах? —

удивлённо спросила Анна.

— Ну, как тебе сказать... — Велислав ненадолго задумался, видно, борясь с собой и решаясь, а затем всё же спросил: — Часто ли ты молилась о том, чтобы быть счастливой?

***

Холодало. В первых числах октября дул неприятный ветер, гоняя по полупустым варшавским улицам сухие листья. Матиуш думал провести здесь Рождество, а для этого ему нужно было закончить в Грохове кое-какие дела по части хозяйства. Он долго думал над тем, брать ли ему Анну с собой или оставить на попечение Вацлава и Велислава, но девушка так просилась с ним, чуть ли не плача, что Вишницецкий уступил ей. В конце концов он и сам плохо представлял, как им быть раздельно друг от друга, уж слишком привязался к ней.

Вацлав почему-то не хотел отпускать девушку и чуть ли не в приказном тоне настаивал на том, чтобы оставить её здесь. Велислав тихо вторил ему, крепко сжимая руку сидящей рядом Анны, и почти по-детски обнимал её, недовольно глядя на Вишницецкого. Этот спор бы не кончился ничем, кроме ссоры, если бы не сама Анна. Она вдруг резко встала, часто и глубоко дыша, сжала тонкие руки и громко и строго сказала:

— Я сама решу, как мне быть, ясно? Я еду с Матиушем! Потому что... Потому что еду!

Она тоненько всхлипнула, осознав, что сейчас сказала, резко побледнела, сильно переживая и волнуясь, и безвольно упала на руки подхватившему её Матиушу — с бедняжкой случился обморок, ведь она до того ещё никогда в жизни ни с кем не спорила, не отстаивала свою правоту, позволяя решать за себя.

Эта фраза поставила точку во всех подобных разговорах, и на следующее утро пан Вишницецкий и его служанка-фаворитка уехали домой, провожаемые двумя печальными взглядами. Матиуш отстранённо смотрел в окно кареты, думая о чём-то своём и обнимая Анну, она же очень боялась того момента, когда ей предстояло встретиться с подругами и односельчанами — она не знала, как они поведут себя, узнав о её новом положении. Было очень и очень страшно, девушка уже жалела, что решилась ехать, но нельзя же было вечно прятаться в столице, вечно оставаться там и надеяться, что всё пройдёт само собой. Она знала, что трусить и скрываться от друзей плохо, и не могла их предать, отнестись так. Анна совсем не хотела, чтобы девушки думали, что она зазналась.

Их встретили очень тепло, пани Августина долго обнимала и целовала дочь, нахваливая её наряд и украшения, Зоська и Елешка спорили, у кого браслет красивее — Анна привезла им их в подарок. Даже Злата тепло улыбнулась помощнице и низко поклонилась пану, хотя обычно этого не делала.

В доме их привечала уже сама пани Телимена. Она тоже была довольна, что девушке повезло встретиться именно с Левандовским: его она считала человеком мудрым и степенным, верила, что если что, он оградит от ошибок и её племянника, и Анну. Телимена Руцевич всегда относилась к нему с уважением и называла благодетелем. Она искренне надеялась, что не стал думать о семействе Вишницецких хуже.

— Приехал, — Телимена улыбнулась, крепко обняла его, как мать обнимает вернувшегося с дороги сына. — Как там город? А тебе, Анна понравилось?

— Понравилось, так красиво, — девушка смутилась от того, что на неё обратили внимание. — Пан Левандовский добрый очень.

— Ну и славно, — Руцевич снова обернулась к Матиушу. — Ну, и что ты в итоге надумал?

— Анна больше не крестьянка, — торжествующе отозвался Вишницецкий. — Я думал

над этим всю дорогу и решил, что так и будет.

— Да ты с ума сошёл, ты зачем девочку позоришь... — охнула Телимена. — Да что ж это в итоге получится... Ей титула никто не даст, милый мой, что ж ты её на мучения обрекаешь? Ну спишь ты с ней, ну учишь, ладно, пусть, никто не запрещает, ну родит она тебе детей, пожалуйста, дело твоё, но нельзя же ей быть ни рыбой ни мясом.

— Анна мой друг и... и не только друг. Я сам знаю, как мне быть, да я... да я женюсь на ней, если захочу, ясно? — Матиуш говорил абсолютно спокойно, но в его чёрных глазах плескалась ярость, всё в нём протестовало, отвергало старые порядки. — Я её этим не унижу, наоборот, возвышу. Зачем нужен титул, в чём его польза, если у неё будет то, что я ей дам?

— А в глазах прочих она как была девкой дворовой, так и останется, сколько б мы с тобой о ней не заботились. Хоть женись, хоть что, а всё равно о ней будут как о твоей подстилке говорить, не больше, люди у нас такие. Есть, конечно, подобные тебе, что не чураются этого, но их не так много. Попомни моё слово, не ставь её между небом и землёй, не делай приживалкой, знал бы ты, как тяжело станет ей быть на свете, — печально отозвалась Телимена. — Ты не поймёшь то, о чём я говорю, пока сам не столкнёшься с этим. Матиуш, женщине и так непросто приходится, а женщине свободной, оказавшейся вне трёх сословий, и того хуже. Король Анне титула не даст, оно ему ни к чему, да и мы с тобой не те дворяне, что вечно стоят у политического руля.

— Вы приехали кликушничать? — тихо спросил Вишнинецкий, подходя к ней вплотную и глядя так, как не смотрел никогда. Анна даже испугалась, увидев его таким. — Я повторяю, вы приехали кликушничать или всё-таки быть мне матерью, как вы часто говорили?

— Твоя мать бы сказала то же самое, — глухо ответила Руцевич, садясь обратно в кресло. — Бог с тобой, делай, что хочешь, взрослый уже. Прости меня, Анна, хотела я вас от беды убересть, да видно, не судьба. Крепись, девочка моя, теперь тебе придётся ой как несладко.

— Вот и славно, я и впрямь делаю, что хочу, и прекратите мне пугать Анну, — Вишнинецкий подошёл к письменному столу, взял в руки перо, обмакнул его в чернила и принялся что-то писать, низко склонившись над бумагой. Когда он наконец выпрямился, его лицо было исполнено решимости и какого странного, жутковатого спокойствия.

— Читай, — он протянул Анне лист, и та взяла его дрожащими руками, села ближе к канделябрам.

— Я, князь Матиуш Камил Вишнинецкий, сим заверяю, что хлопке Анне и её матери, хлопке Августине, дарована свобода. Заверяю также, что впредь они обе на моём иждивении, и даю им право носить наследственную фамилию — Костюшко. Подпись: Матиуш Вишнинецкий, дата: седьмое октября тысяча семьсот сорок пятого года. Печать, — она немного помолчала, осознавая прочитанное. — Мопанку, Господи, благослови вас Бог, мопанку, — Анна упала перед ним на колени, чуть ли не плача от счастья. — Матиуш, вы так добры ко мне, я не знаю, как вас благодарить, Матиуш!..

— Встань, ты теперь свободная, — тот мягко поднял её. — Ануся, радость моя, никогда так больше не делай. Я хочу, чтобы ты была счастлива, и это послужит мне лучшей наградой. Моя прелесть.

— Матиуш... — девушка крепко обняла его, уткнувшись носом в шею — Вишнинецкий почувствовал, как прокатилась по нему горячая слеза. — Вы такой хороший.

— Ну тише, т-ш-ш, — Матиуш осторожно обнял её в ответ, краем глаза наблюдая, как Телимена встала и тихонько вышла, сочувственно посмотрев на Анну. — Т-ш-ш, чего ты? Всё же хорошо, Ануся.

— Да ничего, — смущённо шепнула та. — Я теперь самая счастливая, любимый.

***

Потоцкий стоял на тёмной площади, сжимая в тонких пальцах фамильную шпагу. Он оглядывался, выискивая кого-то, расхаживал туда-сюда, недовольно кривил губы в холодной усмешке — он не любил, когда опаздывали. Особенно на такую презабавную в их случае вещь, как дуэль.

Послышались тихие шаги. На противоположном конце возник высокий мужчина, закутанный в чёрный плащ. Он подошёл ближе, чуть кивнул Велиславу и скинул с плеч закрывавшую его ткань, обнажая шпагу очень тонкой, почти ювелирной работы.

— Что ж, пан Мнишек, я ожидал, что вы пришлёте мне подобное приглашение, — мягко произнёс Потоцкий, вытаскивая из ножен свою. — Я бы не хотел принимать корону так, но вы не оставляете мне выбора. Защищайтесь, и пусть бой решит наш спор, — они разошлись, встали друг напротив друга, чуть поклонились, подняв шпаги, и, отдав дань порядку, одновременно ринулись друг на друга. Первое время Станислав атаковал, стараясь задеть Велислава и тем самым сильно ранить его — клинок был серебряным. Потоцкий с лёгкостью, шутя отбивал его удары, наблюдая за соперником из-под полуприкрытых век, он выжидал, пока тот выбьется из сил. Мнишек был молод, горяч, но пока не вступил в свои полные способности, и это было преимуществом Велислава. Не прошло и нескольких минут, как он сам начал наносить удары, отесняя противника к постаменту, а затем и пригвождая его к холодному камню.

— Наигрались в рыцаря? — Потоцкий встряхнул Мнишека за плечи и убрал шпагу. — Идите к чёрту. Вы проиграли, кажется, этого достаточно. Идите, не вынуждайте меня пускать вам кровь ещё и этим ужасным оружием.

— Будьте вы прокляты, — глухо отозвался Станислав, отряхивая жилет. — Я всё равно добыюсь своего так или иначе, ручаюсь. Мы ещё посмотрим, кто кого, пан гетман. А куда... разрешите не кланяться.

— Разрешаю, — презрительно ответил Велислав, выпуская его. — Убирайтесь. Я не желаю больше вас видеть.

— Прощайте, — Мнишек исчез в ночном воздухе, а Потоцкий оправил одежду, пригладил волосы, разметавшиеся во время дуэли, глубоко вдохнул, пристально глядя в небо.

— Как тяжело быть у власти, Фелисия, — тихо прошептал он. — Ты так мне нужна, ты так мне нужна, и твои советы, твоя помощь и поддержка, твоя забота — мне этого очень не хватает. Я отомстил Чаплинскому, я заживо его распял и оставил на корм стервятникам, но разве это могло тебя вернуть, моя Фелисия? Разве могли моя боль и мои проклятия донестись до столь слепого и столь же глухого к моим молитвам Бога? Почему он оставил меня, дорогая? Почему ты меня оставила, обрекла на вечную муку, что за страшная участь, ужасный рок постигли мой дом и мою семью? О Боже, Боже, если ты есть, если ты только там есть, хоть раз, единственный раз услышь меня. Упокой душу моей жены, моей милой Фелисии, и если ты хотя бы немного справедлив к праведникам, к твоим верным детям, то дай рабе твоей, несчастной Анне хоть капельку того, что она заслуживает. Пусть она сегодня улыбнётся во сне, потому что будет счастлива. Уж это-то тебе под силу?

Бог молчал. Лишь блестели в ночной тишине звёзды, ветер гнал облака куда-то на запад,

то и дело закрывая ими огромную бледную луну. Велислав смотрел и надеялся, впервые за много лет сжимая руки в молитвенном жесте.

А в Грохове под тёплым одеялом в объятиях Матиуша спала Анна, её губы слегка улыбались, она уже давно не была так расслаблена и спокойна. Сегодня она заснула свободной. И надежда в её нежной душе расцвела, пробудив собой огромную силу — доверие пану Матиушу.

Глава двадцать вторая

Анна сидела у огромного зеркала, заказанного специально для неё из Венеции, и расчёсывалась, украдкой любуясь собой. Те несколько месяцев, проведённых вне тяжёлой работы и сурового существования впроголодь, хорошо сказались на её здоровье и внешнем виде — девушка слегка пополнила, её кожа сделалась светлее и нежнее, волосы стали мягкими и шелковистыми. Матиуш после поездки в Варшаву стал уделять больше внимания её гардеробу, и теперь Анна могла хоть каждый день надевать новое и очень красивое. Её жизнь шла в гору — Вишнивецкий продолжал учить её наукам светского общества, Вацлав и Велислав слали письма, а пани Телимена, стойко приняв очередную блажь племянника, обращалась с ней и того лучше, не делая никаких различий. Теперь дело оставалось только за одним — уговорить мать переехать.

Пани Августина дала молчаливое согласие на их с Матиушем отношения и никогда не упрекала дочь в её решениях, но она была женщиной старого склада, ей сложно было бы принять известие о свободе и переезде в усадьбу. Конечно, сына её пан освободил ещё несколько лет назад и разрешил уехать на заработки в город, Августина не могла этому не радоваться, но для себя она вольную совсем не представляла — старая крестьянка не видела жизни без подчинения. Анна очень хотела уговорить её и перевезти поближе к себе — она слышала, как мать кашляет, видела, как она едва ходит. Девушка чувствовала, что от тяжёлой работы Августина сильно болеет.

— Матиуш, вы можете мне помочь? — как-то спросила она в тот самый момент, когда Вишнивецкий мягко обнял её за плечи, проскользнув пальцами к завязкам сорочки. Тот немного опешил, но кивнул, слегка улыбнувшись.

— Поезжайте со мной к матери. Вы и сами говорили, что хотели с ней познакомиться, а заодно вместе уговорим её оставить дом. Да что дом, это так, хижина, уже рушится всё, а матушка больна. Прошу вас, я сама не справлюсь, — Анна смотрела на него умоляюще, её хрупкие пальцы переплелись между собой, волосы разметались и чуть растрепались, отчего она стала похожа на какую-то неизвестную, но такую искреннюю святую, что у Матиуша на несколько мгновений захватило дух от этого зрелища. Он долго не мог ответить, произнести хоть слово, до невозможности очарованный Анной, только неотрывно смотрел в её огромные чистые глаза.

— Матиуш? — она произнесла его имя легко, но в то же время с некоторым беспокойством, заботой, затаённой, нежной любовью, обернулась, и её тонкие, теперь уже по-настоящему розовые губы оказались так близко к его губам, что Вишнивецкий не смог удержаться и, ведомый какой-то неизвестной ему силой, поцеловал её, почти судорожно сгребая в охапку и прижимая к себе.

— Я... — когда он оторвался от её губ, то понял, что забыл, что она спрашивала. Произошедшее ненадолго свело его с ума, он и сам не знал почему. — Что ты хотела?

Девушка зарделась, отвела взгляд и тихо повторила свою просьбу, с удовольствием ощущая, как Матиуш ласково целует её плечи.

— Ну конечно, я обязательно помогу тебе. Я буду рад, если твоей матери здесь понравится. И я велю нашему личному врачу её осмотреть, он выпишет необходимые лекарства. Она не будет нуждаться, Ануся, я обещаю, — Вишнивецкий внутренне остался доволен тем, что она его об этом попросила. Это был щекотливый вопрос, как-никак

Августина вполне могла в будущем стать ему родственницей хотя бы фиктивно, но, честно сказать, Матиуш побаивался её, её воли в подобной неволе, её строгости. Однако у него был шанс установить с ней хорошие отношения, и он готов был им воспользоваться.

— Спасибо, — девушка неуверенно обняла его за шею, забираясь пальцами под тонкую ткань рубашки, осторожно и нежно погладила, затем сама робко поцеловала любимого в губы, пробираясь ладонями выше и путаясь пальцами в волосах. Матиуш с удовольствием, но слегка неловко отвечал ей — она впервые сама проявила желание быть с ним. Это совсем немного, но всё же грело ему душу. Быть может, так она ему доверяла?

***

Утро встретило их слабыми лучами осеннего солнца. Анна поморщилась и теснее прижалась к Матиушу, заворачиваясь в одеяло, обнимая. Вишнинецкий сонно пробормотал что-то, подминая её под себя, чтобы она не мёрзла. Было не так уж и рано, но в холода хотелось спать и подольше оставаться в тёплой постели. Они ещё немного дремали в объятиях друг друга, греясь и чуть ворочаясь, чтобы устроиться поудобнее, но уже нужно было подниматься — Анна хотела как можно скорее забрать мать из тех ужасных условий.

— Не волнуйся, она поймёт, — шептал Матиуш ей на ухо, пока они ехали в деревню. Анна сидела как на иголках и беспокойно мяла оборку платья. — Всё будет в порядке, я уверен. Ануся, съем.

— Я невкусная, — девушка совсем по-детски уткнулась носом ему в шею.

— А вот неправда, — Вишнинецкий мягко поцеловал её в затылок. Тут же карета остановилась, и он выглянул в окно. — Этот... дом?

— Да... — Анна опустила взгляд и густо покраснела от стыда. — У нас тут... я вам говорила уже.

— Разберёмся, — Вишнинецкий вместе с ней покинул экипаж, подошёл к старому забору осторожно толкнул калитку и быстро прошёл по небольшой дорожке к избе, вежливо постучал в бревенчатую дверь. Та неприятно закрипела, и в проёме показалась пожилая, седая, но гордая и статная женщина в расшитом переднике.

— Пан князь, — она низко поклонилась ему, и только затем увидела дочь. — Ануся, девочка моя, приехала! — она бросилась к ней, девушка сама побежала к ней навстречу, и они крепко обнялись.

— Ты у меня теперь госпожа стала, доченька. Спасибо, что матушку не забываешь, — ласково сказала Августина. — Проходите в дом. У нас тут скромно, мопанку, уж не обессудьте.

— С-спасибо, — Вишнинецкого удивили те простота и честность, с которыми крестьянка пригласила его в своё жилище, то, как искренне она обнимала дочь, вообще вся эта неприглядная жизнь целого сословия. Да, Матиуш многое сделал для своих людей, однако он нечасто выбирался в деревню и почти не видел, как они живут.

— Чем богаты, — женщина поставила на стол нехитрую снедь, Анна бросилась ей помогать, и Вишнинецкого просто передёрнуло от того, как они все преклоняются перед ним и боятся. Он никогда не думал о том, каким он кажется тем, кто ниже его по происхождению. Он никогда не думал, как высокомерно держится с ними, как обращается. И сейчас это очень сильно напугало его, ведь он никогда не хотел быть для своих же людей таким.

— Матушка, мы с тобой поговорить хотели, — Анна села рядом с любимым и взяла его за руку. — Матиуш мне и тебе вольную написал. Мы с тобой теперь свободны.

— Вольную? — Августина схватила за сердце и долго непонимающе смотрела на Вишнивецкого, не веря своим ушам. — Пан, да как же... как такую милость-то заслужили, мопанку. Благослови вас Господь за вашу доброту, я за вас каждый день молиться стану... — она хотела было броситься ему в ноги, как по старинке, но Матиуш мягко удержал её.

— Ваша добрая дочь на многое открыла мне глаза. Вы очень верно воспитали её, пани Костюшко, — тепло сказал он, улыбаясь уголками губ. — Ваш дом пришёл в негодность, я хотел бы хотя бы временно поселить вас в усадьбе, пока вашу избу приведут в порядок. А дальше вы сами решите, захотите остаться или нет.

— Да как же в усадьбе... Что мне там делать? Я работать давно привыкла, я и сейчас на вас тружусь, травы выращиваю, чай пить, я не могу, пан, запросто так-то да в таких хоромах. Не годится, не положено, никогда так не было. Как же я... — женщина засмузилась, пришла в полное смятение. Матиуш понял, что ей было неудобно и стыдно принимать его предложение.

— Прошу вас, соглашайтесь, я почту это за честь, тем более, Анна за вас очень просила. Вы подлечитесь, поправите здоровье, а вернётесь в тёплую и ладную избу. Я приставлю к вам какую-нибудь из девушек, что служат у меня, чтобы она помогала вам по хозяйству, — вежливо, но твёрдо произнёс Вишнивецкий.

— Да что уж делать, согласна я, — у женщины не было сил спорить. — Да только вы девушек-то от обязанностей не отрывайте. У крестницы моей, Текли, матушка уже месяц, как померла, девка одна осталась, пусть со мной живёт. И мне веселее, и ей утешение. Дозволите?

— Почему нет. Так тому и быть, пани Костюшко, — запросто согласился Матиуш. — А теперь прошу вас, соберите то, что вам необходимо, и езжайте с нами. Вас устроят, Текля сегодня же будет с вами. Мы с Анной скоро вновь уедем в Варшаву, мой друг устраивает череду балов и торжеств в честь Дня Всех Святых, а затем и Рождества. Мой новый управляющий, пан Мицкевич, распорядится, чтобы всё выстроили в срок, он же проследит за рабочими, — он дождался, пока Августина вместе с Анной соорудят небольшой узелок из вещей. — Прошу, карета ждёт.

***

Энрике Гонсалес ненавидел осень. Ему было под пятьдесят, и за свою долгую жизнь он повидал немало, но именно проклятая осень тысяча семьсот тридцать пятого года сломала всё, что у него было — Энрике, одного из лучших инквизиторов, самого обвинили в ереси. Конечно, после всех разбирательств его восстановили в должности и предложили вернуться на прежнее место, но он уже не смог. Не смог смотреть в глаза и улыбаться тем, кто пытал его и выбивал несуществующее признание.

Он оставил Испанию, доминиканцев и уехал на самый край Европы, в Польшу. Там господствовали иезуиты, и они с радостью приняли его в свой круг и орден. Гонсалес стал работать в монастыре, учить польский, заниматься теми науками, которые были запрещены в Испании, и ему стало легче. Так или иначе, Энрике занялся тем, чем ему не стоило заниматься — он стал изучать вампиров. Ему и раньше было известно, что есть такие существа, но до поры Гонсалес думал, что это лишь полусказки или совсем уж большая редкость. Однако здесь, в Варшаве, он понял, что всё совсем не так, а жуткие бессмертные существа живут почти напротив. Буквально на другой стороне улицы располагался большой особняк, да только его владелец был человек крайне... непохожий на своих сородичей. К нему всегда приходили одни и те же гости, которые до малейшей морщинки оставались

прежними, он и сам за десять лет не изменился вовсе. А самое главное, таинственный аристократ ни разу не посетил церкви.

Энрике был очень осторожен — поначалу лишь наблюдал за домом из кельи, делая записи и эскизы, затем стал прогуливаться под окнами, пытаясь что-то услышать или увидеть, и только недавно отважился и сам туда сходить и лично поговорить с хозяином. В конце концов, силы в любом случае были бы на его стороне — Энрике хорошо обращался как и с оружием, так и со словом Божиим.

Вампир, а это был именно он (Гонсалес с лёгкостью заметил необычный цвет и блеск его глаз), встретил его лично и долго всматривался, пытаясь выискать что-то в душе бывшего инквизитора, но, похоже, и её не нашёл — так сильно из чёрных зрачков разило болью и тихой, но очень опасной яростью. Они не покидали Гонсалеса с самого доноса, и это, кажется, слегка напугало хозяина дома, но он не подал виду, лишь указал тонкой бледной рукой на полутёмный холл, уходивший куда-то вглубь.

Уже в гостиной он наконец заговорил: — Оставим любезности для балов и аудиенций. Зачем вы пришли сюда?

— Узнать, кто же вы такой, — спокойно ответил Энрике, переплетая пальцы рук между собой.

— Узнали? — вампир чуть выгнул бровь, по его бескровным губам пробежала усмешка. Пламя от свечей в канделябре отбрасывало на его лицо тень, и оно отчего-то становилось зловещим и даже угрожающим.

— Почти, я покуда ни разу не услышал вашего имени, — Гонсалес пригубил чуть вина из бокала. — Это я хотел услышать от вас. В конце концов, я десять лет наблюдаю за вами. Последнее время вы часто покидаете дом. Что же произошло?

— Обо всём по порядку, — вампир откинулся в кресло и прикрыл глаза. — Меня зовут Станислав Мнишек-Вранич, мой отец — представитель шляхты, моя мать — сербская крестьянка, сам я родился довольно давно и почти не помню тех времён, впрочем, это совсем неважно сейчас, ведь вы не про это спрашиваете. Так или иначе сейчас я близок к тому, чтобы править — вот ответ на второй ваш вопрос. Власть требует переговоров, а если они не помогают, то гораздо более радикальных мер.

— Похоже, дипломатия не ваш конёк, — ухмыльнулся Энрике. — Продолжайте.

— Старая должность до сих пор не даёт покоя? — тихо спросил Мнишек, чуть ли не скалясь. — Сколько человек вы подвергли допросу?

— Не смейте, — Гонсалес сжал руки так, что побелели костяшки пальцев.

— Как мило, как мило. Вы легко выходите из себя, однако, не читай я ваших мыслей, в жизни бы не нашёл способа вас разозлить. Вы, в отличие от меня, хороший дипломат. И проповедник тоже хороший, я уверен. Остальное нет нужды перечислять — это о вас говорят другие и говорят с охотой. Впрочем, раз уж мы так много друг о друге знаем, то почему бы нам не подружиться? — Станислав поднял свой бокал, и Энрике, чуть поразмыслив, коснулся его своим.

— Но что вы от меня хотите? — спросил он, когда вампир наконец перестал разглядывать своё отражение в стекле. Мнишек внимательно посмотрел на собеседника, затем задумчиво поднялся и прошёлся до огромного мраморного камина и обратно.

— Хочу? Что я хочу? — он зачем-то повторил вопрос Энрике, будто в попытке выиграть время. — Мне нужна помощь. Быть может, помощь убеждения, быть может, помощь несколько иного характера. Вы ведь не забыли, как убивать?

— Убивать? — в глазах бывшего инквизитора заблестел недобрый огонь. — Такое не забывают, пан Мнишек.

— То есть, если я попрошу вас убить кого-то, за вознаграждение, конечно, вы согласитесь? — Станислав задал единственный беспокоивший его вопрос прямо, без увёрток, и это почему-то понравилось Гонсалесу — он любил такого рода людей.

— Смотря каким будет вознаграждение, — отозвался Энрике после недолгого молчания. — Терять мне нечего, а братья-иезуиты пусть и добры ко мне, но никак не заменят мне мою прежнюю жизнь.

— Я думаю, нам с вами явно по пути, — вампир удовлетворённо и как-то нехорошо улыбнулся. — Что вы знаете о гетмане Велиславе Винсенте Потоцком?

***

Велислав резко открыл глаза и проснулся, тяжело дыша и судорожно хватаясь за одеяло. Где-то в доме пробили часы — было уже за полночь, за чуть приоткрытым окном стыдливо светил тонкий месяц, а в комнату проникал лёгкий ветерок. Потоцкий медленно сел на кровати, поправляя растрепавшиеся и слегка спутавшиеся волосы, переводя дыхание, пытаясь успокоиться. Ему снова и снова снилась Фелисия с её тонкими чертами лица, бледными, почти прозрачными руками, пустыми печальными глазами. Она звала его, тянулась, плакала, сидя на холодном полу собственных комнат, а потом вдруг стояла на перилах балкона в свадебном платье, едва не сносимая порывистым ветром, прижимала узкие ладони к сердцу и неожиданно падала куда-то вниз, не переставая смотреть на мужа. Этот кошмар преследовал его уже которую ночь, и Велиславу как никогда было больно и тяжело.

Он вдруг почувствовал, как его руки коснулось что-то холодное. Вампир резко обернулся и содрогнулся — рядом с ним на одеяле сидела его покойная жена точь-в-точь перед самой смертью. Она слабо и безжизненно улыбалась, поглаживая его пальцы, и с какой-то странной, болезненной нежностью смотрела на любимого.

— Фелисия? — Велислав протянул к ней вторую руку, желая коснуться худой щеки и ощутить ледяную кожу.

Женщина отстранилась, но кивнула, по её лицу пробежала гримаса боли. Губы искривились в крике, а глаза совсем потухли.

— Фелисия, я так скучаю... Ты нужна мне, безумно нужна, моя милая Фелисия. Родная, — вампир не выдержал этого и попытался её обнять, прижать к себе, чтобы утешить, как он делал это раньше, но с жуткой горечью осознал, что хватает воздух, а его несчастная жена растворяется в ночной полутьме, всё так же неотрывно глядя на него. Ещё несколько мгновений он видел её голубые глаза, полные любви и тоски, а потом всё исчезло, будто бы никогда и не было. Лишь остался на его колене белоснежный цветок — роза из гроховских садов.

До самого рассвета в домовой капелле горели свечи, сияли золотом иконы. Перед Богородицею на коленях рыдал Велислав, сжимая в ладонях фату покойной супруги.

Глава двадцать третья

— Что случилось, Михал? — когда Велислав обернулся на почти бесшумные шаги камердинера, его глаза были сухи, а руки плотно переплетены друг с другом. Он покуда не поднимался с колен, но было видно, что горе на время отпустило его, и на смену ему пришла обычная вежливая холодность.

— Когда вы покинули спальню, мопанку, вы не закрыли окно, и кто-то проник в ваши комнаты, перерыл ваш стол вдоль и поперёк, но, видно, так и не нашёл то, что искал. Я сразу же проснулся и спугнул его, осмотрел мельком вещи. Кажется, ничего не пропало, но вы сами поглядите, я покуда не убирал ничего. Негоже хозяйского-то имущества касаться без спросу, ещё испорчу чего, — Михал стоял, опустив голову, и ожидал реакции господина. Обычно Потоцкий не был строг или груб со слугами, но в моменты непередаваемой тоски по покойной супруге он мог и рассердиться.

— Можешь лечь обратно, я всё уберу, — махнул рукой гетман. — Спасибо, что остановил этого преступника. Ступай.

— Спокойной ночи, мопанку, — слуга низко поклонился.

— В этом я сильно сомневаюсь, — усмехнулся Потоцкий. — Но спокойной.

Когда Михал ушёл, Велислав поднялся, потушил многочисленные свечи и закрыл створки массивного иконного оклада — он сам его сделал как первую и последнюю дань Богоматери. В голове роились сотни мыслей: кто? Зачем? Что искал? От кого? На все эти вопросы Потоцкий хотел знать ответ. Конечно, кое-какие подозрения у него были — Мнишек вряд ли сдался после той дуэли и теперь искал способы достать соперника другим образом. Впрочем, гетман уже давно привык к подобным поползновениям в свой адрес, это началось ещё тогда, когда он получил булаву. В те времена ему казалось, что так и нужно, но не теперь, когда он долго жил отшельником, медленно сходя с ума от непереносимого горя. Не теперь, когда он многое переосмыслил. Конечно, быть королём вампиров — это очень почётно, и Велислав хотел помочь соблюсти порядок в их мире, но корона тяготила его. Согласно традициям, он не мог отказаться, нужно было выждать ещё год, и только на повторных, зачастую подтверждающих первые, выборах сказать, что он снимает с себя полномочия. Потоцкий пока плохо представлял, как ему этот год пережить, но размышлять по этому поводу времени у него не было — всё уже было решено, и теперь оставалось только немного потерпеть и постараться сделать всё, что в его силах.

Велислав медленно покинул домовую церковь и тихо поднялся по лестнице наверх, с каким-то непонятным удовольствием шагая в крошечной тьме и улыбаясь чему-то своему. Он шёл мимо портретов многочисленных предков, картин с древними баталиями, занавешенных окон и ощущал себя одновременно и пленником, и господином этого жутковатого, но притягательного лабиринта из неосвещённых коридоров и изящных произведений искусства. Потоцкий очень боялся этого состояния — так к нему возвращалось его безумие и мгновенно накрывало его с головой, заставляя творить ужасные вещи. Сейчас это было совсем не вовремя, он очень не хотел чувствовать всю ту пустоту, безысходность, смерть, страх, горе, боль вновь, он очень не хотел вновь разрывать свою душу, а потом, рыдая и проклиная Бога перед ненавистными иконами, сшивать её обратно.

К счастью, дверь спальни показалась раньше, чем он успел возненавидеть всё, даже самого себя. Велислав облегчённо выдохнул и надавил на медную ручку, осторожно

заглядывая в комнату. По полу были разбросаны его бумаги, письма, какие-то личные, мало что значащие вещи. Стол был едва не перевернут, ящики валялись у окна, один из них чуть треснул — видимо, вор искал что-то вроде двойного дна или потайного отверстия. К счастью, безуспешно. Потоцкий укоризненно покачал головой, вполголоса сетуя на глупого визитёра, и принялся складывать всё обратно. Интересно, что же всё-таки искали? То, что это был посланец Мнишека, сомнений не оставляло, но что же Станислав хотел в этот раз? Вряд ли его интересовали личная переписка или счета, касающиеся поместья. Нет, ему определённо нужно было что-то совсем другое. Потоцкий вдруг понимающе усмехнулся. Ну конечно, как он мог забыть... Такое на счету у каждого вампира, нельзя пренебречь столь ценной вещью. Оружием, которое убьёт наверняка. У каждого из Детей Ночи оно своё, личное, и они всегда хранят такое, как зеницу ока. Как низко пан Мнишек-Вранич пал, решил прибегнуть к такому средству борьбы. Позор, позор для столь родовитого шляхтича. Велислав встал и подошёл к кровати, закрывая собой изголовье, и повернул резной цветок влево. Тут же вслед за ним показалась небольшая коробочка. Потоцкий открыл её и достал оттуда посеребрённую заколку, очень остро заточенную с обеих сторон. Он долго смотрел на это изящное, но очень смертоносное украшение, затем мимолётно коснулся его губами и тут же отпрянул — металл неприятно жёг.

— Как это противоречиво, Фелисия. Ты никогда не желала мне смерти, но именно твоя заколка может меня убить, — прошептал вампир, убирая коробочку обратно. — Впрочем, жизнь противоречивая, что уж сказать. Спокойной ночи. Надеюсь, тебе хорошо там.

Он опустился в кровать, укрылся одеялом и задул свечи в канделябре, тут же забываясь спокойным сном без сновидений. Больше Велислав не просыпался до самого утра.

***

— Ты будешь королевой бала, — Вацлав кружился вокруг Анны, неустанно снабжая действия портнихи ценными указаниями и замечаниями, Матиуш вторил ему, давая свою оценку будущему наряду, а Анна краснела и прятала смущённый взгляд, восхищённо посматривая на дорогие ткани и украшения — ей очень нравилось то, как они блестели и переливались, как благородно выглядели во всём этом великолепии огромного дома Левандовского. Девушка ощущала себя принцессой, ведь это был её первый настоящий, взрослый, как любил в шутку говорить Вишницецкий, бал, и она очень волновалась.

— А там кормить будут? — вопросы на ум приходили глупые, но не задать их Анна не могла.

— Было бы неплохо, если да, — кивнул Вацлав. — Вроде как должны, но могут и не устраивать званый ужин, а так, фуршет. Не беспокойся, пользоваться всеми этими столовыми приборами ты прекрасно умеешь, танцевать ты тоже умеешь, ума хоть отбавляй, а остальное никого не беспокоит. Ты и сама знаешь, почему.

— Почему? Там много старой шляхты? — вдруг заинтересовался Матиуш, до того слушавший их разговор вполуха.

— Ну... — Левандовский закусил губу, будто думая, как выкрутиться из положения, хоть на деле всё шло так, как надо. — Понимаешь ли...

— Вацлав, это опять твои тайные общества? — с опаской спросил Матиуш.

— Я вампир, — ответил ему Вацлав с такой интонацией, с которой обычно признаются в наличии любовниц или незаконнорожденных детей. Он смотрел Матиушу прямо в глаза, медленно, но верно подчиняя своей воле.

— Да ты шутишь, — Вишницецкий расхохотался. — Ещё скажи, что ведьмы бывают.

— Про ведьм не знаю, но вот про вампиров пан Вацлав не шутил, — осторожно сказала Анна. — Правда-правда, пан Вацлав умеет кусаться, но меня пока не трогал, пан Вацлав говорит, что друзьями не питается, так что не бойся.

— Вашу ж... — Матиуш нервно опустил на ближайший стул, не сводя глаз с друга. — Вашу ж... ещё раз и через Татры. Матка боска, что происходит... — он хотел было продолжить, но Вацлав с лёгкостью пресёк это.

— Якуб, принеси вина, пан Вишнивецкий слегка не в себе, — Левандовский едва подавил желание саркастично пошутить. — Анна, будь солнышком, приведи его в чувство, пока совсем богу душу не отдал.

— Матиуш, да вы не бойтесь. Говорю же, не беда. Вот я давно знаю, а ничего не было дурного, вот вам крест, — девушка засуетилась вокруг любимого. — И пан Велислав тоже вампир, он очень славный, только ему больно, потому что его жена с собой покончила. Ну, вы мне рассказывали тогда, у старого замка, помните? Вот он жив, ну как жив, по-своему, конечно, но вообще похоже. Не беспокойтесь, это всё неплохо, может, и не по-христиански, но это ничего.

— Ануся, не отпускай меня, хорошо? — Матиуш поймал её руку и прижал к груди. — Боже мой, это что-то... Что-то... Слов у меня нет.

— Да ты как-то не отличался красноречием, если честно, — пробормотал под нос Левандовский и тут же отпрянул в сторону, перехватывая летящий в него томик Шекспира. — Не смей в меня кидаться!

— Действительно, что вам пан Левандовский такого сделал. Ну вампир, с кем не бывает, — скептически и ворчливо добавила портниха. — Мерки я сняла, пошьём, — она собрала свои принадлежности и вышла из покоев, на прощание намеренно улыбнувшись Вишнивецкому — сверкнули её белоснежные клыки, и Матиуш снова прикрыл глаза, схватившись за голову.

— Дай этому болезному немного дивного снадобья из перебродившего винограда и сопроводи это подзатыльником, — устало, но с присущей ему шутливой салонной вычурностью попросил Вацлав. — Вот просто!.. Но... Не для твоих ушей слова, конечно. Я ему потом наедине скажу.

— А я ещё тут присутствую, не надо обо мне в третьем лице! — возмутился Матиуш. — Анна, запомни, никогда не говори о человеке в третьем лице, если у него есть возможность тебя слышать.

— Я уж запомнила, вот вам крест, — девушка широко перекрестилась. — Пан Вацлав говорит, что я смышлёная.

— И очень храбрая, — Матиуш поднялся, тряхнул головой, спокойно вздохнул: затея Левандовского совершенно удалась. — Допустим. Ты вампир.

— Я вампир, — покладисто согласился Левандовский. — Прошло?

— Да, — просто ответил Матиуш. — Но в следующий раз не надо меня так пугать, пожалуйста, я пусть и масон, но всё остальное для меня — большая тайна, с которой я не хотел бы столкнуться.

— Вы масон? — Анна выпучила глаза и снова перекрестилась, недоверчиво глядя. — Батюшки...

— Давай теперь ты скажешь что-то, что кто-то из нас не знает, для полной-то гармонии, — усмехнулся Вацлав, успокаивающе сжимая её руку и одобрительно смотря в глаза.

— Я свободная, — гордо и очень довольно произнесла девушка, широко улыбаясь. Вишнивецкий тут же в подтверждение кивнул. Брови Левандовского резко взлетели вверх, а Матиуш, в свою очередь, принялся что-то виновато бормотать про то, что забыл рассказать. Гармония была соблюдена.

***

Анна доселе не видела таких действительно больших и монументальных строений и теперь едва ли не приросла к окну кареты, вглядываясь в множество светлых окон и белеющих в темноте колонн. Зимний дворец Сейма поражал своим величием — это было барочное здание с уходящими вверх готическими шпилями — Вацлав говорил, что его постоянно достраивали сменяющиеся владельцы, именно поэтому и вышло такое смешение совершенно разных стилей. Впрочем, дворец всё равно оставался очень красивым.

— Мне страшно, Матиуш, — когда экипаж стал постепенно замедляться, девушка тут же прильнула к своему покровителю и спрятала лицо у него на груди.

— Ануся, всё будет в порядке, моя красавица. Ну чего ты? — Вишнивецкий прижал её к себе. — Всё, моя хорошая, всё, идём, пора. Мы отлично проведём вечер, обещаю.

— Я верю, — улыбнулась Анна. — Простите меня, просто я никогда не была в обществе стольких важных людей, я ведь всего лишь...

— Свободная женщина, которая ничем не хуже других, — перебил её подошедший Вацлав. — Блистай, сегодня твой день.

— Я думала, это будет коронация пана Велислава, — смущённо произнесла Костюшко. — Я-то тут причём?

— Моя коронация через неделю, сегодня меня лишь провозгласят. Я обещал, что приведу с собой очень красивую и интересную гостью. Поэтому да, сегодня твой день, — Потоцкий появился будто из ниоткуда и поцеловал ей руку. — Идёмте, панна Анна, все ждут вашего появления.

— Ох и подводите вы меня под монастырь, панове. Матиуш, не отставайте, прошу, я без вас с ума сойду, — девушка вцепилась в пальцы любимого, и тот успокаивающе погладил её по щеке, затем ненадолго прижал запястье к губам.

— Я рядом. Пора, — они все вместе поднялись по широким ступеням, и лакеи распахнули перед ними массивные двери, открывая взглядам небольшой коридор, в конце которого гремела музыка и пылали канделябры. Слышно было разные голоса, в маячащей впереди арке то и дело мелькали разные лица, платья, камзолы, и девушке уже не терпелось оказаться там и ощутить свою мечту наяву.

— Пане и панове, добрый вечер, — музыка затихла, Велислав легонько подтолкнул Анну на середину зала и твёрдо удержал Матиуша, шёпотом велел ему покуда не показываться. — Я благодарен вам за то, что вы сегодня собрались здесь, в славный Самайн, дабы избрать нового короля. Я пришёл сюда не один, а с моей прекрасной гостьей, пани Анной, и её спутником. Надеюсь, вы примите их с должным почётом, как и полагается нашему роду.

— Не знаю, как остальные, но я бы такой пани дорогу розами и шелками устилал, чтобы она земли не касалась, — отчётливо сказал кто-то, наконец отвернувшись от огромного окна, в стёклах которого отражалось всё помещение. — Анджей Лович, ксёндз. Добро пожаловать.

— Спасибо, — девушка присела в изящном реверансе, чуть склонила голову, опустив взгляд, и в тот момент она была так похожа на сошедшую с неба святую, что по рядам

вампиров разнёсся восхищённый вздох.

— Да, верно, добро пожаловать! — вперёд выступила тонкая черноволосая женщина в богатом венгерском наряде. — Род Батори приветствует тебя.

— Как и род Дракул, — высокий мужчина-валах в тёмном камзоле поцеловал Анне руку. — Добро пожаловать.

— Максимилиан Отто Фридрих фон дер Штраус-Гессен, добро пожаловать, фрау Анна, — подчёркнуто строгий и педантичный вампир в круглых очках в золотой оправе чуть поклонился ей. — Весёлого Самайна.

Все приветствовали Анну, мужчины целовали ей руки, дамы дружески обнимали, Вацлав одобрительно кивал, пристально смотря на неё, а на губах Велислава впервые за долгое время светилась искренняя счастливая улыбка. Матиуш сидел в стороне, и Анна то и дело ловила его мягкие, полные нежности взгляды. Вишнивецкий не нарушал её триумфа, давая насладиться ощущением того, что королева этого бала — она.

— Музыка! — Потоцкий хлопнул в ладоши, и вновь зазвучали инструменты, играя вальс. Камил тут же оказался рядом с Анной и приобнял её за талию, беря за руку.

— Ты прекрасна, — он улыбнулся ей. — Ну как, страшно?

— Ни капельки, они такие славные, — девушка преданно положила голову ему на грудь. — Я люблю вас, очень сильно люблю.

— Моя Ануся, — Матиуш ласково поцеловал её в лоб. — Ты...

— Какой чудесный вечер для разоблачения чужих тайн! — вдруг перебил его чей-то бодрый громкий голос с лёгким сербским акцентом. — Не так ли, пан Потоцкий?

— Чёрт вас побери, Мнишек, — Велислав гневно посмотрел на соперника, нервно сжимая кулаки. — Это священная ночь, побойтесь Дьявола!

— Нет, это вам стоит бояться, — Станислав оскалился и изящно бросил Дракуле небольшой свиток. — Известно ли ясновельможной шляхте, что будущий пан король незаконнорожденный?

На несколько минут воцарилось молчание, всё стихло, а вампиры замерли, мысленно переговариваясь между собой. Влад тем временем закончил читать, ухмыльнулся и просто разорвал бумагу пополам, бросив её под ноги Мнишеку.

— Да я ведь, пане и панове, тоже незаконнорожденный. Не помню, чтобы мой отец с кем-то заключал брак, хотя, если он только пожелает, то женится на самой королеве Франции, она без вопросов даст согласие. Что ж мне теперь с этим делать?

— И мне. Ума не приложу, как жить с таким известием? — присоединился к нему Вацлав.

— Какое горе, и я рождена вне брака, — безумно расхохоталась Батори. — Как же так?

— Это был бесспорно красивый ход, Станислав, очень красивый. Мы все оценили не только ваше рвение, но и степень вашего ребячества, увы, последнее нас совсем не прельщает. Вам не быть королём, можете убираться, — Дракула усмехнулся. — Музыканты, мазурку!

— Вы меня спасли, — когда все вновь закружились в танце, Велислав незаметно подошёл к нему и протянул руку. — Я вам очень благодарен.

— Рад помочь, — Влад крепко пожал её. — Вы хороший... человек, если можно так выразиться, пан Велислав. Дерзайте, Польша должна цвести.

Глава двадцать четвёртая

Анна юркнула под одеяло и тут же прижалась всем телом к Матиушу, кладя голову ему на грудь. Вишнинецкий с удовольствием провёл ладонью по её спине, забираясь под шёлковый пеньюар, затем осторожно поцеловал в висок. В спальне царил полумрак, горел лишь один канделябр, и Матиуша клонило в сон. Он сильно устал от прошедшего бала и теперь хотел лишь одного — отдохнуть.

— Было так славно, — нежный голос девушки развеял его дрёму и вернул в реальность. — Мне очень понравилось. Спасибо, что позволили, Матиуш.

— Не за что, Анна, ну что ты. Мне в радость сделать так, чтобы тебе было хорошо, не смущайся, моя прелесть. Какая же ты у меня красавица, боже мой, — Вишнинецкий зарылся носом в её растрёпанные рыже-золотистые волосы и вдохнул их приятный ромашковый запах. — Анна, я делаю счастливой тебя, а ты меня. Это так замечательно.

— Так сам Бог велел, — Костюшко потянулась и устроилась поудобнее, сладко зевнула, чуть ли не мурча от удовольствия, а затем вдруг поднялась на локте и посмотрела на любимого сверху вниз, смущённо попросила:

— Матиуш, а расскажите мне.

— О чём? — удивился тот. — Я с удовольствием.

— Расскажите мне о ваших родителях, о вашей семье. Я хочу знать, — Анна доверчиво заглянула ему в глаза. — Вы показывали мне портреты, мне очень интересно, кто эти люди.

— Что ж, изволь, — Вишнинецкий медленно кивнул. — Мой отец, Ян, женился на моей матери, Эльжбете, когда ему было двадцать, а ей семнадцать, они прожили в браке десять лет. Я знаю, что они были счастливы, очень счастливы, мне тётя рассказывала. Сначала мама родила мою сестру, Василису.

— Что за странное имя, — удивлённо заметила Анна. — Не слыхала такого. Откуда оно взялось такое?

— Моя матушка происходила из смоленских дворян, раньше эти земли принадлежали Российской империи, и семья была православной. Когда Смоленск стал польским, они уехали в Варшаву, потому что старшая и единственная дочь вышла замуж за ольшанского хорунжего. У них была традиция называть старшую дочь Василисой в честь святой покровительницы. Когда вся семья перешла в католичество, это стало данью прошлому. Моя матушка была самой младшей, тётя — средней, вторая тётя — старшей. Когда у мамы родилась дочь, она назвала её Василисой, как и было заведено, — Матиуш говорил тихо и мягко, однако брови его были нахмурены, а мышцы — напряжены, будто ему было очень тяжело об этом всём вспоминать.

— Что с ней случилось? — девушка почувствовала его тревогу и осторожно обняла, целуя оголившееся плечо, отчего Матиуш слабо улыбнулся, но через мгновение его взгляд вновь сделался отстранённым.

— Она умерла несколько лет назад, — эхом отозвался он чуть погодя. — При родах. Плод был расположен неправильно, они просто не успели её спасти. Василиса была такая красавица, такая умница, затейница, никогда не сидела на месте. А как вышла замуж, стала чахнуть. Беременность же совсем уж на неё давила. Бедная, она так любила жизнь. Я скучаю по ней. Не всегда, но когда вспоминаю...

— Я понимаю вас. Я тоже скучала по отцу, когда он умер, а потом это как-то прошло. Я

вас встретила, Матиуш. Вы помогли мне, — просто ответила Анна, поглаживая его по мягким чёрным волосам. — А я вам?

— Да, ты приятно отвлекла меня от многих вещей. Понимаешь ли, Ануся, мне трудно быть несчастным: у меня всё есть, я могу делать, что захочу, я получаю, что захочу, кого захочу. Я должен быть счастлив? — тихо, с какой-то странной надеждой, с непонятным ожиданием спросил Вишнивецкий.

— Разве счастье зависит от того, что у вас есть? Это нельзя купить даже за все богатства мира. Знаете, почему я счастлива? Потому что я вас люблю, — девушка мягко, но как-то печально улыбнулась. — Понимаете?

— Как так вышло? Как ты меня полюбила, Анна? — Матиуш посмотрел прямо ей в глаза, будто пытаясь там что-то выискать. — Я не знал любви, но разве такое бывает? Так быстро и преданно влюбиться возможно?

— Одному Богу известно, — честно призналась Костюшко, легко поведя тонкими плечами. — Но на то он и Бог, чтобы всё знать, верно? Я люблю вас по его велению и всегда буду любить.

— Ты ведь понимаешь, что я тебя не люблю? Да, ты мне бесспорно нравишься, ты хороша, мила, с тобой интересно, но я не люблю тебя, — Вишнивецкий виновато отвернулся, будто бы затушить свечу. — Прости.

— Я знаю, — девушка тяжело и как-то обречённо вздохнула. — Я знаю, что вы меня не любите, и так, верно, и должно быть, вы ведь ясновельможный, а я нет, но это правильно. А как иначе?

— Я не знаю, Ануся, я не знаю. Я просто хочу, чтобы всё было, как есть, и никак по-другому. Хорошо? — Матиуш вдруг резко притянул её к себе и глубоко поцеловал, судорожно обнимая. — Обещаешь?

— Обещаю, — девушка с удовольствием ответила ему, в её голосе чувствовалось облегчение. — Нам ведь хорошо сейчас? Пусть так и будет.

***

— Дивный был случай, — Вацлав отпил немного крови из бокала и поставил его обратно на резной столик из красного дерева. В малой гостиной весело трещал камин, тень от пламени плясала по стенам, отражалась в огромных окнах. Велислав сидел напротив, заложив ногу на ногу и откинувшись в кресло, его тонкие пальцы переплелись между собой, а карие глаза были полуприкрыты. Он медленно кивнул, задев острым подбородком накрахмаленный воротник, затем заговорил:

— Может, и дивный, но мне было не до наблюдений. Как же низко он пал. То попытки убийства, то это заявление... Нашёл способ испортить мне настроение, если честно. Мальчишка! Когда он поймёт, что уже поздно метаться и пытаться что-то сделать? Вацлав?

— Сложный вопрос, поверь. Мнишек, сколько мне известно, всегда был амбициозен и напорист, будь то бой или дама. Как ты понимаешь, и в том, и в другом случае это полезное качество, однако в нашей ситуации оно скорее похоже на нечто... совсем иное. Глупое и детское. Я не думаю, что Станислав настолько глуп, что не понял моего первого намёка, но с другой стороны, зачем ему продолжать весь этот цирк после моего "нет"? Как считаешь? — Левандовский внимательно посмотрел на друга. — Как-то всё слишком... наигранно смотрится.

— Бесспорно, — задумчиво произнёс Потоцкий. — Я знал его, мы довольно давн знакомы, он всегда славился тем, что с лёгкостью менял маски и настроения, будто он не

живой человек, а лист бумаги, то и дело меняющийся в зависимости от желаний художника. Уверен, он и тут использовал это своё умение.

— То есть, он намеренно разыгрывает эти комедии, чтобы потянуть время подольше? — Вацлав нахмурился и напряжённо сел, схватишься за голову и запутавшись пальцами в светлых кудрях. Его зелёноватые глаза метали молнии — вампир был в ярости.

— Каков подлец! Он обратился к кому-то за помощью, но явно не к нашим Сородичам. Понимаешь, чем это чревато, Велислав? — он поднялся и нервно прошёлся из стороны в сторону. — Понимаешь?

— Как никто другой. Я думаю, это кто-то из Инквизиции, кто-то из бывших или отошедших от дел. Надо спросить Анджея, может, он знает, были ли последние, скажем, лет десять-двадцать пополнения в монашеских орденах Польши и обителях Варшавы. Если да, то, возможно, мы знаем, где искать, — Потоцкий обернулся к нему. — Присядь, не волнуйся так. Он глуп, самонадеян, да, он подвергает нас опасности, но в этом состоит жизнь. Он тоже это поймёт и примет. Пусть я и зол на него, но он по-своему несчастен.

— Мне бы твой настрой, дорогой друг, — усмехнулся Левандовский. — Ты поразительно долго надеешься и веришь в людей. Разве это не удивительно?

— Не думаю. Фелисия была такой же. Всегда во всех верила, старалась помочь, всегда надеялась, а потом... знаешь, она ведь даже Чаплинскому всё прощала, говорила, что ему очень тяжело, раз он нам так завидует, говорила, что надо Бога молить за него, а ведь именно он в итоге стал причиной её смерти. Как это всё страшно, но так правдиво, — Велислав тяжело вздохнул. — Я порой так скучаю по её всепрощению. Раньше, что бы я ни сделал, она всегда готова была всё мне простить, отпустить грехи и принять таким, какой я есть. Даже посмертно.

— Посмертно? — Вацлав нахмурился. — Что это значит?

— Она приходила ко мне несколько ночей назад. Сама. Села на кровать, смотрела. Мне кажется, она видела мою душу тогда и хотела мне помочь, как-то облегчить мои страдания. Она всегда была моей поддержкой, всегда могла помочь советом или ласковым словом. Знал бы ты, как мне её не хватает, — признался Потоцкий, отводя печальный взгляд. — До ужаса не хватает, если честно. Как будто забрали часть сердца.

— Мне жаль, — Левандовский поднял бокал. — Пусть ей будет там хорошо.

— Аминь, — прошептал Велислав дрожащими губами. — Аминь.

— Крепись, второй раз ты не женишься, а первый... сам понимаешь. Боль рождает плоды, друг мой, и плоды эти достаточно велики, чтобы её окупить, поверь мне. Уж я-то знаю... — на этих словах глаза Вацлава заметно потускнели и наполнились горечью. Гетман заметил это и осторожно спросил:

— Тебе знакомы мои чувства?

— К сожалению. Я тоже терял, Велислав, терял до ужаса страшно и жестоко, я до сих пор вижу это в редких снах, да каких снах, кошмарах. Это так жутко, что у меня кровь делается ещё холоднее, понимаешь? Я бы никому такого не пожелал, — Левандовский смотрел в огонь, и Винсент отчего-то очень боялся поймать его взгляд.

— Что было? — тихо спросил он.

— Вся моя семья погибла... в огне, в то время как я был где-то в Италии, раскручивал очередной политический скандал. Я тогда уже получил становление и мог бы их спасти, окажись я рядом. Но увы... Я приехал через полгода и увидел пепелище. Мне даже не сообщил никто. У меня были мать, отец, сёстры, племянник... А остались только семь

надгробий в семейном склепе!

Он ненадолго замолчал, пытаясь перебороть себя и свои муки, а затем продолжил:

— У меня осталась только... Елена, моя самая младшая и самая любимая сестра. Я хотел её обратить, но костлявая забрала её раньше, вырвала из моих рук. Елешка носила дитя от своего уroda-мужа, я всегда был против их брака, и этот ребёнок её убил. С тех пор я совсем замкнулся в себе. Спустя века я встретил Матиуша, чуть погодя Анну. Считай, что они и есть моя семья. Ну и ты. С вами тремя я сошёлся достаточно близко, чтобы довериться.

— Я приложу все усилия, чтобы ты не потерял и нас, — мягко ответил Велислав. — До дна, Вацлав.

— До дна, — они одновременно опустошили бокалы, и Левандовский потянулся за ещё одной бутылью крови. — А этот урожай неплох. Интересно, кто послужил нам в пищу.

— Вполне приличные люди, судя по вкусу, — отозвался Потоцкий. — Славная кровь, славная, готов поклясться, и сам Дракула не пьёт лучше.

— Ты думаешь? Я слышал, он промышлял этим, ещё будучи человеком, уже поднаторел в выборе за столько времени, — пожал плечами Вацлав, вымученно, но довольно живо улыбаясь.

— Думаю, это лишь слухи, их с лёгкостью мог распустить тот же Корвин, — Велислав безразлично поджал губы, а затем вдруг поинтересовался:

— Вацлав, а как ты думаешь, Матиуш примет дитя Анны, если она от него забеременеет?

— Возможно. То есть, я почти уверен. Я знаю, что она пила что-то, чтобы не беременеть, она недавно призналась мне в этом, а затем сказала, что хочет родить ему наследника, но очень боится, что после того её бросят, просила помочь. Я помог, и теперь она вполне может понести. Безусловно, это слишком резкий переход от слов к делу, но сама бы она никогда не решилась, а это сейчас очень нужно. Я думаю, это образумит нашего друга. Хотя он и сам во многом ребёнок. Почему ты спрашиваешь? — уточнил Левандовский.

— Думал о твоих словах. Ты мог бы воспитать его как своего наследника. Или наследницу, выбирай, что больше нравится, но факт остаётся фактом. Матиушу всё равно такого не сделать, незаконнорожденный ведь малыш, а в твоём случае это не помеха. У ребёнка будет крёстный и надёжный родственник. Как тебе такая мысль? — предложил Велислав. — Знаешь, у Фелисии была сестра, она умерла, оставила после себя трёхлетнюю дочку. Моя супруга хорошо о ней заботилась, Бася звала нас родителями, ласковое солнышко. Жаль, что её скосила оспа... Фелисия так горевала.

— Вот как. И всё же, ты не объяснил до конца ход своих мыслей. Изволь, — Вацлав хитро улыбнулся. — Ну?

— Могу ошибаться, но они друг другу много лгут. Матиуш уже сам не знает, что хочет от Анны, как с ней жить, какого рода у них отношения, а Анна не знает, кто она теперь такая, и продолжает убеждать себя в том, что она счастлива. Рано или поздно она и впрямь понесёт, и тогда я не знаю, что будет. Это скандал, — поведал Потоцкий. — Я не люблю вмешиваться в дела людей, но этим по-своему симпатизирую. Мы должны подтолкнуть их к откровенному разговору, пока они не натворили дел.

— Предлагаешь направить Ловича? У него это неплохо выходит, сколько я помню, — Вацлав слегка поморщился. — С Матиушем я и сам договорюсь, но вот Анна мне без гипноза не поверит, а я бы не хотел прибегать к нему в подобной ситуации. Анджей тут,

конечно, справится лучше моего, особенно, если приплетёт Бога и прочие важные ей вещи.

— Бесспорно, это его территория, — согласился Велислав. — Я попробую с ним договориться, раз уж на то пошло. С тебя Вишнивецкий.

— Будет исполнено, пан гетман, — Вацлав расхохотался. — За наш успех!

— За наш успех! — довольно ответил Потоцкий. — Время действовать.

***

Утро было очень холодным, и Анна долго не хотела вставать, чтобы отдёргнуть шторы. Ей хотелось прижаться к Матиушу ещё теснее, спрятаться и не покидать тёплой постели, но в комнате было немного душно и по-неуютному темно, поэтому девушка нехотя поднялась и немного раздвинула тяжёлые портьеры, мельком глянув в окно на улицу.

Там кое-где сновали люди, кто-то нёс свой товар на рынок, пара монахов шла в церковь, а женщины покупали у торговца какие-то безделушки. Ветер с реки трепал оставшиеся кое-где на ветках листья, гонял их по мостовой и окунал в лужи — ночью шёл сильный дождь, кажется, с грозой, и, верно, пойдёт ещё. Анна с сожалением вздохнула, потеряв всяческие надежды на прогулки, и легла обратно, тут же крепко обняв Матиуша. Тот заворочался во сне и слабо улыбнулся, затем сонно поцеловал и снова устроился на подушках.

— Какой же вы красивый, — прошептала девушка. — Я так люблю вас, так люблю. С ума сойти можно, как.

— М? — Вишнивецкий лениво приоткрыл один глаз.

— Ничего, спите, спите, — Анна поцеловала его в лоб и устроилась на груди. — И я посплю, так уж хорошо.

Через час или около того она вновь проснулась, но уже от возни Вишнивецкого. Тот с интересом перебирал её волосы и гладил по лицу, касался плеч и рук, заворожённо разглядывая её.

— Ты прекрасна, — прошептал он. — Даже идти никуда не хочется, а надо, меня пригласили на завтрак к графу Дракуле. Тебя он покуда не звал, там будут только мужчины, сама понимаешь. Но Вацлав ещё вчера обещал найти тебе достойное занятие в наше отсутствие. Дождёшься меня?

— Обязательно, — Анна слегка погрустнела, но не стала об этом говорить. — А что за занятие?

— Не знаю. Быть может, познакомит тебя с кем-то или даст интересную книгу, ведь у него такая огромная библиотека. Впрочем, мы не пробудем в гостях слишком уж долго, ты не успеешь заскучать, обещаю, — Матиуш коснулся губами её виска. — Пора вставать.

— А так не хочется, — девушка немного поворочалась, затем всё же села на простынях. — Но делать нечего, вы правы.

***

Анна весело прыгала через ступеньку, Матиуш едва поспевал за ней, одобрительно улыбаясь. У девушки было хорошее настроение, и это его радовало.

— Анна, Матиуш, доброе утро! — внизу показался Вацлав и помахал им. — Как спали? Хорошо? А у меня для юной панны сюрприз.

— Это какой? — удивилась Анна. — Пан Вацлав, не томите.

— Анджей Лович, ваш вчерашний знакомый, — перед ними тут же возник ксёндз и приветливо улыбнулся. — Ну не мог же я оставить тебя одну, пока мы развлекаемся. Пан Анджей будет с тобой, надеюсь, вы хорошо проведёте время.

Глава двадцать пятая

Когда Вацлав с Матиушем ушли, Анна скромно предложила ксёндзу расположиться в столовой и ушла распорядиться по поводу завтрака. Лович с интересом изучал интерьер дома Левандовского и с тёплой улыбкой наблюдал, как Анна суетится и указывает слугам, как что делать, забыв о том, что в таких ситуациях хозяйке полагается развлекать гостя, а подобными вещами занимается кто-то другой, причём явно ниже по статусу. Девушка совсем не привыкла к своему положению, и Анджей чувствовал её печаль, тяжесть на её душе и какую-то непонятную тоску. Он прибыл сюда по просьбе Вацлава, но теперь и сам хотел помочь Анне, потому как на самом деле пожалел её.

— Вам идёт это дивное платье. Вы очень свежо выглядите в нём, пани Вишницецкая, — вежливо заметил он, когда запыхавшаяся девушка вернулась к нему, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Спасибо, конечно, — смущённо ответила Анна, но глаза её были грустны. — Но я никакая не Вишницецкая, незамужняя я. В греховной связи живём.

— И без любви? — обеспокоенно спросил Лович, сочувственно глядя на неё. — Как же так?

— Не знаю, отче. Но на всё воля Божья, раз так есть, значит, так надо. Разве я не права? — Костюшко села напротив и неестественно выпрямилась, стараясь ровно держать подбородок и выглядеть серьёзно. Анджей заметил её волнение и боязнь, даже какое-то отчаяние, и это ужаснуло его.

— Анна, да что же вы... — он поднялся, подошёл к ней, мягко обнял, и девушка разрыдалась в его руках. — Анна, не нужно всех этих условностей, будьте собой, дочь моя. Ну полно, полно, всё же хорошо.

— Душно мне, святой отец, душно. Я уже и не я стала, я не знаю, как мне жить, что мне делать, как не бояться будущего. Вот и вы пришли, я сразу бросилась слугам указывать, что и как делать, а сама не могу им в глаза посмотреть без стыда, потому что такая же. И к вам прийти стыдно, я и не знаю, как мне разговор поддержать, как сесть правильно, встать. Меня пан Матиуш с паном Вацлавом, конечно, многому учили, но есть вещи, которые с молоком матери только впитать можно, матери-шляхтянки, а моя мать из крестьян. Мне очень страшно. Страшно и душно, как перед смертью... Я не хочу умирать, — девушка подняла на Ловича заплаканные глаза. — А рассказать боюсь, пан Матиуш не поймёт, а пан Вацлав расстроится, добрая душа, он ведь столько сделал, чтобы я об этом не думала...

— Ты давно была на исповеди, дочь моя? — тихо спросил Анджей. — Ведь она придумана не столько отпустить грехи, сколько облегчить душу, выговориться. То, что ты рассказала мне, искренно и поэтому ценно, что ты говорила это, чтобы хоть как-то уменьшить свои страдания, а не вызвать жалость. Почему ты не пошла к священнику?

— Деревенский ксёндз отлучил меня от прихода, — глухо ответила Анна. — Он у нас строгий, сказал, либо откажись, либо так и живи во грехе, но без моего благословения. Я ведь люблю, рассорилась с ним, пану Матиушу говорить не стала, не хватало ещё, чтобы из-за меня человек место своё потерял, из-за моей любви. Здешний ксёндз меня не знает, да и не надо ему знать, что хлопка в шелка да жемчуга одевается, сплетни пойдут — меня-то раньше местные дамы не видели, да и все, кто в храм пойдёт. А в церковь боле не хожу, Бог-то, он везде, он меня не оставит. С остальным справлюсь как-нибудь, только б силы были.

— Любовь не грех, — серьёзно сказал Лович, ласково погладив девушку по голове. — Любовь — дар Божий, раз ты любишь и потому остаёшься с паном Вишницецким, то это правильно. Никто не может отлучить тебя, если ты невиновна, а если и виновна, то надобно наставить на путь истинный, а не гнать. Ты читала Библию?

— Нет, нельзя ведь. Но пан Вацлав кое-что из неё мне читал. Уж не знаю, где он её достал, но было так интересно! — Анна покраснела и хитро улыбнулась. — Вы ведь не расскажете никому, правда? Это секрет.

— Не расскажу, — рассмеялся Анджей. — В Библии сказано, что один раскаявшийся грешник дороже сотни праведников. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась девушка. — Простите, но я не вижу связи.

— Если человек виноват, то лучше разъяснить ему его ошибки и помочь исправиться, а не удалять от себя. Уж если твой ксёндз считал тебя виноватой, то пусть бы не ставил ультиматума, а помог бы. Это отличает плохого наставника от хорошего, — терпеливо пояснил Лович, отпуская Анну и подходя к окну. Он долго смотрел вниз, на улицу, затем подозвал девушку к себе и указал на одну из торгующих женщин.

— Видишь эту пани? Знай ты, что она завышает цену на то, что продаёт, чтобы купить лекарства для больного сына, стала бы её отлучать? — спросил он, внимательно глядя ей в глаза.

— Нет, она ведь хочет помочь своему ребёнку. Если бы я могла, я бы предложила ей честную работу за те же деньги, например, — пожала плечами Анна. — Почему вы об этом заговорили?

— Я просто поставил тебя на место ксёндза, любого другого духовного наставника, вот и всё, — просто ответил Анджей. — Извини, быть может, вышло довольно сумбурно, но такого пока достаточно, чтобы объяснить, — он улыбнулся и прислушался. — Кажется, стол накрыт, нам стоит подкрепить свои силы. Утри свои слёзы, дитя, ты чиста, а судить тебя никто не в праве. Знаешь, как говорят? Не судите других и не судимы будете. Вот моя правда.

— Славная у вас правда, да только такова человеческая природа — судить, — девушка печально вздохнула. — Идёмте завтракать, святой отец.

***

Матиуш недоверчиво посмотрел на еду перед собой и с сомнением взялся за золотую вилку. Особняк Дракулы поражал своей роскошью, которая на первый взгляд казалась излишней, но при ближайшем рассмотрении всё-таки оказывалась вполне гармоничной и оправданной. Румынский граф любил удивляться и удивлять, любил ошеломлять и повергать в смятение, он наслаждался произведённым фурором и обожал быть в центре внимания. Вот и сегодня он не изменил своим привычкам. Вишницецкий, конечно, на всё это смотрел опасно, уж слишком резко всё это на него свалилось. Он всегда знал, что с Вацлавом что-то нечисто, но не до такой же степени. Матиуш до сего момента не совсем верил в существование вампиров, пусть и не на шутку испугался слов друга, и даже на балу думал, что всё это лишь безумная мистификация, но появление Мнишека, портрет и могилу которого Камил лично видел, будучи в Кракове, несколько изменило его видение мира. Теперь уже ему не оставалось ничего, кроме как убедиться в том, что Вацлав не врёт. Да и Велислав Потоцкий Матиушу упорно кого-то напоминал, но Вишницецкий искренне надеялся, что это не тот, кто когда-то являлся владельцем соседнего с поместьем замка. Спрашивать он побаивался, да и неудобно было, но всё-таки подозрения всё больше и

больше грызли его. Матиуш выждал, пока все перейдут к более-менее личным разговорам, и обратился к сидящему рядом Велиславу:

— Простите, а вы, верно, гетман Потоцкий, служивший ещё при короле Собеском?

— Вы правы, мы не раз сражались бок о бок, — Винсент вежливо улыбнулся. — Я полагаю, вы ещё не до конца привыкли к подобной обстановке? Не беспокойтесь, все всё понимают, да и вы скоро уже будете ощущать себя, как рыба в воде, правда.

— О, я не сомневаюсь. Ясновельможная шляхта этого дома крайне добра и гостеприимна, — Матиуш улыбнулся уголками губ ему в ответ.

— Вы правы. Иностранцев тут немного, как вы могли заметить. Только Влад, Эржебет и Максимилиан, наши ближайшие друзья. В остальном, да, только шляхта. На самом деле, люди не обязаны родиться дворянами, чтобы стать нашими сородичами, но они редко выбирают наше общество. Только пан Лович составляет исключение. И, пожалуй, пан Квятковский, он тоже не шляхтич. Мы не обращаем на это внимания, сами понимаете, что такие вещи мало что значат, но всё-таки определённые отличия есть, что уж душой кривить, — мягко произнёс Потоцкий. — Надеюсь, я немного помог вам разобраться.

— Да, благодарю, — Вишницецкий чуть кивнул и робко приступил к завтраку. Ему было неуютно, но делать было нечего. Он даже завидовал Анне, оставшейся дома — она-то сейчас, наверное, что-то читала или говорила с очередным интересным человеком в своё удовольствие. Конечно, Матиушу приятно было знать, что ей хорошо, но легче от этого ему не становилось.

— Как вам наш скромный круг, пан Вишницецкий? — Дракула вдруг оторвался от разговора с Эржебет и посмотрел прямо на Матиуша. — Пообвыклись?

— Да, спасибо, — Вишницецкий выдержал его взгляд и вернулся к трапезе. — Я рад здесь быть.

— Понимаю, — усмехнулся Влад. — У людей высший свет устроен иначе и довольно скучен. Правда, личностей вроде Мнишека я встречал несколько меньше — у вас всё так заостенело в обществе, никто не может никуда двинуться. У нас по-другому.

— И там, и там есть свои преимущества, — деликатно ответил Вишницецкий. — Однако вы не даром подняли эту тему, верно?

— Вы крайне проницательны, — граф Дракула обворожительно улыбнулся, блеснули клыки. — Вы хотите стать вампиром?

***

Мнишек раздражённо расхаживал по залу своего замка, заложив руки за спину. Он был в ярости — его план по уничтожению Велислава провалился с треском, а сам шляхтич оказался опозорен и унижен. Он был уверен, что Дракула всё предвидел заранее, просто дал Станиславу возможность упасть в глазах общества и развлечь всех пришедших в своей обычной манере. Владу всегда хорошо удавались подобные представления, и он, конечно, не мог отказать себе в удовольствии устроить что-то такое в Самайн и разом убить двух зайцев: не истратить денег на подарки и с присущим ему фарсом отдать своё благословение угодному кандидату. Изящно и со вкусом, что уж.

— Мопанку, прикажете подать... — Станислав злобно обернулся на вошедшего слугу и рывкнул: — Вон!

— Простите, — хлоп низко поклонился и тут же исчез за дверью.

— Дурак, — прошипел Мнишек, снова пересекая зал. — Как же они все мне надоели! Никто ничего не может сделать, в точности выполнить то, что я сказал. Кому я могу

доверять?!

Ответом ему было молчание. Станислав раздражённо сжал кулаки, затем запустил полупустым кубком в стену напротив, бессильно рухнул в резное, обитое бархатом кресло у камина. С минуту он молча смотрел, как потрескивают и обугливаются дрова, положив подбородок на переплетённые пальцы, затем снова встал и в то же мгновение исчез, оставив вместо себя лишь пару летучих мышей, тут же вылетевших в открытое окно.

Миг, и Мнишек уже шёл по одной из варшавских улиц, направляясь в монастырь с твёрдым намерением вновь прибегнуть к помощи бывшего инквизитора. Раз уж Энрике так много рассказал ему о Потоцком, то, быть может, стоило поспрашивать его ещё и даже предложить работёнку потруднее? Слугам вампир доверять больше не планировал, но вот с Гонсалесом стоило попробовать. В конце концов, хватку он ещё не потерял, почему бы не воспользоваться его возможностями? Станислав любил извлекать выгоду из своих знакомств или окружающих людей, совесть его по этому поводу никогда не беспокоила. Быть может, у Мнишека её просто не было.

Энрике вышел к нему сам, закутавшись в свой старый плащ инквизитора, мрачно посмотрел и криво улыбнулся.

— Что, не вышло? — с нехорошей ухмылкой спросил он. — А я говорил, что посылать туда крестьян, будь они хоть сотню раз вампиры, глупо. Не послушали ведь, пан Мнишек. Теперь сами всё и расхлёбываете.

— Не злорадствуйте, пан Гонсалес, иначе и вам не повезёт, — процедил Станислав. — Мне нужны ваши услуги. Говорят, вы неплохой боец и хорошо подготовлены к различного рода... препятствиям. Это так?

— Так, — кивнул Энрике. — И что же от меня требуется?

— Пойти конём, — изящно ответил Мнишек. — Понимаете, о чём я?

— Понимаю, — Гонсалес вздохнул, и бусины чётко негромко стукнулись одна об другую. — Вы хотите, чтобы я его убил?

— Вы правы, — Станислав бросил недовольный взгляд на небольшой костяной крестик. — Вас не затруднит сделать это быстро и тихо?

— Не затруднит при определённых условиях, — Энрике деловито и немного хитро улыбнулся. — Обсудим? В обители сейчас почти никого нет, проходите. Если не испугаетесь икон, конечно.

— Не испугаюсь, — безразлично усмехнулся Мнишек. — Это меня не убьёт, даже вреда толком не причинит. Это всё так устарело... Впрочем, вы и сами знаете.

— Знаю, — спокойно согласился Гонсалес, отворяя дверь и пропуская его внутрь, под сень старой каменной арки. — Добро пожаловать.

Монастырь святого Анджея отличался скромностью и простотой, как и все прочие обители иезуитов. Ничего лишнего в украшении, убранстве, только грубо обтёсанный камень, кое-где деревянные вставки, ничем не примечательные квадратные окна и резко выделяющееся своей чистотой белое здание костёла с чёрными куполами. Станислав почти не всматривался в то, что его окружало, всё вокруг проступало какими-то неясными пятнами, а от чуть ли не слепящих своим цветом церковных стен кружилась голова, и перед глазами плыло. Он уже пожалел, что согласился зайти, ещё ни одна обитель не влияла на него так плохо. Хотелось поскорее покинуть это место.

— Кажется, вы блефовали, — мягко, но не без иронии заметил Энрике, медленно поднимаясь по высоким щербатым ступеням. — Осторожнее, был дождь, можно

поскользнуться.

— Благодарю за заботу, — зло прошипел Мнишек, цепляясь новыми батистовыми перчатками за пыльные и влажные перила. — Чёрт бы вас побрал за ваше безразличное отношение ко всему мирскому. И чёрт же меня дёрнул это надеть, знал бы, взял простые кожаные, а не это...

— Вы вампир. Вам разве не всё равно? — буднично уточнил инквизитор, бодро шагая впереди.

— Может, и всё равно, но мне приятнее знать, что я одет, как приличный человек моего положения и состояния, а не как... — Станислав всё-таки не удержался и запнулся, мысленно ругая лестницу на чём свет стоит.

— Я, например, — с лёгким сарказмом закончил за него Гонсалес. — Простите мне моё мужланство, но выглядит до невозможности глупо.

— Это и отличает вас от меня, — Мнишек догнал его. — Долго ещё?

— Нет, — Энрике завернул в крытый коридор и остановился у одной из приоткрытых келий. — Прошу, проходите. Скромно, но места на двоих хватит.

— Я не задержусь, — Станислав встал у самого входа. — Я плачу вам, положим, тысячу злотых. Много, как вы понимаете. Мне неинтересно, как вы их употребите. На свои ли нужды или в пользу монастыря — дело ваше. Но я хочу, чтобы за это я получил либо мёртвого, либо очень сильно раненого Потоцкого. И, желательно, не способного править. Вы можете выбрать любой приятный вам способ, но цель должна быть достигнута. И, как я уже сказал, скоро и без лишнего шума. Вот моё слово. Каково ваше?

— Моё? Что ж, я хочу, чтобы вы ежегодно жертвовали деньги на благо церкви. И чтобы сумма была приличная. А ещё я хочу, чтобы вы после этого оставили меня в покое. Я навёл о вас кое-какие справки, пан Мнишек, и эти сведения мне не понравились. Я исполню этот ваш заказ, но на большее не рассчитывайте. Я сбежал от церковных и политических интриг и не намерен грязнуть в них вновь. Я думаю, вы можете меня понять, — Гонсалес говорил чётко и строго, спорить с ним было трудно. — Что скажете?

— Положим, со вторым я с радостью соглашусь, но вот первое... Мне, положим, не жаль помогать церкви, если это дело будет действительно добрым, скажем, в случае науки или приютов, но не в моих принципах как-то связывать себя с Богом, я не хочу, чтобы за меня молились и называли благодетелем, не хочу, чтобы с меня рисовали иконы. И уж тем более не хочу, чтобы на мои деньги накрывали стол епископу, — Станислав ответил в тон ему, нагло улыбаясь. — Что скажете?

— Идёт, — удовлетворённо хмыкнул Энрике. — Так каковы сроки?

Глава двадцать шестая

Мишинский готовился отойти ко сну. Он медленно надел ночную сорочку, недовольно морщась из-за саднящей боли в ушибленном плече, пожалел, что отослал всех слуг в большой дом, и помочь ему теперь никто не может, затем мимолётно посмотрел на себя в зеркало и довольно улыбнулся. Всё-таки он ещё был до невозможности хорош собой и молод, и всё в этой жизни у него было впереди, ведь Рихарду было всего двадцать девять лет. Славная пора! Он надеялся жениться, завести семью и просто радоваться жизни, но кое-что мешало всем этим планам — последнее время ему было уж слишком беспокойно и страшно. Неожиданно беспокойно, надо сказать, тревога накатывала приступами и могла не оставлять всю ночь, отчего Мишинский сильно мучился и на утро долго не мог встать и чуть ли не умирал от головной боли над различными документами, но подвести пана Потоцкого и оставить свои дела он не мог, лечение было долгим, а поместье вечно требовало внимания.

Пора было ложиться, часы пробили полночь. Мишинский потушил свечу и устроился под тёплым одеялом, закрывая глаза и обнимая прохладную, но очень мягкую подушку. Он уже почти провалился в странную полудрёму, молясь, чтобы вязкий ужас, окутывавший его по ночам, хотя бы сегодня не вернулся, как в дверь постучали. Рихард тихо заругался, но всё же нехотя поднялся и, пробормотав что-то вроде: «Минуту», накинул на плечи халат, пригладил непослушные чёрные кудри. Было прохладно, но времени нормально одеться не было — за дверью, похоже, очень не любили ждать.

— Доброй ночи. Чем могу быть полезен? — вежливо спросил он, выходя из комнаты.

— Доброй. Вы служите пану Потоцкому, верно? — гость не снимал капюшона, говорил низко, с лёгким акцентом, его руки были спрятаны под плащом.

— Верно. А с какой целью вы интересуетесь? Что вам нужно? — тревога накатила вновь, и Мишинский беспокойно сжал ручку двери, тяжело и часто дыша. Пришедший пугал его, и это усиливало недуг.

— Он вам доверяет? — грубо и твёрдо продолжал незнакомец, будто не замечая его вопросов. Будто он привык так спрашивать, не обращая внимания ни на что. Будто инквизитор...

— Да-да, — Рихард инстинктивно чуть попятился назад, уже плохо сдерживая себя, ладони вспотели, сердце билось, как бешеное, от сильного необъяснимого страха внутри всё похолодело и сжалось. — Что в-вы хотите? — он заикался, голова кружилась, и язык не слушался его.

— Где он прячет то, что может его убить?! Отвечай! — незнакомец не стал больше церемониться и терпеть, больно втолкнул его обратно и запер комнату, задёрнул шторы, ставя свою свечу на стол и резко вдавливая Мишинского в стену. — Где?!

— Я н-не знаю, о чём вы. Я клянусь... Пожалуйста, отпустите, — Рихарду стало тяжело дышать, лёгкие будто налились свинцом, спина неприятно заболела от грубого соприкосновения с твёрдым камнем. — Не надо! — он увидел, как некто с какой-то жутковатой улыбкой занёс над ним блеснувший в свете пламени нож. — Прошу...

— Отвечай, чёрт тебя дерит, или ты будешь умирать в мучениях, — с нажимом произнёс гость, прижимая лезвие к его шее. — Ну же! У меня нет времени тут с тобой возиться! Не будь ты еретиком, я бы позабавился... — эти слова он протянул с каким-то извращённым наслаждением.

— Я клянусь вам, я правда не знаю, — Милинский дёрнулся то ли от испуга, то ли от сильной дрожи, приходившей с каждым приступом, и тут же закричал от боли в распоротом предплечье. — Умоляю, я ничего не скажу, я не знаю, чего вы от меня хотите... — он начинал по-настоящему задыхаться, перед глазами плыло, к горлу подступила неприятная тошнота. — Отпустите меня!

— Не врѣшь, — эти слова незнакомец чуть ли не выплюнул, они прозвучали злобно и с сожалением. — Жаль, что ты так бесполезен, — он методично наносил раны уже потерявшему сознание Рихарду, голос стал безразличен и звучал даже как-то устало. — Мнишек, конечно, тоже молодец, но хоть дорога за его счёт. Игры им, а мне работа! — он без особого сожаления выпустил почти мёртвое тело, и оно с неприятным стуком упало на деревянный пол, тут же окрасившийся в тёмно-красный, — во имя Господа нашего, — бездумно, скорее из обычая осенил коротким крестным знаменем и тихо вышел, затушив свечу. Застучали по дороге конские копыта, кто-то из заспавшихся слуг всё же выглянул посмотреть, кто это был, но ничего не заметил и вернулся обратно. Милинский же медленно и мучительно расставался с собственной жизнью, ощущая внутри только безграничное отчаяние...

***

Велислав почуял неладное ещё с вечера и долго не ложился, расхаживая по комнате и то и дело подходя к окну, глядя на запад — в сторону собственного поместья неподалёку от Варшавы. Он вдруг подумал, что у верного Рихарда что-то могло случиться, всё-таки он тоже был под угрозой из-за всей этой истории. На сердце было беспокойно, как-то неуютно, и Велислав думал, стоит ли навестить собственный дом, просто убедиться, что ему всего лишь кажется, или нет.

Луну вновь закрыло облаками, и Потоцкий тяжело вздохнул, принимая решение. Он накинул на плечи простой камзол, захватил шпагу и тут же исчез, лишь две или три летучие мыши появились в воздухе и сердито запищали, прячась от канделябров.

Велислав же уже шёл по песчаной дорожке к небольшому домику, выстроенному для управляющего, про себя подмечая всё, что видит и чувствует: незапертые ворота, взломанный замок, убитая охрана и резко ударивший в ноздри запах крови. Её было очень много, и самое страшное, что запахов было три, а тел — всего два. Потоцкий не знал, какая кровь у Милинского, но очень боялся, что теперь-то он её ни с чем не перепутает.

Его страхи подтвердились — Рихард нашёлся у себя в комнате мёртвым — его сорочка и халат окрасились в красный, сквозь порванную ткань видны были глубокие раны, на которых ещё не запеклась тёплая молодая кровь. Велислава даже передёрнуло от этого, ему было стыдно, жутко, неприятно, ведь он косвенно был виноват в смерти несчастного. Бедный Милинский мечтал о светлом будущем, счастье, Потоцкий обещал ему, что поможет, но в итоге только подставил под удар.

Как и Фелисию...

Все дорогие ему люди умирали, Велислав ненавидел смерть, ненавидел Бога за то, что он её посылает, но сам он её превзошёл и остался вечен. Вампир часто смотрел на лики святых и жутко скалился-ухмылялся, бормоча: «Кто всё же победил?». Ответом ему всегда было молчание, но не теперь. Теперь костлявая снова победила, во всяком случае, очень захотела это сделать, но Потоцкий не намерен был давать ей подобный шанс. Он с какой-то безумной улыбкой, опустился на колени около Рихарда и прижался губами к его шее, выпивая сладковатую кровь до последней капли, а затем, прокусив своё запястье, прижал его

к холодным губам Милинского, шепча слова на странном языке, напоминавшем смесь латыни и иврита. Рихард дёрнулся раз, другой, по его телу пробежала хорошо заметная судорога, и закрытые глаза вдруг широко распахнулись, а сам он резко и глубоко вдохнул, неожиданно садясь на полу. Его раны мгновенно затянулись, оставив на теле едва заметные белёсые шрамы — память о смерти, а кожа заметно побледнела, но изгладилась, цвет глаз сделался холоднее, а туловище будто налилось силой. Рихард Милинский получил становление и воскрес.

— Встань и иди, — усмехнулся Потоцкий, поднимаясь. — Одевайся, нужно многое теперь обсудить.

***

Матиуш завтракал в одиночестве — Анна ещё спала, знатно утомившаяся за прошлый день. Он так и не решился рассказать ей про предложение Влада, но звучало оно по-своему заманчиво. Конечно, Вишнивецкий догадывался, что всё к тому шло, а Вацлав просто раскрыл ему всё чуть раньше времени, и это пугало. Матиуш никогда не хотел становиться чем-то большим, нежели сейчас, и, конечно, вампиром. Он с трудом признал, что эти существа живут среди людей и обычно никого не трогают, но сам становиться таким был точно не готов. В глубине души ему хотелось, чтобы это просто был глупый сон, но умом он понимал, что невозможное в его парадигме вдруг оказалось возможно.

На лестнице послышались лёгкие шаги, и Матиуш довольно улыбнулся — Анна всё же встала и решила спуститься к нему. Она не могла без него долго спать, капризничала, ворочалась, цеплялась за руки, словно маленький ребёнок, не любивший отпускать мать. Девушка чувствовала, что он не рядом, порой даже хныкала во сне, и Вишнивецкому ничего не оставалось, кроме как вернуться обратно и осторожно обнимать, бормоча что-то ласковое. Он всё больше и больше привязывался к Анне, ему хотелось порой ответить ей той же любовью, с которой жила она, но он не мог этого сделать. Потому что не любил. Матиуш не знал, как ему назвать эти отношения, кроме как постелью, но это было слишком низко и грязно, для такой светлой девушки, как Анна. Он думал поговорить об этом с Вацлавом или, на худой конец, с Велиславом, но сильно боялся осуждения и простого непонимания — ни тот, ни другой не попадали в подобную ситуацию.

— Матиуш, доброго вам утра, оно сегодня такое славное, — Анна совершенно неожиданно обняла его сзади и уткнулась носом в затылок. — Я вас люблю. Очень-очень сильно. Знаете?

— Знаю, — Вишнивецкий поцеловал её запястья и посмотрел вверх. — Садись и поешь, моя радость, ты вчера сильно переволновалась, пан Лович мне рассказал. Ещё похудеешь, заболеешь, нельзя так.

— Вы правы, — Анна устроилась рядом. — Как же сейчас будет вку...

— Добрый-предобрый день, — в столовой неожиданно возник высокий мужчина со спутанными чёрными кудрями и какой-то слегка безумной улыбкой. — А что это вы тут делаете? А-а-а?

— Рихард, сатаны ради, ещё только одиннадцать часов утра, а люди собрались подкрепиться, ты будто вчера родился! — вслед за ним появился Велислав и расстроено всплеснул руками. — В жизни бы не подумал, что обращение принесёт столько неприятностей.

— У меня в голове какая-то тьма, я даже не знаю, что творю, о чём вы, — вампир дёрнулся, его губы горестно изогнулись, а глаза наполнились болью и печалью. — Что со

мной? Кто они, эти голоса в моей голове? — он схватился за виски, зарываясь тонкими пальцами в волосы и зажмуривая свои огромные голубые глаза. — Что они со мной делают? Зачем? Я не хочу! — упал на колени, будто подкошенный, и Потоцкий тут же подбежал к нему, осторожно отнимая руки от лица, пытаясь что-то внушить, но тщетно — несчастному не становилось легче.

— Голоса, голоса, проклятые голоса... — он снова дёрнулся, затем вдруг замер, закрыв глаза, и какое-то время молчал. Велислав поддерживал его за плечи, вглядываясь и следя за дыханием.

— Рихард, ты меня слышишь? — тихо спросил он. — Рихард? Анна, вели принести воды и крови, хорошо?

— Конечно, — девушка вышла и уже через несколько мгновений вернулась, чуть кивнула Потоцкому. Вскоре пришёл и слуга, неся на подносе полный бокал рубинового цвета жидкости. Велислав забрал его и осторожно поднёс к губам Милинского, заставляя того выпить. Вампир поморщился, закашлялся, но, кажется, пришёл в себя. Он сдунул с лица прядь непослушных волос и поднялся, поддерживаемый Потоцким.

— Прошу прощения. Я выбрал неудачный момент для смерти, — он виновато посмотрел на Анну и Матиуша. — Вы же не сердитесь?

— Не сердимся, — Вишнинецкий слабо улыбнулся. — Князь Матиуш Камил Вишнинецкий, рад знакомству, — он встал и протянул ему руку.

— Рихард Милинский-фон Дорн, — вампир чуть поклонился и пожал её. — Тоже рад знакомству. А вы кто, прекрасная пани?

— Анна Костюшко, — девушка смущённо покраснела, и Рихард поцеловал её пальцы, хитро поглядывая на неё. Что-то было в его зрачках такое, что заставило Анну ужаснуться и едва не отпрянуть, но она сдержала себя, продолжая, как заворожённая, всматриваться дальше, и только теперь заметила страдание и горечь. Это было страшно, но очень хотелось пожалеть Милинского и как-то помочь ему, ведь он не был виноват в том, что кто-то захотел его убить.

— Идём, расскажешь, что случилось, ты так и не поведал об этом с ночи, — Велислав потянул его за собой, а в столовую заглянул Вацлав, приветливо помахал друзьям и выжидающе посмотрел на Потоцкого.

— Сейчас вместе и расспросим, — ответил ему тот. — Приятного аппетита, Анна. Матиуш. Простите ещё раз.

***

— Рихард, что ты помнишь? — Велислав кивнул ему на стул напротив, а сам встал у окна. Вацлав незаметной тенью застыл у двери в кабинет, прикрыв глаза. У него были догадки о личности нападавшего, но сначала он хотел услышать, что скажет Милинский.

— Помню... — фон Дорн замер. — Помню? Да, кажется, он так и не снял капюшона. И так задавал вопросы... Так строго. И совсем не слышал моих, да. И бил без промаха, твёрдо и сильно, будто не раз так делал. Голос у него был с таким акцентом... не знаю, как описать, но он точно не поляк. И... И это всё, пожалуй, — он замолчал, затем сполз со стула и сел на тёмном ковре, подтянув колени к животу и ставя на них подбородок.

— Рихард? — Потоцкий подошёл к нему и тронул за плечо. — Всё в порядке?

— Да, не трогай меня, — Милинский закрыл глаза. — Уходите, я хочу побыть один.

— Хорошо, хорошо, — Велислав чуть кивнул Вацлаву, и оба они вышли, оставляя его.

Рихард вздрогнул, повёл плечами, будто от сквозняка, но теперь он не чувствовал ни

холода, ни жара, во всяком случае, это не причиняло ему неудобств. Всё, что было присуще смертным, оставило его, но на душе было тяжело и тоскливо. Его мучило это, душило, мешало жить, и Милинский очень хотел спрятаться или провалиться сквозь землю, да что угодно, лишь бы отделить себя от этого отчаяния.

Он хорошо помнил смерть.

Он хорошо помнил, как нож вспарывал его кожу и проходил вглубь, разрезая мышцы, сосуды, быть может, органы. Он хорошо помнил собственный ужас, мольбы о пощаде, желание жить и рыдания, помнил, как задыхался, как осознавал, что умирает один, совершенно никому не нужный и не оставивший следа в истории, он помнил всё так отчётливо, будто кто-то в его голове повторял эти страшные минуты вновь и вновь.

Рихард очень хотел сойти с ума и забыть это.

Рихард вообще много чего хотел, но теперь понятия не имел, как ему жить, ведь он и не думал становиться вампиром, даже не мечтал, хотя Потоцкий предлагал ему подобное. Что же теперь было делать? Денег у него было немного, никакого наследства он получить не смог — злобные сёстры отца не стали терпеть незаконнорожденного и выбросили Рихарда, десятилетнего ребёнка, на улицу без гроша в кармане, им было совершенно всё равно, как он закончит свою жизнь. Семьи у Милинского тоже не случилось — он просто не успел повстречать кого-то, кого бы на самом деле полюбил, а Потоцкого никогда семьёй не считал, потому как не думал, что достоин так называть одного из богатейших и славнейших гетманов Речи Посполитой. Да, Велислав, взяв его под крыло десять лет назад, заботился о нём так, как заботится родной отец о юном сыне, да, он дал ему должность управляющего и возможность закончить образование, но Рихард уже вряд ли смог бы видеть в нём нечто большее, нежели благодетеля и просто очень хорошего и доброго человека. У него оставалась лишь престарелая мать, отец часто говорил о ней, и Милинский надеялся когда-нибудь найти её. Ещё человеком он украдкой молился о её здоровье и долгой жизни и очень горевал, что совсем не помнит.

Впрочем, поздно было о чём-то сожалеть. Всё было уже сделано, и Рихарду ничего не оставалось, кроме как смириться. Он поднялся, отряхнул одежду, пригладил непослушные волосы и хищно оскалился. В конце концов, он жив. А остальное уже неважно.

Глава двадцать седьмая

Анна медленно спустилась по узким ступенькам кареты и оперлась на руку Ловича, встречавшего её у дверей собственного дома. Она покуда не совсем привыкла ездить одна, но Вацлав настаивал на этом, пытаясь таким образом привить ей хоть какую-то светскость и храбрость, а Матиуш не решался спорить — он в последнее время был особенно грустен, выглядел виновато и явно чем-то мучился, будто находился на перепутье и никак не мог выбрать нужную дорогу. Девушка не раз спрашивала Левандовского о том, что случилось с Вишницецким, но тот лишь пожимал плечами и непринуждённо уводил разговор в совершенно другое русло, оставляя Анну в лёгком недоумении. Она отчаянно хотела разобраться в том, что же всё-таки происходит, но никто не давал ей подобной возможности, будто боялся, что девушка всего этого просто не поймёт. Ей самой не нравилось такое отношение, она чувствовала себя ребёнком, который подслушивает разговор старших, и от этого было вдвойне неприятно. Анна пробовала разговаривать и Вишницецкого, но тот с таким мучением смотрел на неё, стремясь подобрать нужные слова и не находя их, что она вскоре оставила эти попытки.

Последней надеждой был Лович. Добрый ксёндз всегда готов был помочь ей советом и никогда не отказывал в дружеской беседе. Анна не знала, как он сумел остаться таким после долгого и жестокого Средневековья, но прониклась к нему большим уважением и во многом доверяла.

Сегодня она приехала сама, потому что не могла больше ждать, когда всё прояснится само.

— Пан Лович, что творится? — тихо спросила Анна, как только они разместились в гостиной. — Я ничего не понимаю. Кажется, будто что-то происходит, и я там играю не последнюю роль, но никто мне об этом не сказал. Может, вы знаете?

— Нет, к сожалению, — Анджей печально улыбнулся. — То есть, я могу предположить, конечно, но я не уверен, что это окажется правдой.

— Я слушаю, — девушка напряжённо смяла оборки нового зелёного платья и тут же оправилась, не зная, куда деть руки. Она так и не привыкла к тому, что теперь у неё есть свои вещи.

— Вы не заметили, что ваш разум расширяется и наполняется новыми сведениями о нашем мире? — Лович мягко рассмеялся, заметив смятение собеседницы. — Да, да, вы значительно поумнели, если говорить более просто и менее тактично. Простите.

— Всё в порядке, продолжайте, — Анна чуть кивнула. — Мне интересно.

— Так вот, вы стали говорить верные вещи и поступать, исходя больше из собственного понимания, нежели чувства, как раньше. Вы стали рассуждать, не очень возвышенно, но стали, стали понимать, думать, быть может, вы стали замечать больше, чем должны, и пан Вишницецкий этого испугался. Когда вы были всего лишь крестьянкой, всего лишь его собственностью, он, пусть и заботился о вас, но совершал немало ошибок. Впрочем, даже сейчас он их иногда допускает и отчаянно боится, что вы теперь это тоже видите. Не могу сказать, можно ли назвать это любовью, но он не хочет вас терять. Хочет быть в ваших глазах... хорошим? Не думаю, что смогу верно это назвать, но он мечтает, чтобы вы видели в нём героя, спасителя, доброго человека. Потому что ему не всё равно, кто он для вас. Это дорогого стоит, — Лович говорил туманно, с некоторым трудом подбирая слова, но

чувствовалось, что его мысль была предельно ясна и точна, что она была единственно правильна в сложившихся обстоятельствах. Костюшко удивило то, что она услышала, ведь она никогда не предполагала ничего подобного, но теперь, когда Анджей всё это рассказал, мир вдруг перевернулся и стал другим, но от этого не менее прекрасным. Анна припомнила недавний разговор с Матиушем, его слова про то, что он не любит... Неужто он врал? Не только ей, но и самому себе. В таком случае, зачем? Девушка сомневалась, что дело тут в возможном мезальянсе или чём-то подобном, но и других идей у неё не было. Лович заметил эти метания и поспешил пояснить:

— Быть может, он и сам пока это толком не понимает, но уже ощущает. Подобные противоречия, видно, выбили его из колеи — сомневаюсь, что его прежние романы сопровождались хоть какими-то чувствами, кроме плотского желания. А тут такое... Я знаю, каким образом вы познакомились, но всё пошло многим дальше, чем князь полагал. Вы его, панна Анна, чем-то зацепили, хотя я, в данном случае, не берусь судить, чем, уж простите мне мою невежливость.

— Да это уже неважно, — Анна рассеянно и как-то облегчённо улыбнулась. — Дело-то теперь не в этом. Дело в том, что я точно должна поговорить с ним обо всём, что происходит, понимаете? Потому что это очень важно. Наверное, он меня любит, очень сильно любит. Просто боится сказать после всего того, что уже наговорил. Может такое быть?

— Вполне, — Анджей немного помедлил с ответом, будто пытаюсь угадать, что услышит от неё после. — Люди, панна Анна, непростые существа, всякое приключается. Но вот что скажу вам. Повремените до Рождества, дождитесь чуда. Тогда Господь посетит и вас и исполнит вашу просьбу.

— Спасибо, пан Лович, — лицо девушки просветлело и сделалось спокойным. — Я полгода жду, подожду ещё немного.

***

Велислав смотрел, как зал постепенно наполняется представителями различных стран и родов, как вампиры располагаются согласно приглашениям и статусам, как Лович тихо молится и проводит последние приготовления к пышной коронации. Бремя власти уже совсем скоро должно было горностаевой мантией и золотым венцом лечь на голову гетмана Потоцкого, на самом деле так его и не принявшего, и это было несказанно тяжело и непросто. Велислав теперь понимал, зачем королю королева — чтобы осушить его слёзы и самой их выплакать, потому что женщинам не так стыдно проявлять свою боль. Он вспоминал Фелисию, её добрые советы, и теперь ему как никогда нужны были её поддержка и ласковые руки, которые одним лишь мягким прикосновением к волосам утоляли все печали, сколь глубоки бы они ни были.

Анджей обернулся и чуть кивнул Потоцкому, тот тяжело вздохнул и кивнул в ответ, оборачиваясь к гостям. Теперь надлежало спуститься и преклонить колена перед Ловичем, чтобы тот надел на ему на голову старинную золотую корону, украшенную рубинами.

Велислав ненавидел рубины — они до ужаса напоминали кровь, которой было залито всё: двор, комнаты, простыни и тонкое сломанное, разбитое, словно фарфоровая статуэтка, тело Фелисии где-то внизу. Потоцкий отчётливо помнил, как крушил всё, как разрывал глотки людям Чаплинского, как избивал до костяного хруста самого старосту, слёзно молившего о пощаде, а затем проткнул его насквозь багряно-красным лезвием сабли. Тогда его разум помутился, тогда всё вокруг, казалось, плыло в огромном алом потоке, а по углам

мерещилась мёртвая изуродованная супруга, тянущая к нему свои хрупкие руки.

И теперь ему предстояло короноваться этими застывшими каплями крови, назвать это камнями у Велислава язык не поворачивался. По телу вдруг пробежала горячая волна, в голове что-то будто закрипело, будто тронулись пружины, приводя в движение злой и опасный механизм. Потоцкий снова ощутил, как к нему подступает безумие и так и хочет затянуть его в свой чёрный омут, окутать с головы до ног и теперь уже точно не выпустить из жуткого плена. Он дёрнулся, с мольбой посмотрел на подошедшего Ловича, и тот на мгновение положил прохладную ладонь ему на лоб, снимая наваждение.

— Крепись, — шепнул он. — У тебя год впереди, а дальше ты и сам сможешь выбрать. Хорошо?

— Хорошо, — эхом отозвался гетман. — Я постараюсь.

Анджей слабо кивнул ему и вновь вернулся на место, поднял корону. Пора было начинать.

— Именем ясновельможной польской шляхты и польского воеводства, я, ксёндз Анджей Лович, объявляю гетмана Велислава Винсента Потоцкого королём Речи Посполитой и всех вампиров, что пожелают назваться нашими гражданами. Есть ли кто-то, кто возражает? — он на мгновение обернулся к сородичам. Влад, стоявший чуть сбоку отрицательно покачал головой и сверкнул чёрными глазами, слегка обнажив клыки. Лович понял его без слов и вновь посмотрел на Потоцкого.

— В таком случае, вот ваш король. Да здравствует Его Величество Велислав! — Анджей водрузил корону ему на голову и подтолкнул чуть вперёд.

— Королю долгого правления! Слава королю Потоцкому! Славься, Речь Посполитая, под его дланью! — закричали со всех сторон, по залу прокатилась волна громких хлопков и восклицаний на латыни, звон бокалов. Вампиры чествовали нового правителя.

Когда все оказались заняты беседой или трапезой, Велислав скользнул с высоких ступеней перед тронем и отошёл в тень, туда, где сидел Вацлав и с особым удовольствием потягивал кровь из хрустального кубка.

— Ваше Величество? — он поднялся и шутливо поклонился. — Поздравляю.

— Да ну тебя, перестань, — Потоцкий устало опустил на резной стул и откинулся на мягкую вельветовую спинку, прикрывая глаза. — Много шума из ничего.

— Весь мир — это много шума из ничего, — тихо отозвался Вацлав. — Такова человеческая суть.

— Ты прав, — Велислав тяжело вздохнул. — А мне этим миром править.

***

Падал пушистый белый снег. Крупные снежинки плавно кружились и осторожно, даже робко ложились на варшавские улицы. В воздухе витал дух Рождества — до Сочельника оставалось всего лишь пара дней, и люди уже предвкушали светлый праздник.

Для Анны Сочельник был избавлением — ноябрь и почти весь декабрь прошли для неё в ожидании гораздо более мучительном, чем прежде. Она жаждала чуда, о котором говорил Лович, и надеялась, что это прекратит её горести. Девушка боялась будущего, боялась того, что это самое чудо принесёт, но вместе с тем она в нём действительно нуждалась.

За это время многое изменилось. Матиуш стал вести себя гораздо галантнее, гораздо мягче и осторожнее. Он был ласков, постоянно дарил ей милые вещицы, устраивал какие-то очаровательности, словом, делал всё то, что люди зовут ухаживаниями. Для их отношений это был что-то совсем из ряда вон выходящее, ведь до того Вишнинецкий лишь снабжал её

одеждой и украшениями, но не пытался выставить это в качестве особо изысканного подарка, будто это были повседневные, сами собой разумеющиеся вещи. Для него, конечно, для Анны же всякая деталь гардероба была целым событием — почти всю жизнь у неё ничего подобного не имелось.

Последним предвестником крупных перемен стало приглашение на человеческий бал. Матиуш бывал там каждый год со времён окончания университета и в этот раз брал собой и Анну. Девушка радовалась, как малый ребёнок, которому разрешили не ложиться спать в праздничный день, и очень хотела там побывать. Конечно, то, что устраивали вампиры, ей тоже очень нравилось, но там было совсем-совсем капельку, но не по-настоящему хотя бы из-за того, что там все её знали и относились как к младшей сестре-простушке, которую стоит опекать и веселить. А вот на балу людей всё наверняка должно быть совсем иначе. Там она уж точно будет взрослая для всех.

— Ануся, ничего не бойся, держись меня, если что, скажем, что ты из старой шляхты, у них дочерей не учат даже тому, что успела за столь короткий срок узнать ты. Это решит все вопросы касательно пробелов в языке и манерах. Вопрос с фамилией я улажу как-нибудь сам, об этом не беспокойся. Просто танцуй и наслаждайся праздником, вот и всё, — торопливо напутствовал её Матиуш, пока несколько служанок доделывали изящную причёску.

— Хорошо, я так и поступлю, — Анна счастливо улыбалась и крепко сжимала его руки. — Вы ведь будете рядом?

— Ну конечно, — Матиуш тепло улыбнулся, затем ненадолго замолчал, что-то решая и вглядываясь в лицо девушки.

— Не надо обращаться ко мне на вы, хорошо? Мы ведь давно вместе, вряд ли это нужно, — как-то робко попросил он, виновато пряча глаза.

— Я... Я с радостью, — Анна дёрнулась, чтобы обнять его, но Вишнинецкий её удержал, жестом напоминая о ещё не до конца приведённых в порядок волосах.

— Вот и славно, — князь осторожно поцеловал её пальцы и поднялся с колен. — Жду тебя через четверть часа внизу.

— Хорошо, Матиуш, — девушка ненадолго замолчала, пытаясь себя перебороть, затем добавила: — Я не опоздаю к... тебе.

***

В Ратуше было тепло и немного душно. Пахло апельсинами, ёлкой и дорогими духами, вокруг сновала прислуга, предлагая напитки и лёгкие закуски, музыканты настраивали инструменты. Гостей в зале было много, многие разговаривали, кто-то стоял у высоких окон, презрительно или безразлично глядя вниз, на белые от снега улицы. Анна робко ступила на отполированный паркет, стараясь смотреть себе под ноги и не привлекать лишнего внимания. Матиуш осторожно вёл её под руку, приветливо, подчёркнуто вежливо, но холодно улыбаясь присутствующим. Мужчины кивали ему в ответ, дамы перешёптывались, искоса поглядывая на Анну. Ясно было, что всех интересовало, откуда она взялась.

— Матиуш, добрый вечер, не представишь нам свою спутницу? — рослый темноволосый шляхтич обернулся на шаги и тут же подошёл к Вишнинецкому. — Рад вас видеть.

— Здравствуй. Это Анна Костюшко, Фабиан, она из старой шляхты, — Матиуш говорил любезно, но без лишних церемоний. — Прекрасна, как утренняя заря, верно?

— Бесспорно, — Фабиан поцеловал Анне руку. — Фабиан Концепольский, граф. Рад

знакомству.

— Взаимно, — девушка нервно улыбнулась, и это не укрылось от шляхтича, но тот не подал виду и повёл непринуждённый разговор о крайне отвлечённых, а главное, понятных Анне вещах, чтобы и она могла вставить своё слово. Около них постепенно собирались люди, все оценивали новую избранницу князя Вишнивецкого, её платье, речь, обхождение, отчаянно пытаясь выискать какой-то подвох. Анна чувствовала это, её голос то и дело дрожал, но всякий раз она встречалась взглядом с серьёзными серыми глазами Фабиана и побеждала волнение. От него исходила небывалая уверенность и сила, исходило спокойствие, и Костюшко было хорошо рядом с ним.

— Из старой шляхты, говорите? — какая-то напудренная худая женщина в излишне пышном бордовом платье подошла к Анне вплотную и заглянула в лицо, издевательски приподнимая бровь. — Что-то я не припомню, чтобы у старого гетмана были дочери или внучки такого возраста, да ещё и незамужние.

— Елена, не стоит, — Матиуш криво улыбнулся ей и крепче сжал руку Анны. — Ты прекрасно знаешь, что ничем хорошим лично для тебя это не кончится, ты окончательно потеряешь моё уважение. Наш роман остался в прошлом, ты замужняя женщина, думаю, мне не стоит объяснять, чем это чревато. Оставьте Анну в покое.

— Верно, пани Поплавская, уже поздно что-либо делать. Панна Анна ничем перед вами не виновата, вы и сами это прекрасно знаете. Не портите людям настроение, идите, прошу вас, — добавил Концепольский, заслоняя Костюшко плечом.

— Я-то пойду... — Елена гадко ухмыльнулась. — Да только, верно, пан Вишнивецкий совсем обезумел, раз привёл на бал простую хлопку! Давно она за свиньями-то убирать перестала? Вроде не пахнет скотом... — она расхохоталась и победно посмотрела на вынужденную соперницу. — Я права?

— Не смейте, — Матиуш едва удержался, чтобы не выругаться, его глаза горели яростью. — Я готов поклясться, что Анна — шляхтянка, и не вам судить об этом.

— Вы-то поклянётесь, но вы сторона заинтересованная. Пусть говорит кто-то посторонний. Хоть пан Концепольский, — Поплавская обернулась к Фабиану. — Что вы думаете?

— Я лично знаю дядю панны Анны, он достойнейший человек. Да, они из старой шляхты, но у нас одна кровь. Я попрошу вас, пани Елена, извиниться и впредь не допускать подобных ошибок, — Концепольский говорил холодно и твёрдо, говорил тоном, не терпящим возражений.

— Простите, — Поплавская скривила губы и поспешила убраться восвояси, сломленная строгостью и гневом Фабиана. Люди понемногу разошлись, заиграли менуэт, а Концепольский отозвал Анну и Матиуша в сторону и быстро заговорил: — Она склочная женщина, но внимания на неё обращать не стоит, она несчастна в браке и сильно скучает по возможности веселиться в лице Матиуша. Только и всего. Она не стоит и вашего мизинца, панна Анна. Но впредь будьте осторожнее оба. Я не всегда могу быть рядом.

— Спасибо вам, — девушка тихо всхлипнула и уткнулась носом в грудь Матиуша, обнимая. Тот мягко гладил её по спине, пытаясь успокоить.

— Вы славная девушка, как мне кажется. Не разочаруйте меня. И моего друга, — Фабиан тяжело вздохнул. — Такие, как пани Елена, меня сильно злят, я не намерен терпеть их насмешки ни по отношению к себе, ни по отношению к другим. Не бойтесь таких людей, их остаётся только пожалеть, раз они не могут вести себя по-другому, — он ненадолго

замолчал, затем продолжил:

— Просто будьте счастливы. Хорошего вечера.

Он развернулся и ушёл куда-то, Анна не поняла, куда, но его слова придали ей сил. Остаток бала она провела в спокойствии, но сильной обиде. Праздник был безнадежно испорчен.

***

Они вернулись домой поздно ночью. Матиуш не стал тревожить Вацлава и решил ехать к себе и заодно показать Анне дом. Она, к слову, всю дорогу молчала, думая о чём-то своём и, видно, очень грустном. Вишнинецкий понимал, что ей было тяжело после того, что приключилось, и очень хотел утешить, но никак не решался хотя бы просто обнять.

В спальне девушка долго сидела у приоткрытого окна, будучи в одной лишь тонкой сорочке, и глаза её были пусты и печальны. На это Матиуш смотреть не смог и молча поднял её за плечи, отвёл к кровати и уложил, плотно укрывая тёплым шерстяным одеялом. Анна молчала, почти не подавая каких-либо признаков жизни, и её взгляд пугал Вишнинецкого. Он осторожно прижал её к себе и тихо зашептал:

— Ты ни в чём не виновата, ты совсем не хуже других, даже лучше. Не думай о её словах, хорошо? Они тебя недостойны, Ануся, нежная, милая, родная. Слышишь?

— Слышу, — безразлично отозвалась Костюшко.

— Не замыкайся в себе... — Матиуш больше умолял, нежели просил. — Это не должно тебя задевать, это всего лишь слова ужасной женщины, не умеющей проигрывать. Понимаешь?

— Да, — Анна ненадолго застыла, затем выпалила: — Но она разом напомнила мне, кто я, и сколько у тебя было любовниц.

— Ануся... — Вишнинецкий с облегчением улыбнулся. — Ты ревнуешь, это естественно. Но могу тебя заверить, что ты будешь последней и единственной.

Он поймал непонимающий и чуть оскорблённый взгляд Костюшко, хитро посмотрел на неё и поднялся, подошёл к письменному столу, что-то оттуда забрал — в слабом свете канделябра девушка не разобрала, что. Матиуш тем временем вернулся к ней, взял руку и надел ей на палец что-то холодное и довольно изящное, судя по ощущениям. Кольцо.

— Я тебя не люблю, — серьёзно сказал Вишнинецкий. — Я не могу назвать то, что чувствую, любовью, я не хочу тебя обманывать. Но если ты согласишься, Анна, то я женюсь на тебе, и мы будем состоять в законном браке. Мы давно вместе, я не хочу расставаться, но жить с тобой без обязательств тоже. Я готов дать тебе свою фамилию и назвать женой.

— Я согласна, — на одном дыхании произнесла Анна, крепко обнимая его. — Я согласна, согласна, Матиуш, боже мой, да не люби меня, я всё равно с тобой буду. Глупо это, я знаю, что веду себя, как преданная собачка, но пусть так, пусть так, ниже мне падать уже некуда, да и вознестись выше я вряд ли смогу. Я твоя, твоя, я буду твоей женой. Я люблю тебя, и моей любви хватит на нас двоих.

Она тоненько всхлипнула и положила голову ему на грудь, подставляясь под тёплые руки, гладившие её по голове и плечам. Матиуш ласково целовал её в губы, пытаясь успокоить и утешить, вдыхал сладковатый запах её волос и вслушивался в частое биение сердца. Он искренне надеялся, что не соврал ей хотя бы теперь.

Себе он уже давно привык лгать.

Глава двадцать восьмая

— Так ты женишься на ней? — Вацлав смотрел на ночной город, повернувшись к Матиушу спиной. Он говорил спокойно и достаточно безразлично, но Матиуш чувствовал его подозрение и лёгкое неверие.

— Да, — коротко и довольно твёрдо ответил он. — Я знаю, что это очень обязывающий шаг, но я не могу поступить с ней нечестно. Особенно после того, что сказала Елена. Я держу Анну в положении приживалки, это низко для моих идеалов. Я не хочу больше её этим обижать.

— Да ты только послушай себя, — Левандовский оглянулся на него, и в его глазах блеснуло лёгкое презрение. — Для моих идеалов, — передразнил он. — Ты на женщине женишься или на очередной цели Просвещенцев, которую сам же и придумал? Ты вообще женишься или делаешь что-то, чтобы быть... в моде, да? Это звучит по меньшей мере мерзко. Ты уже не ребёнок, Матиуш, которому всё сходит с рук, ты взрослый мужчина и идёшь на рискованный и важный шаг. Я не отговариваю тебя, но хочу понять, осознаёшь ли ты то, что делаешь, и готов ли понести ответственность в случае чего?

— Готов, — Вишницецкий тяжело вздохнул. — Вацлав, не нужно меня отчитывать. Я достаточно вырос за этот год, чтобы самому решать, что и как делать, не отчитываясь никому. Я делаю это потому что... — он замялся.

— Почему? — граф ухмыльнулся. — Давай, докажи, что это не очередной опыт над бедной Анной, которая всецело верит тебе и в силу своего неумения мыслить критически не может понять того, что ты имеешь в виду на самом деле. Ты пользуешься её незнанием, пользуешься гадко, хотя сам прекрасно соображаешь, что творишь.

— Прекрати, — Матиуш резко оборвал его. — Я не желаю это слушать, ясно? Ты мне друг, но сейчас ты уже переходишь черту. Это моя жизнь.

— Как знаешь, — Левандовский недовольно скривил губы. — Но не приведи дьявол мне узнать, что ты струсил.

***

— Вы выглядите так, будто вам очень нужно кому-то выплеснуть всё то, что на душе, но ни священник, ни добрые друзья, ни панна Анна для этого не подходят, — Милинский-фон Дорн отложил книгу и теперь смотрел на Матиуша в упор. В его голубых глазах проглядывалось что-то, отдалённо напоминавшее сочувствие, но Вишницецкий так и не решился судить, что, потому что чувства этого полубезумного вампира отличались от тех, которые он привык видеть.

— Что с того? — осторожно спросил князь, гордо вскидывая голову. — Неужто так заметно?

— Я неточно выразился, — Рихард тихо рассмеялся. — Ваши мысли выглядят подобным образом, я ненароком прочёл их. Вы можете рассказать мне, раз уж так тяжело. Всё, что здесь прозвучит, останется между нами, будто бы ничего и не было. Вас устроит?

— Да, — желание довериться фон Дорну было резким и необъяснимым, но Матиуш ухватился за него, как утопающий за соломинку, ему действительно нужно было выговориться.

— Я слушаю, — Милинский откинулся на спинку стула и замолчал.

— Я запутался, — начал Матиуш. — Я очень сильно запутался в том, что чувствую и

знаю, в том, что делаю. Понимаете? Я вроде и люблю Анну, но это нельзя назвать любовью, потому что это не любовь, это не столь сильно и красиво, это совсем не так, как пишут в книгах, поэтому это не любовь, и я не могу ей в этом соврать. Но при этом я женюсь на ней, потому что не хочу никому её отдавать, не хочу, чтобы с ней был другой мужчина, потому что она моя и ничья больше. Это ведь естественно для моего положения — жениться не по любви, а по надобности, но сейчас я хочу сделать Анну своей женой не потому что так нужно кому-то, а нужно лично мне, да и нуждой это назвать мне очень сложно и неприятно. Я понимаю, кто я для неё, я вижу, как ей больно, когда я говорю ей, что не люблю, но она настолько смирилась с этим, что мне даже страшно. Мне кажется, ей горько и хорошо одновременно, и это губит её. Знаете, я предложил ей выйти за меня замуж, она согласилась, но сказала жуткую вещь. Сказала, что падать ниже ей некуда, но и подняться выше она не может. Мне так не по себе от этого. Ужасно не по себе...

— Продолжайте, — кивнул Рихард. — Прошу.

— Анна, она очень... славная, если так можно сказать. Добрая, мягкая, терпеливая, покорная. Она никогда ничего не просила, никогда не дерзила, старалась сделать для меня всё, забыв о себе, и я не знаю, чем ей отплатить. Да, я красиво одеваю её, дарю украшения, учу, развлекаю, но это не то, это материальное, а она мне даёт многим больше и ценнее. Мне стыдно, очень стыдно, и я правда не представляю, что мне делать! — Вишнивецкий мучительно посмотрел на него.

— Попытаться чувствовать? — предположил фон Дорн. — Это, кажется, наиболее верно.

— Я боюсь, что чувства окажутся ненастоящими. Да что там! Я не умею чувствовать, у меня ничего такого никогда не было. Да, у меня случались романы, любовницы на одну ночь, я много что читал, но на деле я никогда не жил, — признался Матиуш. — Это, наверное, отвратительно звучит?

— Нет, это звучит вполне неплохо, если взять во внимание ваше прошлое. Вы никогда ни в чём не нуждались, существовали в своё удовольствие, делали, что хотели, заполняя этим пустоту. Вам нет и тридцати, верно? Вы не вампир, вам пока неведомы мировые потрясения, но это ничего. Многое случится, очень многое, и вы поймёте о чём я, в конце этого века. Так поймёте, что... впрочем, неважно, это обождёт, я не могу сказать. И совсем скоро, да, да, совсем скоро тоже что-то произойдёт, и вы тоже сможете жить, как вы точно сказали, — слова Рихарда были обрывочны, непонятны, звучали страшно, будто слова древнего пророка, предрекающего гибель. Матиуш похолодел от одной мысли о том, что могло ему привидеться, и не стал спрашивать, искренне надеясь, что это лишь бредни сумасшедшего. Он не стал ничего больше говорить, чтобы не волноваться ещё сильнее, резко поднялся, сбивчиво попрощался и быстрым шагом покинул комнату. Ему было очень не по себе.

***

Дело шло к лету. Матиуш, несмотря ни на что, твёрдо решил сыграть свадьбу в июне, чтобы потом уехать куда-нибудь в Венгрию, дабы нежелательные слухи об их с Анной жизни улеглись, и в Польшу вернуться только к Самайну, на переизбрание Потоцкого. Костюшко такое положение дел устраивало, после того бала она старалась не появляться в обществе людей, предпочитая им вампиров. Дети Ночи всегда были рады поговорить с ней или потанцевать, как-то провести время, девушка заняла прочное положение скромного, но очень смышлёного ребёнка, которого надо всему учить и заботиться о нём. Не сказать, чтобы ей нравилось такое обращение, но в конце концов она привыкла и перестала обращать на это

внимание, ведь это были её немногие друзья. В родной деревне об Анне быстро забыли и перестали считать её совсем уж своей, матушка была занята хозяйством и крестницей, а пани Телимена оставалась в Кракове, обещавшись появиться только на бракосочетании.

Казалось бы, всё успокоилось и ничто не предвещало беды, но в конце мая, когда в Варшаве было очень тепло и солнечно, Матиуш решил, что стоит ненадолго вернуться в Грохов и насладиться деревенской природой и раскидистыми садами в самом цвету. Он отчего-то сильно торопился туда и последнее время был чем-то очень обеспокоен, избегал общества Рихарда и прочих. Анна же ехать почему-то боялась, не понимала его испуга, более того, она пыталась отговаривать Вишнивецкого, но тот был непреклонен и твёрдо стоял на своём.

— Представь, как будет красиво! А ещё я смогу проводить свои опыты, не боясь что-либо взорвать или испортить! Спрячемся подальше от Варшавы, от всего мира и будем вместе. В мире и безопасности, — часто, даже с какой-то наигранной радостью говорил он, то и дело лоя хмурую Анну в объятия.

— Не доведёт твоя химия до добра, — эта наука была большой проблемой, во всяком случае, Костюшко считала именно так. Вишнивецкий достиг определённых успехов в этой области, поддерживаемый Фабианом и Вацлавом, ему наконец отстроили лабораторию, и теперь он всецело занялся опытами. Анна такого не одобряла из-за опасности, но не спорила, давая Матиушу свободу в интересах. Она хорошо понимала, что никогда не будет равной ему и совсем уж никто, чтобы давать советы касательно таких вещей.

— Не ворчи, всё будет в порядке, — князь несколько неестественно смеялся и целовал её, усаживал на колени, как-то судорожно прижимая к себе. — Я буду учёным, буду открывать новое, представляешь? — это он всегда произносил с особым трепетом, будто не веря своим же словам.

— Представляю... — девушка слабо улыбалась и обнимала его в ответ, осторожно гладила по спине, пытаясь хоть как-то сгладить подступающую тревогу. — Прошу, будь осторожнее.

— Ну конечно, — серьёзно кивал Матиуш, и глаза его вдруг наполнились печалью. — Обязательно.

***

Поначалу, конечно, крестьяне приняли занятие Вишнивецкого мирно, никого не беспокоила очередная причуда пана, он и раньше не отличался особой рассудительностью. И только старый ксёндз качал головой и строго хмурился, порицая его дела. Анна пару раз говорила князю об этом, искренне боясь за него, но тот не слушал и отмахивался, мол, старик беснуется и беснуется попусту, не беда.

Анна очень хотела ему верить, но понимала, что всё может быть совсем иначе.

Жизнь снова потекла, Матиуш занялся хозяйственными делами и финансами, и девушке стало совсем нечем себя развлечь. Она какое-то время довольствовалась общением с Зосей или с матерью, но теперь это давалось ей тяжело, и тогда Вишнивецкий, видя её мучения, предложил ей в распоряжение свою библиотеку. Книг на польском там было совсем немного, а французского Анна толком не знала и потому искала в самых дальних уголках высоких шкафов в надежде найти что-то, что было бы ей ясно.

На одной из полок обнаружили вольные переводы какого-то просвещенца, может, даже масона: Матиуш как-то занимался ими ради развлечения и помощи друзьям, а заодно, чтобы получше научиться излагать свои мысли. Костюшко с огромным интересом взялась за

чтение этих записей, чтобы понимать, о чём он так часто говорит.

Теории оказались и впрямь довольно интересными, хоть и спорными, Анна искренне расстроилась, когда тетрадь кончилась, и поспешила обсудить с Вишнивецким то, что успела узнать. Тот с удовольствием согласился.

— Ты не находишь, что положения, на которые опирается автор, неплохо бы применить к жизни? — спросил князь, усаживая девушку рядом с собой.

— Не знаю. Может, они и хороши, но не стоит жить ими и пытаться подстроить всё под это. Мне кажется, такое можно назвать обманом себя и других, потому что выходит нечестно и некрасиво, — задумчиво ответила Анна, смешно морща нос. — То есть, я что имею в виду. Допустим, живёт себе человек, он что-то такое прочёл и сказал себе, мол, буду делать всё в точности так, как тут написано, и прослышу, скажем, мудрым. Вот он следует своему слову, намеренно ходит в библиотеки и слушает учёных мужей, но делает это не из искренности, а потому что так книжка повелела. Да и делает вовсе не правильно, не вникая в суть. Врёт себе и окружающим. Это совсем не так, как должно быть.

— Вот как? — Матиуш заметно напрягся, девушка почувствовала, как он подбирает нужные слова, чтобы передать, что думает он, но при этом... не обидеть? Не сказать лишнего? Анна догадывалась, что есть что-то, что может быть лишним в этом разговоре, что-то, что расстроит их обоих.

— Понимаешь ли... не стоит быть такой критичной по отношению к чужим попыткам стать лучше, ведь некто из твоей истории именно этого хочет добиться. Признаться, я, да и многие люди, можем понять его. Всем хочется быть... Хорошими, наверное. Мне, если честно, тоже. Я считаю себя человеком Просвещения и... — Анна не дала ему договорить.

— Это ложь ведь. Очень низкий обман, не более, — с жаром заметила она. — Я не верю, что ты такой же. Ты ведь помогал мне по доброте душевной, разве нет? Ты хотел помочь.

— Я... — перед Вишнивецкий встал ужасно сложный выбор: покривить душой вновь или сказать Анне правду и причинить ей боль. С одной стороны, это было жестоко, но с другой если девушка поймёт всё сама, то ей будет гораздо хуже и горше. Времени на решение было в обрез, а Матиуш колебался, не зная, что сказать, хотя прекрасно осознавал, что Анна заметила его неуверенность и неловкую паузу. Было поздно отрециваться.

— Я такой же, — тихо сказал он. — Я назвал тебя живой, потому что ты не была шляхтянкой, я делал всё не только из добрых побуждений, но и из желания доказать всем, что я другой, что я лучше, что я иду рука об руку со временем. И жениться я хочу... Хотел, потому что я бы так поставил на место всех, кто смеялся над нашими отношениями, кто не верил, что это возможно. Я хотел доказать своим друзьям, что я не хуже них. Это была одна из причин. Другая же тебе, наверное, более приятна — не хочу тебя ни с кем делить, хочу, чтобы ты была моя, понимаешь? Да, я обманываю тебя, но... Вместе с тем это и веление моего сердца.

— Какие глупости! — Анна строго посмотрела его. — Матиуш... какие идеалы? Зачем становиться лучше, если я люблю тебя таким, какой ты есть, зачем тебе красоваться перед другими, если тебе никогда не было важно их мнение? Это даже смешно. И совсем, совсем несерьёзно для тебя. Брось это, оставь, и давай жить, как нормальные люди. Не создавай себе кумира, пусть и из самого себя. Не гневи Бога.

— Но Бога нет! — Вишнивецкий заговорил сердито, уязвлённый этим. — Бога нет понимаешь? И кумиров нет, я ничего не создавал. Я просто хотел быть для тебя хорошим,

хотел быть человеком, а не просто избалованным панычем! Это не Бог нас свёл, это всё я, и никто не помешает мне сделать тебя княгиней Вишнивецкой.

— Ты... — Анна резко вырвалась из его рук, поражённая и оскорблённая его словами. — Ты... ты предал всё, что между нами было, сотворил себе проклятого кумира, да, сотворил, подглядел его в книжке, не пытайся это отрицать и обманывать вновь! Я знаю, что я тебе не ровня, я знаю своё место, хорошо понимаю, что ты для меня сделал и откуда поднял, я многое готова стерпеть, потому что я родилась не благородной. Но это... это такое мерзкое притворство, что мне противно быть рядом! После всего, что я услышала, я... я чувствую себя опозоренной. Никогда я подобным образом не думала, но теперь всё именно так. Правы были матушка и Злата, права была тётка. Ты играл! Пусть наполовину, но играл! Это... — она не договорила, громко всхлипнула и выбежала прочь из комнаты, закрывая лицо руками.

Матиуш остался один, поражённый и убитый наповал тем, что сказала ему Анна. Самое страшное было в том, что это была чистая правда.

***

Ксёндз Витковский задумчиво смотрел в сторону панского поместья, крепко сжимая распятие. Ему давно не нравилось то, что там творилось, химию и прочие науки он считал посланием дьявола, а то, что благочестивая и скромная Анна, дочь Августины, вдруг выбрала не дом Божий, а пана, окончательно убедило священника в том, что не их господин живёт в поместье, а злобный демон, который навлекает беды на Грохов. Витковского всю жизнь учили искоренять такое вот зло, гнать его и уничтожать, а потому он не мог спокойно смотреть, как сатана пытается устроить здесь всё на свой лад. Ксёндз решил на страшное и опасное дело, но истинно верное в таком случае.

Он решил убить пана Вишнивецкого.

Народу к обеду собралось много, считай, вся деревня, и Витковский впервые в жизни начал не с молитвы, а с просьбы и напутствия. Вот что он сказал:

— Дети мои, Господь послал мне озарение. До нынешней поры мы с вами слушались нашего пана и жили с ним в мире, исполняя любые его прихоти и мирясь с любыми причудами, но я вынужден вам поведать, что это не наш князь, а демон, занявший его тело. Он совратил вашу сестру, Анну, и держит её во грехе, ввергает во грех нас своими бесовскими занятиями. Помогите свершить мне правое дело, мы вместе должны схватить его и изгнать через боль и лишения. Наш пан делал нам много добра, так давайте спасём его душу!

По рядам пронёсся шёпот, люди переговаривались, пытаясь принять ужасную новость и решить, как им поступать.

— Наш пан хороший! — Злата поднялась. — Привиделось тебе, святой отец, он обычный человек. У них в столице так принято, что ты.

— Верное дело, — подала голос худенькая Текля. — Наш пан крёстной моей матушке избу сладил, богатством одарил, меня не оставил в беде.

— Он принял меня на работу и не прогнал, когда я ожгла руки так сильно, что не смогла трудиться, — поддакнула Зося. — Что ж он такого натворил, чтоб его мучить?

— Видите? — Витковский указал на трёх женщин. — Они тоже поддались чарам посланника сатаны! Господи, пошли же мне знак, что ты на моей стороне! — он вскинул голову и зашептал молитву, сжав ладони. Тут же в небольшой пристройке около поместья, хорошо просматривавшейся из окна церквушки, что-то громко хлопнуло, а из трубы

вырвался столб красного дыма.

— Точно дьявол... — Злата схватилась за сердце и упала на руки мужу. Люди загалдели, всё больше убеждаясь в том, что ксёндз говорит правду.

— Анна! — Текля испуганно вскрикнула, подхватила юбки и выбежала из здания. Зоська последовала за ней. Они обе хотели предупредить пани Августину, в тот день занемогшую, и спасти подругу.

— Скорее же, берите кресты, берите вилы, косы, ножи, мы должны уничтожить демона! — громко направлял народ Витковский. — Не слушайте его, не верьте ни единому слову, мы вместе спасёмся!

Больше ему никто не возразил.

***

Матиуш расстроено стукнул кулаком по столу. Он совсем не хотел ссориться с Анной, говорить ей то, что говорил, обманывать снова, он просто хотел быть с ней счастливым. И чем это увенчалось? Ничем. Он долго бегал от этого, от собственной совести, он даже из Варшавы уехал, чтобы не думать о таких вещах, химия была лишь удобным прикрытием. И вот, совершенно неожиданно его совестью выступила Анна, разом спустившая его с небес на землю своими горькими, но верными словами. Матиуш не хотел её обижать, делать больно, но в итоге всё вышло именно так.

Он желал найти и обнять девушку, прижать к себе, успокоить и попросить прощения, но малодушничал, боялся, одним словом, трусил, как мальчишка, и это так противно, что он ненавидел самого себя. Зачем он это всё затеял, зачем попытался жить, как жили другие, мифические герои? Уж лучше бы это был роман на одну ночь или роман на всю жизнь, но никак не настолько, насколько он был сейчас! Вишнивецкий теперь понимал, как он нуждался в Анне и зачем всё это делал — чтобы быть для неё кумиром. По сути, он вдруг поспорил с самим Господом, до того занимавшим это место, и проиграл. Потому что Анна не видела кумира даже в Боге. Она их и в самом деле толком никогда не создавала, ибо знала, что это неправильно.

Более того, Матиуш теперь прекрасно понял, что не может отрицать очевидного — свои чувства к Анне. Самые настоящие живые чувства, которых у него никогда не было. Он пока не решался назвать их любовью, потому что толком не знал о её природе. Вишнивецкий вдруг задумался о том, какая она у Анны, раз уж это не нарушает известной заповеди. Она была заботливая? Нежная и преданная? Гораздо более серьёзная, чем по началу, раз уж Костюшко пыталась понять его и убедить в том, что он ей нужен такой, какой есть? Он не знал, как это описать, он такого раньше не видел и видеть не мог — в его окружении не нашлось бы кого-то, кто бы по-настоящему любил и считал себя счастливым. Такое не было принято, многих сызмальства учили не чувствовать, а искать выгоду и способа исполнить свой долг перед родом, потому как это было гораздо важнее, чем что-то эфемерное и приносящее боль. Боль. Анне было больно, потому что она любила, Велислав страдал из-за любви к покойной жене, а теперь и Матиуш мучился тем, что пробудил в Костюшко горечь и печаль. Стоило извиниться, стоило прийти и вернуть. Он не знал, что скажет ей при встрече, но точно был уверен, что оно окажется равным её «люблю».

За этими мыслями он совсем забыл об очередном опыте, и в небольшой лаборатории что-то взорвалось, чем знатно напугало Вишнивецкого. Он тут же побежал туда, надеясь, что до возможного пожара дело не дойдёт. И впрямь удалось успеть в самое время, Матиуш быстро справился с крохотной неудачей и уже было собрался начать что-то новое, как дверь

приоткрылась, и в помещение медленно зашла Злата. Она оглянулась, немного помедлила, затем тихо и грустно шепнула:

— Бегите. И простите меня, мопанку.

— Зачем? — искренне удивился Вишнивецкий, но тут же его схватили двое рослых мужиков: кузнец и его помощник.

— Вы что делаете?! — Матиуш затравленно обернулся, выискивая в толпе знакомых. Защищаться ему было нечем, вырваться было невозможно — руки у хлопов оказались крепкие, словно тиски. Вишнивецкий судорожно думал, зачем они здесь, что заставило напасть. Анна не могла на такое пойти, она бы вообще не стала мстить, а явного повода для бунта у крестьян никогда толком не было, ведь Матиуш столько для них сделал! Он и предположить не мог, что послужило причиной.

— Не пытайся обмануть и смутить нас, сатана, мы знаем твоё истинное лицо, — прогремел голос ксёндза. — Ты захватил разум нашего пана и заставил его забыть Господа, но теперь тебе не скрыться. Ты будешь изгнан!

— Это же я! — Вишнивецкий понял, что хотят с ним сделать, всплыли в голове старые страшные сказки, которые читала ему тётка. — Это я, ваш хозяин! Князь Матиуш Камил Вишнивецкий!

Но было тщетно, его не слушали, только крестились и отворачивались, это определённо значило конец. Матиуш с ужасом озирался по сторонам и судорожно думал о том, чтобы это не постигло Анну. Он отчаянно боялся, что это затронет её и как-то навредит. Костюшко была совсем не причём, она, пожалуй, была самым чистым и светлым, что с ним случилось, и ей совсем не нужно было из-за него страдать, хотя и она уже это делала.

Вишнивецкий вдруг понял, что не хочет умирать, но даже не из-за того, что хочет жить, а из-за того, что Анна может не вынести его гибели. Он на мгновение представил, как она всхлипнет и прижмёт тонкие руки, которые он так любит целовать, к лицу, как будет стоять на коленях в церкви и рыдать, умоляя Бога вернуть его, как замкнётся в себе и больше никогда не улыбнётся и, что самое страшное, просто покончит с собой. Она явно заслужила что-то хорошее и доброе, как она сама, что-то большее, чем вдовый наряд.

Что-то лучше, чем он...

***

Анна плакала навзрыд, уткнувшись носом в плечо матери. Августина гладила её по голове, обнимала, тихо причитала. Ей было горько видеть дочь такой: несчастной, разочарованной, сломанной.

— Я сама ему поверила, как вольную дал, что ты... — повторяла она. — Думали ли мы, что всё так? Нет ведь. Кто ж знал...

— Да пропади пропадом эта вольная... — девушка всхлипнула. — Я бы всё ему простила, я бы ему рабыней была, что я, не понимаю, что чернавка, челядь дворовая? А он... Он обманывал! Права ты была, и Злата тоже... Поверила я, повелась, полюбила, а осталась в итоге у разбитого корыта. Как мне теперь с ним жить, как в глаза смотреть, если всё это — большая игра? Что мне теперь делать?

— Одному Богу известно... Проживём как-нибудь, справимся. Понимаю, что не гнал, но верно говоришь, вместе вам теперь ой как непросто будет, если решишься. Трижды подумай, но лучше оставь его, не обрекай себя на горе на всю оставшуюся жизнь, — Августина тяжело вздохнула. — Даже не знаю, что из этого лучше. Сложно, дочка, решить. Никогда я в таком положении не была, не знаю...

— Я ведь ему верила... — продолжала Анна. — Как же так... Да я... — она вдруг резко поднялась и куда-то быстро ушла, через несколько минут вернулась, утирая губы смоченным в воде полотенцем.

— Который день тошнит, ума не приложу, что съела, — призналась она между всхлипами. — Так тяжко. И всё, что раньше любила, нравиться перестало. И настроение часто меняется. Вот я сейчас на Матиуша злилась, а теперь как-то не хочу... Или хочу... Что со мной?

— Снимай-ка платье, — девушка удивлённо посмотрела на мать, но послушалась и вскоре осталась в одной нижней рубашке. Августина придирчиво осмотрела её, осторожно пощупала нижнюю часть живота, окинула испытующим взглядом грудь.

— Сколько, говоришь, такое? — спросила она.

— С неделю, наверное, — пожалала плечами Анна, одеваясь. — А что?

— Ты беременна, — женщина опустила обратно в кресло. — Вот горе-то... Теперь уж точно вместе. Как же ты с ребёнком одна?..

— Беременна? — девушка не верила своим ушам. — Господи... — она прижала ладони к пока ещё плоскому животу. — Что же мне теперь делать?..

— Рожать уж точно, — твёрдо сказала Августина. — А с Ма...

— Беда, беда! — в дом влетела Текля и бросилась перед Анной на колени. — Прости меня, сестра, я не сумела их отговорить, мы не сумели, я, Зоська, Злата, не уберегли!..

— Цыц, девка, Анна понесла, — строго осадил её старшая Костюшко. — Не волнуй её, мне сначала скажи.

Текля поднялась, шмыгнула носом, подошла к ней, что-то сбивчиво зашептала на ухо, нервно сминая передник. По мере рассказа Августина мрачнела, всё плотнее сжимая узкие губы, к концу она, казалось, постарела лет на десять, так ужаснуло её услышанное.

— Анна, ты присядь, — она мелко задрожала, с трудом подбирая слова. — Присядь, хорошо? Тут... Тут беда, небольшая беда. С Матиушем...

— Мама, что случилось? — девушка вцепилась в руку подруги, та неловко обняла её, поглаживая по голове. — Мама?

— О, совсем ничего плохого... — Августина неестественно улыбнулась. — Всё хорошо. Ты возьми у нас голубя и поди напиши пану Вацлаву три слова. Мол, закат будет кровавый. Он поймёт и поможет нам, давай, пиши быстрее. Потом тебя Текля отведёт кое-куда, и ты поговоришь с паном. Только сразу скажи, что беременна, обрадуй его, хорошо? И не напоминай ему о ссоре, прошу, — она неуверенно протянула ей бумагу и чернила. — Давай, пиши.

Перепуганная Анна кое-как вывела то, что просила мать, свернула в трубочку и привязала к лапке принесённого голубя. Текля выпустила его из окна и мучительно закусил губу, молясь, чтобы птица как можно быстрее доставила послание.

— Идём скорее, до заката всего два часа, — она потянула Костюшко за руку. — Идём.

— Хорошо, — Анна поднялась, и они вышли. Неприметная дорожка повела их через старые избы и небольшой участок заброшенных садов, там было темно, прохладно и немного сыро из-за нависавших мглистой грядой деревьев. Текля шагала впереди, спотыкаясь и низко опустив голову, затем вдруг резко раздвинула кусты и пропустила подругу. Они оказались у старого амбара, не раз горевшего и ныне заброшенного.

— Пан Вишницецкий, я привела вам Анну, — пискнула она. — Слава Богу, они тут всё завалили, замок повесили да уши, а то бы и того не сумела. Простой люд, что с нас взять.

Эй, вы меня слышите?

— Слышу, пусть подойдёт, — раздался взволнованный голос Вишнивецкого. — Ануся, девочка моя?

— Матиуш! — Анна подбежала к заросшей мхом и лишаем стене. — Прости меня, я...

— Не стоит, это пустое. Я сам виноват, — Матиуш старался говорить ласково и мягко. — Моя красавица, я должен тебе кое-что сказать.

— Я тебе тоже, — девушка беспокойно посмотрела на Теклю, и та кивнула ей, взяла за руку, пытаясь поддержать.

— Начни ты, — согласился Вишнивецкий. — Что, моя хорошая?

— Я беременна от тебя, — Анна всхлипнула. — Я ношу под сердцем твоего ребёнка.

— Девочка ты моя, родная, нежная, — Матиуш произносил эти слова с таким отчаянием, что хотелось выть и плакать, но Костюшко сдерживала себя. — Мы его... Обязательно воспитаем, слышишь? Вырастим, выучим. Мы с тобой обязательно будем вместе, — вынужденная ложь отчаянно жгла ему язык, он не хотел врать хотя бы в свой последний раз, но не мог, опасаясь за дитя. — Я тебе обещаю, — ему хотелось рыдать, хотелось сойти с ума и не ощущать эту ужасную боль потери двоих, ужасную боль осознания того, как будет больно им. — А теперь уходи, хорошо? Тебе сейчас не стоит тут быть, это может плохо кончиться. Иди, прошу, родная. Я приду чуть позже, мы всё обговорим, обнимемся, ладно? — он умолял, умолял с такой горечью, что у Анны защемило сердце, а глаза наполнились слезами.

— Ты что-то хотел сказать, — едва выдавила она, слова не слушались и путались, тяжёлым комом закрывая горло.

— Я люблю тебя, — эхом отозвался Матиуш, до боли сжимая кулаки и сдерживая крик.

— Я... Я тебя т-тоже... — Анна снова разрыдалась, схватилась за живот, и Текля поспешно увела её, что-то сказав Вишнивецкому, Костюшко уже не слышала. Она медленно теряла сознание, всё дальше и дальше проваливаясь в такую приятную и мягкую тьму...

***

— Пора, — Злата зашла под сень ветхих досок и виновато поглядела на Матиуша исподтишка. — Мне жаль.

— Ты не виновата, — Вишнивецкий поднялся, сбросил камзол. — Вот, возьми себе, там дорогие ткани, брошь драгоценная. Продай и распорядись деньгами, как хочешь. Спасибо за службу. Большого дать, к сожалению, не могу.

— Не могу взять, я не смогла вас спасти. Как я Анне в глаза посмотрю? — серьёзно сказала Судовская. — Не надо. Я лучше ей передам.

— Дело твоё, — Матиуш печально улыбнулся. — Позаботьтесь о ней. На своих друзей я надеяться не смею, она им чужая, но вот вам нет. Это будет моя последняя просьба. Что меня ждёт?

— Кол, — Злата вздрогнула и низко опустила лицо, чтобы не было видно её слёз. — Прости вас, Господи, и не оставь теперь, — она мелко перекрестила его. — Я больше не могу оттягивать.

— Я всё понимаю, — Вишнивецкий медленно вышел на свет закатного солнца. — Простите, дамы и господа, если я был вам плохим господином, — обратился он к крестьянам. — И вы, святой отец, — он повернулся ксёндзу. — Прости их, Боже, если ты там есть, и не оставь моих близких, — он выступил на середину поляны и печально прошептал, воскрешая в памяти улыбающуюся Анну. — Пусть свершится то, что свершится.

Глава двадцать девятая. Конец первой части

Вацлав медленно приземлился на влажную от вечерней росы траву и поправил камзол. Светлые волосы графа раздувал прохладный ветерок и норовил сбить с крепких плеч тёмный плащ. На Грохов плавно спускался вечер, солнце уже зашло, и закатные лучи едва касались верхушек деревьев. Казнь, по его расчётам, уже свершилась, и теперь надо было спешить — у него оставалось не так много времени, чтобы спасти Матиуша.

Дом Анны нашёлся быстро, Левандовский восхитился тем, как славно его сладили, одобрительно оглядел стены и наконец деликатно постучал. Внутри завозились и зашумели, слышались женские голоса, на окно на мгновение упала чья-то тень, а затем дверь приоткрылась, и из-за неё осторожно выглянула Анна.

— Пан Вацлав! — она неожиданно крепко обняла его и повисла на шее. — Пан Вацлав, я ждала вас!

— Анна, дорогая моя, да ты меня задушишь, — Левандовский осторожно погладил её по спине и опустил на землю. — Так, говорите, кровавый сегодня закат?

— Такой, мопанку, что лучше бы и не видеть, — пискнула Текля и тут же юркнула за спину Августины. Та печально склонила голову в знак согласия, бросила беспокойный взгляд в сторону дочери, посмотрела на её почти совсем не выделяющийся живот. Анна непонимающе обернулась на них и пожала плечами, перевела взгляд на Вацлава.

— Мне ничего не говорят. Что происходит? — тихо спросила она, нежно и робко беря вампира за руку. — Хоть вы скажите, у меня сердце не на месте. Что с моим Матиушем? Прошу вас, мне так страшно.

— Если ты пообещаешь мне ни в коем случае не волноваться и не подвергать своё дитя опасности, то увидишь сама, — мягко сказал Вацлав, сжимая её ладонь. — Я бы тебя туда не брал, но без твоей помощи мне совсем не обойтись, поэтому придётся. Даёшь слово?

— Даю, — Анна серьёзно кивнула и умоляюще добавила:

— Только бы быть рядом с ним.

— Ты будешь ему хорошей женой, — удовлетворённо хмыкнул Левандовский, криво улыбаясь. — Идём. Дамы, моё почтение, — они вышли из дома и тут же исчезли в облаке тёмного тумана — Костюшко даже не успела понять, что он сделал, как оказалась у стен уже виденного сегодня амбара. Она опасливо повернула голову, озираясь в поисках Матиуша, но не решаясь его позвать, и вскрикнула от ужаса, тут же прижавшись к Вацлаву и спрятав лицо у неё на груди. Перед несчастной Анной предстал высокий грубо обтёсанный кол с нанизанным на него телом её любимого человека. Он без сомнения был мёртв и умер почти мгновенно, но девушке стало так больно, что она не смогла сдержать рыданий. Левандовский шептал ей что-то ласковое, поглаживая ладонью живот, чтобы не случилось выкидыша. Вероятность была ничтожно мала, но он не хотел рисковать и потому на всякий случай ненадолго притупил её чувства, сделав полностью покорной себе.

Сзади прошелестели шаги и раздался мягкий голос Потоцкого, увещевавший Анну, что всё будет хорошо. Вацлав передал ему девушку, а сам ненадолго взлетел вверх, чтобы забрать Матиуша. Он скинул плащ, завернул в него такое лёгкое и бледное тело друга, от чего-то похожее на Христа с Пяты, которую граф когда-то видел в Ватикане. Костюшко ненадолго обернулась на него и снова всхлипнула, падая на руки Велиславу. Тот осторожно подхватил её и прижал к груди, чуть кивая Левандовскому и растворяясь в подступающих сумерках.

Вацлав кивнул в ответ и исчез вслед за ним, пообещав себе написать родственникам будущей княгини всё, что требуется для общего спокойствия. В конце концов, всё кончиться хорошо должно было совсем для всех.

***

В спальне царил полумрак, Вацлав, скинув камзол и жилет, закатав рукава, чертил какие-то знаки на безжизненной груди Матиуша, то и дело что-то произнося на древнем иврите. Велислав особо не вслушивался, краем глаза наблюдая за дремлющей на софе Анной, лишь приметил, что заклинание на порядок выше, чем использовал он сам, когда обращал Рихарда. Милинский, к слову, тоже был здесь, он держал раскрытый фолиант, читая что-то своё, видимо, тоже очень нужное теперь.

— Если всё сделаем правильно, мы получим очень сильного вампира, — заметил Левандовский, закончив своё дело. — Влад принял становление через три недели после смерти, пройдя Ад и получив напутствие самого сатаны, и вы сами знаете, как он могуч. Со смерти Матиуша прошло часа два или три, со смерти Рихарда несколько минут, мы можем предположить возможные последствия. Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что с учётом ритуалов князь окажется вдесятеро крепче, чем многоуважаемый пан Милинский. Не обижайтесь, но это так.

Рихард чуть кивнул, ему, в сущности, было всё равно, он никогда не стремился к влиянию и власти, каким-то тайным способностям. Он просто хотел жить и не стареть, ему это казалось вполне достаточным для счастья.

— Пора, — Вацлав наклонился и впился острыми клыками, в шею Матиуша, выпивая остатки его крови, разрезал своё запястье и прижал его к губам друга, чуть обагрив их живительной для всех вампиров жидкостью. По телу Вишнивецкого пробежала судорога, затем ещё одна, ресницы задрожали, а кожа чуть порозовела, принимая более тёплый оттенок. Анна зашевелилась и проснулась, уже свободная от чар Левандовского, бросила взгляд на любимого, всхлипнула, тут же оказалась рядом и взяла его за руку, ласково-судорожно целуя пальцы.

— Матиуш, я люблю тебя, — прошептала она, вглядываясь в его спокойное лицо. — Вернись, прошу.

— Теперь нам остаётся только ждать, — мягко заметил Вацлав. — Думаю, всё получилось.

В тишине вдруг раздался отчётливый стук вновь ожившего сердца.

Часть вторая. Глава тридцатая

Мальчик лет двух или двух с половиной сел в кроватке и любопытно огляделся. Он понятия не имел, который сейчас час, и вообще пока не представлял, как работает та ужасно смешная и громкая штука, по которой взрослые узнают время. Впрочем, нынче это было не слишком важно, у ребёнка имелась совсем иная забота — вылезти из колыбельки и тихонечко уйти, пока няня не видит. Он медленно встал, не слишком уверенно держась за перила, затем осторожно пролез между ними и победно ступил на мягкий ковёр, который мама велела положить ему в комнату ещё с неделю назад. Он был весь пушистый и очень нравился малышу, при других обстоятельствах он бы с удовольствием на нём полежал, играя с мишкой или солдатиками, но не теперь. Теперь надо было выбраться и найти маму с папой. Мальчик проворачивал это уже не раз, при желании он мог хоть каждое утро прибегать к родителям, но быстро понял, что тогда спасительную дверь начнут запирать или, хуже того, расскажут няне, что было совсем ни к чему.

Шаг, ещё шаг, цепкие пальчики схватили ручку двери и осторожно потянули на себя, она с тихим скрипом отворилась, но пани Зося не проснулась, и малыш с довольной улыбкой наконец оказался на свободе. Дальше всё было предельно просто: он на цыпочках прокрался до родительской спальни и протиснулся сквозь небольшую щель, едва задев спиной косяк. Стало довольно ощутимо больно, и мальчик обиженно захныкал, расстроившись такой неудаче.

— Тадеушку, мамино солнышко? — мамин голос его немного успокоил, а когда женщина выскользнула из одеяла и взяла его на руки, то он совершенно затих и теперь занимал себя тем, что перебирал её золотисто-рыжие пряди и беспечно тыкался носом в шею.

— Ануся, душа моя, — со стороны постели раздался приятный мягкий голос отца. — Наш сын опять с боем добрался к нам в гости?

— Да, он такой умница, — Анна с улыбкой поцеловала его в закрытый каштановыми кудряшками лоб. — Тадю, сердечко моё, чего тебе не спится?

— Не знаю, — Тадеуш пожал пухлыми плечами. Ма, к па, — он капризно забарахтался и задёргал ножками.

— Ну конечно, — женщина унесла его в тепло, уложила на мягкие простыни и сама устроилась рядом. — Матиуш, смотри, всё к тебе тянется.

— Папино чудо, — Вишнивецкий обнял ребёнка. — Что надо сказать?

— Доброе утречко, — счастливо произнёс Тадю, целуя его в щёку. — Привет. Как дела? Спасибо. До свидания. Пожалуйста. Можно ли? — он замолчал, раздумывая, что из этого действительно нужно, кроме пожеланий хорошего утра. — А, знаю! — он радостно захлопал в ладоши. — Велислав, ты поросёнок!

— Вацлав погибнет в страшных мучениях, а Потоцкий составит ему компанию, — с елеинной улыбкой пообещал любимой жене князь, и та рассмеялась. Тадеуш снова захлопал в ладоши и тоже засмеялся.

— Дядя Велислав тоже смеялся. Поросёнок — это хорошо? Мама смеётся. Хорошо. Папа, почему ты не смеёшься? Тебе нехорошо? — удивлённо спросил он. — Поросёнок — хорошо.

— Бесспорно очень хорошо, но называть других поросятами нельзя, — наставительно

сказал Вишнинецкий, взъерошив волосы сына. — Пора бы дяде Вацлаву это запомнить. Хотя он сам порой... — он не договорил, потому что Тадю его перебил, серьёзно произнеся:

— Дядя Вацлав — хорошо, поросёнок — хорошо. Дядя Вацлав — поросёнок?

— Называть других поросятами нехорошо, — повторил князь. — Впрочем, в таком случае я спорить не буду.

— Матиуш Камил Вишнинецкий! — Анна укоризненно посмотрела на обоих. — Чему ты ребёнка учишь?

— Поросёнок — хорошо, называть других — нехорошо, — ответил ей Тадю, будто это было само собой разумеющееся.

— Видишь, он знает, чему учу, — пожал плечами Матиуш. — Моя взяла.

— Этот твой вампиризм делает тебя поросёнком! — мстительно отозвалась женщина. Тадеуш тут же радостно повторил за матерью в своей обычной манере, и главе семейства пришлось признать себя проигравшим. Начинался новый прекрасный день.

***

Велислав слабо улыбнулся Вацлаву и поспешно встал, протягивая ему ладонь для рукопожатия. Он был бледен, уж точно бледнее обычного, несколько осунулся, а глаза излучали какую-то страшную кричащую пустоту. Он был таким с самой своей коронации и даже когда добровольно покинул престол, не изменился, и это пугало Левандовского. Только рождение Тадеуша слегка расшевелило его, Потоцкий подолгу играл с ним, возился, гулял и зачастую не хотел отпускать, смотря на Анну такими несчастными глазами, что хотелось его пожалеть и тоже взять с собой. Наверное, он в маленьком Тадю видел своих не родившихся сыновей.

— Велислав, ты сегодня живее обычного, — граф похлопал его по плечу. — Что тебя так обрадовало?

Потоцкий взял с небольшого изящного столика лист бумаги и показал другу. Там был нарисован упитанный розовый поросёнок и корявым детским почерком писали, что это хорошо. То есть, конечно, малыш Тадеуш написал это слово, как "харашо", да и поросёнок у него вышел через «а», но Велислава это совсем не смущало. Он благоговейно прижимал к себе творение крестника и едва ли не светился от счастья.

— Я тоже такую получил. Видно, этим утром у них состоялся серьёзный разговор о том, кто, кого и как называет. Выглядит забавно, но на деле, думаю, для юного князя это важно, — Левандовский рассмеялся. — Однако я пришёл говорить не об этом.

— О чём? — Велислав болезненно усмехнулся. — Я думал, обо мне все забыли, как только я передал тебе трон. Ты везуч, Вацлав, ты хитёр и изворотлив, словно змей, о чём тебе теперь со мной говорить? Я не люблю гласности, мне хорошо и тут, в полумраке коридоров и картин, среди неверного света редких свечей и пустых глаз моей жены, которые видятся мне везде, зачем я тебе?

— Ты живёшь меньше моего, но безумие открыло тебе многим больше, чем мне — разум. Мне нужен твой совет, Велислав, мне нужна твоя мудрость, мне нужна... прозорливость. Всё это досталось тебе ужасной ценой, а я пока не готов заплатить свою, — тихо отозвался Левандовский. — Помоги мне.

— О чём ты просишь? — Потоцкий устало прикрыл глаза. — Я постараюсь быть тебе полезным.

— Я знаю, что Станислав теперь уж точно не оставит своих попыток отомстить. Тебя он побаивался, ты всё-таки гетман, в твоих венах течёт кровь Ягеллонов, верно? Я же не столь

ясновельможный, чтобы быть королём по праву в его глазах. Я ему не соперник, я оскорбление, брошенное ему, ты это и сам понимаешь. Пойдёт ли он забрать, как ему кажется, своё кровью? — Вацлав говорил гладко, и речь его лилась бы славной песней, если бы не тот, о ком она шла.

— Пойдёт. Мнишек горячий, молодой, даже слишком молодой, он умер в бою, бой дал ему новую жизнь и вечную жажду крови, никто не в силах остановить его, если он захочет устроить смерти пиршество, — Велислав пожал плечами, скривил губы. — Даже ты, Вацлав, сколько бы ты не был силён.

— Где же ему собрать столько тварей? — усмехнулся тот. — Что ты слышал?

— Слышал, что отовсюду на Лысую Гору, что под Киевом, собираются стригои, и в ночь на Купалу они примут решение, — Потоцкий дёрнулся и вдруг забился в судорогах, голубые глаза закатились, а тонкие пальцы буквально впились в руки Вацлава.

— Берегись не за себя, но за тех, кто тебе дорог, — низким и лающим голосом проговорил он. — Берегись, за всё придётся платить, Вацлав, и за корону ты дорого отдашь, — Велислав снова забился в ужасном приступе, и лишь затем пришёл в себя, испуганно и как-то виновато поглядев на друга.

— Прости, я не могу это удержать, — признался он. — Мне страшно, очень страшно, поверь. Что я тебе предсказал?

— Смерть, — коротко ответил Левандовский, явно что-то скрыв, ведь он неплохо понял суть предсказания.

— И только? — Потоцкий ему не поверил, но особенно допытываться не стал. — Пусть так.

— Хорошо, — Вацлав чуть кивнул и подошёл к окну, где шёл громкий летний дождь, рассматривая чёрные тучи. — Что за ужасная погода! Я так не люблю, когда в Варшаве пасмурно, она тут же мрачнеет и тускнеет. А ведь до чего светлый город!

***

Станислав стоял на парапете старого моста через Вислу, и смотрел, как в тёмную воду то и дело падают тяжёлые прозрачные капли. Он ждал. Два долгих года, с самой коронации Левандовского, инквизитор, который частично поспособствовал решению Потоцкого уйти, не появлялся на горизонте, предпочитая ненавидеть в тишине — он отчего-то пожалел об убийстве Милинского, видно, прочёл о нём что-то такое, что заставило его посочувствовать, ведь близость смерти делает людей такими сентиментальными! Впрочем, теперь это было не так важно — Энрике написал ему, что нужно встретиться, и назначил увидеться именно у этого заброшенного монастыря. Мнишек не видел большой романтики во всяких развалинах, но спорить из-за подобной мелочи не стал.

Гонсалес возник будто бы из тумана, вышел, перешагивая через основание бывшей алтарной стены, оперся на обломанные временем камни, ухмыльнулся.

— Ясновельможный пан? Доброго дня, — он скинул капюшон. — Не ждали? Я последние пару зим носу не казал на ваш порог, что уж. Признаться, я не люблю неудач, хотя, кажется, нашу сделку неудачной назвать нельзя. Где же ваши деньги, что должно было пойти на церковь?

— Ваша часть договора случилась через без малого год. Я готов вас наградить, но на других условиях, — отвечал Мнишек, нагло и вызывающе улыбаясь. — Идёт?

— Пожалуй, — неожиданно не стал спорить Энрике. — Я хочу, чтобы вы обратили меня. Хочу жить вечно.

Станислав застыл, поражённый его просьбой. Он-то считал, что инквизитор захочет мести, денег, протекции, чего угодно, но не этого. Не стать пьющим кровь чудовищем, не бессмертным, не отступником.

— Вы не ослышались, — добавил Гонсалес, заметив его удивление. — Я достаточно пожил, чтобы понять, что Бог глух ко мне. А вот у дьявола есть теперь все шансы мне понравиться.

— Стать вампиром — это не значит выбрать другую сторону, — серьёзно поправил его Мнишек. — Стать вампиром — это лишь выбрать тот или иной путь у указующего камня.

— Мне всё равно, — пожал плечами инквизитор. — Бог ли, дьявол... Я хочу жить вечно, — повторил он. — Вы можете мне это дать?

— Извольте, — Станислав тут же оказался рядом с ним. — Я держу своё слово.

***

Максимилиан фон Штраус поднялся навстречу гостю и вежливо улыбнулся уголками губ. В комнате неярко горели канделябры, блики пламени отражались в стёклах круглых очков графа.

— Что вы узнали, Иоганн? — тихо спросил он, хмурия тонкие брови. — Что донесли ваши люди?

— Станислав Мнишек-Вранич собирает армию, герр Штраус, — отвечал тот.

— Я думал, игра закончилась, когда на трон сел Левандовский, но я ошибся. Она только началась, — Максимилиан усмехнулся. — Благо, я успел выбрать сторону. Это будет большая война, мой друг, большая война. И мы никак не можем её пропустить. Пусть готовят карету и лошадей, я еду в Варшаву.

Глава тридцать первая

— Дорогой друг, — Вацлав тепло обнял Матиуша. — Как дела, как семья?

— Замечательно, — Вишницецкий чуть улыбнулся. — А ты, видно, после той ночи решил сменить обстановку дома, — он огляделся. — Зелёный? Почему именно он?

— На нём кровь будет смотреть слегка лучше, чем на белом, как по мне, — отшутился Вацлав. — Если вдруг что-то снова случится, — он похлопал друга по плечу и кивнул на рисунок. — Полагаю, вы все вместе работали над этим шедевром?

— Да, Тадю с десятой попытки смог нарисовать кружок, и они совместно с Анной дорисовали его до поросёнка. Он пытается писать, но сам пока толком не может. И всё же этот маленький пан умудрился заставить мать написать слово «хорошо» так, как ему кажется верным, — князь рассмеялся, вспоминая, как жена безуспешно объясняла Тадеушу, что правописание придумали задолго до него. — Я так люблю их. И очень боюсь потерять, как в тот раз, — он запнулся, но ничуть не изменился в лице. — Ты помнишь?

Вацлав помнил даже слишком хорошо. Анна тяжело переносила беременность, она постоянно пыталась быть к нему ближе, хватала за руки, умоляла хоть как-то облегчить её мучения и ни в коем случае не говорить Матиушу — даже после всего, что они прошли, она боялась, что Вишницецкий бросит её из-за её же слабости. Левандовский был для несчастной девушки избавлением: он варил ей какие-то сонные зелья, отгонял перепуганного друга и искал лекарство.

Ответ неожиданно нашёлся у Влада, который наблюдал за небольшим польским семейством, пусть и издалека. Он особенно не опекал Анну, но пожалел её и её ребёнка.

— Я вынужден просить у вас прощения, пани Вишницецкая, — он тогда присел у её кровати, по-отечески сжал руку. — Я, признаться, люблю строить планы, вертеть людьми, за это извиняться не буду, — он выдержал паузу, забирая очередной приступ боли себе. — Я подмешал вашему мужу кое-что, так сказать, подготовил его к обращению, да всего лишь дал немного своей крови на пробу. Не всякое тело выдерживает это, нам нужно было убедиться, что он сможет. К сожалению, моя кровь подействовала не совсем так, как должна была, и ваш плод теперь алкает завершения древнего ритуала, который я по случайности начал. Вацлав, позови сюда Матиуша, — попросил Дракула. — Так вот, вы ведь храбрая девушка?

Анна слабо кивнула и снова дёрнулась, но тут же упала на подушки, успокоенная его прикосновением. Сразу в дверях возник Вишницецкий, бросился к супруге, обнимая её. Влад мягко отстранил его, зашептал что-то на ухо, периодически указывая на Анну.

— Вы предлагаете мне выпить кровь моей возлюбленной Ануси? — возмущённо спросил Матиуш. — Я обещал ей!

— Вы хотите видеть её в гробу? Вы хотите видеть в гробу своего сына? — строго спросил Владислав. — Пока вы были человеком, вам была простительна глупость и сиюсекундная паника, но теперь вы нечто большее! Вы вампир. Ведите себя достойно.

Вишницецкий притих, взялся за протянутый кинжал, вскрывая вены запястья и сливая кровь в подготовленный кубок. Он обернулся к Анне, лежавшей тихо, она была почти в обмороке, но как-то находила силы улыбаться мужу.

— Ануся, сердечко моё, коханая моя девочка, — Матиуш опустился рядом с ней на колени и осторожно поднёс к губам бокал. — Выпей это, хорошо?

— Невкусно, — прошептала та, но послушно приняла кровь. — Матиуш, любимый, мне

нехорошо, Матиуш... — он провалилась в забытьё, и Вишницецкий мягко прижался губами к её шее, впиваясь острыми клыками. Анна содрогнулась, но он удержал её, пока Дракула чётко читал какое-то старое заклинание. Девушка дёрнулась несколько раз в руках супруга и неожиданно крепко обняла его. Её вдруг широко распахнувшиеся глаза ненадолго почернели, а затем она обмякла на подушках и забылась спокойным сном, будто по волшебству. Дракула едва кивнул, с удовольствием наблюдая, как в тело Анны вновь возвращается жизнь.

— У вас будет очень умный сын, пан Вишницецкий, — заметил он, уже уходя. — И очень здоровая и красивая жена.

— Это уже позади, ты вряд ли ещё раз переживёшь такое. Заклятие очень сильно, твоя кровь оказалась невозможно хорошей, — успокоил его Левандовский. — Это не то, чего нам стоит бояться.

— А есть что-то, чего стоит? — Матиуш насторожился, оглянулся на плотно закрытое окно, опущенные вельветовые портьеры, отметил встревоженный взгляд Вацлава. Ему это было несвойственно, граф всегда отличался нечеловеческим спокойствием, но теперь даже он не скрывал своих непонятных опасений.

— Мнишек собирает на Лысой Горе стригоев. Это не просто праздник Яна Купалы, это переговоры. Если он сможет убедить их предводителя, Дарко Вереша, то нас ждёт тяжёлая война, — пояснил Вацлав. — Ты знаешь что-то об этих существах?

— Нет, ты всё обещаешь рассказать, но вечно откладываешь на потом, — Вишницецкий сел поближе к камину и вытянул ноги. Пусть он и толком не чувствовал холода, но всё равно не смог отказаться от этой привычки.

— Изволь, — Левандовский устроился рядом и прикрыл глаза. — В гораздо более древние времена, многим раньше Христа, первые вампиры брали себе в жёны смертных женщин. Считалось, что они могут выносить совершенно необыкновенных детей: гораздо здоровее, прекраснее и умнее человеческих. Их называли Вечными, мороями, жаль, что они очень быстро стали вырождаться. Первой женщиной, произведшей на свет уродливое, но вместе с этим хитрое дитя, была Суламита, любимая жена царя Соломона. Она приказала избавиться от ребёнка, а он выжил и положил начало созданию себе подобных — стригоев. Вскоре вампиры перестали общаться с людьми и постепенно стали тайной и непобедимым врагом. А стригои же продолжали множиться и ныне имеют немалый политический вес на нашей арене. Спроси Влада, в его краях их особенно много.

— Кто такой Дарко Вереш? — Матиуш удивлённо вскинул брови. — Я его никогда не видел. Ни на балах, нигде, он даже не упоминался при мне. Разве вампиры не ищут мира со стригоями?

— Скорее наоборот. Стригой не ищут мира с вампирами. Особенно Дарко. Он краше своих сородичей, только шрамы на спине мешает, быть может, но да это не проблема. Говорят, он когда-то ладил с нашими сородичами, пока его не предали, а детей — убили. У него были сын и дочь, он сам их обратил, очень гордился ими и сильно горевал, когда нашёл мёртвыми. Тогда Вереш поклялся отомстить. Как ты понимаешь, Станислав предоставил ему эту возможность. Дарко — неплохой, поверь мне, он никогда не полезет в бой просто так, но то, что сделал один из нас, простить нельзя, — Вацлав тяжело вздохнул, без особого интереса взял с голубого блюда яблоко. — Стригой вообще-то сильно отличаются от вампиров. Их можно убить обычными средствами: распятием, чесноком, святой водой. Они боятся солнца и не могут принимать обыкновенную пищу, они действительно живые

мертвецы, мы же с этой точки зрения высшие существа. Это преимущество многих задевает. У них есть поверье, что если выпить кровь вампира, то можно стать таким же. Во время последней войны... Чёрт, лучше и не вспоминать.

— Ты застал её, Вацлав? — Матиуш пригляделся к другу и понял, что тот едва не плачет, но благодаря природной выдержке всё ещё справляется с собой.

— Да. Пожар устроили они, жестокие твари. Я не видел тел, но знаю, что в гробы всех клали лицом вниз и с чесноком в глотке. Вся моя семья была разорвана и сожжена заживо. Клан Ливиану мстил мне за одного из своих сородичей, погибшего в битве, где его врагами командовал я. Мир вампиров ужасен, Матиуш, многие после обращения предпочитают ни к кому не привязываться — даже бессмертное сердце остро чувствует боль потери, — лицо графа посерело, и он низко опустил голову. — Я не смог их спасти и я до сих пор ненавижу себя за это. У меня были очень красивые сёстры, очень смелые братья, у меня была самая лучшая мать. Но увы, смерть предпочитает именно лучших, — он не стал продолжать, потому что совсем не мог перебороть себя и вспоминать вновь и вновь, поэтому просто повёл рукой, и свечи на пару мгновений погасли, а когда загорелись вновь, то Вацлав был уже спокоен, и ничто не выдавало в нём бывшего горя.

— Мне жаль, мне правда очень жаль, — Вишнивецкий сжал его руку. — Они с тобой, пока ты помнишь о них. Когда я был маленьким, я иногда скучал по родителям, даже плакал от обиды. Тётя всегда говорила, что они у меня в душе. Думаю, я тебе рассказывал, но я часто вспоминаю Василису. Анна помогла мне залечить раны от её смерти. Быть может, и тебе когда-то повезёт.

— Если я полюблю вновь, то я буду уязвим. А мне дорога моя защита, — Вацлав покачал головой, замер и больше не проронил ни слова.

***

— Зачем ты это делаешь? — на правом берегу Дуная было пустынно, Станислав сидел на песке, свесив ноги в воду, и задумчиво смотрел, как вода медленно течёт куда-то на запад. Он обернулся и удивлённо приподнял брови, прищурился, убрать прядь чёрных волос за ухо, развернулся уже всем телом.

— Пан... Милинский, я полагаю? — он хотел было встать, но Рихард вскинул руку, давая знак это не делать.

— Всё верно, — он спустился к нему и сел рядом, протянул ладонь. — Будем знакомы. Кажется, я был убит по твоему приказу. Ничего, что я отбросил формальности? Просто, наверное, мы достаточно близко знакомы, раз ты велел этому инквизитору меня убрать.

— О... — Станислав ненадолго потерял дар речи. — Простите... Прости, тогда уж. Признаться, это не входило в мои планы. Мне правда жаль.

— Не стоит беспокоиться, мне исход этой истории скорее нравится, чем нет, правда, — Милинский тихонечко, но безразлично вздохнул. — Не хочешь поговорить? Мне казалось, ты пребывал в большой удручённости, когда я пришёл.

— Да так, — Мнишек пожал плечами. — Пустое. Чего ты вообще ко мне привязался, тебе полагается быть на другой стороне.

— Я знаю, — Рихард снова вздохнул, но уже печально, лёг на землю, позволяя волосам чуть пачкаться в песчинках. — Но на другой стороне нет тех, с кем бы я хотел говорить в данный момент.

— Даже с этой... как её... Анной? Она, кажется, всегда готова тебя выслушать, — ухмыльнулся Станислав, глядя на него сверху вниз. — Разве нет?

— Анна занята ребёнком, я не стал её тревожить, — Милинский покачал головой. — А ты нуждаешься в хорошем собеседнике.

— Неужто ты им можешь быть? — Мнишек с некой издёвкой посмотрел на него, покачал головой, ухмыляясь в усы. — Что-то мне не верится, что это входило в твоё образование.

— Пан Потоцкий заплатил достаточно, чтобы я смог изучать и риторику тоже, — парировал Рихард. — Так что да, могу. Стась, это была плохая попытка меня унижить, честно. В доме моего отца я вытерпел достаточно, чтобы не обращать внимания. Мои тётки неплохо знали, как сделать мне больно, а несколько месяцев улицы — и подавно. Я привык.

— Ты тоже? — Мнишек-Вранич горько улыбнулся. — Моя мать была из Сербии, очень красивая женщина, мелкопоместная дворянка. Она ехала к своему мужу, когда её схватили тогдашний король вампиров и несколько его друзей, что охотились в тех краях. Они надругались над ней, напуганной и слабой девушкой, и украли, оставив при себе как наложницу. Почти каждую ночь она подвергалась насилию. Я даже не знаю, кто их этих тварей был моим отцом! — он практически выплюнул это слово. — Когда мама забеременела, её выкинули, как использованную игрушку, как старую собаку. Её семья от неё отказалась, она стала падшей женщиной, чтобы прокормить меня. Да, Рихи, я вырос в борделе, мальчик на побегушках, но окружённый заботой таких же несправедливо обездоленных. Да, я не знаю, кто мой родной отец, но знаю, кто пожалел мою мать и забрал её и меня из весёлого дома. Он не стал ей мужем, но заботился о нас, как о родных. Я по сей день благодарен этому человеку, мир его праху. Моего, скажем так, истинного отца звали Станислав Бонифаций Мнишек, сын Юрия Мнишека и брат Марины Мнишек. Сомневаюсь что на деле мы родственники хоть по какой-то линии, но всякое может быть. Я ношу его фамилию, — он говорил зло, порой едва выдавливая из себя слова, каждым из них проклиная мучителей его родительницы, желая убить каждого из них. — Я морой. Хорош, верно? Это черты моей милой матушки.

— Об этом, полагаю, никто не знал... — Милинский поражённо сел, сочувственно глядя на Станислава, читая в его глазах боль и невозможную ненависть. — Почему ты открылся мне?

— Потому что знаю, что ты никому не расскажешь. Твоё безумие делает тебя до ужаса человеком, выделяя среди прочих. Ты не рассказываешь чужих тайн, — Станислав говорил быстро, будто очень торопился, но на деле это лишь была попытка не дать собеседнику услышать в голосе горечь.

— Ты прав, я этого не делаю, — Рихард безразлично пожал плечами и снова лёг. — Не вижу смысла. Если бы ты хотел рассказать, рассказал бы. То, что я узнал, никому не угрожает, у меня нет причин беспокоиться. Так ты мстишь?

— Ты прозорлив, Рихард, ты крайне прозорлив. Да, я мщу. Прошлый король умер не от руки божьей, это я подстроил его смерть, пусть даже и от него моя мать понесла. Будь я королём, я бы разделался и с остальными, но кто же мне даст. Знаешь, Рихард, я не хочу плакаться и давить на жалость, я хочу разделаться с этими тварями, как монарх. И разделаюсь, поверь мне. Я не буду говорить тебе, как, чтобы ты не мучился вопросом, доложить об этом Левандовскому или нет, об остальном они уже знают, — Мнишек тоже лёг, отодвигаясь от воды.

— Дарко Верещ, правда? Я даже удивился, когда услышал его имя. Помню, пан Велислав только взял меня к себе, была зима, я сильно болел. К нам часто приходил один

гость — Дарко, он приносил мне какие-то травы, и мне становилось легче от отваров с ними, — припомнил Милинский.

— Правда. Я ищу его помощи и добьюсь её, уж будь уверен. Он хочет отплатить за своих детей, так пусть платит, — Станислав философски вздохнул. — Мне кажется, это верно.

— Вполне может быть, — Рихард резко поднялся и оправил одежду. — Спасибо за этот разговор, но теперь я хочу поговорить с Анной, — его глаза неприятно потемнели, и Мнишек понял, что Рихард постепенно отдаётся накрывающему его безумию и повинуется его желаниям, а не желаниям разума. Вампиру казалось, что в этих приступах он то ли что-то видел, то ли видения посещали его сами, одним словом, он считал это вещим и не мог противиться.

— Конечно. Спасибо за то, что выслушал. Я не питаю к тебе неприязни, ты мне ничего не сделал. Буду рад побеседовать снова, — отозвался Станислав, но Рихарда уже не было рядом. Он вновь исчез в вязком чёрном тумане, нездорово улыбаясь чему-то своему.

***

Анна мягко уложила сына в кровать и закрыла белый полог, задвинула кремовые шторы, чтобы ничто не разбудило малыша. Она устало присела на небольшой диванчик напротив и тоже подумала задремать ненадолго, потому как день её измотал. Женщина давно не занималась ничем тяжёлым, её обязанности заменили книги философов, приёмы и беседы с вампирами, Анна часто теперь сидела вместе с Эржбет в отдельной ложе, сделанной для женщин, и слушала, что говорят в Сейме мужчины. Она почти не принимала участия в политике, да и кто бы ей разрешил, но её слово было достаточно веским, чтобы иной раз спросить совета.

Сегодня она тоже ездила на очередное заседание, которое заставило её знатно поволноваться. В этот раз из-за приезда Штрауса говорили по-французски, Анна поняла немного, а Эржбет переводила выборочно, боясь её тревожить. Что-то назревало, но все вокруг пытались скрыть, что, и Костюшко-Вишницецкой это не нравилось.

Вдруг в дверь тихонько постучали, и она встрепенулась, на цыпочках поднялась, открыла. Перед ней стоял Милинский и улыбался в своей излюбленной манере.

— Рихи, хороший мой, — Анна, свыкшаяся с его постоянным присутствием где-то рядом, воспринимала его как старшего сына или младшего брата, о котором надо неустанно печься. — Идём, а то Тадю разбудим. Что-то приключилось?

— Нет, моя добрая Анна, — глаза Рихарда тут же потухли и вновь сделались светло-голубыми. — Я не знаю, — поправился он. — Я говорил со Стасем, Станиславом Мнишеком, то есть, услышал прелюбопытную историю, очень грустную, но я не буду её повторять, не хочу тебя расстраивать и предавать не свой секрет. Мой разум снова помутился, но ненадолго. Я хочу поговорить, — он открыл дверь, пропуская Анну в гостиную.

— О чём, солнышко? — женщина по привычке назвала его так, слегка рассмеялась, Рихард последовал её примеру — они оба разом вспомнили одно из поверий о вампирах.

— Меня что-то тревожит. Непокойно, неверно, неудобно. У меня в душе осень, милая Анна, у меня в душе серое небо, жухлая зелёная трава и безлюдный берег Дуная, который я увидел сегодня. Мне тяжело, я не знаю, почему, но тяжело. И я так боюсь за тебя! — он неожиданно сполз на пол и обнял её колени. — Прошу тебя, будь осторожна, ты единственный луч света в этом тёмном царстве, ты такая живая, тёплая, ласковая, ты одна обо мне заботишься. Не покидай нас.

— Ну куда же я денусь? — мягко спросила Вишницецкая. — На кого я вас оставлю? — она погладила его по голове и обняла в ответ, Рихард тут же сел обратно и устроился рядом с ней.

— Я видел... — он вздрогнул и сжал её руку. — Видел, видел. Много крови, ужас, боль, страх, я видел, как Варшава горит!.. — его всего затрясло, глаза почернели и загорелись зловещим красным огоньком. — Они идут, они уничтожат всё, что нам дорого. Они... — он снова дёрнулся и тут же упал на мягкие подушки. — Не бери в голову, это просто бред сумасшедшего. Я же сумасшедший... — Милинский весь поник и положил ей голову на плечо. — Как жаль, что именно сумасшедшие так часто бывают правы...

Глава тридцать вторая

Дарко Вереш был высокого роста и смотрелся на фоне свиты странно — лишь немногие из них доходили ему до плеч. Он приветливо улыбнулся Мнишеку, протянул загорелую руку.

— Доброго вечера вам, пан Станислав, — он добродушно усмехнулся. — Рад видеть вас вновь. Последний раз мы встречались... двадцать лет назад, полагаю. Немало воды утекло с тех дней, и ваша жизнь не раз успела сделать крутой поворот, верно? Вы хотели быть королём, но наш общий знакомый вам отказал, а вскоре и сам заменил милейшего Потоцкого на троне, и вы хотите теперь забрать то, что, если честно, принадлежит вам по праву.

— Про что вы говорите? — Мнишек нахмурился. — Пан Вереш?

— Это долгая история, её не стоит рассказывать второпях и без бокала хорошей крови, — Дарко махнул кому-то, и тут же им поднесли кресла и наполненные до краёв фужеры. — Что вы знаете о вашем отце?

— Что он насильник и бессердечная тварь, — коротко отозвался Станислав, явно не желая об этом говорить. Внешне он выглядел спокойно, но внутри, в душе разыгралась самая настоящая буря. Вампир ненавидел вспоминать это, ненавидел чувствовать себя бастардом, хотя получил огромное удовольствие, наблюдая за реакцией обескураженного этим же оскорблением Потоцкого на том балу три года назад. Да, Мнишек прекрасно знал своё место, видел презрительные взгляды и хорошо понимал, что никогда не сможет стать достаточно достойным и равным тому же Левандовскому.

— Вы не слышали его имени? — уточнил Дарко. — Ваша мать разве не знала, от кого она зачала дитя? Я в этом сильно сомневаюсь. Невена Вранич была умница, я даже сватался к ней, да только согласия не получил.

— Быть может, вы знаете, кому я обязан своим появлением на свет? — Мнишек скривил губы в холодной безразличной усмешке. — Уж сомневаюсь, свечку вы не держали.

— Бесспорно, но мне сложно не узнать в вас едва заметные черты моего давнего врага, убившего Звонимира и Ружу, растерзавшего их заживо, — Вереш заговорил глухо, ему тяжело было вспоминать о мёртвых детях. — Король польский, Кшиштоф Водлевский, сотворил это с ними и стал твоим родителем. Я знаю, ты убил его, ты достойно отомстил и имеешь полное право наводить свою справедливость дальше, я же к тебе присоединюсь. Я алчу кары не за убийство, но за молчание, за то, что никто тогда не укорил короля, не заставил покаяться в своём преступлении.

— Я понимаю вас, — Станислав ответил не сразу, пытаясь осознать сказанное. Он, конечно, думал о том, что покойный Кшиштоф был его отцом, он вспомнил про эти мысли, когда убивал его, но почему-то именно сейчас взбудораженное сознание подкинуло ему безразличный блуждающий и постепенно тускнеющий взгляд Водлевского, пристально изучающий лицо убийцы.

Он узнал его.

Узнал сына, от которого отказался, сына, что теперь нанёс ему смертельный удар и смотрел, как жизнь покидает его тело.

— А ведь мне предсказывали... — вампир хрипло рассмеялся. — Предсказывали, что это сделаешь именно ты. Как жаль, что я не избавился от тебя наверняка ещё тогда... — он закашлялся собственной кровью, вздрогнул и больше не проронил не слова — он оставил

ЭТОТ СВЕТ.

Мнишек ещё немного помолчал, ощущая в душе некоторую горечь и пустоту, хотя на деле ожидал почувствовать удовлетворение от свершённой мести. Он привык ненавидеть и проклинать мучителя своей матери, но ещё совсем ребёнком мечтал, что на самом деле он был к ней добр и всегда жалел, и что он придёт к ним и заберёт из борделя. Но мальчик рос, клиенты Невены становились всё жёстче и гадостней, и Станислав разочаровался в своих мечтах и самом себе. Он стал замкнут, мрачен, безразличен к любой боли и потому не раз спасал несчастную от побоев, закрывая собой. Он разучился верить в хорошее и верить вообще. Так умер милый мальчик Стась и родился озлобленный и нелюдимый юноша Станислав Вранич.

— Я вас сильно огорчил? — Дарко заметил его замешательство и положил на удивление тёплую руку на плечо. — Простите, мне правда жаль.

— Вы не виноваты. Виноват этот... — Станислав почти выплюнул крепкое сербское ругательство. — Я бы никому не пожелал засыпать и слышать, как родной человек кричит, потому что над ним в который раз издеваются. А терпит он это не ради себя. Я, может, и тварь, пан Вереш, да только Левандовские да Потоцкие и понятия не имеют, что такое голодать по несколько дней.

— Я знаю, что такое голод, — стригой нехорошо прищурился. — Но я бы и подавно не стал так говорить и поступать.

— Вашу мать насильовали у вас на глазах? Вас насильовали, пан Вереш? Смешивали с грязью? Напоминали, что вы бастард? — горько и пугающе ухмыльнулся Мнишек. — Не судите о том, чего не знаете, ей богу. Мне знакома ваша жизнь, и пожаловаться вы не могли. Ваш отец вас любил. Дмитар Звонимир, верно? И сына назвали в честь деда? Сколько проклял король, когда умирал от предательски нанесённой раны?

— Достаточно, — Дарко пересилил себя и вежливо улыбнулся, хотя в его глазах и плескалась ярость. — К делу. Я отдаю вам армию, а вы мне право убить тех, кто мне нужен. Но ваши победа или поражение от меня не зависят. Идёт?

— Конечно, — Мнишек улыбнулся. — Я рад столь удачному заключению договора, пан Вереш. За наш успех, — он поднял бокал.

— За наш успех, — бодро усмехнулся Вереш. Глаза у него были печальные.

***

Милинский устроил голову у Анны на коленях и затих, с упоением глядя ей в глаза. Он не знал, зачем она ему, не знал, что его тянет, но зачастую не мог отойти ни на шаг. Вишницецкая чувствовала его привязанность и отвечала тем же, создавая вокруг него плотную завесу тепла и заботы, защищая от различных нападков. Став княгиней Вишницецкой, она тут же оказалась уважаемой и могущественной женщиной, которой кланялись и льстили. Анну это тяготило, она не представляла себя в роли вершительницы судеб. женщине хотелось простого семейного счастья и интересной жизни, Матиуш с ней соглашался, и вскоре они вообще перестали посещать светское общество людей, отдав предпочтения вампирам.

В Грохов супруги так и не вернулись. Конечно, Вацлав потом лично разодрал самых ярых поборников ксёндзовой справедливости и самого ксёндза, а остальным просто внушил, что ничего такого не было, а пан просто уезжал на воды, но Матиуш уже не смог находиться там, где его убили. Анна поддержала его решение, Зоську и Злату взяли они взяли прислуживать в Варшаву, а Текля вышла замуж за старшего брата Анны, Людвика, и забрала

Августину с собой. Так все и устроились.

И только Рихард казался наиболее неприкаянным и одиноким. Если Вацлав и Велислав были заняты маленьким Тадеушем и, пожалуй, по его мнению, были лучшими крёстными отцами, то Милинскому внимания малыша почти не перепало, и Анна отдавала ему своё.

— Рихи, солнышко, — она погладила его по мягким волосам. — Какой же ты хороший. И взрослый вроде бы, а совсем как ребёночек.

— Бываю местами, — пожал плечами Милинский и завозился, устраиваясь поудобнее. — У меня толком не было детства, Анна. Понимаешь ли, с мамой я жил лет до двух, наверное, ну, во всяком случае, я помню её настолько плохо, что всё указывает на то. А потом отец забрал меня в Германию. Он любил меня, но ничего подобного себе не позволял. Когда же он умер, уж точно стало некогда и некому, — он заметно погрузился и ткнулся носом ей в ладонь. — Только ты меня теперь принимаешь и поддерживаешь.

— Ты же такой ласковый, такой милый. Очень сложно не обнять, — женщина тепло улыбнулась ему. — Почему бы тебе не завести семью, Рихард? Состояние у тебя есть, разве не найдётся в мире такой панны, что будет мила тебе и согласится стать твоей?

— О, пан Велислав, я-то думал вы в Кракове! — бессовестно, но совершенно не обидно съязвил Рихи. — Он мне твердит тоже самое, а Матиуш с Вацлавом поддакивают. Это безумно милая забота, но, боюсь, не по мне.

— Ну почему же? — удивилась Анна, внимательно посмотрев на него. — Не вижу причин.

— Потому что я не хочу, — коротко отозвался Милинский, явно не желая больше продолжать эту тему. — Почему ты всё же, по большей части, обращаешься со мной, как с ребёнком? Как я уже сказал, со мной действительно это бывает не так уж часто, — вдруг спросил он. — Я знаю, что тебя что-то тяготит, но не могу понять, что. Анна?

— У меня был младший брат, он бы был очень похож на тебя, если бы стал взрослым. Но он не стал, он умер от какой-то болезни, когда ему было семь лет. Я постоянно вижу в тебе его. Да и... ты ведь нуждаешься в этом, легко заметить. Бедный Рихи, тебе ведь больно быть взрослым со мной, я это вижу, — отозвалась Вишницецкая. — Знаешь, вот после нашего знакомства ты стал вовсе другой, такой тихий и смирный, хотя в тебе пышет невозможная сила. Почему ты никогда не сходишь с ума рядом со мной?

— Я не хочу, чтобы ты видела, насколько я бываю ужасен, — пожал плечами Рихард. — Безумие — это страшный дар, но мне он нравится. В том вопрос, что других это может пугать, а ты достойна волнений меньше прочих. Я не знаю, друзья ли мы, Анна, но ты дорога мне. Это сложно объяснить, я даже не буду пробовать, но я не могу быть не с тобой, — он коснулся её ладони.

— Я понимаю, — женщина сжала его протянутую руку. — И я буду с тобой. Мой милый младший брат, я ни от кого не получила столько поддержки, сколько от тебя, во время беременности.

— Знаешь, а я всегда хотел иметь сестру, — заметил Милинский. — Как радостно, что она у меня наконец есть.

***

Потоцкий недвижимо сидел в кресле, безразлично глядя в огонь. Штраус не нарушал воцарившейся тишины, пытаясь прочесть его мысли, но Велислав закрылся от всего мира и вряд ли горел желанием поговорить.

— Мопанку? — верный Михал заглянул в кабинет и осторожно приблизился к

господину. — Мопанку, да что же с вами снова?

— А? Что? — гетман встрепенулся и огляделся, удивлённо вскинул брови. — О, Максимилиан, — он быстро перешёл на немецкий. — Я и не видел, что ты пришёл, прости, что заставил ждать. Можешь идти, Михал, спасибо. Не знаю, как ты чувствуешь, что со мной что-то не в порядке, но спасибо, ты помог мне, — добавил Велислав по-польски, обращаясь к слуге. Тот с поклоном вышел, и Штраус наконец обратился к другу:

— Слышал, трон под Вацлавом шатается. Даже очень шатается, я бы сказал. Дарко Вереш вместе с Мнишеком ведёт на нас армию. И если с первым с лёгкостью можно поговорить и обменяться заложниками, что называется, то Станислав пойдёт до конца.

— Ты безусловно прав, — Потоцкий говорил тихо, безразлично, но Максимилиан хорошо знал, что на самом деле он испытывает. — Знаешь, я до сих пор думаю, что ещё тогда нужно было отдать трон ему, ведь это так просто. Мне никогда не была нужна корона, но люди поверили в меня и попросили о помощи, я не смог отказать. Когда я снял с себя полномочия, то думал, что он утихомирится, но нет! Всё стало только хуже, и мне ужасно жаль, что нити судьбы сплелись именно так.

— Ты далёк от остального мира, Велислав, ужасно далёк, но почему-то он вечно заставляет тебя страдать. Быть может, Вацлаву и не стоило звать тебя, но кто уж теперь узнает... — Штраус тяжело вздохнул, откидываясь на спинку кресла и беря со столика бокал.

— Он говорил мне, что не мог стать королём, не испросив меня. Он считает, что не столь хорош, сколько мог бы быть я, даже такому гордецу, как Вацлав Левандовский, знакома хоть какая-то скромность и известны чувство такта и собственного достоинства, — Потоцкий вспоминал с трудом, его голос звучал будто из-под толщи воды. — Впрочем, чего теперь гадать, Максимилиан, сделанного не воротишь, а у нас сейчас хватает того, что нужно обсудить. Я знал Вереша... — он немного помолчал, размышляя над тем, что скажет, затем продолжил:

— Дарко Вереш встретился мне впервые в Лейпциге, я тогда только получил становление и только и делал, что напивался до чёртиков, заливал своё горе, в общем. Вампиры, как ты понимаешь, имеют свойство пьянеть и при этом не болеть следующим утром. Дарко каким-то образом оказался в том же кабаке, что и я, распознал и по-отечески проговорил со мной до первых петухов. Удивительно, но то, что он выслушал мою исповедь и дал свою отповедь, исцелило меня, и я вернулся домой, занялся чем-то более достойным моего положения. Мы больше не виделись, но та беседа навсегда осталась в моей памяти. Дарко не злой, но честный, он потерял всех близких и хочет получить своё. Его можно понять.

— Бесспорно, но не нам судить о его мотивах. Я никогда не общался с ним, его среди нас знают в живую лишь единицы, — Штраус выразился пространно, но на деле сильно покривил душой. Он-то Вереша успел изучить превосходно.

Дарко родился немногим раньше его, и их интересы и понятия вполне совпадали, на удивление красивый и крайне мудрый стригой, он быстро приковал внимание тогда ещё юного Максимилиана к себе. Он не был заносчив, не подшучивал, не обижал, лишь мягко указывал на ошибки новообращённого вампира. Штраус проникся к нему огромным уважением и неотрывно находился рядом, считая Вереша за своего наставника. В сущности, он радовался этому, он вообще был крайне терпелив и заботлив, и Максимилиан многими своими хитростями был обязан именно Верешу. Казалось бы, их дружба могла бы быть

вечной, они с лёгкостью общались друг с другом, но через пару сотен лет их разделила политика, как это часто бывает среди бессмертных существ. И тем не менее, Штраус мог с уверенностью утверждать, что знает его как свои пять пальцев.

— Единицы? — Велислав усмехнулся, будто понял, что Максимилиан скрыл от него правду, но ничего про это не сказал. — Верно. Думаю, нам стоит спросить Влада, уж он-то должен был хоть сколько-то общаться с ним, в конце концов, Балканы — это его земля. Как считаешь?

— Считаю, что у него свои планы на эту войну. Бесспорно, мы можем попытаться разговорить его, но если бы он хотел, то примчался бы уже сейчас, — Штраус пожал плечами. — Посмотрим, во что это всё выльется. Думаю, Вереш не посмеет отправить войска к нам, не сообщив об этом многоуважаемому князю. Ну или графу, если угодно, суть одна.

— Вы рисуете мне пана Дарко уж слишком вежливым и тактичным человеком. С чего такая благосклонность? — удивился гетман, насмешливо глядя на собеседника. — Неужто симпатизируете?

— А если и так? — подчёркнуто вежливо уточнил Максимилиан, слегка оскалившись.

***

Дарко Вереш сидел в полумраке собственный покоев и смотрел, как небо медленно светлеет. Ночь подходила к концу, и ему было даже немного грустно отпускать её. Дарко любил это время суток, оно скрывало его единственное уродство — ужасные шрамы на всю спину. Дарко ненавидел их, ненавидел вампиров за то, что они часто судили по внешности, ненавидел самого себя, за то, что не смог уберечь детей: в проклятую ночь Яна Купалы Вереш встречался с самыми страшными своими воспоминаниями. Перед ним вставала смерть отца, собственное отражение, окровавленная Ружа, разорванный Звонимир, насмешки и издевательства, завоёванная хорватская земля... Дарко схватился за голову, путаясь в коротких чёрных волосах, едва сдержался, чтобы не разрыдаться.

Они вытащили меч из его рассечённой груди.

Дарко понятия не имел, зачем это сделали те, кто относил себя к его противникам. Клан Ливиану, никогда не понимавший мягкой политики клана Вереш, прислал к нему своих людей, когда все его верные слуги оказались перебиты.

Они три дня и три ночи читали над ним Чёрную Книгу, призывая в помощники Лилит.

Вереш неплохо представлял, чего стоит отдать такую силу, чтобы оживить другого, знал, что три могущественных стригоя сделали это, несмотря ни на что, и ни разу не попросили платы за свою действительно неоценимую помощь.

Они дали ему кровь вампира.

Они наполнили его тело иной жизнью, принеся в жертву ослабленного врага. Дарко Вереш выжил и обрел новую, ещё более приятную оболочку, хотя среди сородичей и без того считался красавцем.

— Мы сделали исключение для вас, господин Вереш, но о ваших детях и речи быть не может. Клан Ливиану посчитал вас достаточно полезным и достойным помощи, учтите это. Мы позаботимся о том, чтобы госпожица Ружа и господин Звонимир были похоронены с честью, но не более.

Дарко невообразимо тосковал по своим воспитанникам, брату и сестре сиротам, которых он нашёл у крепостной стены в Загребе. Он обратил их, умирающих от голода,

обучил всему, что знал сам, он заботился о них и любил сильнее, чем любил бы родной отец. Он дал им всё, а близнецы дали ему счастье и всегда относились с почтением и теплом.

Он всегда боялся потерять их — самое дорогое, что у него было. И потерял.

— Будь ты проклят, Кшиштоф Водлевский, — прошептал он в предрассветной тишине, до боли сжав в руках старый надтреснутый крестик.

Ружа всю свою жизнь верила в Бога.

Дарко проклинал его за предательство.

Глава тридцать третья

В Сейме было на удивление шумно. Анна терялась в гуле разных голосов, польских, французских и венгерских слов, шелеста платьев и цокота каблуков. На мгновение ей вдруг стало душно, она схватилась за горло, пытаясь хоть немного ослабить ворот платья и вдохнуть, неловко оперлась на Матиуша и закашлялась.

— Анна, тебе нехорошо? — Вишницецкий мягко придержал её и осторожно обнял, подталкивая к открытому окну. — Что такое, душа моя?

— Воздуха не хватает, будто кто горло тисками сдавил, сердце колотится, как лихорадка бьёт, тяжело мне, — женщина оперлась на мраморный подоконник и с трудом вдохнула. — Что это? Что со мной?

— Кажется, вам помешало моё присутствие, простите, — раздалось за её спиной. — Раду Ливиану, глава клана Ливиану. Стригой не слишком хорошо влияют на самочувствие людей, доamna Вишницецкая.

— О, домнule Ливиану, — Матиуш вежливо улыбнулся. — Я не знал, что вы придёте, вы нечасто появляетесь в наших краях.

— Действительно, он пока не настолько обнаглел, — к ним быстрым шагом подошёл Дракула, его чёрные глаза метали молнии, а бледные губы были плотно сжаты. — Раду, тебе скучно в Брашове? В Сигишоаре? Тебя плохо приняли в Загребе? Вереш предоставил тебе недостаточно развлечений?

— О, милый брат, — слащаво протянул Ливиану. — Доamna, домнule, вы, верно, знаете Влада? Мы с ним, говорят, похожи, но в отношении манер совершенно различаемся. — Влад, поздоровайся для начала. Отец бы сейчас был недоволен.

— Много он был доволен, когда ты с Мехмедом... — Влад не договорил, вовремя вспомнив о присутствии Анны. — И сам знаешь. Не строй святошу и галантного кавалера, всё равно актёр из тебя никудышный.

— А ведь мы не виделись полвека, — Раду капризно надул алые губы, сильно выделявшиеся на его мертвенно-бледном лице, и тут же снова вернул себе прежнее выражение. — С вами он ведёт себя так же отвратительно?

— Пан Дракула всегда вежлив и спокоен, я лично не видела ничего такого, — Анна почувствовала приближающуюся ссору, хотя и понятия не имела, что было между братьями до того. Она видела, как Дракула сжимает кулаки, впиваясь ногтями в ладони, а Ливиану за улыбкой прячет недобрый оскал.

— Не поверить такой прекрасной даме, как вы, страшный грех, — усмехнулся стригой. — Вы правы, бесспорно правы. Так вот, домнule Вишницецкий, — он как ни в чём не бывало обратился к Матиушу, — я действительно никого не предупреждал о своём приезде, потому как и сам думал, что не появлюсь в Варшаве до самой весны, но мои планы претерпели существенные изменения.

— Полагаю, это связано с грядущими событиями, — коротко отозвался князь, нежно сжимая руку жены, от чего та зарделась и прильнула к нему. — Сегодняшнее наше собрание как раз этому посвящено.

— О, вести разлетаются так быстро? — Ливиану недовольно наморщил нос. — А я-то думал... Впрочем, вы всё скоро узнаете, заседание совсем скоро, — он обернулся к Анне. — Моё почтение, доamna, — чуть поклонился и тут же исчез в толпе вампиров, оставив

супругов и брата в полном недоумении.

— Каков подлец! — мгновенно разозлился Влад. — Совести у него нет, совести. И стыда тоже! — мстительно добавил он достаточно громко, чтобы Раду услышал.

— Ну что вы, пустое, — быстро зашептала ему женщина, ласково улыбаясь. — Не стоит беспокойства, поверьте. Знаете, а отобедайте сегодня с нами, Злата готовит прекрасный журек.

— Да, верно, — Матиуш в очередной раз поразился уму супруги и одобрительно кивнул. — Мы не раз бывали у вас, но вы к нам в гости ещё не приезжали. Право, мы только рады вам.

— Благодарю за приглашение, я с удовольствием его приму, — Владислав поцеловал Анне пальцы. — Думаю, юный Тадеуш мне обрадуется, у него наконец-то появится компаньон по прогулкам.

К удивлению многих, Влад души не чаял в сыне Вишницецких и часто проводил с ним время: играл, гулял, читал сказки, укладывал спать. Общественность строила разные гипотезы, некоторые даже полагали, что Тадеуш и есть сын Влада, но те несколько человек, что знали правду, могли лишь печально улыбнуться — малыш напоминал Дракуле его покойных сыновей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Где-то наверху ударили в колокол, и вампиры постепенно начали расходиться — все стремились занять положенные места в главном зале. Анне он толком не нравился — весь белый и барочный, плохо отапливаемый, в конце концов, больше похожий на фамильный склеп, нежели на что-то, где должны находиться живые люди. Она искала в толпе Эржбет, та быстро нашлась где-то у дверей в их ложу, раздранная и в новом платье — видно было, что Чахтицкая пани очень готовилась к этому сейму.

— Анци, — она всегда звала её этим ласковым венгерским именем, — Анци, какая ты красавица, тебе очень идёт это чудное персиковое платье. Я в жизни не видела такого нежного цвета. Матиуш расстарался?

— Да, ему привезли это из Османской империи. И это при том, что мы с ними не в ладах. Он слишком хотел порадовать меня, вот и приказал, — губы женщины тронула тёплая улыбка. — Бет, мне снова холодно. Неужто от присутствия Раду?

— Да нет, он отошёл на достаточное расстояние, да и твоё тело должно было уже привыкнуть, ты ведь на почти незаметную частичку, но вампир, как и я, — Батори огляделась. — Ложу топили, готова поклясться. — Анна, ты не заболела?

— Матиуш так печётся обо мне, что вряд ли. Тут есть кто-то, кто может мне навредить? — Вишницецкая испуганно прижалась к подруге. — Я не могу сказать, что увидела кого-то нового, кроме пана Ливиану и его свиты, остальные мне вполне знакомы.

— Знаешь, это глупая и слишком уж сказочная история, но не могу не рассказать, — Эржбет провела её к уютным креслам и укрыла плечи вязаным платком. — Есть такой стригой, Дарко Верещ, они с Раду знакомы. Так вот, у Дарко были приёмные сын и дочь: Звонимир и Ружа. Случилось, что их убили наши же сородичи, вампиры во главе с бывшим королём. Один из них оказался ещё большим мерзавцем и вырвал мёртвой девушке сердце, забрал его себе, чуть ли не всем совал под нос доказательство того, что именно он лишил жизни дочь самого Дарко Вереша, прекраснейшего и хитрейшего из стригоев. Но с тех пор в Сейме стали видеть призрака, точь-в-точь похожего на бедную Ружу. Быть может, это её холод и печаль ты ощутила, Анци?

— Какая ужасная история, мне так жаль эту несчастную... — Анна едва не всхлипнула. — Почему никто не говорил об этом раньше?

— Произошедшее быстро замаяли, дяде, Штраусу, Левандовскому и Потоцкому и рта не дали раскрыть. Лович тогда ещё был человеком, но вряд ли бы ему разрешили сказать хоть слово. Безусловно, я назвала тебе крайне могущественных людей, но и они бессильны против лучших армий нашего мира, — Батори говорила почти шёпотом, то и дело поглядывая на остальной зал. — Страшное было время, я помню. Как славно, что ты родилась многим позже, милая Анци, и как жаль, что ты увидишь такую уродливую войну!..

***

Раду внимательно смотрел, как вампиры рассаживаются, уже заранее готовясь обсуждать повестку дня. Война, война, к оружию, Речь Посполитая, к твоим границам вновь подступают враги. Как в сущности, это было естественно, по-польски, Ливиану даже завидовал такому боевому духу и желанию защитить себя и своих родных.

— Объявляю заседание Сейма открытым, — Вацлав поднялся с королевского трона и положил скипетр на стол перед Штраусом. — Я хотел бы начать с приветствия дорогого гостя — стригоя Раду Ливиану, главы клана Ливиану, — Раду вальяжно выскользнул из своего кресла и спустился вниз, не обращая внимания на смешки и перешёптывания. Он вытащил из невозможно длинных рукавов своего одеяния, судя по всему, исконно румынского, красивый свиток и развернул его, чуть кивнул Левандовскому.

— Пане и панове, я рад видеть здесь всех вас, но вот вести я принёс безрадостные, — он опустил глаза на бумагу. — Сим заявляю, что я, Дарко Верещ, крещённый Радованом, принц Хорватии и бан Славонии, объявляю королю Речи Посполитой, графу Вацлаву Ежи Левандовскому, войну мести, — Раду свернул всё обратно. — Дальше там число, подпись и прочие радости, — пояснил он, поймав удивлённые взгляды вампиров. — Я кому-то момент испортил? Прошу прощения, выражаться красиво рад, манерничать и изгаляться, зачитывая вышеперечисленное, лениво и глупо.

— Все стригои так себя ведут? — крикнул кто-то справа, и Ливиану обернулся туда, зло сузив глаза.

— Позвольте, — Влад вдруг поднялся, сам не понимая, что им двигает, и гневно посмотрел на наглеца, вы разговариваете с послом и правителем, — он немного помолчал, собираясь с силами, а затем всё же добавил:

— Вы разговариваете с моим братом. Будьте добры выбирать выражения.

— Не нужно, Влад, — Раду дернулся, на губах на мгновение застыла горькая улыбка. — Я привык, — он гордо вскинул голову и сам обратился к обидчику:

— Пана не учили манерам и выдержке? Извольте, я не обижаюсь. Но если такие паны станут вершить наши судьбы, судьбы тысяч простых вампиров, разве будет в Речи Посполитой порядок? Что скажет король?

— Выйдете вон, пан Ковальчик, вы перешли всяческие границы, — произнёс Вацлав как бы в ответ на его вопрос. — Ясновельможная шляхта приносит вам свои извинения, домнуле Ливиану.

— Я уже сказал, я не обижаюсь, — Раду просто пожал плечами и быстро посмотрел на брата, в его глазах читалась благодарность. Дракула коротко кивнул ему и отвернулся, низко опустив голову.

В тот день они больше не виделись.

***

— Что было в Сейме? — Милинский без особого интереса подкидывал и ловил яблоко, наблюдая, как Тадеуш переставляет на полу у камина солдатиков. Анна вышивала, думая о чём-то своём, Матиуш читал, то и дело шурша листами новой книги.

— В Сейме? — он встрепенулся, хитро улыбнулся Рихарду. — Вот поехал бы с нами и узнал.

— О, герр Штраус, опять вы за свои нотации, ей богу, я-то думал, что уже вырос, — очередная удачная пародия рассмешила всех присутствующих, даже Тадю ненадолго отвлёкся и задумчиво повторил фамилию немецкого вампира, затем пожал плечами и вернулся к игре.

— Да ну куда тебе, — Матиуш с удовольствием отметил, что Анна улыбается, не поднимая глаз, и всё же ответил:

— Мы говорили о войне. Раду Ливиану принёс нам послание от Дарко Вереша.

— С печатью и вензелем? — скучающе уточнил Рихард.

— О, — Вишницецкий замялся, понимая, что не уделил этому никакого внимания, — возможно, я не видел.

— Анна, с печатью и вензелем? — повторил Милинский, обращаясь к его супруге. Та кивнула, едва сдерживая смехок.

— А теперь оцени свои качества и милой пани Вишницецкой. В следующий раз останешься дома со мной и будешь играть в шахматы, толку от твоего сидения в этом безвкусно украшенном здании всё равно нет, — Рихард чуть приподнялся на софе и посмотрел на Матиуша. Тот покачал головой и потянулся за доской, разложил её на столике и расставил фигуры.

— В следующий раз можешь просить о чём-то менее витиевато, друг мой, я не кусаюсь, — Вишницецкий совершенно не следил за тем, что говорит, и искренне удивился, когда в наступившей тишине осознания вдруг раздалось звонкое и уверенное:

— Кусаешься. Ма подумала, я сказал.

— Какой я всё-таки приличный человек, — заметил Милинский. — Оказывается, вампиры или им подобные умеют читать мысли, а я этим по-настоящему ни разу не воспользовался!

***

Влад сидел на крыше, свесив ноги, и смотрел, как течёт где-то внизу полноводная Висла. Впервые за много лет его посетили воспоминания, страшные воспоминания о первых месяцах после его становления.

Он искал Раду повсюду: и в мире живых, и в мире мёртвых.

Они много ссорились, они посылали друг к другу убийц, они делили один трон, но они всё равно любили друг друга и оставались братьями. Несмотря ни на что.

Он пытался узнать, что случилось с братом. Пока ему не показали его окровавленные одежды и обрезки волос, маленький оберег, доставшийся ещё от матери.

Влад отчётливо помнил, как упал на колени, прижимая эти вещи к груди, как рыдал, проклиная всех и вся, что не успел спасти своего непутёвого младшего брата, любимого Раду, пусть он и был ужасный дурак, выбравший не тех.

— Раду?! — он ворвался в кабинет, ожидая увидеть кого-то из глав стригойских кланов, но увидел воскресшего брата.

— Влад?! — тот удивлённо посмотрел на него. — Что ты?..

— Нет, это ты скажи мне, что ты! — Дракула был вне себя от ярости. Раду выжил,

выжил! И наверняка знал, что Влад его ищет, но не подал и малейшего знака, потому что ему так захотелось.

— Что я? Турки выволокли меня из моего же дома и хотели отрубить голову, а твои люди даже не стали этому препятствовать. Да и ты бы не стал, хорошо ведь избавиться от соперника чужими руками, а?! — Раду поднялся и подошёл вплотную к брату. — А я выжил, я сбежал и выжил, ясно тебе? Я уже не тот слабый ребёнок, Влад. И стригои со мной в этом согласились.

— Стригой? Что ты несёшь, Раду? Я искал тебя! Я горевал, когда узнал о твоей смерти. Я хотел обратить тебя, брат. Я... — Владислав едва говорил, каждое слово отдавалось болью и ужасной тяжестью.

— Ах ты хотел? Влад, ты всегда делаешь то, что хочешь. Если происходит иначе, значит, ты притворяешься и хочешь сыграть на чьих-то чувствах, неважно, сколь ты этому человеку дорог и как сильно ты его в этот момент предаёшь, — прошипел тот, гадко улыбаясь.

— Не говори о том, чего не знаешь! — Дракула не выдержал и дал ему хлёсткую пощёчину. — Ты не видишь дальше своего носа и юношеских убеждений!

— А ты не видишь дальше своего желания править и обладать, — зло сплюнул Раду. — Я отказываюсь от фамилии Дракула и принимаю иную. Ливиану. Хватит этих догонялок и выяснений отношений. Всё кончено, ты больше не в ответе за меня, и пусть каждый выберет свой путь. Прощай, — последние слова он произнёс на удивление спокойно и безразлично, хотя в его глазах стояли слёзы. — Я люблю тебя, Влад, но я не могу тебе верить. А без веры у нас не будет ничего. Прощай.

Раду. Маленький, обиженный и глупый, а Влад всё глупее. Он ведь поддался на это, он ведь не поверил слезам, он бросил его там и ушёл, даже не попытавшись поговорить нормально, не цапаясь. Дракула по сей день винил себя во всём том, что произошло тогда, в ужасный осенний вечер. Они не раз виделись потом, но всё уже было безнадежно испорчено, и никто не пытался это исправить. А надо было.

Он попытался сделать это сегодня, он встал на защиту младшего, как и подобает старшему, и Раду это заметил. Раду был ему благодарен и наверняка хотел отплатить тем же.

— Как бы я хотел обнять тебя, брат, — Владислав тяжело вздохнул. — Я вспоминаю, как мы вместе играли, веселились и пускали по Арджешу щепки-лодочки, воображая, что это корабли, плывущие куда-то в далёкие страны, я вспоминаю, как мы были братьями не только по крови и отчаянно хочу это вернуть. Мы оба наломали дров, но нам под силу расчистить любой завал. Если бы ты мог слышать меня, Раду, если бы я мог быть чуть храбрее и сказать всё это тебе лично...

...В одном из особняков на главной площади под крышей горел неяркий свет. Раду сидел у окна и обнимал себя за плечи, качаясь из стороны в сторону, что-то бормоча.

— Если бы ты только мог меня слышать, Влад, — вдруг отчётливо сказал он. — Если бы ты только мог меня слышать...

Глава тридцать четвёртая

Станислав сидел на постели, безразлично глядя на постепенно затухающие огни Киева. Ему совершенно не спалось, а поговорить было не с кем — Дарко ещё до рассвета заперся в своих комнатах, и о нём ничего не было слышно, вездесущий Рихард, скорее всего, был где-то в Варшаве, рядом со своей Анной. Мнишек даже завидовал счастью своих вынужденных врагов: у них были семьи и любящие люди. А у него, Стася Вранича — только могила матери в маленькой сербской деревушке.

Мнишек скучал по Невене. Она всю жизнь заботилась о нём, несмотря ни на какие лишения, всегда искала лучшего и очень гордилась, но всё же отказалась принять становление. Она хотела умереть честной христианкой, она хотела умереть, потому что устала от жизни — та принесла ей слишком много боли и горя.

— Стась, милый, Бог зовёт меня к себе... — Невена слабо улыбалась, сжимая руку сына. — Но перед тем, как я умру, я должна тебе сказать кое-что. Я ненавидела твоего отца, я ведь знаю, кто пришёл ко мне в ту ночь, но я ударила его спрятанным ножом. Помню, по его щеке скатилась кровь и упала мне на лицо, я проглотила её, а потом он укусил меня... Я и не знала, что таким образом понесу дитя, но когда я поняла, что это так, то я стала тебя ждать. Ты не должен был отвечать за его дела, нет, никогда. Я всегда любила и люблю тебя, но мне жаль, что ты не сын пана Станислава. Тебя породил... — она закашлялась, содрогнулась на простынях и замерла, чуть улыбаясь, её ладонь упала на одеяло. Невена скончалась. Станислав с глухим воем уткнулся в материнское плечо, бессмысленно обнимая остывающее тело.

Он понимал её выбор и никогда бы не стал оспаривать, но глубоко внутри ему было плохо и очень одиноко. Возможно, именно с матерью в его душе умерли остатки милосердия.

***

Матиуш поправил одеяло, плотнее укрывая Анну и прижимая её к себе. Она заворочалась во сне и обняла его, уткнулась носом в плечо, лишь крепче засыпая. Вишнинецкий ласково улыбнулся, ощущая, как по всему разливается уютное тепло. За эти несколько лет он по-настоящему узнал жену, научился чувствовать и заботиться, научился жить и всякий раз благодарил Высшие силы за то, что они свели его с прекрасной Анусей.

Нынешняя их любовь сильно отличалась от первоначального чувства, родившегося летом сорок пятого. Пропала приторность, пропала мифическая идиллия, но вместо них остались тепло и взаимоуважение, понимание и добрый мир. Матиуш Камил Вишнинецкий мог с уверенностью сказать, что по истине счастлив.

Он снова посмотрел на спящую супругу. Та чему-то улыбалась, и Матиушу хотелось целовать её губы, ощущая, как она отвечает ему и любит в ответ. После всего, что с ними случилось, Вишнинецкий боялся её потерять, он с ужасом вспоминал первые месяцы беременности и свой страх за её жизнь.

Анну только сковал беспокойный сон, и Матиуш осторожно положил на её лоб смоченную в травяном отваре ткань, чтобы хоть немного сбить жар. Его бедная жена мучилась который день, и у Вишнинецкого на душе было горько — он ведь только обрёл её и уже мог потерять в любой момент.

— Матиуш, спустись ненадолго в гостиную, есть кое-что, — раздался в его голове голос

Вацлава.

Вишнинецкий с сожалением выпустил руку любимой и покинул комнату.

Когда же он вернулся, то обнаружил, что на кровати сидит Рихард, бледный, как будто мраморная статуя, его тело дрожит, а сам он крепко сжимает пальцы Анны.

— Тише, разбудишь, — он кивнул в сторону ослабленной женщины. — Мне только удалось забрать достаточно её болей, чтобы она смогла хоть сколько-то спокойно уснуть. — Тише.

— Зачем? — Милинский всё время оставался для него непонятным полубезумным созданием Потоцкого, просто человеком, которого пожалели и спасли, человеком, который сторонится других, но никак не больше. И тут он увидел совершенно другую сторону — сострадание.

— Хочу помочь, — коротко отозвался Рихард. — Что в этом такого?

— Она никогда не говорила, что ей больно, сомневаюсь, что она доверилась вам, — скривил губы Вишнинецкий. — Или я неправ?

— Вы счастливый человек, пан Вишнинецкий, ведь вы почти никогда не страдали. Вам неоткуда уметь чувствовать чужие муки, — терпеливо пояснил Милинский. — Мне же повезло меньше, — он вновь содрогнулся, приняв на себя особенно сильный приступ, затем улёгся рядом с Анной и затих.

— Спасибо, — глухо сказал Матиуш, которому стало стыдно из-за собственной грубости.

Рихард не ответил, лишь плотнее прижался к женщине, махнул рукой в сторону двери, не поднимая взгляда. Вишнинецкий понял его и без слов и вышел. Ему было совестно.

Милинский появился в их семье сам по себе и, на удивление, тут же оказался любим и нужен. После того случая Матиуш стал относиться к нему по-доброму, а Анна и вовсе считала родным. С рождением Тадеуша всё стало только лучше, Рихард быстро вжился в роль няньки и души не чаял в малыше. Им всем вместе было очень и очень хорошо, и Вишнинецкий каждый раз желал, чтобы это не заканчивалось.

***

Дарко смотрел, как солнечные лучи скользят по его коже, не причиняя ни малейшего вреда — кровь вампира исправно действовала уже который год, даря ему сильнейшую защиту. Очень жаль, что клан Ливиану отказался сделать то же с Ружей и Звонимиром. Вереш скучал по детям, в тайне мечтая снова обнять их хоть раз, он никак не мог понять такой жестокости со стороны Раду, ведь у того тоже была дочь, Мария Деспина, прекрасная господарыня Молдовы. Разве Ливиану не понял его, убивавшегося по родным Дарко? Вереш сильно в этом сомневался, но никогда не спрашивал его мотивов. В конце концов, у него осталась месть, а это гораздо лучше, чем могильный камень и поминальная тризна.

Дарко бесцельно брёл по Киеву, оглядываясь на ранних прохожих, глубоко вдыхал утренний воздух. Было немного сыро, над Днепром висел густой туман, кричали в чуть розоватой вышине неизвестные птицы, знаменуя начало нового дня. Верешу было на удивление легко, хотя и совсем недавно он вспоминал ужасные события.

Воздух вокруг был звонкий и чистый-чистый, будто в раю, и Дарко улыбался, радуясь возможности хоть немного отвлечься от тяжёлых мыслей. Он спустился к реке, сел у воды, бесцельно разглядывая заросли камыша и песок, плачущую иву, плещущихся в омуте уток. Как должно быть, им славно: весь день плавать и быть вместе с близкими, ни о чём не печалась, а не искать себя в непроглядной тьме.

Вереш вздохнул. Себя он потерял очень и очень давно, но это было проще, чем терять дорогих людей. Ружа, Звонимир, в конце концов, Потоцкий, которому после всего Дарко просто стёр память, чтобы тот не мучился, выбирая сторону в случае чего. В итоге, у него не осталось никого, кому бы он мог открыться.

— И ты с ними? — Радован поймал затравленный взгляд отца. Тот зажимал рану на груди, полулёжа на каменном полу собственного дворца. Его меч лежал неподалёку, отброшенный кем-то, рядом распластались зарезанные стражники.

— Отец... Я никогда... — принц вздрогнул, падая на колени и разбивая в ладони. — Нет...

— Мы больше не подчиняемся тебе, Дмитар. Радован, <i>твой сын, взойдёт на трон, — усмехнулся кто-то из заговорщиков.

— Предатели! Проклинаю вас всех! — прохрипел Звонимир, с ненавистью глядя на них. — А тебе... — он с отвращением посмотрел на сына. — А тебе... А тебе, отцеубийца, пусть Бог пошлёт такую пустоту, такое горе, чтобы ничто с этим не сравнилось. Чтобы у тебя не было никого, кому бы ты смог довериться, — он закашлялся, задрожал, и его голова гулко ударилась о плиты.

— Король умер, да здравствует король! — закричали вокруг, славя нового правителя, Радована. Тот же застыл у тела отца, с ужасом осознавая, что тот мёртв. Наспех надетая корона больно давила на виски.</i>

Интересно, будучи на небесах, Дмитар когда-нибудь жалел о том, что проклял сына, пусть тот на самом деле был и невиновен? Дарко часто задавал себе этот вопрос, и за ним всегда следовал ещё один: а есть ли небеса? Или же отец просто канул в никуда, так и не узнав, кто нанёс ему смертоносный удар? Вереш много думал над этим и так и не пришёл к единому ответу. Быть может, его и не имелось вовсе.

— Господин Дарко? — тот встрепенулся и оглянулся, облегчённо выдохнул. На покато́м берегу стоял всего лишь Каслав Новак, один из его приближённых. Дарко нравились ловкие и умные парни, вроде него, а Новак был особенно способен и располагал к доверию.

— Каслав, доброе утро, — Вереш чуть улыбнулся ему уголками губ. — Обычно ни у кого ко мне нет дел в такой час. Что случилось?

— Пан Мнишек хочет увидеть армию и очень на этом настаивает, надо сказать, — Каслав пожал плечами. — До чего суетливый, я никогда таких не видел. Что же его так гложет, раз он так торопится?

— Его гложет чувство пострашнее нетерпения, — ухмыльнулся Дарко, поднимаясь и отбрасывая тяжёлые мысли. — Почему ты выбрал путь стригоя, Каслав? Что тебя заставило это сделать?

— Я ненавидел монастырь, в который меня засунули, хотел сбежать. Как вы понимаете, удачная выдалась возможность, — Новак криво улыбнулся. — А что?

— Да так, просто спросил. Ты, должно быть, счастлив теперь, — Вереш кивнул сам себе. Такие люди, как его помощник, были на вес золота, ведь ими не двигало ничего, кроме трезвого рассудка.

— Очень, господин Дарко, дай вам Дьявол, — Каслав расхохотался. — Ну так мы идём? Ваш гость не слишком любит ждать.

***

Рихи с завистью смотрел, как Тадеуш ползает по полулежащему у камина Вацлаву и пытается устроиться поудобнее, чтобы послушать его истории, а Велислав то и дело ловит

ребёнка, помогая забраться обратно. Левандовский, наблюдая за всем этим, лишь посмеивался, Тадю его ужасно забавлял. Но на этом празднике жизни Рихарду места не было.

Милинский обиженно нахмурил брови, отходя от приоткрытой двери, свернул к лестнице, быстро сбежал по ступенькам вниз. Его нигде не ждали, он не знал, куда ему идти теперь, но лишь бы подальше от тех, кому он, в общем-то, был безразличен. Потоцкий давно перестал видеть в нём ребёнка и почти не воспринимал, Левандовскому Рихард был и подавно не нужен, а Анне с мужем и сыном было совсем не до него. Почему-то снова захотелось найти Стася и побыть с ним, он, во всяком случае, умел слушать и говорить, Милинскому было с ним легко.

Он неуверенно позвал, но ему не ответили. Это значило, что Мнишека нет нигде в Польше, а за её границами Рихард предпочитал не появляться по личным причинам.

Он побрёл вверх по улице, не обращая внимания на дождь, его мысли были далеко от Варшавы: Рихи думал о грядущей войне. Его отец, отставной полковник, умер от старой раны, и это навсегда отложилось в голове вампира. Ещё в детстве он отлично знал, что бой — это плохо, ведь именно его последствия отняли у него единственного родного человека. И вот он снова встретился с со своим кошмаром лицом к лицу.

Рихард неплохо понимал Мнишека — он и сам, порой, мечтал отомстить злым тёткам, всем своим обидчикам, безумному инквизитору, но по природе своей мягкий, он всех и всегда прощал, чувствуя себя поэтому слабым. Но с другой стороны, разве это не правильно? Милинский сказал бы, что если месть может причинить боль и невиновным, то лучше не мстить, и он хотел бы донести это и до Стася, чтобы и он мог понять, что хочет сделать, но сомневался, что Мнишек к нему действительно прислушается — слишком много в нём бурлило ненависти и злобы, слишком много в нём было решимости, чтобы отступить.

А Рихард, вообще-то, ненавидел насилие. Он слишком хорошо узнал его в детстве и искренне жалел тех, кому было так же больно, как и ему. Например, Анну. Например, Стася. Рихард остро чувствовал их горе и по возможности забирал, тем самым облегчая им души, да только у него такого доброго спасителя не было.

— Простите, но, верно, гулять под дождём — это не лучшая затея, — Милинский встрепенулся, выныривая из собственных мыслей, оглянулся на голос. Перед ним стоял высокий черноволосый стригой с изящными, почти женскими чертами лица, его карие глаза светились сочувствием.

— Мне не страшна простуда, — Рихард отметил для себя, что этот особенно красив, только чрезмерная бледность и косой шрам на тонкой руке всё портят. — Да и прочие болезни.

— Должно быть, вы вампир. Я Раду, Раду Ливиану, вы могли видеть меня в Сейме, — новый знакомый протянул ему ладонь. — Я вас, правда, не заметил, простите.

— Я не бываю в Сейме, мне скучно слушать о политике, — Милинский пожал плечами и легко сжал его пальцы. — Рихард Милинский-фон Дорн.

— Отчего же вы предпочитаете гулять в такую погоду? — Рихард продолжил идти, и Раду поравнялся с ним, стараясь не отставать. — Что-то случилось?

— Пожалуй, — Милинский ответил уклончиво, не желая навязываться, но поймал заинтересованный взгляд Ливиану и всё же продолжил:

— Вы когда-нибудь чувствовали себя забытым? Не одиноким, не лишним, совсем нет, а именно забытым.

— Да... — звонкий и довольно громкий, особенно для стригоя, голос зазвучал глухо и как-то горько. — Я очень и очень давно чувствую забытым. С детства, наверное. Уже почти свыкся, толком и не больно, но порой такая обида находит, что хоть беги. Ужасно звучит, да? Но вчера я понял, что это ещё ничего, не так страшно. Страшно вдруг на мгновение поверить, что это не так, а потом тут же убедиться, что это пустая надежда.

— О... — Рихард содрогнулся, наскоро прочитывая душу Ливиану. — Сколько же в вас страданий, боже... Им так много лет, что я теряюсь в попытках посчитать их точный возраст. Что же с вами произошло? Откройтесь мне.

— А вы уверены, что хотите это услышать? Вы и сами, — Раду повёл кистью, будто касаясь чего-то, — не так уж счастливы. Я бы сказал, совсем несчастливы, потому что не просто забираете чужие печали, но и копите свои. Разве вам не нужна сейчас поддержка?

— Я не знаю, — Милинский очень хотел сказать «да», но не решался, будто бы стыдись. — Я настолько привык помогать другим, что перестал думать о самом себе.

— Так давайте я за вас подумаю, — Ливиану тепло улыбнулся и коснулся его лба, ласково глядя. Пара слов, и Рихарду показалось, что вокруг всё стало светлее, а внутри появилась необычная лёгкость.

— Должно же и вам когда-нибудь повести, — Раду рассмеялся. — Идёмте, я знаю тут одно отличное местечко с превосходной кухней. Нам стоит о многом поговорить.

***

Фабиан Концепольский обернулся на шорох и на всякий случай выпустил клыки. В мире людей опасности для него никто и никогда не представлял, разве что скрываться порой надоедало, но не больше. Мир вампиров же являлся огромной угрозой его благополучию. Фабиан сторонился сородичей, предпочитая жить и поступать, как вздумается, но теперь избегать их становилось всё сложнее, и он готовился принять это, попытаться начать общение с ними.

— Я очень рад, что вы пришли, — голос Штрауса разрешал вязкую тишину заброшенного замка. — То, что я хочу вам предложить, выгодно нам обоим, а значит, точно свершится.

— Я слушаю, — Фабиан напрягся, но его лицо выражало лишь вежливость и лёгкую заинтересованность.

— Грядёт большая война с стригоями, — по губам Концепольского скользнула улыбка — войну он любил чуть ли не больше всего на свете. — У ясновельможной шляхты и короля нет армии. Но она есть у вас. Я хочу купить силы ваших солдат и направить их против армии Мнишека.

— Извольте, это можно устроить, — Фабиан едва кивнул. — А что я получу взамен?

— Пиршество и власть над многотысячными легионами. Деньги, — Максимилиан прекрасно знал, что тот уже не откажется.

— Я согласен, — не раздумывая ответил Концепольский. — Но с небольшим условием.

Штраус выжидающе приподнял брови, серые глаза под стёклами очков сверкнули.

Концепольский плотоядно усмехнулся, кладя руку на эфес старинного меча, неторопливо, но с удовольствием продолжил:

— Дарко Вереш станет моей добычей.

Глава тридцать пятая

— Не откажете мне в исповеди, святой отец? — Лович резко обернулся, слишком крепко сжав чётки, и костяные бусины треснули, несколько упало на мраморный пол храма. Анджей не слышал этого голоса уже почти сто лет и действительно удивился его обладателю. Фабиан Концепольский забыл о Боге очень и очень давно.

— Добро пожаловать в мой дом, Фабиан, — ксёндз говорил тихо, смотрел смиренно и спокойно; если бы Концепольский не знал, что он вампир, то в жизни бы не подумал, что перед ним не просто человек. — Конечно, не откажу.

— Спасибо, — он огляделся, отмечая для себя почти кромешную тьму под потолком, блестящие на слабом солнечном свете витражи, крепкие колонны из чёрного мрамора. Лович любил подобную мрачность и попытался воссоздать её в собственном костёле. Но сейчас Фабиану было не до оценки архитектуры.

— Даже не спросишь, что я хочу тебе рассказать? — наигранно спокойно продолжил он, чуть приподнимая бровь, его грубые черты стали чуть более приятными глазу, и Анджей невольно усмехнулся в усы, подмечая, что такое поведение, пусть и не слишком естественное, ему идёт.

— Мне не нужно спрашивать. Я вижу тяжесть и кровоточащую рану. Что тебя сжигает? — Лович бесшумно подступил к нему и коснулся плеча. — Присядем же.

— Я всю свою жизнь любил и люблю одну женщину, да только уже немало воды утекло с того времени, когда она мученически погибла. И теперь мне выдалась возможность отомстить за её гибель, — Концепольский говорил глухо, надтреснуто, горько, его приятный низкий голос больше напоминал мелодию виолончелиста на каких-нибудь до ужаса пышных, но столько же печальных похоронах. — Однако мне кажется, что я оскорбил её память.

— Помыслими о мести? — Анджей внимательно посмотрел на него.

— Помыслими об отказе от оной. Думал, может, попытаться простить, и так уже много крови пролито. Но нет, — Фабиан на мгновение прикрыл глаза. — Нет, я должен мстить. Просто обязан. Она получит последнюю дань.

— Ты уверен, что она хотела бы этого? — Лович тяжело вздохнул. — Странная у тебя правда, Фабиан, я никогда такой не слышал.

— У каждого она своя, ксёндз. Что же твоего вопроса, то не знаю, что бы подумала женщина, о которой я говорю, — Концепольский пожал плечами и откинулся на деревянную спинку скамьи. — Ну же, где твоя отповедь? Давай, можешь стыдиться, можешь взывать к совести и милосердию, я привык слушать.

— Я не буду ни к чему, как ты выразился, взывать, — неожиданно спокойно, но жёстко ответил Анджей. — Я никому из вас не наставник и не господин, вы все вполне в состоянии решить, как вам быть, — он помолчал, затем зло продолжил. — У меня были люди, которые хотели меня слушать и следовать за мной, но Вацлав лишил меня возможности проповедовать, — вновь наступила тишина. Лович пытался прийти в себя и побороть ярость, Фабиан чуть улыбался, наблюдая за ним.

— Кто эта женщина? О ком мы говорим? — Анджей вновь произносил слова мягко и вежливо. — Я хочу это знать. Просто из любопытства.

— Ружа Верещ, — с трудом услышал он почти беззвучный ответ. — Моя Ружа.

***

— Это мои солдаты? — последнее слово Мнишек произнёс на немецкий манер и слегка презрительно, чуть вскинув подбородок. Его внимательный взгляд обводил ряды одинаково неопрятно одетых и нелепых на вид стригоев.

— Так точно, — Краслав обернулся к Дарко, тот едва кивнул, наблюдая за происходящим из-под полузакрытых век. — Что-то вам не нравится?

— Они умеют воевать? — в интонации Станислава Вереш уловил лёгкое презрение и усмехнулся, затем знаком подозвал одного из подчинённых к себе, что-то прошептал. Тот едва кивнул и взялся за саблю, Дарко достал из кармана просто жилета небольшое яблоко и подкинул его. Оно почти мгновенно превратилось в ошметки, а стригой, казалось, и не двинулся. Такого Мнишек не замечал даже за вампирами.

— Как так? — даже уважительно спросил он у Дарко.

— Я отвечу сам, если господин позволит, — подал голос солдат. Тот снова кивнул, и он продолжил:

— Вы, вампиры и морои, за годы бездействия стали истинными панычами, — выговор и выражения у стригоя были польские. — Медлите, расшаркиваетесь, павлины перед павами. Наш же брат привык скрываться и от суеверного люда, и от тех, кто считает себя выше нас. Так уж сложилось.

— В твоих словах есть правда, воин, — улыбнулся Станислав. — Эти люди помогут мне забрать корону, Дарко Вереш. Я окончательно соглашаюсь с сделкой.

— Да будет так, — Вереш кивнул и разрезал заострившимся ногтем свою ладонь, то же проделал и Мнишек, они пожали друг другу руки, кровью закрепляя свой договор.

— Выдвигаемся на Варшаву, — коротко приказал Каслав.

***

Максимилиан фон Штраус пребывал в отличном настроении — сегодня он планировал явить королю и всему двору готовую армию. Фабиан, как он и рассчитывал, спорить не стал, а траты Штрауса никогда не пугали — не было в мире такой цены, которую он не смог бы заплатить ради собственного могущества.

Максимилиан ехал напрямик в Сейм, сжимая в аристократически тонких, но очень сильных руках подписанную Концепольским бумагу. Польша получала двадцать тысяч воинов, а сам граф — двести тысяч злотых и всеобщее почтение. Чем не выгодный обмен?

Вацлав знатно просчитался, когда довёл дело до войны, и Штраус это хорошо понимал. Вампиры никогда не держали солдат, им это было совершенно не нужно — кто на них нападал? Прошлые войны таковыми назвать было сложно: один вооружённый отряд стригоев посильнее прочих нападал на точно такой же отряд вампиров, всего-то. Одна из последних таких стычек, конечно, несколько затянулась, лет так на десять, и в ходе неё погибли дети Вереша. Но это всё ещё была не война. Война зрела над головами всех польских вампиров прямо сейчас.

Карета резко остановилась, заскрипела, кучер спрыгнул с козел, чтобы открыть господину дверцу: верный Ганс был с ним с самого детства, и Штраус отдал бы тысячу слуг, лишь бы этот хитрый и преданный человек был рядом. Максимилиан не брал в поездки лакеев и камердинеров, прочих помощников. Он всегда отдавал предпочтение именно ему.

— Что, господин? Сегодня ваш вечер? — Ганс помог ему спуститься. — Давненько я вас не видел таким довольным.

— Я, кажется, вложил в крайне удачное предприятие. Быть может, даже стал

спасителем Польши, — отвечал Максимилиан, тщательно оправляя плащ и камзол. — Мы живём в прекрасное время, Ганс, во время великих свершений и любопытнейших людей. Я безумно рад быть одним из них.

— Ну пусть так, вы, главное, свою выгоду знайте, не разбрасывайтесь, — заметил старый слуга, почесав бороду. — Эти хитрые поляки могут вас хорошенько использовать, а потом и бросить. Не сказать, что по вам это сильно ударит, но обидно будет уж точно. Поостерегитесь и смотрите, что вам лучше, а там уж можно и об остальных подумать.

— Милый ворчливый Ганс, опять ты за своё. Эти вампиры мне совсем не опасны, у нас совершенно разные интересы. Вот если бы это была Германия, я бы тебя послушал, а куда нет, — Штраус взбежал по ступеням вверх и зашёл в распахнувшиеся перед ним двери. Его ждал триумф.

— Пан Штраус? Светитесь, будто у Пруссии сменился король, и управлять ей стали вы, — Эржебет заметила его первой и почти мгновенно оказалась рядом. — Мы слушаем, слушаем очень внимательно. Вы не поверите, но так совпало, что нас посетил крайне редко выходящий в свет гость. Фабиан, идите сюда! — Максимилиан обмер, но тут же заставил себя вернуться в прежнее состояние, и натянуто-вежливо улыбнулся.

— Доброго вечера, — это не входило в его планы, но раз уж Концепольский решил урвать себе часть похвал, то пусть. От него, графа фон дер Штрауса-Гессена, не убудет.

— Доброго. Вероятно, хотите что-то сообщить? — Фабиан ухмыльнулся. — Я не стану вам мешать. Вы и впрямь герой, наслаждайтесь. Могу я надеяться хотя бы на аплодисменты в адрес собственной щедрости?

— Безусловно, — сквозь зубы процедил Максимилиан. — Но всё остальное, если можно, мне.

— Как вам будет угодно, — Концепольский чуть поклонился. — Я не претендую.

— Так что же такого произошло? — к Бет присоединились Потоцкий и Левандовский, отвлекись от разговора Анна с Матиушем, Раду отставил в сторону бокал, Влад, сидевший у окна, напрягся и прислушался.

— Пан Концепольский заботливо предоставил нам армию, — переступив через собственную гордость, поведал Штраус, неестественно улыбаясь.

— А герр Штраус её любезно оплатил, — всё же не остался в долгу Фабиан. — Таким образом, сейчас вы, Ваше Величество, располагаете двадцатью тысячами вампиров, готовых к бою.

— Тридцатью, — не сговариваясь произнесли Влад и Раду. Они одновременно обернулись друг на друга, читая в чужом взгляде каждый своё.

— По пять тысяч воинов? Неплохо, — оборвал возможный разговор между ними Левандовский, забирая всё внимание на себя. — В таком случае, мы совершенно точно сможем противостоять Мнишеку. Он, сколько мне помнится, не соберёт больше, чем мы. Я прав?

— Да, вполне, — Раду на мгновение прикрыл глаза, что-то подсчитывая. — Стригоев клана Вереш не так много, пусть и сражаются они за четверых. Такое войско гораздо выносливее нашего, не стоит об этом забывать.

— Безусловно, безусловно, — Вацлав слегка кивнул. — Матиуш?

— Вацлав просил меня использовать мои познания в химии для создания чего-то, что помогло бы нам в грядущих битвах. Я работал над этим и создал нечто, способное уничтожить мощным ударом целые здания, — отвечал Вишнивецкий, слегка улыбаясь.

— Так вот куда сарай исчез... — шёпотом протянул Рихард.

— И не говори, сама удивилась. И вроде бы новое поместье, — так же тихо согласилась с ним Анна. — И ничего не сказал, молчал ведь!

— Не каждый день люди в ходе своих опытов сараи сносят, знаешь ли, — заметил Милинский. — Если бы я снёс сарай, мне было бы стыдно.

— Мне тоже. Сарай, он такой... сарай, — Вишницецкая и не знала, какое слово подобрать к этой постройке. — Ну неважно, какой он, всё равно стыдно.

— И тела? — подал голос до того молчавший Потоцкий. — Что ты использовал?

— Святые дары, — Матиуш неопределённо повёл плечами. — Серебро. В сущности, всё, что им может быть опасно.

— О, даже так? — Велислав едва заметно кивнул. — Хорошая работа, очень хорошая, — он говорил странно: голос звучал как-то надломанно и грустно, но этого никто толком не заметил, кроме Анны.

— Велислав, тебе нехорошо? — она дождалась, когда все вернутся к обсуждению насущных проблем и села рядом на подоконник. — Славек, — Потоцкий дёрнулся, резко обернулся, пару раз моргнул, придвинулся к Вишницецкой.

— Нет, всё в порядке. Просто... знаешь, я не люблю войны. Именно она разлучила меня с женой в тот роковой год. Война — это всегда разруха. А они хотят ещё больших потерь, ещё больше крови и смерти. Да, повторюсь, война — это разруха, но даже на войне есть правила и порядки. То, что хочет создать твой супруг, сметёт и их, — с трудом объяснил он. — Анна, я вижу мёртвые тела в каждом сне, я не хочу никого терять...

— Всё будет в порядке. Я ведь понимаю тебя: я тоже не люблю убийств, — та содрогнулась, вспоминая тело Матиуша, нанизанное на кол, точно мясо на прутик. — Но не мне его судить. И никого из них.

— Не судите других и не судимы будете? — Потоцкий понимающе кивнул. — Оставим эту тему. Мы ничего не сможем изменить, я теперь не у власти. А Вацлав пойдёт до конца, поверь мне, — он пригляделся. — Концепольский исчез. Кажется, он что-то задумал.

***

— Ты приходишь ко мне во второй раз. Видимо, причина куда важнее, чем просто разговор, — Лович стоял у высоких каменных ворот и всматривался в лицо Фабиана. — Ты пришёл ко мне не с миром.

— Верно, — Концепольский оскалился. — У тебя есть четыре тысячи человек, способных воевать. Отдай их мне, — он оглядел чёрную громаду монастыря. — Они нужны мне, чтобы лично разрушить гнездо Вереша. Отдай своих людей.

— Никогда! Это мой храм, Фабиан Концепольский, это моя паства, это те, кто пожелал мира и покоя в этих стенах, и я не дам тебе разрушить то, что мы вместе построили, — голубые глаза Анджея почернели, он выпустил клыки. — Да как ты только посмел прийти сюда? Забыл, как я помог тебе, как отвёл твой же меч, когда ты пытался покончить с собой после смерти Ружи? Так ты уважаешь её память?

— Не смей. Произносить. Её. Имя, — прошипел Фабиан. — Она была королевой, она была Марией во плоти. Не таким, как вы все, судить, как мне уважать.

— Уходи, я не дам того, что ты просишь, — Лович устало потёр глаза. — Уходи. Я не могу предать своей клятвы, ищи себе воинов в другом месте.

— Ты говоришь о мире, Анджей, — неожиданно мягко, даже заискивающе начал Концепольский. — Но что будет, если я не сумею вовремя сдержать этого змея, и его армия

придёт под твои стены? Что ты им скажешь? Покой для твоей обители будет безнадежно потерян.

— Тут ты прав. Но и забирая моих братьев... — тот едва сдержался, чтобы не добавить «во Христе», — ты и так лишаешь их этого. Разве я не прав? Опять же, я обещал им защиту от всего того плохого, что есть в мире, как я буду смотреть им в глаза, если перемену сказанное?

— Тебе не нужно будет ничего переменять. Впусти меня, я просто спрошу. Вдруг найдутся те, кто захочет сражаться во имя своей родины? — голос Фабиана стал совсем уж вкрадчивым, убаюкивающим, усыпляющим любую бдительность. Он проникновенно посмотрел в глаза Ловичу, его собственные чуть сверкнули.

— Да, конечно, — взгляд Анджея вдруг сделался несколько затуманенным. — Проходи, ты можешь их спросить.

— Благодарю, — Фабиан проследовал за ним. Что ж, гипноз графу всегда удавался поразительно хорошо даже на собственных собратях.

Они оказались в небольшом дворике, по середину которого стоял колодец из грубого камня. Каменный пол кое-где порос ярко-зелёным плющом, когда-то белоснежные стены несколько посерели, но не утратили своей красоты. Чуть ниже начиналась трава, рос мелкий кустарник, а у развалин старой крепостной стены высились деревья с густой листвой. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов и сословий — единственное, что их объединяло — сущность.

— Они все в своё время просили меня о помощи и укрытии. Я дал им это, — Лович всё ещё находился под влиянием Концепольского. — Спрашивай.

— Я прошу меня послушать, — медленно начинал Фабиан, смотря, как вокруг него постепенно собираются все жители. — На нашу страну надвигается страшная война, и теперь каждый человек на счету. Мне нужны те, кто захочет сразиться за её свободу, — он снова сосредоточился и разом заставил все умы подчиняться себе. — Кто желает?

Вампиры постепенно придвигались ближе, поднимая вверх руки. Концепольский смотрел на их ладони, пальцы: у кого-то загорелые и грубые от работы, у кого-то бледные и тонкие от рождения в семье ясновельможных, у кого-то покрытые шрамами или мозолями, у кого-то молодые и чистые — смерть не излечила всего, на каждом оставив отпечаток былой жизни.

— Все захотевшие могут уйти со мной прямо сейчас. Вы можете взять с собой всё, что захотите, а затем мы выступим, — граф украдкой обернулся на стоящего рядом ксёндза. — Я жду.

Когда они ушли, Лович наконец очнулся от страшного наваждения. Окружающие его вампиры смотрели с сожалением и участием.

— Бедный наш отец, вы тоже попали под гипноз это злого человека, — заметил кто-то из шляхты, неплохо знавший подобные слова. — Многие тут подчинились ему, они уже ушли, и вряд ли можно их нагнать и вернуть. Он достиг своей цели, я чувствую, что он всегда добивается своего, но в этот раз, видно, не смог и теперь мстит. Я прав?

— Это верно, Янош. Я упустил его. Простите... — Анджей бессильно опустил на холодные ступени, пряча лицо в руках. — Он и меня околдовал. Я должен был защитить вас, как пастырь стадо своё.

— Это не от вас зависело, святой отец. Злой человек, если он того хочет, любыми силами заберёт нужное. Недоброй силе, что действует исподтишка, нельзя или, во всяком

случае, очень сложно противостоять, потому это худшее из зол, — печально отвечал тот.

Глава тридцать шестая

Вацлав сидел на троне в опустевшем зале. Он так и не снял короны, и она неприятно давила, жгла. Левандовскому казалось, что по его вискам течёт расплавленный и неприятно блестящий металл, что он же смотрит из глаз. Он же горит вместо сердца.

Про короля Вацлава шутили, мол, всё, чего он касается, превращается в золото.

Вацлав ненавидел его.

Когда ему было двадцать, ему под ноги на улице кто-то бросил окровавленные жёлтые монеты и такую же пряжку. Это были вещи отца.

Даже будучи вампиром, Левандовский предпочитал серебро.

Оно ему было не страшно. А вот позолоченный клинок — напротив.

Вацлав поднялся, поборов свой же слепящий и обездвиживающий ужас, с остервенением стянул тяжёлый венец с головы и без особой осторожности положил на трон, тут же отворачиваясь. А ведь так жаждал править, так жаждал возвеличиться и ощутить в своих руках власть. Теперь же ему это по-страшному опостылело. Да нет же. Теперь же Вацлаву было всё равно.

На его век выпало немало самых разных войн. Все они были схожи тем, что были одинаково отвратительны своей жестокостью. Вацлав с удовольствием прошёл бы по головам ради своих целей, но он не любил лить кровь попусту, из низкого и первобытного желания упиваться. В сущности, грядущее столкновение таковым совсем не было, да и не он его начал, но порой Левандовского мучила мысль о том, что надо было ещё тогда без вопросов передать престол Мнишеку. Да, он несдержанный, молодой, но всё же не самый плохой правитель. Многим лучше Водлевского.

Вацлав чувствовал себя виноватым в том, что именно при нём начнётся страшная бойня.

Он вспоминал покой и долгие осенние вечера, проведённый в обществе Анны и Матиуша, самых лучших и близких его друзей. Он с самого начала хотел им открыться, но боялся сделать это прямо, просто сесть и сказать, боялся, что его отвергнут. Поэтому оба раза он намеренно подстроил так, чтобы это была их случайная догадка. Сделанная с помощью нехитрых намёков и лёгкого внушения. Конечно, была вероятность, что и после неё его могли покинуть, но ни Анна, ни её супруг этого не сделали. И Вацлав был им безумно благодарен.

С рождением Тадю мир стал ярче. Малыш обожал своего крёстного, вечно лез обниматься и старался быть где-то рядом. Вацлав ни минуты не мог пробыть один, если Тадеуш был у него в гостях. Мальчик требовал внимания и любви и искренне расстраивался, когда про него забывали.

Прямо как Рихард.

Этот вампир Вацлава пугал. Он вечно был рядом с Анной, претендовал на Тадеуша и даже жил в особняке Вишнивецких. Левандовский отчаянно боялся, что Рихард отберёт у него всё, потому что окажется... интереснее? Полезнее?

Несчастнее?

Вацлав прекрасно понимал, что нельзя обижаться на Рихарда и не замечать только из-за глупой и такой человеческой ревности, но у него совсем не получалось иначе. Вампиру было стыдно, неприятно вести себя так. Да только... неприятие сильнее совести.

Впрочем, думать об этом было некогда. Ему наконец-то принесли бумаги Кшиштофа

Водлевского.

***

Анна осторожно прикрыла дверь в комнату сына и скользнула по коридору влево, в их с Матиушем комнаты. Она уже давно привыкла в варшавском доме, такому красивому и таинственному, но почему-то ужасно боялась портретов, которыми тут были увешены все стены. Всегда царивший вокруг полумрак оживлял их, клал на лица хитрые тени, заставляя двигаться в страшном танце робкого пламени редких свечей. Анна старалась пройти мимо как можно быстрее, не глядя нарисованным людям в глаза — ей казалось, что тогда она станет такой же. Мертвенно прошлой.

— Анна, душа моя, — ласковый голос Матиуша вырвал её из странного тягучего забытья, навеянного картинами. — Ты дрожишь. Холодно?

— Нет, — она прильнула к мужу и уткнулась носом в его шею. — Я просто испугалась. Хорошо, что ты пришёл.

— Почувствовал неладное. Ты же знаешь, что мне известен каждый твой шаг, — Вишницецкий мягко коснулся губами её затылка. — Что тебя беспокоит?

— Эти картины... Вели их снять, — Анна подняла голову и посмотрела ему в глаза, кладя ладони на плечи. — Я с каждым разом всё больше опасаясь их, а эти разговоры о войне и вовсе привели меня в смятение. Мне приходят непонятные сны. Я вижу смерть, я вижу огни Варшавы, я вижу старых призраков. Они тянут ко мне руки, зовут меня. Что это может значить?

— Я не знаю. С тех пор, как меня обратили, я не вижу снов. Ничего, просто спокойно засыпаю. На самом деле, я и сплю по привычке, я в этом не слишком нуждаюсь, — Матиуш хотел было продолжить, но Анна его перебила.

— Ты ещё скажи, что вампиры по привычке живут, — неожиданно рассмеялась она. — Коханый, тебя всё ещё это волнует? То, что ты не совсем человек? Это ведь неплохо, ты не стал хуже, ты не должен отказываться ни от чего, родной. Ты не должен выбирать те или иные правила, потому что правил нет. Ты существуешь в своё удовольствие, только и всего, — эти слова она произнесла серьёзно, даже наставительно, глядя ему в глаза.

— Нежная Ануся, — Вишницецкий вдруг поднял её на руки и осторожно прижал к груди, — ты всегда говоришь мне мудрые вещи, душа моя, — Анна дёрнулась, когда он вновь назвал её так.

— Почему душа? — спросила она тихо, но как-то очень остро это прозвучало, как-то до ужаса метко, хотя она вовсе не целилась.

— Потому что ты то небольшое, кроме Тадю, конечно, что позволяет мне держаться на плаву. Не сходить с ума, не вспоминать о том, что случилось роковым летом тысяча семьсот сорок шестого. Конечно, в сравнении с моими друзьями и их историями это ничто, но мне всё равно так плохо... — Матиуш говорил глухо, и взгляд у него был пустой.

— Родной мой. Это совсем неважно — сколько чья трагедия весит. Она ведь всё равно остаётся трагедией, — Анна горько и болезненно улыбнулась.

***

Дарко летел над едва заметными в ночной тьме горными вершинами и вслушивался в неустанный вой ветра, в который раз радуясь, что главнокомандующий не он, иначе бы не сумел покинуть стан.

Сегодня была очередная годовщина со смерти короля Дмитара.

Вереш направлялся в Книн, к могиле собственного отца, чтобы в очередной раз просить

прощения за преступление, которого он не совершал. Дарко никогда не мыслил о троне или власти, он знал, что это больше бремя, нежели дар, и не торопился править.

Как жаль, что заговорщики всё решили за него.

Дарко любил и уважал своего родителя больше, чем самого Господа Бога. Не было никого дороже и роднее, чем он, его отец, могущественный хорватский король. Самый достойный человек. Дарко по сей день помнил, как ворвался в тот зал, как поймал затравленный и ненавидящий взгляд умирающего, как рыдал над его телом. А лучшие воины короля, предавшие и убившие его в тот роковой час, гоготали и пытались его поднять, водрузили на голову корону и почти силком приволокли к трону.

Вереш закрыл глаза, давая волю старым, заботливо спрятанным в самых тёмных трещинах души воспоминаниям. Сегодня можно. Сегодня он позволит себе плакать и быть хоть чуточку живым.

Его сердце не билось с тех самых пор, как он увидел камни, залитые кровью Ружи так, что они целиком стали красными.

Внизу показались редкие огни, и Дарко осторожно спустился на землю, тут же обернулся человеком. Он, порой, завидовал вампирам, умевшим с лёгкостью перемещаться из одного края страны в другой буквально за мгновение, но своё обличье ворона в жизни бы на это не променял. В конце концов, и у этого были свои преимущества, притом немалые.

Перед ним высилась, белела в ночи старая церковь. Вереш ухмыльнулся небольшой иконе Богородицы на фронтоне, небрежно толкнул дверь, как-то медленно, будто ноги его едва держали, прошёл к каменному, исписанному буквами старого хорватского алфавита надгробию.

Он опустился на колени, положил ладонь на холодную плиту.

— Вот и я, отец, — прозвучало в, казалось, незыблемой тишине церкви. — Может, хоть теперь ты простишь меня?

***

— Твоя жалость стоила любви многих.

Велислав произнёс это спокойно, хотя глаза его были полны слёз. Фелисия с портрета смотрела кротко и тепло, Фелисия перед ним смотрела бессмысленно и горько. У её тонкого призрака всегда был пустой взгляд.

— Здравствуй, дорогая, — продолжал Потоцкий, пододвигая кресло ближе. — Как ты там? Тебе не холодно на небе, моя прекрасная Фелисия? Ты ведь так не любишь этого.

Портрет молчал, призрак тоже. В свете пламени от единственного канделябра кожа Фелисии казалась восковой, как у покойницы. Именно такой она лежала в гробу, именно такое тело обнимал несчастный Велислав, не прекращая рыдать. Сейчас, вспоминая это, он уже не мог по-настоящему плакать, только холодные слёзы просто и без единого звука текли по его лицу. Душа вампира разрывалась от невозможной боли и тоски по так ужасно и безвременно покинувшей его супруге, но его точёное, будто мраморное лицо всякий раз не выражало ничего. Какой-нибудь поэт, глядя на это, верно бы, сказал что-то вроде: «И даже камень плачет от любви».

Камень безусловно плакал — у него внутри билось живое сердце.

— А я у нас тут всё тоже... не очень. Ты бы совсем, совсем не одобрила, — на этих словах голос Потоцкого предательски дрогнул. — Знаешь, у нас тут война, я слышал стук сапог. Это стригои идут сжечь Варшаву дотла и всласть упиться кровью.

Портрет остался недвижим, но призрак дёрнулся, приблизился, вслушиваясь в его речь.

Велислав отчётливо заметил, как на тёмно-бордовый ковёр упала чья-то тень, делая его темнее.

— Эта маленькая деталь делает тебя немного живее, признаться, — Велислав закрыл глаза, чтобы хоть немного совладать с рвущимися наружу рыданиями. Он прекрасно знал, что и выплеснув их, он всё равно не сможет хоть ненадолго расстаться со своими муками до конца — его сущность ему этого не позволит.

— Да, так о чём я... У нас война, страшная война. Должно быть, ты помнишь Стася Мнишека, вы как-то танцевали вместе. Он начал это. Он хочет забрать корону, хочет сесть на престол и править нами всеми. Не как рабами, конечно, как полноправными гражданами, но я знаю суть его жажды, и она ужасна.

На деле-то он прекрасно понимал всю ту боль Станислава, понимал его желание мстить и был наслышан о судьбе его и его матери.

Дарко пришёл к нему ночью. Пьяный так, что родную мать бы не узнал. Велислав мысленно проклял его несдержанность, но в дом пустил, всё-таки Дарко был ему другом.

— Тише, мы не одни, сам знаешь, — шикнул Потоцкий, с трудом втаскивая Вереша в гостиную. — Ты чем думал, когда вливал в себя столько ракии? Ну или что вы там у себя на Балканах за несусветную отраву гоните, — укоризненно поинтересовался он.

— Ты просто не пил хорошей ракии, ты нич-чего не понимаешь, — лениво отвечал ему Дарко, пытаясь вернуть равновесие и не упасть прямо в камин. Общими усилиями им удалось расположиться на софе, хотя Велислав был не слишком рад тому, что Вереш беспардонно улёгся на него, как на подушку.

— Не буду спорить. То, что ты давал пробовать, больше напоминало яд, — Потоцкий вздохнул. — Ну так? Что случилось?

Дарко резко изменился в лице, оно с наглого и напрашивающегося на протрезвление вдруг стало печальным и каким-то ужасно серым.

— Невена... Невена, она... Она ехала к своему мужу. Жениху. Водлевский и его псы... Моя Невена... — он заговорил чётко и глухо, но слова его были обрывочны. — Неве-ена...

— Что с ней, что? — Потоцкий помнил эту бойкую сербскую девушку, Вереш ухаживал за ней и даже просил руки, но та ему отказала.

— Водлевский... Он... — Дарко так и не договорил, не смог побороть тот горький ком отчаяния, что прочно засел в его горле.

— Дарко... — Велислав даже не знал, что ему сказать, так ему было страшно и непонятно.

— О Господи, — в широкое, приоткрытое на ночь окно влетела голубка и тут же обратилась Ружей. — О Господи, а мы с братом его по всему городу ищем. Простите, пан Потоцкий, что в такое время неурочное, но он не ведаёт, что творит, ох, не ведаёт. Бедный мой отец, ему сейчас так больно... Я заберу его, мы ему поможем, а на утро я вам всё-всё расскажу. Горе-то какое! Да вы и сами всё узнаете, весть скоро разлетится по всей Польше. Зверь у вас, а не король, сущий дьявол, — Вереш взволнованно всплеснула руками. — Простите меня, — она подхватила отца, и они тут же обратились птицами и исчезли с его глаз.

Солнце едва поднималось, когда Велиславу донесли, что у короля и его прихвостней появилось новое развлечение.

После смерти детей Дарко попытался стереть ему память. Чтобы Велислав не выбирал сторону и не обрекал себя на ещё большие страдания. Потоцкий действительно тогда

притворился, что уже совсем ничего не помнит, да и теперь часто так делал, не желая рассказывать о Вереше и его натуре хоть кому-то. Он уважал их дружбу и мечтал, что когда-нибудь они снова смогут спокойно поговорить за кружкой доброго пива. А куда же надо было просто играть и делать вид, что с Дарко Верешем его не связывает ровным счётом ничего.

А ведь только он в своё время спас его от гадкой участи самоубийцы.

— Славек, не делай этого, — тихо сказал Дарко, подходя чуть ближе. — Славек...

— Она там, она внизу. Она зовёт меня, она очень хочет, чтобы мы были вместе. Фелисия одна меня пожалела, одна была рядом, одна любила, если это, конечно, можно назвать любовью. Так почему я не могу выполнить последнюю её просьбу? — горько спросил Велислав, оборачиваясь на него. — А, Дарко Верещ, проклятый сын короля Звонимира?

— Откуда ты... — Верещ прятал свои сущность и происхождение, как мог, но Потоцкий всё-таки раскусил его. Однако сейчас было не время выяснять. Было время спасти единственного друга от гибели.

— Впрочем, неважно. Не делай этого. Я тоже хотел покончить с собой после смерти отца. Я тоже не хотел жить, но моя мать отговорила меня и показала иной путь. И у тебя он есть, только спустись с этих чёртовых перил, — продолжил он, просчитывая, как лучше его схватить.

— Иной? Твой отец звал тебя? Нет, твой отец тебя проклял и возненавидел в тот самый миг, когда его сердце остановилось. А Фелисия... моя добрая милая Фелисия, она меня не проклинала. Она меня любила, слышишь?! — он говорил с такой яростью, что Дарко ужаснулся. — И теперь я должен быть с ней. Коханая не сможет одна... — голос вдруг Потоцкого зазвучал горько, злоба совершенно пропала. — Она боится, ей холодно, больно, она там никого не знает. Только Бася, наша милая приёмная дочка, ждёт её там, представляешь? Они не смогут без меня.

— Они бы не хотели твоей смерти. Злые мары обманывают твой разум, Велислав. Твоя жена и дочь на небе, с Богом, — Верещ вспомнил, как учила его говорить Ружа. — Хорошо?

— Я не верю в Бога. Больше не верю, — слабо отозвался Потоцкий. — Так что...

— Прости, — Верещ в пару шагов преодолел расстояние между ними, крепко взял за плечи и впился в шею, начиная обращение.

Велислав содрогнулся от ужасных воспоминаний и низко опустил голову, пряча лицо руками. На мгновение ему показалось, что Фелисия села рядом на подлокотник, как она делала раньше, и прижалась к нему — он почувствовал замогильный холод и едва уловимый запах её духов. Потоцкий снова, как и в прошлый раз, попытался хоть ненадолго обнять жену, ощутить её тонкое тело в своих руках, но было поздно — призрак исчез, теперь уже не оставив после себя ничего.

Вампир до крови прокусил губу и попросту взвыл, целиком погружаясь в тот беспросветный траур, который он испытывал тогда, много лет назад. Теперь его уже ничто не держало здесь, в здравом рассудке.

За дверью комнаты давился слезами Рихард, а Раду молча держал его в объятиях, то и дело принимая на себя волны его острого и непомерного отчаяния. Бедный Милинский, он так хотел помочь своему спасителю, так хотел облегчить его горе...

...А Велислав был единственным, у которого тот не мог забрать боль.

Глава тридцать седьмая

Вацлав приехал к Матиушу спозаранку, но дома того не застал — пан Вишнивецкий ещё до рассвета отправился в Краков, чтобы успеть до войны поговорить и примириться с тёткой: та так и не простила ему брак с хлопкой.

— Вы уж простите его, ему совесть не даёт спокойно жить, пока он с ней в ссоре, — ласково сказала Анна, встречавшая Левандовского. — Надеюсь, Вацлав, и я вам подойду в качестве компании, — смущённо улыбнулась. — Раньше вы были не против, — затем кокетливо добавила она, чем ужасно смутила и без того несобранного и слишком уж очарованного Вацлава.

— Я и сейчас так считаю, — выдохнул тот, не в силах прекратить ей любоваться. В который раз он позволял себе эту слабость.

Вацлав ведь давно заметил, что в этой девушке, теперь уже зрелой женщине, всегда была какая-то тайная прелесть, раз за разом притягивающая его внимание.

— И на том спасибо, — Вишнивецкая взяла его за руку, совершенно не обращая внимания на обожающий взгляд. — Идёмте, вы, должно быть, не ели, я велю накрывать стол. Вацлав, вы...

— Ты, — мягко поправил её Левандовский, таким образом разрушая ещё одну границу между ними, возвращая себе прежнее самообладание. — Ты. Мы ведь, считай, родственники. Наверное, можно уже отбросить эти высокопарные обращения, не находишь?

— Я... Я буду только рада, — Анна несколько опешила от его слов, он казался ей каким-то другим, совсем не самоуверенным и открытым, а скорее тоскующим и потерянным. — Вацлав, что с тобой? Ты сегодня сам на свой, знаешь. Обычно я вижу тебя весёлым или хотя бы просто спокойным, но в это утро ты пришёл ко мне с тяжестью на душе. Что тебя тревожит?

— Моё положение, — в его словах звучала недосказанность, но Анна не стала про это расспрашивать, почему-то понимая, что это может плохо кончиться для обоих.

— Ты ведь хотел быть королём, разве нет? Я это сразу поняла, если честно. Да, я не слишком умна, мне не досталось толком этого дара, но, признаться, я видела, как смотрел на трон ты и как делал это Велислав. У него взгляд был затравленный, печальный... Как будто это его крест. А у тебя я заметила совершенно иное: ты жаждал власти, которую отдавал Славеку, — Вишнивецкая говорила спокойно и довольно уверенно, и Левандовскому стало не по себе. Ему даже на мгновение показалось, что Анна говорит не только про власть, но и про что-то ещё, что он никогда не произнесёт даже у себя в мыслях.

— Да, ты права, — несколько нехотя признал он, не слишком любивший, когда обличали его пороки. — Я бы с удовольствием сел на польский престол в обход него, но не мог этого сделать, потому как у меня всё ещё совесть. В отличие от того же Мнишека, например.

— Да я вообще не понимаю, — честно призналась Анна. — Зачем вы все друг друга мучаете? Ты не подумай, я не мню себя равной вам, я хорошо знаю своё место, просто сам посмотри. Вот есть Велислав, который ну совершенно не хочет править, вот есть пан Мнишек, вот есть ты. Уж как-нибудь бы договорились, разве нет?

— Анна, но ведь выбираем не мы, а Сейм, — деликатно заметил Левандовский.

— Ты только не обижайся, — пани Вишнивецкая рассмеялась. — Но я видела этот ваш

Сейм, и он... Эти люди повинуются каждому твоему слову, но не потому что ты король, а потому что ты заслужил их уважение. Чем, кстати?

— Кровью, — глухо ответил Вацлав.

***

Анджей Лович не заметил, как началось утро — он простоял у алтаря всю ночь, не в силах произнести и единого слова молитвы. Ему было очень и очень больно и стыдно. Нет, даже не так. Ему было попросту горько. Анджеем ценил и любил всех, кого собрал в своём храме, и ему ужасно тяжело оказалось принять то, что он подвёл их и не смог защитить.

— Отче, вы нужны людям, — в дверях стоял Янош и сочувственно глядел на него. — Да, Фабиан учинил большой грех, но что ж теперь делать. Те, кто остался, должны сплотиться. Нельзя сейчас давать волю печали. Грядёт страшная война, а я знаю, что это такое. Сейчас надо уподобиться камню и помочь ближнему.

— Ты прав, Янош, ты бесспорно прав, но моя душа не подчиняется мне, она погрузилась в траур. Дело в том, что не в первый раз я вот так обманут своими братьями, не в первый раз я остаюсь у разбитого корыта, — Анджеем тяжело вздохнул, но всё же поднялся. — Думаю, ты можешь меня понять.

— Да, могу, но я совершенно не знаю вашей истории, а хотел бы, — Лович удивлённо посмотрел на него, неуверенно вслушиваясь в неожиданные слова, но всё же кивнул на скамью у самого алтаря.

— И ведь вроде бы я тут ксёндз, а исповедь принимаешь ты, Янош Вишневецкий, крылатый гусар, — он усмехнулся. — Что ж, изволь, немногие желали узнать, что меня тяготит. А есть, что. Родился я не слишком давно, пусть это тебя не волнует, дата мало что должна сказать, но так вышло, что во времена Лютера я оказался в Германии, вместе с ним, собственно, и поддержал его идеи. Так мы обратили на себя внимание Рима и Инквизиции. Слава Богу, Мартину повезло больше моего, и он успел сбежать. А я оказался в застенках у доминиканцев, — помолчал с минуту, давая себе возможность успокоиться. — Да, именно так, меня долго пытали, допрашивали. Как-то так вышло, что... о моих деяниях, поистине скромных — в моём приходе я помогал страждущим, устроил им приют в монастыре, подобно этому — прознали вампиры и неотрывно следили за мной, пока мне не подписали смертный приговор. Тогда Штраус отправил своих людей, и они меня обратили. Я до сих пор не понимаю, зачем, почему выбрали именно меня, я ведь знал много славных братьев по вере, гораздо лучше моего, надо сказать. И всё-таки, Максимилиан именно мне подарил вечную жизнь, — Лович замер, раздумывая над тем, что скажет, сам себе кивнул.

— А я ведь не хотел быть вампиром, нет, никогда, ведь, как мне казалось, и, порой, сейчас кажется, это было Божьего замысла. С одной стороны, Господь вроде как и не хотел моей смерти, направив ко мне помощь, но с другой, герр Максимилиан никогда не был им ведом, и я не мог тогда понять, как это расценить. Я долго тяготился этим, тяготился тем, что я теперь чудовище, что я теперь должен пить живую кровь, ведь это грех. Но понемногу моя боль стала утихать, потому как я поклялся себе, что буду помогать заблудшим душам вроде себя самого. Покуда это сдерживает мою горечь, но мне всё равно тяжело, — теперь он уже замолчал окончательно, ожидая отповеди или чего-то ещё, чего-то, что бы дало ему знать, что его услышали, и Янош это понял.

— Вам не позавидуешь, отче, — осторожно начал он. — И мне вас ужасно жаль. Теперь я вдвойне понимаю вашу боль относительно поступка Фабиана, ваше желание всех нас оградить и всем помочь. И я уважаю вас, — это прозвучало так спокойно, что Анджеем

невольно откинулся на спинку скамьи, а его метания улеглись.

— Спасибо тебе, Янош, — искренне произнёс он. — Правда, спасибо.

***

— А где мой любимый крестник? — Рихард был рад возможности побыть с Тадю и Анной без остальных и получить всё их внимание.

— Десь, — малыш положил деревянную лошадку на пол и встал, сосредоточенно кряхтя, медленно, почти что чинно подошёл к Милинскому.

— Какой же ты хорошенький, — тот взял его на руки и прижал к себе, Тадеуш крепко обнял его за шею и принялся изучать кудри, периодически не слишком осторожно дёргая крестного за чёрные пряди.

— Рихи, это ты зря, он тебе сейчас всю причёску растреплет и больно сделает, ты тоже счастливый обладатель вьющихся волос, как и я, — Анна всплеснула руками и поспешила отцепить излишне любопытного ребёнка. — Тадю, ну нельзя же так делать.

— Рихи нехорошо? — уточнил Тадеуш, надув пухлые щёчки.

Тот неопределённо пожал плечами, и он вновь повернулся к матери, поучительно произнёс:

— Ма, видишь? Ма, к Рихи.

— Ты его избалуешь, да вы все вчетвером его балуете, — Вишницецкая тяжело вздохнула, возвращая сына обратно. — Вот и что вырастет?

— Поросёнок? — предположил малыш, покуда заинтересованный этим словом.

— Ребёнок умнее, чем все взрослые дяди вокруг него, вместе взятые, — Анна скрестила руки на груди и укоризненно покачала головой. — Ладно, бог с вами. Я велю принести пирога и молока, раз уж такое дело.

— Пирог? — Тадю посмотрел Рихарду прямо в глаза. — Рихи пирог хорошо?

— Очень, — Милинский рассмеялся, поцеловал его в лоб. — А как зовут твою лошадку?

— Лошадку?.. — малыш задумчиво повторил слово. — Лошадку... — он задёргал ножками, и Рихи опустил его обратно на пол. — Лошадку! — Тадю поднял её и протянул крестному, называя первое пришедшее на ум имя. — Стась Мишка, приятно познакомиться.

— Кажется, кто-то ненароком подслушал разговоры взрослых и неверно понял прозвание одного нашего... знакомого, — Анна заулыбалась. — Кому рассказать, не поверят, ей-богу.

— Знакомого? А в гости? — малыш вернул игрушку на место и с удовольствием взялся за зайца, пытаясь заставить его командовать маленькой деревянной армией.

— Он не может в гости. Он занят, — Рихард переглянулся с Анной, и они тут же увеличи разговор в другое русло.

Когда Тадеуш окончательно забыл о произошедшем, его мать и крестный отсели подальше и наконец смогли поговорить о делах серьёзных, но печальных.

— Не представляю, как мы будем воевать. То есть, конечно, представляю, но что ж им, всё тащить в Карпаты? Стригои там знают каждый выступ, каждый камень, каждую трещину, а составить им хоть какую-то конкуренцию может лишь войско братьев Дракула, такие же стригои. Вампиры Концепольского в горах будут, что слепые котята, — Милинский говорил быстро и чётко, в словах сквозила некая обречённость. — И Мнишек, конечно, неплохо изучил ту местность. Он долго скитался по Балканам.

— Откуда тебе всё это известно? — удивилась Анна. — Ты ведь не бываешь в Сейме, только со мной.

— О... — Рихард заулыбался. — У меня появился друг. Мы встретились совершенно случайно, но довольно быстро сошлись, и он мне многое поведал.

— Ой, это же так славно. Как его зовут? — поинтересовалась Вишницецкая.

— Раду Ливиану, — прозвучал короткий ответ.

***

Раду спешил. Он едва ли не бежал по варшавским улицам, то и дело расталкивая прохожих, бежал сломя голову и не обращая внимания ни на что.

Его брат его позвал.

Они очень давно не разговаривали нормально, они вообще давно не разговаривали, пусть и Ливиану украдкой мечтал об этом. Он никак не мог решиться и пересилить собственную трусость, собственную гордость, он никак не мог до конца простить Влада, хотя он был единственным оставшимся в живых родным человеком.

Он оказался в беде.

Раду почувствовал это сразу, только заслышав голос в собственной голове, только почувствовав это отчаяние, животный страх, да как угодно. Он чувствовал боль его души и понимал, что совершенно не может не забрать её теперь, после случая в Сейме, после всего, что он вспомнил, после всего, о чём мыслил.

Влад умолял о спасении.

Умолял с таким отчаянием, с такой горечью, с осознанием вины перед младшим братом. Умолял искренне. Умолял впервые в жизни. И Раду бежал, бежал по Старому городу, умоляя жесткие и глухие небеса уберечь Владислава до его прихода.

— Влад! — он по наитию отыскал нужный дом и почти что влетел в широкий полутёмный холл, где во мраке прорисовывались на картинах черты неизвестных людей и тени великих свершений. — Влад!

— Домнуле князь у себя в кабинете, заперся там с каким-то гостем и всё не выходит, — подсказал перепуганный слуга, шарахаясь в сторону.

Ливиану быстро поднялся по лестнице, прислушиваясь к слабому зову брата. Он выломал проклятую дверь одним ударом и наугад метнул заранее припрятанный кинжал в склонившегося над сидящим Дракулой человека.

— Влад!.. — он презрительно оттолкнул от себя умирающего и заглянул брату в глаза, в миг забыв все обиды и ссоры. — Влад, ты меня слышишь?

— Раду, — Владислав будто вынырнул из глубокого забытья и обхватил его за плечи. — Раду, я думал... я думал, ты даже не услышишь... Спасибо.

— Что здесь произошло? — Ливиану решил оставить все разговоры об их непростых родственных отношениях на потом. — Кто это?

— Обыкновенный наёмник, присланный Корвином, — устало ответил Дракула, без особого интереса глянув на убитого. — Этот попытался применить ко мне что-то, что ненадолго лишило меня воли. Сомневаюсь, что он нашёл то, что сможет меня уничтожить, но вот кое-какие его вещи могли нанести мне серьёзный вред. Впрочем, теперь подобная опасность отступила.

— Корвин? — Раду встрепнулся, услышав знакомое прозвище. — Разве он не растерял своё влияние? Мне казалось, более жалкого человека ещё не видели.

— Ну не знаю. Суть в том, что он снова попытался перейти мне дорогу. Не знаю, к чему это: с Верешем они не дружат, с Мнишекком тоже, а вести свою игру он попросту не может. Не имеет к тому средств, — Влад снова бросил взгляд на плащ незнакомца. — Или мы

имеем дело с кем-то, кто очень хочет, чтобы мы думали, что это Матьяш. Скажи мне, кому так выгодно перессорить нас с ним сейчас?

— Не стригоям, они поступают иначе, — покачал головой Ливиану. — Это может быть третья сторона, да только какая.

— Пока не знаю. Остановимся на Корвине, это ближе всего к правде. В конце концов, я не знаю всех, с кем договаривался Мнишек лично, без участия того же Дарко. А он на много пойдёт. Месть — страшная сила, ибо она разрушительна и беспощадна, она погребает под собой как виновных, так и невиновных и не приносит облегчения, сколько бы её не поили чужой кровью, — Владислав говорил тихо, смотря в никуда, его пальцы переплелись и подпирали подбородок.

— Ты прав, — Раду пододвинул себе стул и нерешительно сел рядом, посмотрел на брата. — Влад...

— Что? — Дракула повернулся к нему.

— Влад, я... — Ливиану с трудом пересилил себя. — Влад, давай... в общем, плохой мир лучше хорошей ссоры, правда ведь?

Дракула поначалу не ответил, раздумывая над его словами, что-то вспоминая, хмуря брови.

— Да можно сразу нормальный заключить, — как-то неуверенно сказал он чуть погодя. — Как думаешь?

— Всегда с тобой, — Раду сжал его руку.

— И я с тобой, — Владислав чуть кивнул. — Мы много ссорились, много чего не поняли, но теперь уже поздно это вспоминать, наверное. Ты так и останешься при своём, а я — при своём, и глупо нам будет об этом спорить, ведь ничего уже нельзя изменить. Я виноват перед тобой и я признаю свою вину, и сколько бы я не был горд, я готов идти на мировую и забыть прошлые обиды.

— И я, Влад. Я прощаю тебя и сам прошу прощения. Я не обещаю, что не буду жить, как мне вздумается, и от тебя того не прошу, но я хочу, чтобы ты знал. Я рядом, — Ливиану говорил спокойно, в его голосе не было и тени чувств, но Владислав знал, что это не так.

— Хорошо, — согласился он, — брат.

Глава тридцать восьмая

Станислав сидел над раскинутой на простом столе картой и напряжённо думал, то и дело переставляя условные войска с позиции на позицию, но на деле же всё время возвращался к вещам совсем иным и прошлым, к чувствам и воспоминаниям, спрятанным так глубоко, что их бы не увидели ни бог, ни дьявол.

Ну-ка, а что будет, если пустить в ход твоего щенка?

Этот голос раз за разом возникал в его кошмарах и повторял эти жуткие и грязные слова. Мнишек содрогнулся, сжимая руки в кулаки, перо выпало из его пальцев, а на красивое лицо легла тень.

А это точно парень? Отвечай, подстилка!

Когда-то ещё очень давно он действительно был слишком изящен даже для совсем неокрепшего юноши, слишком красив и, видно, слишком порочно хорош в глазах многих, кто приходил к его бедной матери.

Я заплачу двойную цену, не беспокойся.

Жалкая тварь. Станислав искренне ненавидел того мерзкого мужчину с гадкой похабной улыбкой, навсегда расчертившего его беспробудно тёмную жизнь на «был» и «стал». Был Стаська весёлым и ласковым мальчиком, очень любившим свою маму, а стал злым и мстительным... мужчиной ли?!.. готовым перегрызть за неё горло любому. Вполне буквально, ведь именно в ту ночь он впервые убил и напился чужой крови. Станислав наконец попробовал месть на вкус. Но даже она не помогла ему измениться. Не остаться таким. Навеки заклеимённым.

Мнишек закрыл глаза, тяжело дыша и пытаясь совладать с собой. Ему, взрослому и пожившему мужчине, ему, морю и ненужному сыну, ему, отцеубийце, и не никак не удавалось вновь взять себя обратно в железные тиски, что он создал в ту роковую ночь.

Станислав проклинал короля Кшиштофа за издевательства над матерью, проклинал за то, что тот подарил ей нежеланное дитя, проклинал самого себя за то, что родился, и бедной Невене пришлось продавать себя, чтобы его прокормить.

Станислав себя попросту ненавидел, считая неполноценным, слабым, недостойным.

Он даже умудрился оказаться сиротой при живой матери.

— Стась, мальчик мой, ты меня мамой не зови, лучше по имени теперь, — просила Невена извиняющимся тоном, едва ли не плача. — Я пану Мнишеку сказала, что ты не мой сын, что нашла тебя и воспитала, хорошо? Так хоть у тебя не будет клейма ребёнка падшей женщины, понимаешь? Пусть все думают, что неизвестно чей, может, крестьянин, а, может, принц, какая разница, правда?.. Всяко лучше, чем... — она не выдержала и разрыдалась. — Прости меня, мой маленький, прости, что у тебя из-за меня такая жизнь...

— Ну чего ты. Ты же ни в чём не виновата, — Станислав обнял Невену и осторожно прижал к себе. — Совсем ни в чём, правда. Т-ш-ш...

Мнишек снова вздрогнул и помотал головой, отгоняя воспоминания и вновь пытаясь сделаться безразличным, словно камень или древняя статуя. И только он вернулся к карте, как услышал тихие шаги.

— Станислав, добрый день, — перед ним стоял Дарко Вереш и тепло улыбался, хотя Станислав понимал, каких трудов ему эта приветливость стоила. — Всё в порядке?

— Добрый, да, всё хорошо, — ответил ему Станислав не поднимая головы. — А вы

какими судьбами?

***

Дарко смотрел на сына любимой женщины и отчего-то думал, что Станислав очень похож на Звонимира и Ружу и вполне мог бы быть им братом. Нет, он, конечно, не мог сказать, что будь у него возможность, женился бы на Невене и теперь, ведь с некоторых пор его мысли занимала совершенно иная дама, но вот перед Стасем Вереш чувствовал себя в ответе.

— Да так, просто гулял по лагерю, проверял войска, вот, решил зайти к вам, — он присел рядом и бросил заинтересованный взгляд на карты. — Хотите начать бои в Карпатах?

— Да, пожалуй. Если разобьём часть их армии там, будет просто замечательно. Польские вампиры понятия не имеют, что там, многие и в Татрах-то не были. У нас есть неплохое преимущество, — Мнишек говорил довольно и будто бы расслабленно, но звучала в его голосе какая-то неестественность. — И... — он как-то замялся, явно находясь мыслями где-то далеко, и Дарко его перебил, речь его стала быстрой и взволнованной.

— Пан Станислав, вы мне простите, что я так лезу в вашу жизнь, но если вас что-то тяготит, то вы можете мне открыться, правда. Я вам, конечно, никто, так, соратник в деле, но вы мне не никто... Я любил вашу мать, пусть и не так, как надо, но любил. Я чувствую, что я должен вам как-то помогать, — неуверенно проговорил он, не зная, чего и ожидать в ответ.

— А где вы были, когда её мучили эти твари? Где вы были, когда она продавала себя? Где вы были, чёрт вас дери? — Станислав поднялся, его тон оставался спокойным и даже вежливым, но вот в глазах плескалась ярость. — Я много таких матушкиных женихов видел, особенно после её смерти, все только и считали своим долгом сказать мне, как они все её любили и как им меня жаль, тоже вот пытались предложить помощь, а на деле хотели лишь воспользоваться. Я никому не верю, господин Вереш, и вы не исключение. Я повторяю свой вопрос. Где. Вы. Были?

— Я... Она отказала мне, я не смел ей мешать... Я пытался пойти против польского короля, но кто бы стал меня слушать. А потом... я потерял её след, я думал, что она умерла, я и понятия не имел, что всё вышло так, как вышло, — слабо оправдывался Дарко, уже внутренне смирившись с собственной виной.

— Индюк тоже думал... — зло ответил ему Мнишек. — Вы просто не хотели ничего делать, никто не хотел, потому что так было удобно. Только и всего. Убирайтесь, пока я не перешёл от слов к делу!

— Простите, — Вереш тут же исчез, оставляя Станислава одного.

Тот горько улыбнулся, снял с шеи неприметную цепочку, раскрыл висящий на ней медальон.

— Прости, мам, — прошептал он. — Ты просила меня не отталкивать этого человека, но я терпеть не могу лицемерия.

***

Дарко оперся спиной на холодный ствол и закрыл глаза. Ну вот и всё, он остался совсем один.

Как и сказал когда-то отец.

На душе у Вереша было так тяжело, что впору было идти исповедоваться, на коленях ползти в церковь, но он отрёкся от Господа в тот же миг, что умерли его несчастные дети, а

потому податься ему было совершенно некуда и не к кому. Он теперь действительно остался совсем один.

Дарко поднял глаза к нему и мучительно горько улыбнулся, медленно сполз вниз, падая коленями на сухую и жёсткую землю, кое-где усыпанную жухлой листвой.

— Этого ты хотел? — тихо спросил он, прижимая ладони к сердцу. — Я сломан, я сделал своих детей бессмертными, но смерть их всё равно настигла, я любил королеву Аницу, но опоздал всего на несколько минут, и она погибла, я мог бы быть счастливым с Невеной, но она исчезла, я заботился бы о её сыне, но он отверг мои тревоги о себе и отверг по праву, — запнулся ненадолго, не в силах продолжить и признаться в главной своей слабости.

— Я люблю Эржебет, прекрасную графиню, с которой каждой год танцую на балу у князя Влада, но никогда не скажу ей об этом, потому что несу всем моим родным горе и гибель! — с отчаянием выкрикнул Вереш и спрятал лицо в ладонях. Бледные губы слабо шептали:

— Теперь ты простил меня, отец? Теперь ты доволен?..

***

— Какие люди и без охраны, — Фабиан иронически приподнял бровь и ненадолго оторвался от наблюдения за подготовкой войск. — Что вам угодно, пан Штраус?

— Мне угодно видеть, как вы работаете и выполняете наш договор, — Максимилиан пригляделся к его доспехам и покачал головой. — А это вы, стесняюсь спросить, куда вырядились? Лавры полководцев древности покоя не дают?

— Простите? — не понял Концепольский. — Вы о чём?

— О ваших латах, — Штраус неприятно улыбнулся, поднял голову, оглядывая серое небо и тяжёлые тучи, обещающие дождь. — Они даже не блестят за неимением источника света. Право, Фабиан, вам не к лицу дешёвая фальшь. Кому это нужно? Кому нужно, чтобы вы красовались в этом ужасном панцире? Все и так осведомлены о ваших... вкусах.

— Позвольте, пан Штраус, я вас остановлю, — Фабиан тяжело вздохнул, но сдержал злобу. — Вы никогда не держали в руках шпаги, не вам судить о делах военных. И уж тем более о том, как я выгляжу.

— Вы зря так разбрасываетесь словами, — усмехнулся Максимилиан. — Я предлагаю вам поединок, чтобы вы смогли убедиться в том, что я говорю не без оснований.

— О, как пожелаете, до выступления ещё несколько часов, — Концепольский пожал плечами, уже предвкушая лёгкую победу над надоедливый и заносчивый врагом. Ему не слишком нравился этот немецкий гордец, не имевший никакого права так высоко задирать нос.

— Прошу, — тот почти что лениво скинул камзол и жилет, оставшись лишь в рубашке и кюлотах, кивнул сидевшему неподалёку Гансу, и он тут же поднёс господину его оружие.

— До первой царапины? — Фабиан освободился от доспехов.

— Положим, — Максимилиан обнажил лезвие. — В бой.

Даже в этом он был удивительно хитёр, и как Фабиан ни старался, не мог предугадать следующий шаг противника. Максимилиан уворачивался, проскальзывал под самой рукой, с лёгкостью отражая любые удары и плавно оттесняя его к тёмным деревьям. Концепольский даже не заметил, как он перешёл в более агрессивную атаку, такой ловкий и пронырливый, такой удивительно сильный при всей хрупкости фигуры, Штраус в итоге пригвоздил его к влажному стволу, и острие шпаги легко скользнуло по немного обнажённой незастёгнутым

воротом груди.

— Кажется, я выиграл, — он убрал оружие и бросил его обратно Гансу, оделся и снова стал всё так же непоколебимо спокоен, лишь насмешливая улыбка не сползала с его бескровных губ.

— Чтоб вас, — прошипел Фабиан, не в силах простить Максимилиану подобное унижение. — Уж если вы так искусны, то почему избегаете боя? — попытался он уколоть его самолюбие как можно больнее.

— Не вижу смысла лезть в пекло без весомой на то причины, — коротко пожал плечами Штраус, без особого интереса наблюдая за войсками. — Надеюсь, при встрече с противником вы не станете просто так лезть на рожон и тратить наши силы попусту, — он презрительно посмотрел на доспех. — И ради бога, не позорьтесь. За сим разрешите откланяться, я ещё должен поведать нашим многоуважаемым, но ленивым друзьям о том, как проходят последние приготовления.

— До свидания, — прошипел Фабиан, искренне надеясь, что больше с ним не встретится. Максимилиан внимательно посмотрел на Концепольского, покачал головой и тихо отозвался:

— Прощайте.

***

Эржебет сидела в плетёном кресле на небольшой крытой веранде и читала книгу, без особого интереса перелистывая страницы. Её мысли сейчас были далеко — она ждала приезда одного безумно дорогого ей человека. Батори жалела, что поначалу велела ему оставаться в Венгрии и теперь боялась, что он мог попасть в беду, столкнувшись со стригоями или кем-либо другим опасным и готовым мстить ей лично и лагерю короля Вацлава в целом.

— Мама! — Эржебет тут же захлопнула книгу и поймала в объятия черноволосого изящного юношу, крепко прижала к себе.

— Андраш, мальчик мой, ну наконец-то, — шептала она, уткнувшись носом в затылок сына. — Я так скучала, я так волновалась, что с тобой может что-то случиться, ты ведь даже слуг с собой в поездку не взял. Вот что ты за создание такое, маму беспокоить заставляешь?

— Мама может не беспокоиться, мама вампир и вполне может себе это позволить. Я уже взрослый и вполне могу за себя постоять, честное слово, — отозвался Андраш, отстраняясь и окидывая мать внимательным взглядом. — Ты осунулась, забываешь спать и пить кровь вовремя, — констатировал он. — Мама, что происходит?

— Всё в порядке, родной, — Батори слабо улыбнулась. — А тебе бы стоило перестать жить только умом, дать хоть немного воли чувствам.

— Я бы может и дал, но это сгубило слишком многих. Отца в том числе, — её сын нахмурился. — А ты не переводи тему и не ври мне, я же вижу, что не в порядке. Что тут у вас вообще творится? Я ни слова не понял из твоего письма, ты что, мысли на бумагу перекладывать разучилась?

— Андраш, прошу тебя, — Эржебет устало закрыла глаза. — Не будь дядей Владом, он то же самое мне твердит. Вы сговорились?

— Нет, просто мыслим одинаково верно, — тот тяжело вздохнул. — Мы идём возвращать тебя к жизни, иначе совсем загниешь. Говорил ведь, не езжай в Польшу. Уж лучше бы ты урама Вереша отправилась от войны отговаривать, он бы тебя послушал.

— Глупости, с чего ты вообще взял, что он меня хоть как-то воспримет? — фыркнула Батори. — Нет, мама у тебя не всесильная.

— О, любопытно. Про то, почему должна ехать именно ты, спрашивать не стала. Это определённо многое значит, — невозмутимо заметил Андраш. — Признаетесь, матушка, или повремените до конца политических игр?

— И снова глупости, в чём мне признаваться? Мне пан Вереш абсолютно безразличен, — покачала головой Эржебет. — Идём в дом, поешь с дороги.

— И вновь переводишь тему. Ах да, ты про папины измены говорила так же, а потом плакалась служанкам, я помню, — Андраш протянул матери руку. — Рассказать ничего не хочешь?

***

— Пани Анна, а к вам гость, — Анна нахмурилась и обернулась к Рихи, беспечно возившемуся с Тадю.

— Дай угадаю, это к тебе, — произнесла она, поднимаясь. — Ко мне вроде как никто не должен прийти.

— Я бы не был так уверен, — задумчиво отозвался Рихи. — Тадю, солнышко, иди-ка на ручки, мы идём встречать друзей.

— Дру... зя... — по слогам повторил малыш. — Хорошо, — он с готовностью вцепился в крёстного и уткнулся носом ему в шею. — Дём.

В огромной прихожей стояли двое: ещё не успевший снять плащ осунувшийся Влад и какой-то взволнованный Раду, крепко сжимающий руку брата. Они оба выглядели так, будто столкнулись с чем-то очень страшным и опасным.

— Что произошло? — Вишницецкая всплеснула руками и тут же принялась распорядиться, чтобы принесли кровь и накрывали обед. — Владислав, Раду, неужто война дошла уже до Варшавы?

— Нет, вовсе нет, это так, наши старые ссоры с давними врагами, — покачал головой Влад. — Я так думаю, король Корвин решил выслужиться перед Мнишеком или Верешем и вот, подослал убийц. Мне. Я думал застать Матиуша дома, чтобы обсудить это с ним, но, кажется, прогадал. Полагаю, я несколько не вовремя.

— Брат позвал меня, я поспешил ему помочь, — тихо добавил Раду, пряча глаза. — Ну, я-то, наверное, совсем не вовремя, я тут никто...

— Неправда, как же может быть не вовремя? — Анна укоризненно посмотрела на него. — В этом доме рады всем. И не наговаривайте вы на себя, вы же брат Влада. А значит и наш родственник тоже.

— Спасибо вам, доamna Вишницецкая, вы невероятно добры к всеобщему изгою, — как-то печально усмехнулся Ливиану, целуя ей руку.

— Мы с мужем и друзьями не считаем стригоев хуже, — мягко отозвалась та. — Человек изнутри может быть или не быть лихим независимо от своей сущности, и глупо винить в пороках родство и принадлежность. Мы куём свои души сами, без участия кого-либо ещё.

— Вы до ужаса мудрая женщина, — Дракула посмотрел на неё с уважением. — Тем временем, у нас есть дело: Штраус сообщает, что войска Фабиана вскоре выступят, а мы так и не решили, кто останется защищать Варшаву, а кто отправится следом. Я чувствую, что очень скоро армия лишится своего генерала, — мрачно и даже как-то горько добавил он.

Глава тридцать девятая

— Вацлав, ты ведь понимаешь, что люди Фабиана никогда не станут тебя слушаться? —

Влад говорил вкрадчиво и почти что сочувственно, хотя на деле он торжествовал.

— Понимаю, — прошипел тот. — Понимаю как нельзя лучше, потому что солдаты Концепольского меня ненавидят. Он хорошо отомстил всем на за то, что с ним когда-то сделали.

— Полагаю, он рассчитывает, что всё и всегда будет делать лично, — Дракула оскалился. — Какая наивность. Какая непозволительная блажь для столь древнего и столь же безумного в своих поступках вампира! И если у пана Потоцкого и пана Милинского это неприятная черта, оставшаяся по причине не слишком мирной смерти, то в случае Фабиана это просто халатность.

— Верно, — Вацлав тяжело вздохнул и бросил взгляд в сторону мирно вышивающей что-то пани Вишницецкой. — Анн, ты знала его слегка побольше моего, может, скажешь что-то?

— Побольше? Я видела его дважды: на Рождественском балу и незадолго до... обращения Матиуша, и только. Сомневаюсь, что это так уж полезно, — отозвалась та, откладывая нитки. — Вацлав, если ты хочешь спросить, что я вообще думаю о всём происходящем, то лучше так и спрашивай.

— Видел бы тебя сейчас твой супруг, — усмехнулся Рихард. — Он вечно думает, что ты у него забитая и скромная.

— Он бы меня не узнал, — покачала головой Анна. — Понимаешь ли, когда муж дома, пусть думает за всех сам, в конце концов, так заведено, а вот пока его нет, за главную я. Тогда и мне приходит время говорить.

— Вы мудрая женщина, пани Вишницецкая, — Влад уважительно склонил голову. — Что ж, мы вас слушаем.

— Я немного понимаю из ваших разговоров в Сейме, признаться. Но в кулуарах часто звучать речи на польском, и из них зачастую можно узнать многим больше. Многие считают, что наша армия не продержится и дня, потому что не сможет удержать стригоев в Карпатах, а дальше нас станут оттеснять всё ближе и ближе к Варшаве, только и всего, — Вишницецкая заговорила быстро, чётко, ненадолго сбрасывая маску покорной и кроткой княгини, способной заниматься только домом и детьми.

— И дальше они наткнутся на небольшое препятствие в виде солнца, — ухмыльнулся Рихард. — Я прав, Раду?

— Прав да не прав. Дело к глубокой осени, скоро небо затянется тучами так, что никакой ветер их не прогонит. А этого вполне достаточно для дневных перемещений. Безусловно, днём они слабы... Но как только на землю опустятся первые сумерки и заволочут горизонт... Берегитесь, — ответил тот, задумчиво глядя перед собой.

— В чём состоит опасность? — Вацлав поднялся и прошёлся по комнате туда-сюда, стараясь как можно лучше скрыть своё волнение. — Где я ещё ошибся?

— Не корите себя так, в конце концов, никто не совершенен, — Ливиану тоже встал, приблизился к нему, положил тонкую руку на плечо. — Так вот. Стригои могут обращаться зверями, могут долго сражаться, они почти не чувствуют усталости. Я уверен, Мнишек не поспеет на кровь для них, уж он-то может. Как следствие, это будут очень хорошие и

способные убийцы, — он помрачнел. — Они придут мстить, ведь вампиры так долго не воспринимали их всерьёз... Вы, господа хорошие, знатно нарвались.

— Их можно понять, — подала голос Анна, вновь вернувшаяся к своему делу. — Я могу их понять.

— Ты давно уже не служанка, — Левандовский внимательно посмотрел на неё.

— Я была служанкой. Я хорошо знаю, что такое косые взгляды и перешёптывания за спиной, — Вишницецкая повела плечами, будто отгоняя от себя неприятные воспоминания. — Так что...

— Пани Анна несказанно права, — заметил Раду. — Послушайте её, если мой печальный опыт уже забыт.

— Прости, — Влад коротко глянул на брата и вновь отвернулся к окну.

— Тебе как раз не за что извиняться, Влад, — Ливиану мягко улыбнулся ему. — Вернёмся, собственно, к Фабиану. Если мрачные предсказания моего брата окажутся правдой, — он сделал страшные глаза, чтобы рассмешить Анну и Рихи, — то кому-то придётся становиться во главе войска.

— И кому же? — Вацлав фыркнул. — Вас, пан Ливиану, они точно не станут слушать.

— Но могут послушать домнеле Вишницецкого, — Раду обернулся к Анне. — Доамна Вишницецкая, они ведь с вашим мужем хорошие друзья?

— Да, это верно, — та кивнула. — Они действительно неплохо общались, как мне кажется. А что?

— Боюсь, мне придётся забрать у вас вашего мужа на время и направить его ближе к полю битвы, в наш лагерь. Пусть посмотрит, что там и как, проверит оружие. Обещаю, что он вернётся к вам в целостности и сохранности, милая доамна, но придётся вам немного подождать, — мягко ответил Ливиану. — Вы мне простите это?

— Да что я, не понимаю что ли... — Вишницецкая тихонечко вздохнула. — Вы мне Рихи оставьте, а там поживём.

— Ой, я и сам хочу быть рядом с тобой! — Милинский придвинулся ближе к ней и обнял. — Никуда я не уеду, что ты. Кто же тебя будет защищать, если что случится?

— Ах, ты такой милый, — Анна ласково погладила его по голове. — Вот видите, как выходит.

***

Матиуш ещё раз перечитал письмо от Вацлава и бросил в камин, застыл, глядя, как огонь съедает хрупкую бумагу. От этой переписки не должно было остаться и следа, а потому Вишницецкий покинул гостиную, только когда убедился в том, что всё окончательно сгорело. Ни буквы, ни клочка, ведь они представляли из себя большую тайну.

Он гостил у тётки уже неделю, толком не зная, что происходит в Варшаве, и только это послание хоть как-то разъяснило то, что там творилось и решалось. Его, князя Вишницецкого, отправляли в действующее войско — командовать и проверять оборону. Матиуш ранее ничем подобным не занимался, но теперь был совершенно не прочь попробовать, тем более что ему обещали Велислава в качестве посильной помощи. Конечно, он не хотел оставлять Анну, ведь ему вечно не хватало её, но долг есть долг. Вишницецкий пообещал себе, что как только всё это закончится, они на несколько месяцев уедут куда-нибудь очень далеко, чтобы просто насладиться друг другом и любить.

— Соколик, — голос тётки прервал его мысли, — что-то случилось? Ты такой задумчивый, такой печальный...

— О, тётя, — Матиуш подошёл к ней и обнял. — Нет, всё... в порядке. Всё хорошо, — он подвёл её к креслу и помог сесть. — Вы вроде бы спать ложились. Я вас разбудил?

— Ну что ты, Матысек, нет, вовсе нет. Просто старая стала, сон уж не идёт. Знаешь, как говорят? На том свете отдохну... — Телимена тихо рассмеялась. — Ну полно, я ещё поживу, что ты так волнуешься?

— Не шутите так, — Вишницецкий болезненно улыбнулся.

— Ну прости, прости, — Руцевич сжала его руку. — Хорошо хоть тебе смерть нестрашна...

Матиуш непонимающе посмотрел на неё, и Телимена с лёгкостью прочла в его глазах удивление и испуг.

— Да, я знаю, что ты вампир, — мягко продолжила она. — Я сразу это поняла, научена уже.

— Откуда вы... — Вишницецкий не верил своим ушам. — Тётя, как же...

— О, всё просто, — та слабо улыбнулась и прикрыла глаза. — Помнишь, как я вам с Анной всё объяснить пыталась про любовь и вот... всё остальное? Такое сложно забыть, наверное, — она немного помолчала. — Я дважды была замужем, и первый мой муж был человек невиданный. Как я его любила!.. Ты бы только знал, Матысек, что это было за чувство. Я думала, что я самая счастливая на свете, раз мне так хорошо. Но всё это рассыпалось в прах... — он печально опустила голову, прижала руки к сердцу, словно безмерно тосковала. — Его звали Юлиуш Руцевич, думаю, понятно, чью фамилию ношу второй. Юлиуш... Он, как и ты, увлёкся этим всем, он всё время что-то читал, изучал... А потом он просто исчез! Я только через год, уже будучи супругой твоего родного дяди, узнала, кем Юлиуш стал. Вампиром, да. Мы виделись в последний раз около тридцати лет назад, наверное, ты только-только родился. Он тогда сказал, что тебя ждёт великое будущее. Я с тех пор боялась, пыталась оградить... Думаю, ты поймёшь, почему.

Матиуш сидел недвижимо, поражённый её рассказом. Он не произнёс ни слова, лишь крепко обнял тётю, только теперь осознавая весь смысл её ворчания и беспокойства. Он не ожидал такой истории и теперь пытался свыкнуться с ней.

— Я тебя испугала? — Телимена мягко потрепала его по волосам. — Матысек, соколик, не стоит. Это прошлое, старое, ты же так это не любишь, чего переживать.

— Мне просто вас жаль, тётушка, — прошептал Вишницецкий. — Очень и очень жаль, потому что это... это как если бы я теперь бросил Анну. Мне вдруг стало страшно.

— Нет, ты не такой, ты не тот, что вечно смотрит в небо и мечтает о крыльях. Да, ты много чем интересуешься, но ты прочно привязан к земле. И к жене и сыну, — покачала головой та. — Это дорогого стоит, мой милый племянник.

***

Эржебет, убедившись, что Андраш уснул, тихо отошла от двери и оперлась на прохладную стену. Уже который месяц её мучило непонятное, но по-своему нежное и тёплое чувство. Она не солгала сыну, сказав, что это не любовь, это, конечно, рядом не стояло с такой силой, но всё-таки привязанность и симпатия к Книнскому принцу, Дарко Верешу, у неё были.

Батори вспоминала далёкий бал тысяча семьсот сорок пятого и бессмысленно улыбалась. Их танец, разговор, поцелуй, обещание — всё это складывалась в какую-то прекрасную и короткую тайну, почти что чудо, о котором никому нельзя было говорить.

— Обещайте, что напишете.

Эржебет мучительно тяжело вздохнула, решаясь. Она знала, что идёт война, знала, что они вроде как враги, знала, что между ними вряд ли что-то может быть... Но она всё равно дошла до своих покоев и неуверенно взялась за перо. В конце концов, разве она не знала, как это бывает? Сначала люди воюют, втапывая друг друга в грязь, а потом заключают мирный договор, закрепляя его каким-нибудь ненужным браком. Только и всего. Это вовсе не война чести, не война за правое дело, нет. Это лишь война... Интересов? Более того... Дядя как-то отмечал, что они воюют вовсе не с Дарко, что тому достаточно лишь отомстить несколькими конкретным людям, не более, а вся беда только в Станиславе. Это тоже было аргументом в пользу письма.

Она не знала, как начать, чтобы это выглядело правдиво. Эржебет много притворялась, много прятала свои чувства, свою боль, она разучилась уже отличать, где врёт и играет, а где говорит честно. Исключением, пожалуй, был только Андраш, и теперь Батори очень хотела, чтобы и Верешу ей удалось сказать всё искренне.

Эржебет опустила за стол, пододвинула канделябр к себе, коснулась бумаги. Нетвёрдой рукой обмакнула перо в чернильницу, занесла над листом.

Что написать?

А что Бог на душу положит.

«Ваше Высочество, я дала вам обещание, — написала она, внутренне дрожа от волнения, как влюблённая девочка. — И вот теперь я исполняю его. Я и впрямь не играю, когда складываю эти строки, и прошу вас, Ваше Высочество, мне верить, думаю, вы мне не откажете в этом, ведь до того я ни о чём не заикнулась. Мне не нужен весь мир, мой Принц, мне вовсе не нужны золотые горы и высокие дворцы, нет. Я хочу, чтобы вы это запомнили и не забывали впредь. Если вы захотите видеть меня чем-то большим, нежели просто гостьей на ваших балах, то вам придётся доказывать свои намерения иначе. Я, конечно, знаю, что и вы во мне ищете не красоту и не усладу, не ловкий ум и хитрость, не связей. Вы ищете во мне, Ваше Высочество, покой. Вовсе не сложно его дать, клянусь. Но он сам по себе ужасно дорог, и я хочу знать, что дарю вам его не зря, — Эржебет перечитала уже написанное, ненадолго задумалась, порывая сжечь, но всё же сдержалась и продолжила. — Вам ведь не покажется это большой дерзостью? Признаться, я наношу на бумагу все эти слова и невольно боюсь, что они кажутся излишним кокетством и большой глупостью. Но нет, это не так, во всяком случае, я смею на это надеяться. Я долго думала, прежде чем написать вам, и то, что вы прочтёте, является отражением всех тех чувств, что меня сейчас обуревают. Я хочу говорить с вами вне войн, вне распрей, вне политики. И я надеюсь, вы это учтёте, отвечая мне, Ваше Высочество, — она замерла, не зная, как закончить, не зная, надо ли это теперь вообще отправлять, всё ей казалось неестественным, неправильным, необдуманым. Но вместе с тем что-то было в этих строках чувственное и нежное, что Бет стало жаль их. Она дрожащими руками запечатала письмо и кликнула служанку, чтобы та его унесла.

В ту же ночь в сторону сербских Карпат полетел голубь, к ноге которого был привязан небольшой свёрнутый листок.

***

— Я примчался, как только смог, — Матиуш крепко прижимал жену к себе, та обвиняла его шею руками и счастливо улыбалась, чувствуя, как его тёплые ладони проходят по спине вверх-вниз и почти что игриво задевают завязки платья.

— Завтра выступаем, — буднично отвечал Вацлав, стоя у окна и глядя, как катятся по стеклу капли дождя. — Нам нужно торопиться, Влад говорит, что над Фабианом висит

огромная опасность, и мы не в силах её отвести.

— Влад не обладает даром предвидения, он основывается лишь на собственной логике, — Вишницецкий ласково поцеловал Анну в затылок, опустился в кресло, усаживая любимую к себе на колени. — Он, безусловно, часто бывает прав, но не всегда же.

— Насколько я знаю, ни Велислав, ни Рихард ничего подобного не... предсказывали. Так что в твоих словах есть доля правды, — ответил Левандовский. — Признаться, Славеку я верю больше, уж если на то пошло. При всей своей нелюбви к Фабиану я надеюсь, что он всё-таки останется в порядке.

— Фабиан неплохой человек, — обронила Анна, положив голову мужу на грудь и уткнувшись носом в шею. — Правда, Матиуш?

— Да, душа моя, — Вишницецкий ласково улыбнулся ей. — Но, смерть, солнышко, зачастую не смотрит на личные качества.

— А это очень жаль, — заметила та, печально опустив взгляд.

— Наутро Велислав заедет к вам, и вместе с ним отправишься в лагерь, — заключил Вацлав. — И будь, что будет. *Dum loquimur, fugerit invida aetas: carpe diem, quam minimum credula postero.*

— Гораций? Да, он очень верно выразился, — кивнул Матиуш, тяжело вздохнув. — Знаешь, я бы действительно хотел жить настоящим, но увы, война рождает редкостных чудовищ, что заставляют пытаться угадать будущее и следующий их шаг.

***

Фабиан велел отряду замедлиться и вести себя как можно тише, но не разворачивать лошадей: он издали заметил дым небольшого костра и слышал бойкий румынский говор — то были стригои, видимо, остановившиеся на привал после долгого горного перехода.

— Поедем, пан Концепольский, — бросил кто-то из солдат. — Чего размениваться, там лишь маленький отряд, какой нам смысл на них нападать и тратить силы?

— Позабавиться. Может, сумеем узнать что-то ценное, у них что короли, что простые воины передвигаются скромно, не то что у нас, — усмехнулся тот. — Разомнёмся, да и наши сабли заскучали без дела, разве нет?

— По тонкому мосту ступаете, мопанку, — с сомнением ответили ему. — Я слышал, среди птиц прошёл разговор, что сюда направляется сам Драгош Микулэ. Всем известны его скромность и скрытность, но не приведи дьявол нам ему попасться.

— Драгош Микулэ мне и в подмётки не годится, — горделиво, но уж слишком храбрясь, испытывая судьбу, фыркнул Фабиан. — Он всего лишь правая рука главы захудалого клана, который, вопреки всем доводам, пока жив и никому роздыху не даёт. Ты же знаешь, что у Микулэ в подчинении всего одна крепость, тоже мне великий властелин и воин.

— Он искусен во владении оружием, он хитёр и умён, поберегитесь, — солдат говорил со знанием дела, но его, конечно же, не воспринимали всерьёз.

— Налетай, — зычно крикнул Концепольский, уже предчувствуя лёгкую победу и пир. — Порезвимся, мы-то с вами не коронное войско!

Они быстро достигли небольшого лагеря, громко переговариваясь и хохоча, почти что шутя убили часового — мальчишку, недавно получившего становление, окружили сидящих у костра. Концепольский, предпочитавший для начала поиграть с жертвой, и только потом её убить, подъехал к невозмутимо сидящему у костра стригою и оглядел его. Тот был худ, скорее всего высок, носил длинные рыже-каштановые волосы. В его голубых глазах, один из

которых был подёрнут слепотой, плескалось что-то дикое и очень опасное, но внешне он оставался спокоен.

— Эй ты, хлоп, — небрежно обратился к нему Фабиан. — Не хочешь защитить своих людей? Одного мы уже убили, скоро займёмся и прочими.

Стригой поднял голову и внимательно посмотрел на него, глубокомысленно вздохнул.

— Мне очень жаль, что вы начали с неопытного ребёнка, который изначально был слабее вас, он ведь даже ничего сделать не успел, я знаю, — тихо начал он, и шрамы на его лице уродливо задвигались в такт речи, словно змеи. — Но больше мне жаль, что вы поразительный глупец, которого пьянит первый же, причём очень сомнительный успех, — он ловко, еда заметно поднялся и выхватил из-под старого плаща саблю, развернулся, и Фабиан, совершенно не ожидавший такого, невольно схватился за живот — там расплзалась огромная кровавая рана.

Прочие стригои повскакали со своих мест, берясь за оружие, и в тот же миг люди Фабиана, не успевшие ничего сообразить, попадали мёртвыми — все клинки были смазаны одинаково опасным и для тех, и для других ядом — освящённым елеем.

— Чёрт... — Концепольский едва держался в седле, с ужасом глядя на всё такое же спокойное лицо врага. — Чёрт тебя дери...

— Я тоже всегда любил парные пророчества, — коротко ответил тот. — Драгош Микулэ, стригой, которому предречено вас убить, — он обернулся к своим. — Отнесите его в палатку и дайте спокойно умереть, он более нам не опасен, но при всех своих выходках совершенно не заслужил сдохнуть, как скотина.

— Будь ты проклят... — слабо прошептал Фабиан, проваливаясь в глубокое и мучительное забытье.

***

Он очнулся, когда на горы уже спустился вечер. Поначалу Концепольскому показалось, что пророчество всё-таки оказалось ложным, и он идёт на поправку, но нет. Он был невозможно слаб, и надеяться, что силы к нему вернуться, было глупо. Жизнь его теперь покидала.

Фабиан попытался вдохнуть, но получилось с трудом, грудь нещадно болела, и изо рта вырвался хрип. Концепольский вздрогнул, слабо и горько ухмыльнулся.

Он уже когда-то умирал так.

В сущности, он ведь никогда не боялся костлявой, не избегал её так, как избегали прочие, не прятался. Но он совершенно не хотел испускать дух постыдно и жалко, где-то в горах и в одиночестве. Он-то мечтал погибнуть в славном бою, если уж ему суждено, погибнуть, как герои древности, как Ахиллес... Но в итоге лишь тихо и мучительно отходил.

А ведь у него была возможность когда-то очень давно, ещё в человеческой жизни. Как жаль, что ему не дали умереть.

Фабиан в тот миг проклял Штрауса, обратившего его в угоду своим целям. Он не просил бессмертия, он не просил вечной жизни и вечной скуки, этой завершённости и холодной крепости, нет! Он никогда не мыслил, что человек достоин бросать вызов богу, потому что не видел в этом толка, но эгоистичный немец всё решил за него, преследуя лишь свои интересы.

Фабиан умолял не обращать его. Но его последнее желание не выполнил никто.

Концепольский закашлялся, чувствуя на языке привкус собственной крови. За что? Почему так? Где он настолько отличился, что мироздание определило ему такую поганую

смерть?

Перед глазами пронеслись воспоминания, Фабиан из последних сил искал в них что-то, что могло послужить причиной, будто бы в этом был какой-то смысл, будто бы это могло отвести конец. Как глупо и как по-человечески. Он ведь всегда держался людей, отгораживаясь от вампиром, чтобы чувствовать себя живым, настоящим, чтобы чувствовать. Но и этого ему всегда было бесконечно мало, потому что ничто не могло заменить в нём душу! Или...

Ружа. Милая, добрая, светлая Ружа, оставшаяся далеко в прошлом. Хорватская принцесса, не родная, но вместе с тем любимая дочь Дарко Вереша, она быстро привлекла внимание тоскующего по земной жизни Фабиана и очаровала его. Украла его мёртвое сердце. О, как она была хороша, как ласкова, как вежлива, она ведь прекрасно знала, что он к ней равнодушен, но до последнего старалась не делать больно.

Пока он не попросил её руки у Книнского принца.

Фабиан знал, что он сначала спросил у Ружи. И та отказала.

Концепольский никогда не винил её, пусть и злился. С другой стороны, за что ей было его любить? Он не видел к этому повода, но обида всё равно глодала его изнутри. И Фабиан действительно считал, что именно Дарко послужил причиной её безвременной и жестокой смерти: не уговорил, не защитил, не спрятал. Он приносил несчастья всем окружающим, он должен был сам погибнуть вместо своих детей!

Но увы.

Вдруг болезненное и уже полубезумное сознание зарябило, словно вода от слабого ветра, и Концепольский с ужасом увидел себя, сидящего подле Кшиштофа. Он что-то обсуждал со своими людьми, то и дело глядя на карту Хорватии, а затем вдруг обратился к нему.

— Ты долго жил там, Фабиан, ты бывал при дворе самого Книнского принца. Нынче я иду на него войной. Должно быть, ты знаешь его слабые места. Слышал, он отказал тебе, не отдал дочь замуж. У тебя есть возможность отомстить, — Водлевский говорил вкрадчиво, сладко, с сочувствием, легко втираясь в доверие, играя на чувствах.

— Слабые места? Целых двое, — выплюнул полупьяный и озлобленный Концепольский. — Сам догадаешься, чай не дурак.

— Ну конечно, — обворожительно обернулся король Кшиштоф. — А где они?

— Он почуял опасность, хитрый лис, и велел увести их в Книн, прячет на могиле отца, — отозвался Фабиан. — Нашёл, где, а? — он жутко расхохотался, и Водлевский раздражённо поморщился, но виду не показал, лишь понимающе кивнул.

— Спасибо за помощь, — с фальшивой искренностью произнёс он. — Это очень ценные сведения, пан хорунжий, — его глаза сверкнули, и Фабиан в то же мгновение забыл об этом разговоре.

И вот только теперь Концепольский понял, кто на самом деле виноват в смерти Ружи. Не Дарко, не часовые, не Звонимир, закрывший сестру собой...

А он сам.

— Не-е-ет! — взвыл он с таким звериным отчаянием, что, казалось, горы содрогнулись от ужаса. — Не-е-ет!!!..

— Буянит, — пробормотал стороживший его стригой. Проходивший мимо Драгош остановился и бросил безразличный взгляд на палатку.

— Вспоминает, — отозвался он. — Порой воспоминания ранят глубже и сильнее самого острого клинка. А домнеле Концепольскому есть, что вспомнить. Я бы такого

никому не пожелал.

А Фабиан тем временем лежал поражённый и сломанный. Осознание того, что он, по сути, сам убил Ружу, убивало его быстрее яда, сковавшего всё тело. О как это было гадко, как мерзко, как... Страшно. Такой грех не перенесла бы даже его давно сгнившая душа.

Концепольский чуть приподнял голову, ища свой меч, чтобы побыстрее закончить мучения — сущность его давно оставила, сейчас он был почти что человек, и любое оружие было для него опасно. Вдруг его взгляд наткнулся на непонятную тень в углу. Фабиан присмотрелся и обмер, его губы задрожали.

Перед ним стояла окровавленная и бледная Ружа.

— Ну здравствуй, — просипел Концепольский, сглатывая непрошенные и не пойми откуда взявшиеся слёзы. — Легка, знаешь ли на помине, моя прекрасная госпожа.

Ружа молчала, неотрывно глядя на него пустыми глазами.

— Ты пришла за мной? — Фабиан слабо улыбнулся, но его глаза предательски блестели. — Да? Ты в первый и последний раз решила облегчить мою боль?

Ему всё так же не отвечали.

— Нет, не говори ничего, ты права, — он вздрогнул, стиснул зубы, чтобы не закричать от усиливающейся боли. — Не надо слов, — он немного помолчал, затем с трудом продолжил: — Зато мне есть, что сказать. Ружа, знала бы ты, как я тебя любил, моя Мадонна. Я бы ползал за тобой на коленях и целовал следы, лишь бы ты на меня посмотрела, лишь бы протянула руку и улыбнулась, — снова болезненно закашлялся, грудь заходила ходуном, резко слабея и опадая. — Я бы молился тебе, я бы боготворил тебя, если бы ты только согласилась быть моей. Ружа, милая Ружа, я был так невообразимо мёртв! И лишь ты одна могла меня воскресить, вдохнуть жизнь, лишь ты одна могла сказать мне «Встань и иди». Так почему же ты этого не сделала?.. — кашель сделался громче и мучительнее, лёгкие сковала судорога, вдохнуть получалось через раз. — Почему ты оставила меня? За что обделила своей милостью и отвернулась? О, чем я заслужил такое страдание? — воздух кончался, перед глазами постепенно темнело. — Но пусть, полно уже жалеть, полно уже спрашивать, ведь в этом нет никакого смысла. Зато есть в кое-чём другом... — голова наливалась свинцом. — Если ты сможешь, то прошу, прости меня за всё то зло, что я поневоле причинил... — он из последних сил приподнялся и задрожал в агонии, не отрывая взгляда от бывшей возлюбленной. — Умоляю, прости!.. — его тело не слушалось его, это был конец, и он едва смог слабо прошептать: — Поцелуй же меня напоследок, Ружа... А затем я оставлю этот мир. Я прошу тебя, поцелуй меня...

В тот же миг его лба коснулись ледяные губы, а на плечи ненадолго легли лёгкие девичьи руки. Слабая улыбка появилась на лице несчастного, он вновь затрясся, а затем упал на грубую подушку и больше не издал ни звука, ни шороха.

Фабиан Концепольский умер.

Глава сороковая

— Он умер, домнуле Микулэ, — Драгош встрепенулся и медленно кивнул, отложил саблю в сторону, поднялся.

— Ну что ж, идём, для начала, проводим Василе в его последний путь, а потом уж займёмся нашим... впрочем, с погибшими не враждуют, — он тяжело вздохнул и быстрым шагом направился к краю лагеря, где под невысоким деревом уже была вырыта могила, а вокруг неё собрался его отряд.

Василе лежал завёрнутый в свой же плащ и казался просто задремавшим, но все знали: он был убит, убит для развлечения, просто так. И от этого становилось гадко.

— Ты был нам славным товарищем, — коротко сказал Микулэ.

Больше не было произнесено ни слова — таков был древний обряд, не позволявший окружать покойного бессмысленным туманом из пустых красивых слов. Стригои верили, что хвалить человека надо при жизни, ведь по её окончании ему уже совершенно всё равно, что о нём скажут.

Воины осторожно уложили Василе в яму, и тут же на него посыпалась мокрая от прошедшего дождя земля; работа спорилась, пусть и не было у исполнявших её причин для радости — как-никак они хоронили. Сверху всё укрыли ельником и поставили в изголовье круглый камень с кривой буквой «В» — память стригоев отменно сохранила как дату, так и имя, но нужно было отметить могилу, чтобы её не затоптал случайный путник: такова была последняя дань уважения сородичей к павшему.

— Пора, — тихо проговорил Драгош, обрывая краткий, но тем не менее значимый траур. — Я и ещё несколько человек отвезём тело домнуле Концепольского в польский лагерь — его люди и друзья имеют право с ним проститься и похоронить так, как им кажется нужным. Затем я вернусь, и мы с вами выждем несколько дней — пусть отгремит тризна, ведь и этого я не могу запретить, не по совести. Но после мы присоединимся к основному войску выступим. И пусть никто не встанет на нашем пути.

— Правильно говорите, — послышалось со всех сторон. — Мы не звери, мы знаем честь, мы не оскорбим память мёртвого.

— То-то и оно, — кивнул Микулэ. — Запрягайте телегу, не думаю, что тут так уж далеко ехать.

***

Часовой не сразу понял, что перед ним. На движущейся к лагерю телеге лежало что-то, похожее на человека, а по обе стороны шли двое высоких и не слишком красивых людей, низко опустив головы.

— Стой! — крикнул воин. — Кто идёт?

— Не тот, кого вы ждёте. Ваш господин умер сегодня, и мы даём вам время на его погребение, — отозвался Микулэ, внимательно посмотрев на него. — Ты передашь это письмо кому-то, кому твой господин был дорог, — он не дал стражу даже рта раскрыть, тут же обернулся вороном и исчез в тёмном небе, за ним последовал и его спутник. Осталась на дороге лишь повозка с телом.

— Кого там принесло? — рядом возник один из воевод, Юзеф Запольский, с сомнением откинул плащ. — Матка боска... — он присвистнул. — А пан-то наш помер.

— Что делать будем? — часовой без особого сожаления вздохнул. — Кого теперь

главным назначать? Вы-то там передерётесь, да и в Варшаве разговоры пойдут.

— Дело говоришь, — Юзеф задумался. — Слыхал я, что Фабиан-то договор с индюком этим немецким заключал. Да тот уж и гроша ломаного не стоит — прекратился, когда одна из сторон отошла, так сказать, в мир иной... Но отчизну защищать надо, — он немного помолчал, что-то решая. — Да, пан Ян, придётся нам с вами письмецо-то передать. Вот что! Я сейчас в столицу ещё с двумя воеводами направлюсь — наших сил хватит доставить пана каштеляна. Пусть они там его похоронят, а дальше-то мы посмотрим, кому главным быть.

— Да кто ж вам даст, немец хитёр, он своего не упустит. Вот увидите, глазом моргнуть не успеете, а у вас уже новый каштелян краковский, — Ян пожал плечами. — Непросто, пан!

— Твоё дело маленькое, попридержал бы язык, — Запольский недовольно скривил губы. — Вот увидишь, следующим каштеляном буду я.

— Не загадывали бы, мопанку, — часовой поклонился. — Но верно, моё дело и впрямь маленькое. Пойду, воевод кликну.

***

— А беда сама в дом идёт... — прошептал Велислав, пробежавшись глазами по письму Микулэ. — Матка божа, Фабиан, конечно, был не слишком приятным человеком, но до чего страшная ему выпала смерть!.. — он тяжело вздохнул и вновь повернулся к воеводам. — Ясновельможная шляхта может пройти в гостиную и подождать там — я должен сообщить о случившемся остальным.

— Поторопись, пан гетман, — ухмыльнулся Юзеф. — Время не ждёт, стригои тем более.

— Пан Микулэ пишет, что даёт нам три дня на погребение, — эхом отозвался Потоцкий. — Думаю, он не станет нас обманывать.

— А какие у вас есть основания ему верить? — спросил другой дворянин, Адам Яблоньский. — Он же не из наших, он дикий. Варвар.

— Варвар здесь только вы, — резко осадил его Велислав. — Какое право, пан Яблоньский, вы имеете говорить о стригоях таким образом?!

— Во время войны не стоит выражать симпатии врагу. Можете быстро оказаться не здесь, а где-нибудь... в местах более мрачных, — Адам недовольно скривил губы.

— Куда уж мрачнее, — криво улыбнулся Потоцкий, краем глаза заметив, как Юзеф положил крепкую руку Яблоньскому на плечо, тем самым прося себя сдерживать. — Я скоро, — пообещал он и в ту же минуту исчез.

— Терпение, Адам, он, как-никак, наш бывший правитель, — Запольский сел в кресло, Яблоньский и ещё один воевода, Марцин Рутковский, последовали его примеру.

— Но мы ему не коронное войско, — добавил последний, вместе с тем глядя спокойно и даже безразлично. — Это стоит уважать.

— Да что вы так к нему привязались? — беспечно заметил Юзеф. — Он сумасшедший, а значит, роли в политике не играет. Спорю на свою саблю, что пан Славек, — он намеренно так произнёс имя Потоцкого и расхохотался своей же шутке, — был всего лишь куклой в руках человека гораздо более умелого и... здорового. Пана нынешнего короля, конечно.

— Смотри, как бы твои речи тебя под удар не поставили, — всё так же поразительно безжизненно произнёс Рутковский. — Здесь и у портретов есть уши.

Запольский поднял голову и столкнулся взглядом с нарисованной, но от того не менее жутковатой Фелисией. На картине ей было двадцать, может, чуть больше, сердоликом горели заботливо уложенные рыжие волосы, бирюзой светились глубокие и большие глаза, а

кожа напоминала дорогой итальянский мрамор — словом, с холста на вампиров смотрела не женщина, а статуя. Холодная, бесчувственная, мёртвая.

— Шутить изволишь, — как-то нетвёрдо произнёс Юзеф, глядя на друга. — Она в гробу лежит который век.

— Да она из него и не вставала, если подумать, — ухмыльнулся Марцин. — Однако я не припомню, чтобы смерть была препятствием для подслушивания чужих тайн. Берегись! Под маской святой скрывается демоница, можешь мне поверить. Говорят, Велислав-то разумом помутился, как она погибла. Однако все знают, панна Любомирская никогда своего мужа не любила... Все, кроме, собственно, несчастного супруга. Как он не заметил?.. Видать, приворожила, — он таинственно замолчал, поймав заинтересованные взгляды окружающих.

— Жаль, у меня не было шанса познакомиться с ней поближе... — похабно улыбнулся Юзеф. — Может, она там и похожа на покойницу, но в те времена все девки были бледные, чем эта-то хуже. Правда, со мной бы ей жилось уж повеселее, чем с паном Славеком-то, я не такой... Правильный да тихий. Интересно, а какова она-то в по... — ему не дали договорить, разъярённый Велислав возник в гостинной и злобно вцепился в горло, поднял с кресла.

— Если только посмеешь договорить, пёс, я тебе язык вырву, — прошипел он. — Ты меня понял?

— Какая хворь тебя взяла, что ты по сей день торгуешься из-за бабы? — в тон ему спросил Запольский.

— Да как ты... — Потоцкий хотел было его ударить, но, заслышав звонкий женский голос где-то поблизости, выпустил.

— Не хочу, чтобы Анна это видела, — зло пояснил он. — Она и так взволновалась.

— Ты говоришь, Концепольский мёртв? — в комнату влетел перепуганный и печальный Матиуш, вслед за ним появилась и тихо-тихо всхлипывающая Анна, поддерживаемая Рихи.

— Как ни прискорбно. Панове шляхта привезла его тело, — глухо ответил Велислав, бросаясь к Вишницецкой. — Анна, девочка, что же ты...

— Оставь, Слаvek, не на людях, — та коротко утёрла лицо кружевным платком, тут же спрятала его и приняла вид гордый, но вместе с тем сдержанный и участливый. — Я выражаю ясновельможной шляхте свои соболезнования. Пан Концепольский был нашей семье добрым другом, — она печально склонила голову и осторожно взяла мужа за руку, выражая так своё с ним единение.

— Позвольте сказать и вам то же, — Юзеф тут же оправился от склоки и поднялся, тут же встали и остальные. — Мы, верно, не представлены, пани. Юзеф Запольский, воевода катовицкий. Это мои друзья и соратники: пан Адам Яблоньский, воевода вольнский, и пан Марцин Рутковский, воевода познаньский.

— Княгиня Анна Вишницецкая, — Анна поочерёдно позволила каждому из них поцеловать себе руку.

— Мы все рады знакомству с вами, — отозвался Запольский. — Так что, пан Вишницецкий, когда похороны? Время сейчас тяжёлое, мы не можем уделить достаточно внимания трауру, вопреки обычаям.

— А, это... — Матиуш обернулся к нему, глядя куда-то в сторону, сжал ладонь супруги, ища поддержки. — Полагаю, завтра, чтобы хоть как-то подготовиться, — его голос дрожал, слабый и неуверенный, а лицо стало ещё бледнее. — Да... Завтра. Думаю, Анджей не откажется помочь нам достойно предать тело Фабиана земле. Правда же? — бессмысленно спросил он у Анны, и та коротко кивнула, обнимая его.

— Страшные времена настали, — вдруг заметил до того молчавший Рихард. — То, что я вижу нарисовано кровью и пеплом. Я слышу, как они кричат...

***

Драгош вернулся в свой лагерь ближе к полуночи. Было свежо, с неба следила за спящими горами яркая золотая луна, то и дело воровато прячась за облаками. Кое-где виднелись маленькие, слабо горящие звёзды, то и дело вспыхивая и тут же бледнея, задувал с востока прохладный черноморский ветер. На Балканах правила ночь.

Было тихо. Воины из отряда Микулэ уже ушли на охоту, и Драгош остался в лагере один. Он прошёлся вокруг, дабы удостовериться, что никого и ничего опасного нет, приблизился к краю утёса, где и располагался его стан, сел на траву, свесив ноги в ущелье.

Не слишком изящные, но тонкие пальцы неловко поднялись вверх, едва ощутимо коснулись кривых шрамов-ниточек, задела веко подёрнутого белёсой дымкой правого глаза.

Урод.

Такое клеймо сопровождало Микулэ большую часть его жизни.

Он сорок дней провёл в каменном мешке, не видя солнца.

Драгош попал к туркам случайно — его сдали его же враги, подложив фальшивые письма к врагам султана, а наместник, фанариот, даже слушать не стал — он всегда был не прочь выслужиться перед верховной властью. Так Микулэ оказался в руках палачей, пытавшихся пытками вытянуть из него признание.

Они изрезали его лицо и тело так, что родная мать бы не узнала.

Драгош слыл красавцем, женщины любили его, а мужчины завидовали. Это было слабым местом Микулэ, и, конечно, нашлись те, кто рассказал об этом его мучителям.

Они ослепили его, когда поняли, что ловить тут нечего.

Драгош полагал, что его вывели в горы, чтобы просто оставить умирать там, но в тот раз что-то пошло не так, и его нашли стригои из клана Мареш. Петру, их глава, лично обратил умирающего от ран Микулэ и дал ему новую бессмертную жизнь. И тот был очень и очень благодарен.

Пытки, конечно, дали о себе знать — остались множественные тонкие отметины, а зрение вернулось лишь наполовину. Не то чтобы стригои обращали на это внимание: они, в отличие от людей, всегда смотрели на то, какой человек внутри.

А мнение снобов-вампиров Драгоша никогда не интересовало.

Где-то рядом послышались тихие шаги, и он резко обернулся, кладя руку на эфес сабли.

— Домнуле Микулэ, это же я, Григор, — сказали ему, и Драгош облегчённо улыбнулся.

— Прости, — коротко извинился он. — У твоего господина слишком много причуд.

— У моего господина слишком много плохих воспоминаний, — терпеливо заметил Григор. — Это вовсе не причуды. Вам просто очень сильно не повезло, разве нет?

— Я предпочитаю не жаловаться, — Микулэ кивнул ему на место рядом с собой. — Все мы здесь прошли через огонь и воду, все мы по-своему несчастны, так зачем говорить о своём горе и тем самым превозносить его выше горя тех, что молчат о нём?

— Рассказать о том, что гложет, не значит сделать собственную боль ценнее прочих, домнуле, — вежливо отвечал его слуга. — Ведь недаром люди придумали исповедь. Я ваш самый верный помощник, но я ничего не знаю о вашем прошлом.

— И не нужно, — покачал головой Драгош. — Моя жизнь была славной, а вот окончилась совершенно противоположно, — он тяжело вздохнул. — Теперь я другой и хочу навек забыть о том, кем считал и видел себя раньше.

— Многие стригои избрали такой путь, — задумчиво отозвался Григор. — Я, впрочем, тоже. Но, верно, есть и те, кому воспоминания важны. Во всяком случае, они их держат так близко к сердцу, что порой пугаешься — это ведь так тяжело.

— Если ты про Вереша, — Драгош дождался кивка и продолжил, — то поверь, он бы дорого отдал, чтобы забыть навсегда.

***

Дарко Вереш стоял на коленях перед старой облупившейся иконой и молчал, сжимая в руках небольшой лист бумаги.

— Она написала мне, Аница, — он поднял глаза на едва различимое лицо с серьёзным взглядом. — Эржебет написала мне.

Святая, конечно же, ничего не ответила, но Вереш знал, что она здесь и слышит его.

— Ты всегда была мне другом, дорогая, — продолжил он. — Да, я любил тебя, но я искал не только жену, но и опору. Ты всегда могла дать мне мудрый и ценный совет, ты всегда могла поддержать меня, знала, что мне делать, когда сам я был бессилен. И по сей день я обращаюсь только к тебе.

На мгновение свет, проникавший сквозь небольшое оконце под потолком заброшенной церкви, померк. Дарко вздрогнул, огляделся. Никого.

— Тебя причислили к лику святых, и ты единственная, кого я чту подобным образом. Ты не отвернулась от меня даже тогда, когда от меня отвернулся Бог! Ты пошла против его воли, ты явилась во сне тогдашнему главе клана и наказала ему спасти меня. Да, Аница, ты хорошо понимала, что месть — это лучше, чем могильный камень, потому что сама так и не сумела отомстить мужу, которого ненавидела. И я благодарен тебе за то, что ты подарила возможность спросить с короля и его людей за преступление мне, — он говорил тихо, едва слышно, пальцы мяли письмо, тут же разглаживая — Вереша сковало невозможное волнение — он действительно ждал весточки от графини Эржебет. — Более того, ты подарила мне жизнь, а значит, я многое теперь смогу успеть! — губы Дарко тронула слабая улыбка. — Да, Аница, пока мы живы, у нас есть время поспорить с судьбой и победить её. Это сложно, но жизнь — всегда борьба, будь то враги или свои же демоны. И я должен жить, — он глубоко вдохнул и поднялся. — Ещё несколько дней назад я погрузился в омут такого страшного и мучительного отчаяния, но теперь... Теперь у меня есть надежда.

Глава сорок первая

В костёле горели сотни свечей, но всякий, кто находился там в тот печальный день, готов был поклясться, что яркое пламя скорее давило, нежели наполняло здание теплом.

Перед алтарём стоял закрытый гроб, покрытый алой тканью с изображением герба рода Концепольских. «Замка печали», высокого и дорогого постамента, никто для покойного строить не стал — шла война, и вампиры постановили не тратить силы, время и деньги на столь пышные, но столь же бессмысленные в своей роскоши похороны — это бы не вернуло почившего обратно.

— Хороним, как скотину, — шёпотом сердился Запольский на ухо стоящему рядом Яблоньскому. — Ни «Замка», ни триумфальной арки, да даже и поминок не устроят, сколько я знаю. Что за позор для такого славного шляхтича, как наш друг!

— Время не то, у нас всего несколько дней до наступления стригоевых войск. Не успеем ничего. Да и сам Фабиан подобного не любил. Ты попомни тот год, когда он становление получил — перед битвой сказал тогда, мол, если умру, то положите в семейный склеп без всяких церемоний — там жена моя, там мои дети, там вся моя родня, а больше ничего и не надо. Не терплю, говорил, лживых речей над покойником, не терплю питания на поминках, не терплю всех этих глупостей! Был да умер, тоже мне повод... — отвечал Адам, прислушиваясь к тому, что творилось у дверей — вот-вот должны были прибыть чета Вишницецких и безумец Милинский.

— Твоя правда. А я всё равно недоволен. Тут и раньше-то Фабиана не любили, могли бы уж хоть напоследок... — зло заметил Юзеф.

— Тише! — осадил обоих до того молчавший Марцин. — Идут.

Под сень собора ступили Матиуш и Анна: они оба были в чёрном и крепко держались за руки, будто боясь потерять друг друга, но вовсе не в толпе собравшихся вампиров, а там, где любые ухищрения и снадобья бессильны — в смерти.

Вслед за ними появился Рихард, неся на руках испуганного и расстроенного Тадеуша, цеплявшегося за его шею. Малыш не понимал, что происходит, но остро чувствовал, как печальны вокруг взрослые, и это заставляло его грустить. Он хотел было заплакать, но всё же не стал, понимая, что маме и так тяжело и что у неё нет сил его успокаивать.

— Рихи, не понимаю, — шёпотом пожаловался он. — Маме больно, папе тоже, тебе никак.

— Хоронят очень важного человека, маленький, — терпеливо объяснил Милинский, протискиваясь к Владу и Раду, стоящим у самой стены. — Он был дорог твоим родителям.

— Что такое? — удивился Тадеуш.

— Это... Это так его провожают в очень долгую дорогу без конца, — Рихард горько улыбнулся, вспоминая, как сам когда-то спрашивал у старой няни, куда делся его отец.

— А где? — ребёнок уткнулся носом ему в шею, и Милинский мягко погладил его по голове, чтобы хоть немного подбодрить.

— Она идёт через тёмный лес, через болота, через горы всё выше и выше, а затем теряется где-то в небе, — пояснил он, чувствуя, как больно становится где-то внутри. Перед глазами встали точно такой же, только немецкий, собор и мрачные лица друзей графа фон Дорна.

— То есть дядя теперь с Богом, да? — как-то слишком громко уточнил Тадеуш, хотя

плохо представлял, что такое Бог — они пару раз говорили об этом с мамой, ходили в церковь, но не более. Однако он знал, что Бог — это хорошо.

Все обернулись на него, зашептались, больше умиляясь хоть чему-то светлому в этом царстве горя и мрака. Вампирам непривычно было раздумывать о Боге или обращаться к нему, но в основном они терпимо относились к тем, кто верил, и княгиня Анна была тому примером. Многие её уважали за доброту и сострадание, за помощь и поддержку, за кротость и открытость, и то, что она исповедовала, было не поводом для порицания, а украшением.

— Это же почему он теперь с богом, юный пан? — ласково спросил кто-то из присутствующих.

— Бог хороший. И дядя хороший — мама пришла его проводить, — наивно ответил малыш, крепче обнимая Рихарда.

— Твоя мама действительно не ошибается в людях, — отозвался Яблоньский. — Панове, в этот скорбный час мы прощаемся с шляхтичем действительно широкой души и храброго сердца, — начал он, подойдя к гробу и встав подле Ловича. — Кому-то он был другом, кому-то — командиром, кому-то — героем, и каждый здесь присутствующий сегодня провожает не просто покойного, но часть своего сердца. Фабиан навеки будет с нами, он останется в наших воспоминаниях и будет восславлен так, как и подобает.

Вокруг снова заговорили, соглашаясь с ним, и Адам отступил в сторону, давая слово Ловичу. Тот доселе молчал, думая о чём-то своём, Рутковский догадывался, каково Анджею было теперь — с одной стороны, Фабиан обманул, увёл его людей, и некоторые из них уже пали, и даже тела не вернулись обратно, но с другой он должен был простить мёртвого и отпустить его грехи, ведь зачем враждовать с покойником?

— Я не могу назвать пана Концепольского другом или братом, — наконец тихо заговорил Лович. — Мы мало виделись, мало говорили... Я не успел его должным образом узнать, панове, — он ненадолго умолк, обводя взглядом замерших вампиров, — но то, что удалось заметить, навсегда оставило его в моей душе человеком если не самым приятным, то по сути своей вовсе не плохим, дельным. Я слышал о его непростой юдоли и говорю теперь пред всеми, что пан Фабиан жил достойно. И на том стою, — он обернулся к гробу и преклонил колени, с несколько мгновений шепча молитву, затем поднялся и вновь обернулся к присутствующим, чётко и печально произнёс: — *Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Requiescant in pace. Amen.*

Те, кто всё ещё верил, повторили за ним, остальные же молча опустили взгляды, постаравшись припомнить о Концепольском что-то хорошее. Так продолжалось недолго, но многим показалось, что тяжесть, горечь, сгустившаяся вокруг, останется теперь навек, так вдруг стало тоскливо. Даже мёртвые сердца могли это ощутить.

На мгновение в костёле потухли все свечи, погружая его во мрак, и тут же зажглись снова, как ни в чём не бывало. В наступившей тишине раздался скрип, отворились тяжёлые двери храма.

Прощание окончилось.

***

Костёл святого Якова Станиславу понравился — он был простым и строгим, но при всём при том по-своему красивым. Мнишек обошёл здание, встал у алтарной стены, любясь колокольной, чей шпиль упирался куда-то в мрачные серые тучи, низко нависшие над Брно. Ветер трепал волосы, пытался сдуть плащ, но Станиславу было всё равно — он оказался

очарован скромной прелестью старого храма.

Мнишек любил Моравию, любил и прочие чешские земли, окрестные края, любил Балканы... Там ему было спокойно и легко, там не преследовал Станислава мрачный призрак убитого короля. Кшиштоф Водлевский так и не отпустил его — он вдруг стал приходить в кошмарах, в обыкновенных скучных снах: садился рядом, неприятно улыбался и терпеливо рассказывал, где и как Стась ошибся. Удивительно, но именно в подобных случаях он умел быть отцом.

— Сын мой, — произнёс Кшиштоф без особого интереса глядя в темноту, — и снова ты доказал всей Речи Посполитой, что ты ещё совершенно мальчишка.

— А ты мне не отец, — Станислав хмурился во сне, он был зол. — Ты надругался над моей матерью, ты заставил нас жить впроголодь, унижаться. А ведь всего лишь покуражиться с красивой девкой хотел, да вот беда: она понесла, так ведь?! Кто из нас мальчишка?!

— Ты, — Водлевский ответил ему совершенно спокойно. — Я понимал, что Невена понесёт, понимал, что не избегу этого. Какая мне разница, с кем спать? Сегодня одна женщина, завтра другая. Это нормально для мужчины моего положения. Невена могла избавиться от плода, могла обратиться к своему воздыхателю. В конце концов, если бы на меня хорошо попросила, я бы запретил своим людям приходить к ней, женился бы и принял тебя...

— У моей матери была гордость! — возразил Мнишек, резко садясь на постели и оборачиваясь к нему. — А ты просто насильник и зверь!

— У твоей матери была гордыня, — легко парировал Кшиштоф. — Думаешь, я не любил её? Думаешь, Дарко её не любил? Станислав, Невена была самой красивой женщиной во всей Сербии, но её душа не соответствовала внешней красоте. Она была избалованной, капризной девчонкой! Она насмеялась над нами обоими! Верещ, конечно, делать ничего не стал, я его понимаю... Но я такого оскорбления не снёс. Я отомстил ей, только и всего.

— Отомстил? Дал всем испробовать её, сам издевался, а потом выгнал беременную?! — Станислав гневно посмотрел на него, в глазах горела огнём ярость.

— Я не отрицаю, что поступил низко, когда позволил своим людям быть с ней, безусловно, — кивнул Водлевский, и в его голосе прорезалась странная обида. — И за это я ни раз и ни два извинился, я вылечил все её раны, я нашёл врачей! Я не трогал Невену всё то время, пока она оправлялась от произошедшего!

— Она говорила, что... — хотел было ответить Мнишек, но Кшиштоф не дал ему договорить, лишь взял за руку и коснулся собственного лба.

— Так смотри же. Ты, как и я, волен читать чужие воспоминания, от тебя ничто не укроется. Я вру, Стась? — тихо спросил он.

С минуту тот молчал, с горькой кривой улыбкой изучая мысли отца, затем фыркнул, скрестив руки на груди.

— Поверь, это не умаляет твоей вины перед мамой, — Станислав опустил взгляд. — Знал бы ты, как она мучилась, как её били, как делали больно... Не поверишь, но даже мне досталось, — он вздрогнул, внутри вновь окутал всё ледяной ужас.

— Тебя?.. — Водлевский нахмурился и вдруг крепко обнял сына. — Прости меня, я не знал. Я... Позволь мне рассказать всё.

— Иди ты к чёрту! — Мнишек вырвался из его рук и презрительно отвернулся. — Ты как был чудовищем, так и останешься. Можешь не оправдываться.

Кшиштоф поднялся, без особого сожаления пожал плечами и растворился в ночи.

Станислав помотал головой, стараясь забыть разговор. Он знал, что Кшиштофу совершенно не жаль, что он лжёт и прикидывается, просто хочет прощённым, только и всего, хочет, чтобы его сын запомнил его отцом, а не просто врагом. Но уж это вряд ли — Мнишек бы ему подобного не отпустил.

Он нашёл нужную дверь, чуть в стороне от главного входа, спустился вниз по широким серым ступеням и оказался в огромной костнице, откуда со всех сторон смотрели на него безглазые черепа. Людям бы стало не по себе, но вот Станиславу было совершенно всё равно.

Ему, в отличие от прочих, досталось бессмертие.

Молодость, красота, ловкий ум, могущество — эти слова пьянили Мнишека лучше самой горячей крови и заставляли нехотя, но благодарить Водлевского за то, что он когда-то дал ему жизнь. Станислав слышал как-то, что есть такое выражение: «Memento mori». Помни о смерти. А вот он лично мог о ней и вовсе не думать. Это ли была свобода? От Бога, от Дьявола, от оков старости и уродства, от вездесущего времени? Безусловно, да. Станислав до сих пор с каким-то мучительным счастьем вспоминал, как бросился вниз с высокого уступа.

...А на дне пропасти оказался цел и невредим.

Это было так невероятно и так прекрасно. Тогда он впервые по-настоящему ощутил свою силу.

Он почувствовал себя Богом.

Лучше Бога.

— Кажется, не на всех церковь влияет так, как должна, — раздался вдруг в тишине мягкий голос Рихарда. — Извини, быть может, ты хотел остаться один, но когда я позвал тебя, мне ответили. И вот я здесь.

— Если бы я хотел остаться один, ты бы об этом знал, — отрезал Станислав и как-то смущённо протянул ему руку. Милинский молча пожал её, слабо улыбаясь, а затем сел на пол и прислонился спиной к прохладному кирпичному перекрытию, откинул голову.

— Тут кости, — осторожно заметил Мнишек, не решаясь расположиться рядом.

— Я вижу, — Рихард пожал плечами и тихо рассмеялся. — Я этого не боюсь и не гнушаюсь — они не так уж плохо выглядят, можешь мне поверить.

— Откуда тебе знать? — с напускным безразличием уточнил Станислав, всё же опускаясь на каменные плиты. — Есть, с чем сравнить?

— Да, в трущобах трупы скидывали прямо в канаву, а дальше гниение и бродячие псы доделывали остальную работу, — Милинский вздрогнул. — Тётки приказали выкинуть меня где-то там, чтобы потом спокойно разделить наследство... Я прожил среди нищих два месяца, затем меня подобрал пан Велислав. Но поверь, и этого хватило, чтобы навеки запомнить, что такое настоящий страх.

— Прости, — Мнишек на удивление мягко положил руку ему на плечо. — Я не думал, что оно так.

— Я не обижаюсь, — покачал головой Рихард. — Это в прошлом. Но есть и настоящее, — он немного помолчал, затем вдруг спросил: — Это ты приказал убить Фабиана?

— Нет, отряды Драгоша действуют сами по себе. Я над ними не властен, — Станислав вздохнул. — Пан Фабиан был по-своему достойным. Мне жаль.

— Это был первый раз, когда я увидел, что даже бессмертие можно победить. Я,

конечно, слышал и раньше, что вампиры могут быть убиты, пусть и не так просто, но сегодня я ощутил, что это в самом деле так. Я не люблю похорон, они вечно путают и печалят меня... А эти окончательно породили сомнение. Я теперь тоже... Помню о смерти, — Милинский говорил спокойно, но чувствовалась в его голосе непонятная горечь.

— Странно, что ты переживаешь это так, Концепольский был тебе никем, — заметил Мнишек, пока не слишком хорошо понимая, что ему хотят сказать.

— Верно. Но для Анны, для двух воевод, для Матиуша он был дорог... Их боль передалась мне, я забрал её, чтобы им было легче. И не успел даже ничего подумать, как затосковал сам. Когда я смотрю на все эти кости, мне делается легче. Здесь они совершенно неодушевлённые, и мне не жаль их, их хозяев. В такие моменты мне думается, что все когда-то окажутся в подобном состоянии, а мир будет жить дальше, как и надо, — Рихард ненадолго замолчал, затем вдруг обернулся к Мнишеку и прошептал: — А когда я смотрю на тебя, на всех вас, я понимаю, что есть те, кто мог бы этого избежать. Но не наверняка. Это так страшно...

— Так вот ты какой... — Станиславу было удивительно видеть его несчастным, видеть его разбитым.

— Я такой всегда, просто не всем можно это видеть. Моя смерть меня меня сломала, я ведь так этого не хотел!.. Я и убивать не хочу, я пью кровь из запасов Вишницецкого, я никого не лишил жизни за это время. Да, я рад быть молодым и красивым, я рад жить всегда, но проходить через то, что прошёл я, ужасно и очень-очень больно... — Милинский поднял на него печальные глаза.

— Мне правда очень жаль, — Мнишек снова почувствовал себя виноватым. — Я не знаю, как ты меня терпишь, Рихард, зачем разговариваешь, когда я вам всем враг. Но я это ценю, — он попытался так поддержать его, но вышло совершенно плохо и невпопад.

— Враг? Пожалуй, — кивнул Рихард. — Но я вне политики, я не езжу в Сейм, я не принимаю участия в войне, я ничего этого не хочу, потому что это гадко. Мне приходят страшные видения, я бы всё отдал, лишь бы они не сбылись! Ты не сделал мне ровным счётом ничего, чтобы я от тебя отказывался. Может, я тем самым ещё сумею что-то изменить...

***

— Анна, — Матиуш устроился рядом с супругой и осторожно забрал из рук шитьё. — Моя девочка, иди ко мне.

Та слабо обняла его и положила голову на грудь, тихо всхлипнула. Она никак не могла до конца оправиться ни от похорон, ни от смерти дорогого ей человека.

— Анна, т-ш-ш, — Вишницецкий мягко пересадил жену к себе на колени и крепко прижал к себе. — Анна, хорошая моя, родная, любимая... Тебе не стоит так переживать, всё уже прошло. Что поделать. Ладно, солнышко?

— Матиуш, мне так тяжело, — Анна уткнулась носом ему в шею. — Матиуш, не оставляй меня! — она вцепилась в него, плечи задрожали. — Я боюсь, что тебя не станет... Я не смогу одна...

— Всё будет в порядке, — тот поцеловал её в затылок, ласково поглаживая по спине. — Я должен уехать, но я клянусь, что со мной ничего не случится.

— Я это понимаю, во всяком случае, умом, — призналась Вишницецкая, пытаясь взять себя в руки. В слабом свете каминного пламени её лицо казалось вырезанным из слоновой кости, а слёзы мерцали подобно самоцветам: аквамаринам или бриллиантам. Даже волосы,

казалось, были сделаны из золота, и Матиуш ужаснулся увиденному: на мгновение ему показалось, что настоящей Анны уже нет, но как только он робко коснулся её щеки, то стало легче — кожа была тёплой и мягкой. Эта кожа принадлежала живому человеку.

— Чего ты испугался? — Анна заметила его замешательство, погладила по плечу и неуверенно поцеловала, чувствуя, как он с удовольствием отвечает ей. Это всё-таки отвлекло её от печальных размышлений и событий сегодняшнего дня.

— Испугался, что ты... Такая же, как покойная пани Потоцкая. Мы с Велиславом несколько раз говорили о ней... Анна, я так боюсь, что ты тоже замёрзнешь! — Матиуш внимательно посмотрел на неё, вновь убеждаясь, что ему всего лишь показалось.

— Я не могу замёрзнуть, как бедная Фелисия, — мягко успокоила его та. — Я же люблю тебя.

— Твоя любовь сделала меня лучше, — Вишнивецкий улыбнулся. — Моя красавица, — он мягко прижался губами к шее, и Анна вздрогнула, тяжело дыша, запустила тонкие пальцы в его волосы, наслаждаясь лаской.

— Ну не здесь, — она нашла в себе силы отстранить его, смущённо покраснела. — Мы же не одни. Тот же Рихи может...

— Погоди-ка, — вдруг нахмурился Матиуш. — А ведь он не возвращался домой, пропал куда-то напрямиком из костёла. Передал Тадю Вацлаву и был таков.

— Час поздний, должен уже вернуться, — согласилась Анна. — Да и предупредил бы, если что... Странно это, да и не впервой...

— Значит, существует в его жизни что-то, о чём мы не знаем, — подытожил Вишнивецкий. — Надо его расспросить, а то беды не оберёмся, коханая.

— Ох батюшки... — вдруг всплеснула руками та. — Я поняла, кажется. Ты прости, что я раньше не говорила, но то всего один раз был, да и войны ещё не случилось... Горе-то какое...

— Что такое, Анна? — Матиуш крепче обнял её. — Не бойся, скажи.

— Он с паном Станиславом говорит, наверное, — тихо ответила Анна. — Вот же повадился, прости Господи... Хватило ума...

— Так, спокойно, — отозвался Вишнивецкий. — Будем решать проблемы по мере их поступления, — тут где-то внизу простучали по лестнице шаги. — Собственно, они уже поступили.

Глава сорок вторая

— Вацлав, посмотри на меня, — Веслилав опустился рядом с другом на скамью и осторожно положил руку на плечо. — Ты сидишь здесь уже несколько часов, хотя никогда не отличался тягой к вере Христовой.

— А кто сказал, что я обращаюсь к богу? — удивился тот, но головы не поднял.

— Тогда почему ты здесь, в храме? — Потоцкий мягко провёл ладонью по его спине, но Вацлав лишь дёрнулся, тем самым показывая, что его не стоило трогать.

— Здесь тихо, — отозвался Левандовский. — А там уже, верно, и поминки справили, а теперь просто пируют и развлекаются. И нет, мне не так уж жаль Концепольского... Но мне жаль Польшу.

— Я не понимаю, — Велислав чуть приподнял брови. — О чём ты?

— До того война была где-то далеко. Где-то не с нами, она тогда ещё не пришла в дома, она даже... Толком не началась. А вот теперь... Теперь мы со щитом, Славек, и эта битва унесёт много жизней. Бессмертных жизней, что самое страшное. Я это допустил, при моём правлении Речь Посполитая умоется кровью! Прочим всё равно, я слышал разговоры шляхты. Им подавай звон орудий и конское ржание, они хотят помериться силой с врагом! Но они вовсе не думают, что на самом деле в этом нет ничего хорошего, что это очень грязная вещь, — Вацлав тяжело вздохнул. — Я хотел быть просвещённым королём, я хотел Польше нового и верного. Но увы, прочие не разделяют моих желаний.

— Мне жаль, — Потоцкий понимающе кивнул. — Я понимаю, что ты не этого ждал, когда захотел править. Однако теперь уже ничего не поделать, это твой крест.

— Ты прав, я не имею права отказаться, — Левандовский вдруг спрятал лицо в ладонях. — Знал бы ты, как я устал... Я... — он умолк, и плечи его затряслись. Вацлав плакал. Велислав хотел было обнять его, но всё же не стал, понимая, что Левандовский подобного не терпит.

Так прошла пара минут. Наконец Вацлав вскинул голову, и стало видно, что он уже совершенно спокоен. На губах застыла привычная вежливая улыбка, но в чёрных зрачках Велислав невольно прочёл лёгкую горечь.

— Не пристало, — коротко сказал Левандовский, поднимаясь. — Идём, мне есть, что тебе показать. Бумаги Водлевского. И я обнаружил там крайне любопытные записи...

— Только не открывай их всем, — тихо попросил Велислав. — Да, король был не слишком благороден и хорош, но всё-таки он король.

— Бывший, — заметил Вацлав, чувствуя наконец желанное превосходство над Водлевским.

— Мёртвый, — эхом ответил Потоцкий. — Если ты не можешь уважать его право на корону, то пусть это будет право на светлую память.

— Изволь, — нехотя согласился Левандовский. — Я принимаю твой совет. Но всё же есть люди, которые должны это знать, и ты в их числе.

— Хорошо, конечно, — Велислав едва заметно кивнул. — Я так понимаю, это как-то связано с паном Мнишеком.

— Что ты знаешь? — Вацлав удивлённо вскинул бровь и ухмыльнулся. — Велислав, только не вздумай его жалеть...

— Я не жалею, но сочувствую. Станислав ни в чём снисхождении не нуждается, —

покачал головой Потоцкий. — А что я знаю... Нетрудно было догадаться, если честно. Он сын погибшего короля.

— Откуда ты?.. — начал было Левандовский, но Велислав его перебил.

— О, я неплохо помню ту ночь... — ответил он. — Я как раз оказался поблизости.

— Молчите, — Станислав сжимал в руках окровавленный кинжал.

— Дело уже сделано, не вижу причин кому-либо об этом рассказывать, — эхом отозвался Потоцкий, стоя у окна. Светила бледная луна, и она жутковато, но вместе с тем красиво подсвечивала его лицо. — Оставьте кинжал там, пусть думают, что это дело рук господина бога, — продолжал он. — Я так понимаю, это из Иерусалима? Вполне подойдёт. Многие поверят, что сами небеса расправились с этим дьяволом. А те, что не поверят... А кто их, собственно, станет слушать?

— Почему вы мне помогаете? — удивился Мнишек, в его серо-голубых глазах Велислав прочёл недоверие и непонимание.

— Этот человек, убил детей Дарко Вереша и сломал нашу с ним дружбу. Мне остаётся только приветствовать вас, — усмехнулся Потоцкий. — Будет мило с вашей стороны, если об этом разговоре никто не узнает. У меня всё-таки эта... Присяга.

— Нынче не в цене? — попытался пошутить Станислав.

— Присяга такому королю и ломаного гроша не стоит, — фыркнул Велислав. — Идите. Скоро сюда сбегутся все, а вам это ни к чему.

— Ты бываешь... крайне непредсказуем, — Вацлав внимательно посмотрел на него. — Опасно иметь такого врага.

— Потому ты со мной дружишь, — Потоцкий с лёгкостью выдержал его взгляд. — Идём, мне не утро отправляться. Дело же не терпит отлагательств.

***

— Ты где был? — Матиуш цепко схватил Рихарда за локоть и отвёл в гостиную, где ждала Анна. — Рассказывай и не отпирайся, тебя уже всё равно сдали.

— Анна, как ты могла? — деланно обиделся Милинский.

— Матиуш мне муж, — виновато пробормотала та.

— О, это, безусловно, меняет дело, — серьёзно ответил Рихард. — Вот именно поэтому не завожу подобных отношений! — ехидно добавил он.

— Хотел бы я посмотреть в глаза тому, кто заведёт тебя, — осадил его Вишнивецкий. — Ну так ты не отнекивайся. Где был?

— Какая разница? — Милинский гордо отвернулся. — Я, между прочим, полноправный вампир, гуляю, где хочу и с кем хочу.

— Но не с главным противником, — строго сказал Матиуш.

— Зачем спрашивать, если всё знаешь и сам? — удивился Рихард, делая вид, что ему крайне интересна каминная кладка.

— Я не знаю, до чего вы договорились, — Вишнивецкий устало опустил плечо рядом с супругой.

— Мы беседовали о вечном. О смерти. О чём угодно, кроме политики, — нехотя признался Милинский. — Только и всего, не надо на меня так смотреть. Что я нарушил? Это какой-то грех? Поздно, я уже нагрешил так, что век не узнаю прощения!

— Рихи, ты не понимаешь... — слабо прошептала Анна, недовольная и напуганная этой сценой.

— Моя жена тебе потакает, потому что слишком привязалась, это её право, но я не

буду, — продолжал тем временем Матиуш. — Ты доверчив и добр к другим, ты много сострадаешь, и это может привести к страшным вещам! С чего тебе знать, что Мнишеку просто не с кем поговорить? Может, он использует тебя? Хочет таким образом воздействовать на нас. Он убийца, он!..

— Не говори о том, чего сам не знаешь! — неожиданно воспротивился Рихард. — Хватит! Ты его видел всего один раз. Нельзя вот так вот, за глаза, кого-то клеймить!

— Я понимаю, что вы могли неплохо сойтись, но послушай, — начал Вишнивецкий уже более мягко, даже вкрадчиво, — а если он тебя обманывает?

— Нет... — глухо ответил Милинский. — Ну зачем ты всё это рассказываешь...

— Матиуш, прекрати, и так ясно, что они оба отдушину в этом нашли, не больше, — Анна поднялась и подошла к Рихарду, обняла за плечи. — Рихи, ну всё, Матиуш не со зла, он просто переживает. Ты у нас такой хороший, такой родной, никто не хочет, чтобы тебе было больно, понимаешь?

— Прости, если я был резок. Я не желал обидеть. Просто... я и впрямь не хочу, чтобы твоя доброта тебе вышла боком, — Вишнивецкий на пару мгновений осторожно обнял их обоих.

— Я тоже не хочу вас подводить, — тихо отозвался Рихард. — Простите, я больше не буду.

— Да бог с тобой, мы никому не скажем, беседуйте, сколько влезет, — Матиуш устало вздохнул. — Станислав, в сущности, та ещё заблудшая душа. Куда ему... Даже у такого чёрствого человека не хватит духу использовать того единственного, кто его слушает и принимает... всяким.

— Я тоже в это верю, — согласился Милинский. — Спасибо вам. И я вовсе не обижаюсь.

— Солнышко ты наше, — Анна мягко погладила его растрёпанным кудрям и выпустила из объятий. — Идём, на кухне для тебя пироги оставили. Твои любимые.

— Анна, напоминаю, что моё предложение очень даже в силе, — Матиуш поймал её смущённый взгляд.

— Ну ты и сам сходишь, правда? — та мгновенно покраснела, прильнула к мужу.

— Безусловно, не заблужусь, — не стал стеснять их своим присутствием Рихард. — Вот именно поэтому я не женат! — многозначительно добавил он после недолгого шутиливо-укоризненного, но молчаливого взгляда на Анну, уже будучи где-то на лестнице.

— Хотел бы я посмотреть на эту твою жену! Если это вообще возможно, — беззлобно отозвался Матиуш, чувствуя, как смеётся супруга, уткнувшись носом в ему в шею.

— У тебя своя есть, на неё и смотри, — ответили ему. — И вообще, если бы да кабы... сам знаешь, что бывает.

— Что? — удивился Вишнивецкий.

— Не знаю! У себя спроси, сказал же, — посоветовал Рихард, в конце концов исчезая в другой части дома.

— Анна, я безумно люблю тебя, — дождавшись, когда всё стихнет, нетерпеливо и довольно выдохнул Вишнивецкий, глубоко целуя супругу.

***

— Ну что же, панове шляхта, мы с вами на пороге непростого решения, — мрачно произнёс Запольский, стоя спиной к друзьям. Он смотрел вниз на площадь и хмурился, что-то взвешивая в уме.

— Ты не будешь присягать новому королю? — удивился Яблоньский, отвлекаясь от книги. — Это опасно, Юзеф, всем известно, какой ты бунтовщик.

— Бунтовщиком был Хмельницкий, я же просто помогал тем, кому выгодно было помогать, — оскалился тот, резко обернулся. — Я хотя бы воевал, когда вы двое отсиживались за стенами Збаража.

— Когда князь Иеремия приказал, мы обнажили сабли и встали против врага, — покачал головой Рутковский. — До того мы не имели права вольничать.

— И вам не стыдно? Вы, бессмертные вампиры, подчинялись какому-то полоумному князьку! — фыркнул Запольский. — Где он теперь? В гробу! А на вас навеки осталось пятно позора.

— Нет ничего такого в том, чтобы самому выбирать себе господина и подчиняться его приказам. Водлевский был не лучше, он был хуже! И тогда мы выбрали земного владыку, — жёстко ответил Адам.

— А теперь будете готовы подчиняться Левандовскому? — деланно удивился Юзеф.

— Конечно, нет, мы все ведём свой род от Ягеллонов. Вацлав же здесь никто, так, не слишком родовитый шляхтич с тугим кошелем. Он нами командовать не будет, клянусь честью! — надменно произнёс Яблоньский.

— Тогда кто же? Больше половины солдат не наши и слушать не станут. Вспомни, они пришли к нам и велели от их имени присягнуть достойнейшему, — весомо заметил Марцин. — А раз мы хотим защитить свою страну, то должны это сделать.

— А кто сказал, что хотим? — вдруг парировал Юзеф.

— Дорогой друг, мы поймём измену королю, но вот измены Речи Посполитой мы не потерпим, — вкрадчиво осадил его Адам. — И войско тоже. Если не король, то кто?

— Мы выкликнем Вишницецкого, — неожиданно произнёс Рутковский. — Он и князь, и лучший друг покойного и человек не промах. Во всяком случае, он умеет как и спорить с Вацлавом, так и не ссориться. Он не дурак, во всяком случае, теперь.

— Вишницецкого? — Запольский ненадолго задумался. — Ну пусть так, пусть так. Мне даже интересно будет посмотреть, на что он способен, — на мгновение в его глазах мелькнуло что-то непонятное, но отчего-то ужаснуло Марцина и Адама. Они неплохо изучили своего друга и знали: после таких взглядов добра не жди.

— Завтра же мы сообщим об этом королю, — кивнули они.

***

— Раду, нам надо попробовать договориться с Верешем, — Влад стоял над картой и то и дело передвигал войска туда-сюда, пытаясь просчитать возможные последствия, словно это были шахматы.

— Каким образом? Наше соглашение уже... перестало таковым быть. А больше рычагов давления у нас нет, всё-таки, ты не властен над стригоями, милый брат, — усмехнулся тот, поигрывая изящным османским кинжалом.

— Зато у меня есть племянница, — пожал плечами Дракула. — Да, их занятая переписка, едва начавшись, уже явно приносит свои плоды.

— Не используй её любовь! — резко осадил его Ливиану.

— Нет, Эржебет на подобное не способна, во всяком случае, сразу, — покачал головой Владислав.

— В таком случае, не используй её чувства, — прошипел Раду. — Ты даже не представляешь, как это больно, Влад. Я-то хорошо помню, как ты в своё время сыграл на

моих...

— Прости, — отозвался тот. — Мне правда жаль, что тогда я повёл себя... Так.

— Мне не нужны извинения, но ты должен кое-что пообещать, — попросил Ливиану. — Пожалуйста, Влад, не используй Эржебет в своих играх. Она почти не увлекается политикой, я думаю, стоит уважать это её право.

— Хорошо, я обещаю, — Дракула подошёл к нему и положил руку на плечо. Раду опустил ладонь поверх неё.

— Спасибо. Я наконец начинаю тебе верить, — тихо заметил он. — Не предай моего доверия снова.

— Как и ты моего, — ответил Влад. — Пожалуйста, Раду, у меня, кроме тебя и Эржебет никого нет, да и то... Я думаю, когда война кончится, она обретёт близкого человека. Я не хочу быть один, брат, ты нужен мне.

— Ты тоже всегда был мне нужен. Особенно после смерти Мирчи, — прошептал Ливиану. — Вся наша семья погибла. Нам и впрямь стоит держаться вместе. Как и завещал отец.

— Да будет так, — выдохнул Дракула. — А теперь вернёмся к войскам.

***

— Мой господин? — Ганс выжидающе смотрел на Штрауса. — Вы что-то задумали?

— Ну в общем-то... — Максимилиан пожал плечами. — Да.

— Наживёте себе бед! — старый слуга тяжело вздохнул и забрал со стола стопку книг, принялся расставлять по полкам. — Вон сколько всего понабрали, да ещё какого! Кого закладывать-то будем?

— Пока никого, но козыри никогда не помешают. Я пытаюсь узнать, кто приходится отцом нашему юному врагу. И, конечно, я хочу найти что-нибудь, чтобы хоть немного сравняло наши силы с такой армией, как стригои. То, что там начудил Вишнивецкий, конечно, тоже неплохо, но... это так. Потуги надыхаться перед смертью. А вот древние ритуалы — уже что-то.

— Не начинали б вы, — поёжился Ганс, глядя, как на словах «древние ритуалы» луна ненадолго скрылась за облаками. — Помним, попадали уже. Я вас насилу вытянул тогда.

— Я был молод и неосторожен, — возразил Штраус. — Теперь опыта у меня явно больше.

— Ну как молоды... Триста годков уж точно исполнилось, — уверенно ответил Ганс. — И не надо тут мне говорить, что нынче вам в два раза больше, и море по колено. Я вашей матушке клялся, что сам пропаду, а вы живы останетесь да здоровы! Не подводите старика.

— Твоему ворчанию нет предела, — усмехнулся Максимилиан. — Так уж и быть, если найду что-то, позову тебя, мой верный Ганс.

— Так-то, — одобрительно кивнул тот.

Глава сорок третья

Драгош едва успел убраться в тень, как всё вокруг залил неяркий солнечный свет — тучи ненадолго разошлись под силой холодного ветра. Было утро, над горами лежал белёсый туман, в траве блестела роса, и не было слышно ничего, кроме крикливых беркутов да шума хвойного леса. Микулэ какое-то время вслушивался, затем поднялся и обошёл спящих воинов, удостоверяясь, что всё в порядке. Им было непросто поменяться: научиться бодрствовать днём и не бояться выходить на солнечный свет. Но его люди справились, и Драгош гордился ими.

Сам он кровь вампира пока не пил — кое-что ему мешало. То была кровь Фабиана. Григор постарался, чтобы его господину досталось самое лучшее, и принёс ему полную флягу в тот же день, но Микулэ так и не решился это попробовать. Ему отчего-то было стыдно.

Драгош по праву считал себя человеком войны и не замечал за собой излишнего милосердия, но даже у него была совесть. И она говорила, что воспользоваться слабостью ещё живого Фабиана и забрать его кровь — это неправильно. Да и касаться мёртвого бы он не стал — Микулэ слишком уважал его заслуги.

Однако выхода у него не было. Драгош снова посмотрел на флягу, взял, покрутил в руках, всё же откупорил. Будь это кровь одного из погибших шляхтичей, он бы даже не сомневался.

Но всё-таки Концепольский был чем-то большим, чем просто шляхтич, и заслуживал почтения.

— Пейте, мой господин, — раздался над ухом голос верного Григора. — Пейте, прошу, никто, кроме вас, не может встать во главе отряда.

— Хорошо, — Микулэ быстро опустошил флягу и вздрогнул, чувствуя, как внутри разгорается так давно забытое тепло. — Что это, Григор? Что со мной? Внутри словно зажгли давно не использовавшийся камин.

— Это сила, мой господин. Сила тех, кто вечно задирает нос и гордится своим совершенством. Как видите, нас друг от друга отделяет лишь пара глотков, — отвечал тот.

— На самом деле, гораздо большее, — покачал головой Драгош. — Впрочем, это сейчас не важно. Важно то, что мы готовы присоединиться к основной армии и наступать на Варшаву. Полагаю, удача будет на нашей стороне, солнца там немного, осень. А даже если и нет, то ничего. Днём нас не найдут, мы научены прятаться. Ночь же — это наша стихия.

— Вампиры настолько разленились, настолько очеловечились, что и забыли, кто они на самом деле, — согласился Григор. — Они не используют свою силу, они даже кровь хранят в бутылках, словно вино, предпочтя науки и светский лоск охоте и мести.

— Не нам их судить, — коротко осадил его Микулэ.

— Простите, — извинился Григор. — Вы молоды, домнуде, я же старый стригой, я ещё знавал короля Белу! То-то были времена...

— Говорят, он сгинул три века назад, — задумчиво отозвался Драгош.

— Враки, всё враки, он был не таков. Наверняка живёт себе припеваючи в предместьях Будапешта и горюшка не знает! — Григор тяжело вздохнул, но слова его звучали уверенно и твёрдо.

— Он ведь вампир, — Микулэ тихо усмехнулся.

— Пусть так, но он покровительствовал стригоям и много для них сделал. Он не чурался ничего нашего, — отвечали ему.

— Это же он был отцом-обращающим домнуле Вереша? — они вышли из пещеры и медленно приблизились к сбегавшему куда-то вниз ручью, остановились.

— Верно. Сколько помню, всегда вместе были. Домнуле Вереш правил, а домнуле Арапад подсказывал да нашёптывал, — серьёзно поведал Григор. — Раз только разминулись — тогда-то король и пропал. Но не верю я, что его поймали и убили. Чертяка Корвин на это не способен, руки коротки!

— Корвин... Мне донесли, что его человек попытался убить Влада Цепеша, — припомнил Драгош.

— Какое там!.. Корвин носу не кажет из Вены, пригрелся у императорского трона. Что ему делать у нас или в Польше? Слабоват, — возразил Григор, гордо подняв голову. — Знаем, бивали!

— То есть ты готов утверждать, что кто-то его подставил, чтобы оставаться в тени? — Микулэ удивлённо вскинул бровь, даже как-то насмешливо глядя на слугу. — Ты слышал обо всём этом от меня, причём только сейчас. Разве можешь знать наверняка?

— Я знаю Корвина и знаю, какие змеи окружают польского короля. Все раньше сидели за столом домнуле Мареша, пока тот ещё был силён, — Григор ухмыльнулся. — Я думал, что воздух целиком отравлен их ядом, так они были гадки...

— Кто все? Ты теперь уж не отделаешься от моих вопросов, — Драгош устроился на прохладном валуне, закинув ногу на ногу, скрестил руки на груди.

— Ну как кто... Если пан Концепольский всё за домнишоарой Ружей увивался, то у нашего домнуле я видел троих: Запольского, Яблоньского и Рутковского. Они тогда в Брашове неплохо погуляли, добрый был год! — беззаботно отвечал Григор, припоминая былое веселье.

— Так ведь они вампиры, — Микулэ было непонятно, почему так вышло.

— Верно. Да только тогда был не король Вацлав, который изящный да вычурный, как девка на свадьбе, а король Кшиштоф, который нашим глотки рвал... Хоть и низкий он человек, хоть и как турок, а всё ж лучше. Помнил, кто он есть, да в красоту пустую не пускался, — Григор объяснял так, словно это было само собой разумеющееся.

— И что? — Драгош был терпелив, но в то же время ему было интересно.

— Ну не любили его особо. Только те, кого он сам обратил, да те, что боялись, а вот воеводы нос воротили, мол, не хотят такому варвару подчиняться. Сами-то не лучше, вы не подумайте, домнуле, что я их хвалю! — неторопливо рассказывал Григор. — Ну, господарь Мареш их терпел, привечал, понимал ведь, что пригодятся ещё. Так и домнуле Вереш Концепольского никогда не выгонял... Были времена!

— А потом Водлевский напал, Ружу и Звонимира убили, Вереша спасли, а вампирь окончательно рассорились со стригоями, — подытожил Микулэ.

— Ну да, — согласился Григор. — Да и раньше-то особой дружбы не было, воевали не раз... Но тут король на святое покусился... Домнишоара-то и домнуле Верешу были дороже всего золота, что есть в его сундуках, дороже его жизни!

— Ну откуда Водлевскому было это знать? У него детей никогда не было, а обращённых он таковыми не считал, — Драгош печально улыбнулся — он был дружен и с Ружей, и с Звонимиром, и тосковал по ним.

— Ваша правда, — Григор кивнул. — У него и жены не было, так, девки на одну ночь.

Ну, слышал, он гарем держал, точно турок, говорю же! А детям у него быть неоткуда — хлопотно!

— Ну да, — Микулэ расхохотался. — Да и ему незачем, не тот человек.

— Посмотрел бы я на это, — фыркнул Григор.

— Впрочем, что-то мы заговорились, — Драгош глянул в сторону лагеря, где уже просыпались его воины. — Идём, пора в путь, домнуде Вереш нас ждёт.

— Так он-то и потерпеть может, а мы бы поохотились, — посетовал Григор, с сожалением глядя на небольшую деревеньку внизу.

— Его новый... союзник ждать не любит, — Микулэ подавил желание закатить глаза — так ему надоела горячность серба Станислава Вранича.

— Так бы сразу и говорили, — Григор поднялся.

— Много чести, — буркнул Драгош, также вставая и направляясь вслед за ним.

***

— Пане, я рад вас видеть, — Вацлав деланно-вежливо улыбнулся воеводам. — Полагаю, вы пришли не просто пожелать мне доброго утра.

— Вы догадливы, — Юзеф криво улыбнулся. — Мы пришли вам сообщить, что если вы думаете, что сможете нами управлять теперь, после смерти пана каштеляна, то лучше не думайте.

— Следите за языком, пан Запольский, вы говорите с королём, — прошипел Велислав, в его глазах загорелась пожаром ярость, а бледная ладонь легла на эфес шпаги.

— Я просто напомню, что покуда присяга не состоялась. Так вот, мы не присягнём, покуда не увидим над собой достойного командира, — спокойно продолжал Запольский.

— В моей власти приказать вас сейчас же схватить, — Левандовский обернулся на собственную стражу, готовую к бою.

— Но вы этого не сделаете, потому что тогда окончательно потеряете армию, — парировал Юзеф. — Ещё вопросы?

— В моей власти приказать им повиноваться мне силой свыше, — Вацлав вновь почувствовал, как земля точно вылетает из-под ног — в настолько шатком положении он оказался.

— Если вы пытались пошутить таким образом, то, боюсь, не вышло, — Запольский криво улыбнулся. — Надеюсь, это всё, а то моё терпение подходит к концу.

— Кого вы хотите видеть над собой главным? — Левандовский впервые серьёзно проиграл и отменно это понимал, знал, что уже поздно спорить и отбиваться — эти люди ему больше не подчинялись.

— Да хоть пана Вишницецкого, — отозвался Юзеф, и названный вздрогнул. Доселе он стоял в тени за тронем, за правым плечом короля, а теперь вдруг стал должен выйти вперёд и тоже решать.

— Право, панове, я не военный человек, — Матиуш говорил осторожно и даже заискивающе. — Я учёный, я, может, политик, во всяком случае, мне приходится им быть, но я не могу управлять целой армией!

— И тем не менее мы будем подчиняться только вам, — Запольский ухмыльнулся. — Ну не оскорбите же вы нас своим отказом? Ведь Речь Посполитая может остаться без защитников в таком случае.

— Если вы потерпите общество пана Велислава, то я с удовольствием приму ваше предложение, — Вишницецкий взял себя в руки и более уже не терял самообладания.

— Потерпим, — ответил Юзеф без особого сожаления — это уже были мелочи.

— Так значит, так тому и быть, — Матиуш коротко улыбнулся.

Когда воеводы ушли, он устало вздохнул и обернулся к Вацлаву.

— Прости, у меня не было выбора, — виновато улыбнулся, пожал плечами. — Я не мог отказать.

— Я понимаю, — Левандовский поднялся и подошёл к нему. — Да только одного не уразумею: как так вышло, что ты, едва им знакомый, вдруг оказался дороже, чем я?

— Так и вышло. Они знают тебя настолько хорошо, что не хотят иметь с тобой дел, — безразлично отозвался Велислав.

— Они знают не меня, а мою родословную. Многим достаточно этого, чтобы больше никогда не здороваться, — фыркнул Вацлав. — Впрочем, получили то, что и должны были, Влад предупреждал, что так и будет. Не вижу повода удивляться.

— Мне крайне интересно, с каких это пор ты стал слушать кого-то ещё, кроме себя? — Велислав тем временем устроился на троне — ему прискучило стоять позади него подобно тени. Вацлав странно, даже испуганно посмотрел на него, тихо уточнил:

— Не прочь вернуться обратно?

— Ни в коем случае. Просто посидеть захотелось, — Потоцкий прикрыл глаза. — Что ж, Матиуш, я советую тебе проститься с Анной и Тадю, через пару часов нас уже здесь быть не должно.

— Д-да, верно, — Вишнивецкий коротко кивнул, ему было тяжело осознавать, что теперь они с Анной нескоро свидятся.

— Я понимаю твои чувства, — Велислав встал, приблизился к нему, положил руку на плечо. — Я тоже когда-то так... — он вздрогнул и замолчал, что-то вспоминая, на губах застыла болезненная и горькая улыбка, взгляд сделался пустым.

— Я надеюсь, ты не повторишь моей судьбы, — всё же продолжил Потоцкий, а затем быстрым шагом вышел из тронного зала, так и не обернувшись ни на Матиуша, ни на Вацлава.

— Я боюсь предположить, что конкретно он увидел, — прошептал в наступившей тишине Левандовский.

***

— Я знаю, что ты не спишь, — Кшиштоф прокрался в тёмный шатёр и присел у изголовья походной постели, почти что по-отечески провёл ладонью его волосам, но получилось как и всегда: совершенно безразлично и будто бы издевательски. Другого Станислав, прочем, и не ожидал, ведь понимал, что отец его никогда не любил.

«Он хотя бы не против, чтобы ты его так называл», — услужливо подсказала память.

Мнишек всякий раз ей возражал, приводя в опровержение причины матери. Но какая-то застарелая, словно бы детская обида просыпалась в нём всякий раз, когда до этого доходило. В конце концов, долгое время он хотел просто любящую семью и больше ничего.

Ему и этого казалось много. А теперь он возжелал иного.

— Ты меня разбудил, — хмуро ответил Станислав. — Знает он...

— Не суть, — Водлевский вздохнул. — Я пришёл поговорить.

— Чего это тебя вдруг тянет на раскаяние после смерти? Ты меня не любил никогда, ты хотел меня убить, так что не стоит сейчас ломать комедию, — отрезал Мнишек, усаживаясь на кровати.

— Ради бога! — Кшиштоф отвесил ему лёгкий подзатыльник. — Я перед тобой не

пресмыкаюсь и прощения не прошу — право на это имела только твоя мать. Я просто хочу, чтобы ты услышал и мою правду.

— Зачем? Ты так старался от нас избавиться, так старался, чтобы мы больше не появились в твоей жизни, и теперь говоришь что-то о правде!.. Смешно, — Мнишек презрительно глянул на него. — Нет, ты объясни, объясни, я, может, чего не понимаю.

— Ну для начала я просто хочу, чтобы ты понял, что в жизни нет хороших и плохих, — ответил Водлевский.

— Ну вообще я уже не маленький и хорошо это понимаю, спасибо за заботу, — ядовито отозвался Станислав. — Оправдаться не получилось. Ещё?

— А ещё я просто хочу, чтобы ты знал правду. Знаешь, тяжело жить с осознанием как вины, так и того, что тебя оклеветали, а Невена сделала именно это. Каждый имеет право на последнее слово, — Кшиштоф печально посмотрел на него.

— Ты своё тогда сказал, — покачал головой Мнишек. — Я отменно его помню, можешь быть уверен.

— И всё-таки, — Водлевский положил прозрачную ладонь ему на плечо. — Я у тебя доселе ничего не просил.

— Нет, — Мнишек толком не знал, хотел он тем самым убежать от этой правды или действительно боялся и не мог верить отцу.

— Попытка не пытка, — Кшиштоф снова не стал сожалеть, лишь поднялся и поправил камзол. — Удачного боя.

— Чтоб тебя черти изжарили, — с неприятной улыбкой пожелал Станислав.

— Обычно говорят спасибо или что-то вроде того, — поправил Водлевский и тут же растворился в утренней тиши.

Мнишек устало упал на подушки и едва подавил желание закатить глаза — ему порядком надоели эти попытки замолить грехи. Более того, ему совсем не нравилось, что после этих разговоров в его душе вдруг появились сомнения о том, правду ли говорила его мать. У него не было поводов ей не верить, но и у Кшиштофа уже не имелось причин лгать — он был давно мёртв.

Впрочем, времени размышлять о том, кто прав, а кто виноват, толком не было — его ждали войны.

Но всё же куда-то внутрь закралась мысль о том, что виноваты, пожалуй что, они оба. И даже сам Стась.

Глава сорок четвёртая

Матиушу было одиноко. Он впервые по-настоящему прочувствовал, что это такое, только оказавшись в стане войска польского. Вишнинецкий привык, что всегда найдётся кто-нибудь, кто будет рядом, что вовремя утешит его и развлечёт, но теперь такого человека поблизости не находилось. Велислав, отправившийся вместе с ним, на эту роль вовсе не подходил, да и Матиуш боялся навязываться — он хорошо представлял, что сейчас вспоминает несчастный гетман, что пробуждается в его душе, и он не мог потревожить этого молчаливого траура: как и по покойной Фелисии, так и по самому себе.

Вишнинецкий много размышлял, пытаясь понять, как другие справляются с этой страшной пустотой внутри, с ощущением нетвёрдости земли под ногами. Он вдруг подумал об Анне: как она себя чувствовала, зная, что её не любят? Как она себя чувствует теперь?

Странно и непривычно было осознавать, что лишь став вампиром, он смог почувствовать себя человеком, смог ожить и начать по-настоящему расти над собой, стать кем-то, кем могли бы гордиться не только окружающие, но и он сам. Видимо, смерть и впрямь меняет, если удаётся её сразить.

А ведь в смерти Матиуш был до ужаса одинок. Хотя... Нет, не так. В смерти с ним был тот самый бог, о котором в тот день говорила Анна. Тот, кого Матиуш отрицал со всей возможной силой. Тот, кто остаётся, когда никого другого уже нет.

Сейчас же тут, среди лязга оружия и разговоров солдат, его не было.

Видимо, этот бог не любил войну.

— Удивительно, но людям Фабиана в целом знакомо понятие порядка, — как бы между прочим обронил Велислав, оглядывая лагерь. — Тебе придётся не так тяжело, как я думал вначале.

— Д-да, — Вишнинецкий не видел себя среди битвы, не представлял, как ему повелевать такой силой, не знал, как заставить людей слушаться себя. Для войска он наверняка оставался лишь каким-то избалованным князьком из столицы.

— О, Матиуш, — перед ним будто из ниоткуда возник Рутковский. — Рад вам. Идёмте, я представлю вас войску. Я верно помню, что ваш дед, князь Мечислав, когда-то сражался против татар, пришедших из Крыма, и сильно в этом преуспел?

— Да, это так. Тётушка часто рассказывала мне о нём, — Матиуш неестественно улыбнулся, скрывая за этим невозможное волнение.

— Значит, вы знаете, на кого равняться, — Марцин указал рукой на большой шатёр в центре. — Прошу, вам нужно переодеться и взять оружие. Здесь вы не холёный дворянин, а гордый и властный шляхтич. Надеюсь, вы против контуша и жупана не возражаете.

— Не возражаю, — ответил Вишнинецкий, внутренне чуть поёжившись: всё-таки не для того он ратовал за всё новое, чтобы теперь получить взамен костюмы, что предпочитала старая шляхта.

— Славно. Тогда я жду вас через полчаса здесь же. К вам теперь представлен слуга, Войцех, он будет помогать и оберегать, может что-то объяснить или подсказать. Это пока всё, о прочем позже, — Рутковский на мгновение склонил голову, а затем вновь пропал куда-то по своим делам.

— Ты посмотри-ка, а меня будто не замечают, — Потоцкий на удивление весело усмехнулся. — Попробую себя в роли серого кардинала. Если что, я в соседнем шатре. А ты

иди, приобщайся... к старым обычаям.

— Иного выхода у меня нет, — Матиуш тяжело вздохнул.

Войцех ждал его у самого входа. То был среднего роста темноволосый воин, видно, вовсе не богатый и не родовитый, раз уж ему дали такую службу. Он низко поклонился и откинул полог, таким образом приглашая своего пана зайти.

— Спасибо. Меня зовут Матиуш Вишнивецкий, обращаться можешь так, как тебе угодно, в этом отношении я довольно давно неприхотлив, — произнёс тот.

Слуга снова поклонился.

— Я не против, когда мне отвечают словами, — Матиуш ободряюще улыбнулся, думая, что перед ним человек совсем уж старых привычек.

Войцех закатил глаза и понимающе кивнул, затем вдруг взял его за руку, на мгновение сжал, выпустил, и тут же в голове у Вишнивецкого прозвучало: «Видимо, они не посчитали нужным сказать, что я немой. Общаться же могу только так, мыслью. Хотя пользуюсь этим редко — не с кем, знаете ли, пан».

— Ах вот оно что... — Матиуш с трудом подавил недовольство и всё так же спокойно продолжил:

— Что ж, сожалею.

«Полно, толку от этого мало. Живой — уже спасибо», — коротко отозвался Войцех.

— Ты крепок духом, — с уважением заметил Вишнивецкий. — Однако к делу. Мне сказали переодеться и, если можно так выразиться, преобразиться.

«Конечно, пан», — Войцех вновь поклонился и подошёл к разложенной на сундуке одежде. Больше он с Матиушем не заговаривал.

***

— А вот и вы, — Марцин мельком окинул взглядом его одежду. — А так вам даже больше идёт, признаться.

— Это уж кому как, — прошипел Вишнивецкий, теряя остатки терпения. — Так где войско?

— Перед вами, — ответил Рутковский, и Матиуш обернулся. Перед ним один за другим вставали вампиры. Всё это были не слишком богатые и родовитые шляхтичи, кое-где встречались и хлопы, в задних рядах затесалось даже несколько монахов. Война объединила под собой все эти сословия, вынудив сражаться бок о бок, невзирая на всё то, что их так отличало друг от друга в мирное время.

— Вот ваш князь и воевода, — обратился тем временем к ним Марцин.

— Щуплый больно, — гаркнул высокий мужчина с длинным чубом. Говор у него был украинский. — Вот гетман Богдан...

— Ты, хлоп, на кол захотел? — тут же осадил его Потоцкий. — Думаешь, князь Ярёма в могилу лёг, так всё, бунтовщику Хмельницкому хвалу петь будут?

— Кляті ляхи, — буркнул казак.

— Я понимаю язык Запорожья, — с тихой яростью в голосе напомнил Велислав.

— Прекратите уже свару, — холодно произнёс Матиуш, которому порядком это надоело. Он уже позабыл, что значит быть паном и властителем, он толком им никогда не был, разве что, совсем уж в юности. Теперь пришла пора это припомнить.

— Всякий, кто будет сеять в войске смуту, наносить обиды как польскому, так и украинскому командованию, солдатам, будет строго наказан, — продолжил он, стараясь говорить уверенно, стараясь говорить так, чтобы его слышали и слушали. — Я ваш новый

владыка и я требую полного подчинения.

— О, кажется, у пана-то голосок прорезался, — засмеялись в рядах, зачинщиком выступил всё тот же казак. Эти грубые люди подчинялись только Фабиану, столь же простому, но надёжному, как они сами. Они не терпели над собой никого другого: ни заносчивых воевод, ни болезного гетмана, ни холёного князя.

— Войцех, сделай что-нибудь, осади его, — тихо и как-то даже робко попросил Вишнивецкий. Слова приказа резали горло и больно впивались язык — он не мог заставить себя спокойно относиться к таким повелениям, пусть и необходимым.

Слуга по-лиси ловко подобрался к нему, схватил за чуб и срезал острым кинжалом самый кончик: это был очень умный и просчитанный шаг: не лишит чести, но покуситься. Это значило предупреждение.

«Я своё дело знаю», — только и произнёс он, кинув взгляд на Матиуша.

— Я хочу быть вам добрым полководцем, но я не потерплю по отношению к себе такого, — быстро сказал тот — уверенность пропадала с каждым словом. Он обернулся на Войцеха, будто ища поддержки — от иронично глядящего Потоцкого её ждать не приходилось.

Марцин, заметив это, тут же что-то начал объяснять, угрожая и угождая, Вишнивецкий уже не слушал.

«Шли бы вы отсюда подобру-поздорову, — посоветовал Войцех, и они отошли подальше, к шатрам. — Не злите людей. Это дело было гиблым с самого начала, но кто ж вас, панов, переубедит, вы как упрётесь, так сдвинешь. Шляхетский гонор».

— Войцех, ты ведь с паном разговариваешь, — напомнил Матиуш, слабо рассмеявшись.

«Да какой из вас пан... Вы бы себя со стороны видели. Наверное, если бы я вдруг ушёл: за водой или, может, за чем-то ещё, да к вашему появлению не вернулся, вы бы небось уже сами оделись и в порядок себя привели, — с доброй усмешкой ответил тот. — Сразу видно ведь, что вы просвещенец».

— Это правда, у меня с хлопами отношения были довольно тёплые... до поры до времени, — кивнул Вишнивецкий. — Покуда они меня не убили.

«Слышал. Слышал я и то, что жена у вас хлопка по рождению, — сказал Войцех. — Если и было в вас что-то, то уж всё поизвелось. Вы неплохой человек, я это чую».

— С Анной я поначалу обошёлся гнусно. Да и не только поначалу. Я до самой гибели обманывал её, обижал, оскорблял даже, наверное. Так что сложно сказать, — признался Матиуш.

«Раз уж вы это за собой заметили, значит, ещё не всё потеряно», — серьёзно произнёс слуга.

— Да дело даже не в этом. Я... Я её просто полюбил так, как она всё это время любила меня. А когда начинаешь ценить человека вот так, то... многое меняется, — пояснил Вишнивецкий.

«Может, так оно и есть, — согласился Войцех. — Помню, и у меня была добрая жена, да померла она, как ребёночка-то рожала. И тот вслед за матерью ушёл».

— О... Это... — Матиуш хорошо помнил, что и его могла постигнуть такая судьба. — Мне знакомо, пусть и не сбылось.

«Дай Бог, чтобы и не сбывалось никогда, — слуга широко перекрестился. — Да, я верю покуда в Господа, хотя и променял смертную жизнь на бессмертную. И креста не боюсь».

— Моя жена... Она тоже верит, — как-то невпопад вспомнил Вишнивецкий.

«А что ей было делать? Сначала велено было так, а потом, как она вас повстречала, у неё никого, кроме Бога-то, и не осталось, — Войцех внимательно посмотрел на него. — Слепой вы, пан, и глухой, да в том не ваша вина — вас так воспитали, думается мне».

— Это правда, — согласился тот, внутренне устыдившись. Слуга с лёгкостью обличал его пороки, не стремясь корить, а просто говоря об их наличии.

«Ничего, ничего. Грядёт страшная бойня, и... Всё будет по-другому. Вы только себя не потеряйте, пан, пока уважение войска да славу искать будете. Многих здесь постигла эта злая судьба. И именно поэтому у войны нет лица: его смысла живая кровь и засыпала могильная земля», — отозвался Войцех.

Матиуш ему не ответил. Он стоял, задумчиво глядя на затухающий костерок, на едва колышущиеся под ветром полы шатров, на лошадей, вдруг всхрапывающих, когда закричит в сером небе сокол. И было в это всё что-то чужое, отталкивающее, но вместе с тем что-то родное и исконно польское. Это давало ему надежду, что всё ещё образуется и будет так, как и положено. Будет хорошо.

***

Штраус не думал, что снова придёт исповедоваться. Он никогда не гнушался средств, что использовал в своих делах, но в этот раз что-то мешало ему вот так просто пойти и предложить Вишницецкому и прочим то колдовство, что даже в их кругу считалось запретным.

Лович встретил его извечной доброй улыбкой, что и полагалась прилежному пастырю. Удивительно, но как бы ему ни было больно и горько, других он всегда привечал только так. Он выполнял свой долг.

— Добро пожаловать, — Анджей склонил голову в знак приветствия. — Я рад вас видеть.

— Благодарю. Хотя, верно, вы воспринимаете приход мне подобных с опаской после... некоторых событий, — осторожно заметил Максимилиан.

— Вы первый. Обычно меня навещает добрая пани Вишницецкая, изредка она берёт с собой юного князя. А больше никого и нет, — мягко отозвался Лович, указывая на скамью у самого алтаря. — Присядем же, я чувствую, нам предстоит долгий разговор.

— Это верно, — согласился Штраус. — Помнится, я уже когда-то приходил к вам за этим, пришла пора повторить.

— Снова решаетесь на отчаянный шаг? — уточнил Лович.

— Вы правы, — кивнул Максимилиан. — В тот раз я хотел вмешаться в дела Польши. Теперь же я хочу прибегнуть к силам, что... не подчиняются мне до конца, если вы понимаете, о чём я.

— Это очень необдуманно, — Анджей печально нахмурился. — Я не одобряю того, что выдумал пан Вишницецкий, обратив Божьи дары во зло, а не во благо, и уж тем более я не могу одобрить то, что желаете употребить вы.

— Я и сам не готов, — признался Штраус. — Я не могу отвечать за то, сколько погибнет. Невинных и не причастных, то есть.

— А как же те, что, как вы выразились, виновны и причастны? — серьёзно спросил Лович.

— Это война, — Максимилиан как-то заискивающе улыбнулся.

— Ах это... — Лович тяжело вздохнул. — Но чего вы хотите от меня? Просто... рассказать? Чтобы вас слушали?

— А для чего ещё нужна исповедь? — удивился Штраус.

— И правда, — Анджей понимающе посмотрел на него. — Я рад, что вы это понимаете, — он перевёл взгляд на крест и тихо заговорил:

— Я не терплю, когда ко мне приходят с намерением как бы очистить, тем более, заплатив за это деньги. Я не терплю, когда это становится обыденным действием вроде бы для порядка, а не для истинного облегчения души. Исповедь — это... это то, что ты не можешь доверить никому, кроме ксёндза, но это не то место, где прощение можно купить. Я знаю много людей, что приходили именно за ним, но не каялись по-настоящему. Я видел их мысли, и мне было противно говорить «Господь простил тебя».

— Именно поэтому вы загремели... вы поняли, — Максимилиан так и не смог заставить себя произнести слово «инквизиция».

— Да, и поэтому тоже, — Лович вздрогнул, затем мотнул головой, заставляя страшные воспоминания отступить. — Мы много в чём не сошлись с Римом.

— И тогда вы обратились к Лютеру, — закончил за него Штраус.

— Да, верно. Жаль, что его услышали не все, — кивнул Анджей. — Так я помог вам? — тепло и искренне спросил он.

— Бесспорно, — Штраус отчего-то даже смутился: он думал, что его осудят, или, по меньшей мере, не будут обращаться так по-доброму — так поступали священники, когда он был молод. Но Лович был не таков. Он действительно старался помочь всем, приходящим к нему с правдивыми помыслами, старался дать им надежду и покой. Несмотря ни на что.

— Это главное. Вы ведь пришли сюда за этим, — Анджей положил руку ему на плечо.

— Да. Спасибо вам, — Максимилиан поднялся. Он вновь чувствовал уверенность, и это было для него благим знаком.

— Я рад, что вы разобрались в себе, — Лович снова мягко и по-отечески ласково улыбался.

— Если я могу как-то отблагодарить вас... — начал Штраус. — А я могу, время сейчас такое. В общем, смело просите, я постараюсь услужить. Я не привык доверять, так что сомнительной чести слушать мои откровения удостоились только двое: вы и Ганс.

— Так почему же вы не обратились к нему? — с вежливым интересом уточнил Анджей.

— Он бы согласился, как и подобает слуге, — признался Максимилиан. — Вы же выступили в качестве независимой стороны. А я это в подобных вопросах ценю.

Оба встали, Штраус попрощался и ушёл, Анджей же опустился на колени у алтаря, прося Господа о чём-то своём.

И совершенно не заметил, как позади незаметной тенью встал Рихард.

— А мне вы в исповеди не откажете? — с каким-то странным отчаянием, смешанным с надеждой, спросил он.

Глава сорок пятая

— Я не знал, что вы веруете, — Анджей поднялся, обернулся к нему. — Полагаю, лютеранская церковь?

— Да, возможно. Матушка крестила меня по католическому обряду и назвала Рышардом, как и отца. Тот не стал возражать, но называл меня по-немецки — Рихардом. Он настоял на том, чтобы я принял его веру. Я... бывал в храме, как и положено сыну графа, но потом, уже после того, как меня нашёл пан Велислав, я перестал обращаться к Богу, — Милинский пожал плечами, ему было скучно и неприятно это вспоминать. — Но теперь, кажется, время пришло.

— Прошу, я слушаю, — Лович немного устало вздохнул.

— Я не займу много времени, — привычно произнёс Рихард. Он говорит так всем: и Анне, и Матиушу, и Раду. Даже Велиславу, с которым, вроде бы, у него должны были быть хорошие отношения, но увы. Да, когда-то давно они были маленькой семьёй, но теперь, спустя двадцать лет, ничего уже не осталось.

— Я не тороплюсь. Бессмертие утоляет жажду времени, — успокоил его Анджей. Он знал, что несчастного Милинского вечно что-то тяготит, знал, насколько он неприкаянный и забытый, знал, что он негласный изгой, хуже Мнишека. Наверное, Рихард потому и сошёл с ума — сложно жить вот так. Однако казалось Ловичу, что самое большое потрясение всё ещё впереди.

— Нет, я... Дело в том, что сегодня вы уже приняли одну исповедь. А за всю жизнь их скопилось очень много. Вы храните страшные тайны, отче, вы знаете обо всём том, что обычно бывает скрыто за вежливой улыбкой и холодным взглядом. Разве это просто? — Милинский наклонил голову в бок, и теперь его взгляд, до того печальный, стал хитрым.

— Вы проницательны, пан Милинский, — Лович рассеянно улыбнулся. — Проницательны и добры. Многие приходят ко мне, чтобы открыться, но немногие хотят знать, каково мне всё это слышать. Не подумайте, что я жалею, но это и впрямь нелегко. Не раз сказанное противоречило моим убеждениям, противоречило слову Господа, но я должен был молчать, потому что такова моя работа.

— Именно поэтому я не пошёл в священники, — фыркнул Рихард. — Хотя туда, куда хотел, тоже не пошёл...

— А куда вы хотели? — вежливо осведомился Анджей.

— В военные инженеры. Мне всегда было это интересно. Но когда я попал к пану Потоцкому, то понял, что так не смогу принести ему пользу, отблагодарить за помощь. Поэтому я изучал право и экономику. Стал управляющим в его новом поместье, улаживал дела с замком в Грохове... Как вы понимаете, никакой армии. Впрочем, в свете нынешних событий я совершенно не жалею — я бы не хотел никого убивать, не хотел бы создать то, что будет уничтожать моих собратьев, — Милинский печально вздохнул, опустил голову.

— Вы считаете стригоев подобными себе? — Ловичу удивительно было это слышать. Сам он всегда уважал их, не в пример надменным сородичам-вампирам, но мало кто разделял его мнение.

— Конечно. А чем они отличаются? — с искренним непониманием спросил Рихард.

— Многие считают, что они слишком уродливы, чтобы находиться среди нас, — терпеливо пояснил Анджей.

— Это я знаю. Однако я не понимаю такого. Что же я тут делаю, раз общество не терпит тех, кто несовершенно? — Милинский горько улыбнулся. — Безумие искажает. Разве не так? Разве можно судить людей за то, как они выглядят? За то, что они нездоровы?

— Боюсь, что многим этого хватает, чтобы за глаза кого-то клеймить, — Лович осторожно, по-отечески коснулся его плеча.

— Вот что я вам скажу, — тихо отозвался Рихард. — Человека безобразит не увечье, но злое дело.

— Это правда, — согласился Анджей. — Так вы хотели исповедаться, — ласково напомнил он. — Я не хочу, чтобы вы ушли, так и не облегчив души, а за разговорами, вроде этого, время течёт быстро.

— Ах да, — Милинский кивнул. — Моя исповедь состоит в том, что... я просто не могу так, — он вздрогнул. — Я общаюсь со Станиславом Мнишекком, и мне жаль его. Все вокруг сыплют проклятьями в его адрес, а мне жаль, просто по-человечески жаль. Я знаю, какие ловушки для него заготовлены, и мне хочется ему об этом сказать, спасти. Но я понимаю, что тогда пострадают другие дорогие мне люди. Это так тяжело!

— И сколько же раз вы встречались? — мягко спросил Лович. В его голосе не было ни капли осуждения или укоризны. Только искреннее участие.

— Много. Когда вживую, когда просто переговаривались... Я ясно запомнил только две встречи: первую и ту, что случилась в чешской костнице. Они были самыми... Личными? Мы говорили об очень серьёзных вещах и о себе самих одновременно. Редкий случай, — Рихард старательно подбирал слова, чтобы его уж точно поняли.

— Вы, верно, неплохо сблизились, — кивнул Анджей. — В этом нет ничего страшного, сын мой, но вы должны быть тверды в эти страшные дни.

— Но как, если я уже знаю, что с ним будет в случае проигрыша? — Милинский всхлипнул.

— Посмотрите мне в глаза, — тихо попросил Лович, и когда Рихард поднял голову, слушаясь, нехотя и с тяжёлой душой стёр ему из памяти всё то, что так мучило.

— Простите, — выдохнул Анджей, уже после того, как за спокойным и даже по-своему счастливым Милинским закрылась высокая дверь костёла.

Лович вновь встал на колени и сжал в руках чётки. Он в который раз взял себе чужое горе.

***

Дарко Вереш ожидал подобного исхода битвы. Армия вампиров, ведомая неким Вишнивецким, не продержалась и нескольких часов. Сначала, конечно, они рьяно бросились в бой, они оттеснили стригоев на несколько сотен шагов назад, к серым утёсам, но это был лишь лёгкий отвлекающий манёвр. Новак прекрасно выучил своих солдат, и им не было равных. Даже венгерские вампиры, и те признали своё несовершенство и заключили со стригоями мир. Но польские всё ещё сопротивлялись...

Конечно, и с ними когда-то был договор о ненападении. Дарко хорошо помнил времена, когда в его доме пировала польская шляхта, а сам он часто бывал в Варшаве и Кракове. Но теперь, после жестокого короля Кшиштофа, после сотен стычек и десятков погибших закрывать глаза на вечные раздоры стало невозможно.

Вереш не участвовал в сражении. Он предпочёл наблюдать за тем, как Мнишек без особого труда заставляет Вишнивецкого отдать приказ отступить. С одной стороны, на душе становилось немного легче, ведь вот она — праведная месть за всё то зло, что произошло. Но

с другой, он понимал, что всё это пустое — убитые вампиры не смогут вернуть ему покойных детей. А больше причин давать армию у него и не было.

Конечно, Дарко был не прочь показать надменным сородичам их настоящее место, но какое же это всё-таки было ребячество! Разве можно посылать на смерть тысячи солдат лишь только для того, чтобы потешить самолюбие? Вереш не мог и не хотел так разбрасываться своими подданными. А вот Мнишек — напротив, ведь у него ничего своего никогда не было. Он шёл по головам, чтобы добиться своего, он привык бороться за жизнь каждое мгновение, он привык ощущать себя недостойным и отвратительным. Таким нельзя было становиться во главе государства — они неминуемо привели бы страну в упадок, порываясь своими распоряжениями доказать окружающим, что чего-то да стоят.

Станислав, ко всему прочему, вместо известной польской гордости отца получил в наследство гордыню матери. Дарко помнил, как Невена над ним насмеялась, посчитав недостаточно живым для обладания её холодной красотой. Он стерпел.

А вот король Кшиштоф не смог. Вереш осуждал его за содеянное, но понимал, что к тому привело.

— Ну что ж, а вот и я, — вдруг прервал его мысли громкий голос Мнишека. Тот впервые за пару недель по-настоящему улыбался и, кажется, был доволен собой. — Ловко я их, верно?

— Верно, — Дарко с трудом нашёл в себе силы улыбнуться. Да, он и сам не раз выходил на битву, но после к пьянящему чувству победы примешивалось чувство горечи за всех погибших. Он не мог отзываться о произошедшем так, как это сейчас сделал Станислав. Тот словно вёл за собой не настоящих солдат, а игрушечных. И это пугало.

Не может быть хорош король, который готов так просто раскидываться жизнями своих подданных.

Вереш постепенно приходил к мысли о том, что не зря несколько лет назад отказался вступить в игру и предпочёл наблюдать. И сейчас он понимал, что поддержать Мнишека было несколько... опрометчиво. Даже, пожалуй, немного глупо. Дарко даже боялся представить, что может выйти в итоге, после того, как Сейм даст своё согласие на коронацию сына жестокого Водлевского.

Он по привычке поправил медальон, висящий на шее, пальцы провели по старому шраму, сейчас уже едва заметному. Вереш привычно содрогнулся. Перед ним вновь возникла распластанная на церковном полу Ружа с пустыми глазами, смотрящими на икону Богоматери. Бледные пальцы сжимали чётки, новенькое платье, последний подарок Дарко, было залито кровью. Тело Звонимира, как потом рассказал Каслав, выволокли наружу, чтобы дать людям Кшиштофа напиться и обрести умения, недоступные вампирам.

Вереш мотнул головой, отгоняя страшные видения прочь. Любые сомнения исчезли.

Он должен биться, чтобы впоследствии добраться до тех, кто причинил ему эту страшную боль.

Ради этого он пойдёт на всё.

***

Эржебет молчала, в который раз пробегаясь глазами по строчкам письма. Дарко Вереш ответил ей и ответил так, как никто другой из её ухажёров. Он понял всё то, что она пыталась скрыть за неотягощёнными смыслом словами. И тоже попробовал открыться.

Он писал о чём-то будничном, писал не слишком красиво и даже с ошибками. Жаловался на нерасторопного Каслава, неопытного Мнишека, сожалел, что не может

приехать, словом, тоже писал вроде бы ни о чём, как и Эржебет в своём письме. Но та понимала, что может за всем этим прятаться.

Она не искала у него пылкой любви, не искала страсти, не искала почитания — она просто хотела совместного тихого счастья и уверенности, что никогда не будет одна. Батори готова была поклясться, что и Дарко мечтал о том же. Зачем наполнять душу пустыми и громкими чувствами, зачем оживать, зачем кидаться красивыми фразами и поступками, если можно просто быть вместе, рука об руку, плечом к плечу?

Эржебет не могла назвать это любовью. Она называла это доверием. А оно зачастую оказывалось куда дороже.

— Снова он, мама? — Андраш стоял на пороге её комнаты и улыбался.

— Откуда ты?.. — спросила Батори прежде, чем подумала о том, что спрашивает. Но было уже поздно.

— Скажем так, я поговорил с дядей, — Андраш усмехнулся. — Он достаточно надёжный источник, тем более что мы неплохо сошлись.

— Да уж, нашёлся тот, кто бы одобрял твои изыскания. И Влад, конечно, получил родственника-мужчину, с которым можно всегда обсудить течение жизни, если младший брат не слишком расположен к беседе, — фыркнула Эржебет. — Ты выбрал простой путь. Но зачем? Я не думала, что тебе интересна моя жизнь.

— Ошибаешься, матушка, — Андраш покачал головой, подошёл к столу, сел, закинув ногу на ногу. — Если я вечно вожусь в земле и пруду, то это не значит, что я не замечаю, что происходит вокруг. Ты уже давно вдова, и с самой смерти отца я не видел, чтобы ты по-настоящему счастливо улыбалась. Ты перестала устраивать балы и сама на них ездить, ты мало с кем общаешься. И только когда ты встречаешься с урамом Верешем, ты расцветаешь.

— Это правда. Знаешь, когда я была юной, я много что оставляла без внимания, но ты оказался умнее меня, — признала Батори, беря сына за руку. — Я действительно сильно горевала, когда Ференц умер. Всё-таки мы любили друг друга... Да, он изменял мне, да, я изменила ему, но мы всё равно оставались настоящими супругами. Я тосковала без него. А когда проклятый Турзо начал претендовать на наши земли чуть ли не над его гробом... Ты и сам знаешь.

— Если бы ты позволила, я бы разорвал ему глотку, — глаза Андраша загорелись тихой яростью. — Этот человек замуровал тебя в башне, словно преступницу! Дядя насилу тебя спас.

— Они бы живо подняли тебя на кол или сожгли... Как урама Петефи, помнишь? Он едва спасся... Не без помощи дяди, конечно. Я бы не хотела для тебя такой судьбы, ведь ты и так едва выжил, — Эржебет болезненно вздрогнула, вспоминая события многолетней давности.

— Тогда я был ребёнком. А во время суда — уже взрослым и очень сильным вампиром, ведь отец-обращающий постарался сделать меня равным себе. Но ты почему-то отказалась от нашей помощи, — тихо ответил Андраш.

— Я не хотела жить, — с трудом произнесла Батори, стыдливо опустив взгляд. — Я так устала, я так скучала по Ференцу. Я сдалась, Андраш. Благо, разум вернулся ко мне уже через неделю вынужденного затворничества.

— Да, я это почувствовал, — кивнул тот. — Ты ведь позвала меня, своего любимого ребёнка.

— Ты отказался продавать меня за богатое наследство, — Эржебет печально

улыбнулась. — Я вами не занималась, конечно, признаю, но тогда это было... в порядке вещей. Я и подумать не могла, что их не остановит даже чувство уважения. Я... Турзо просто не смог со мной договориться и нашёл другие пути.

— Братья меня не признавали, как, впрочем, и сёстры. Единственным моим другом всё это время была природа. И дядя Влад, когда приезжал. Я не смог впоследствии смотреть в глаза большей части нашей семьи, настолько они были мне мерзки. А тебя, матушка, я любил — я знал, какую жертву ты принесла, чтобы я остался жить, — Андраш неестественно усмехнулся.

— Ты всегда был другим, — прошептала Батори. — Ты не сын Ференца по духу, у него все дети вышли уж слишком грубые. Уж скорее ты сын Влада, пусть и вовсе не родной. Быть может, именно его кровь и сделала тебя таким.

— Нет, матушка, — покачал головой Андраш. — Я твой сын. Я похож на тебя.

Эржебет наклонилась и крепко обняла его.

— А ведь всё ещё будет, правда? — тихо спросила она.

— Конечно. Ты только не прекращай переписку с этим человеком, с урамом Верешем, — посоветовал Андраш. — Он такой же, как и ты.

— Думаешь? — нахмурилась Батори. Это было для неё особенно важно — найти похожего. Конечно, с Ференцем ей было хорошо, но он был иной, он был... Как и всё дворянство того времени. Пожалуй, действительно отличался только Витольд Вильмош Петефи, утончённый и остроумный дворянин её возраста, но с ним дальше дружбы не зашло. Эржебет о том не жалела — вряд ли бы они хорошо понимали друг друга, хотя... кто уж теперь узнает.

Тем более что Дарко ей был многим ближе.

— Уверен, — отозвался Андраш. — Он ведь тоже пережил большое горе, он тоже испробовал, что такое сломаться и построить себя вновь. Это немало значит.

— Неужто горе и впрямь сближает? — удивилась Батори.

— Не горе. Опыт, — серьёзно ответил Андраш. — Вы взрослые пожившие люди и вы хорошо друг друга поймёте, особенно теперь. Если, конечно, война не уничтожит всё то, что между вами сейчас есть.

— Я вне войны. Я попросила Раду намекнуть об этом дяде. Сама не могу, боюсь почему-то. Даже не знаю толком, чего, — сказала Эржебет. — Он вернулся с добрыми вестями — мне позволили остаться в стороне.

— Интересно, как в итоге поступит урам Вереш, — задумчиво произнёс Андраш. — Он сложный человек, да и руки у него сейчас крепко связаны. Но надолго ли хватит его терпения? Ведь Мнишек не слишком хороший союзник.

— Что правда, то правда. Ведь без армии Его Высочества войны не будет, — согласна кивнула Батори. — Я, конечно, не буду вмешиваться, раз уж сама о том просила. Но теперь у меня есть надежда.

— Что всё кончится? — уточнил Андраш.

— Да. Что всё кончится, и он вернётся живым. А дальше уже всё нипочём, — ответила Эржебет, слабо, но искренне улыбаясь.

Глава сорок шестая

Матиуш медленно опустился на сундук, совершенно не веря тому, что произошло лишь с полчаса назад. Он тяжело вздохнул, спрятал лицо в ладонях, запустил тонкие пальцы в волосы и просто качался из стороны в сторону. Ему было стыдно, страшно и горько.

Он впервые в жизни серьёзно ошибся, он впервые в жизни проиграл, а судьба повернулась к нему спиной. Здесь не ценили ни положение его семьи, ни тёткины деньги, ни природное обаяние. Здесь уважали силу и умение вести войска в бой, умение возвращаться с победой и богатой добычей, умение убивать.

Матиушу ничто из этого знакомо доселе не было.

Он наконец убрал руки, глубоко вздохнул, стараясь сдержать себя. Князю положено быть сильным, бодрым, положено терпеть и воодушевлять солдат своим примером, но никак не плакать в углу, как малый ребёнок, которого побили товарищи.

Матиуш и этого не мог.

Он чувствовал себя жалким, недостойным, слабым. Он чувствовал себя мальчишкой, впервые поехавшим на охоту и упавшим с коня ещё в самом начале пути. Он чувствовал себя... никем. Гонор, самолюбие, самодостаточность — всё куда-то делось, а на их место пришло чувство истинного понимания того, насколько он на самом деле ничтожен.

«Грустите, пан?» — Войцех бесшумно проскользнул в шатёр и принялся деловито раскладывать по местам оружие и оставшиеся с приезда вещи.

— Ну так, слегка, — с трудом ответил Вишнивецкий, тяжело вздыхая. — Просто...

«Не привыкли проигрывать?» — понимающе спросил слуга, доставая бутылку с кровью, затем посмотрел на пана и добавил немного всякой нехитрой снеди — лука, хлеба, сала, словом, хоть сколько-то привычной Матиушу еды.

— Честно говоря, вообще не привык воевать, — признался Вишнивецкий, виновато улыбнувшись. — Я ведь никогда ничем подобным не занимался.

«Это видно, по правде сказать. Вы слишком уж пан. Вот вроде бы ясновельможный гетман Потоцкий вашего склада, ан нет. Как саблю в руки берёт, так совсем другой становится. Так и с воеводами. А вы... Вы для другого рождены были. Вам бы в красивых залах беседы вести да бумаги подписывать, а не здесь в грязи вязнуть, — отозвался Войцех, разливая кровь по кубкам. — Ох, прошу прощения. Вы не возражаете, если я вместе с вами посижу да поем? Я просто привык уже... С прошлым паном. Вот и разлил, как и всегда. Простите».

— Не извиняйся, я не из тех снобов, что не терпят никого ниже себя по статусу. Присоединяйся, да и вместе веселее, прошу. А что случилось с тем, кто тут был до меня? — Матиуш подвинулся к столу.

«Так ведь всем известно, что пан Концепольский погиб, земля ему прахом, — спокойно ответил слуга, надкусывая луковицу. — Черти, даже на похороны не пустили. Я, видите ли, собой не вышел. Кому нужен немой хлоп?»

— Это так... так мерзко, — Вишнивецкий искренне пожалел Войцеха — тот заслужил хотя бы проститься с тем, кого так долго называл своим хозяином. — В голове не укладывается.

«А что делать. Шляхта настолько любит пышность, что заплатит за неё любую цену. Как там говорится? Заложись, но выложись? Очень им подходит. К сожалению», — тот

вздрагнул, замолчал, опустив голову.

— Вы правы. Шляхта и впрямь готова порой скрыть гору, чтобы пустить достаточно пыли в глаза, — кивнул Матиуш. — А кто конкретно вас не пустил? Быть может, я смогу сделать так, чтобы этот человек получил достойное наказание.

«Да толку от этого... Юзефу Запольскому и не такое сходит с рук, помяните моё слово. Видит Бог, даже если он предаст, всё равно выйдет сухим из воды, — Войцех пожал плечами. — Ну да ладно. Чем больше о плохом говорят, тем больше вокруг этого самого плохого. Полно!»

— И то верно, — Вишницецкий с подозрением посмотрел на сало, задумчиво отрезал кусочек. — Что мне делать-то? Какой из меня военачальник?

«А с паном Велиславом вам никак не договориться? Он больше вашего понимает», — ответил слуга.

— Пан Велислав, он... Не сказать, что мы большие друзья. Я уверен, он не может меня простить за то, как я обращался с Анной до своей, если так можно выразиться, смерти. И теперь вот отыгрывается. В целом, я не в обиде, я это заслужил. Достаточно и того, что Анна меня простила и любит больше прежнего, — Матиуш горько улыбнулся. — Не думал, что когда-нибудь мне придётся расплатиться за мою заносчивость, но тем не менее.

«Пану Велиславу стоит понимать, что мы тут не в игрушки играем. Ну да ладно, не страшно. Я кой-чего знаю, да и пан Марцин тоже. Он неплохой, из всех троих воевод самый честный и человечный. Он вам подскажет, что лучше, как Бог свят», — посоветовал слуга, чуть повеселев. Ему было приятно, что у него спросили совета.

— Я, признаться, пока их побаиваюсь, люди, мягко сказать, дикие. Но да, пан Рутковский показался мне спокойным и рассудительным по сравнению с его товарищами. Думаю, я могу постараться договориться с ним, — согласился Вишницецкий. — Спасибо, Войцех, ты мне действительно очень помог. Я тут себя чувствую совсем не на месте и только благодаря тебе могу хоть как-то не сдаваться. Не прошуь обратно, как мальчишка. За женскую юбку.

«Да вы бы и не просились. Просто потеряли бы себя, — пояснил Войцех. — Вы ешьте, ешьте, сало-то хорошее».

— Если захочешь, то после войны можешь остаться со мной. У меня никогда не было столь верных людей, а они на вес золота, сам знаешь. Да и я многим тебе обязан и попросту не могу оставить тебя здесь, с этими... Даже не знаю, как сказать, — вдруг предложил Матиуш, отставляя бокал.

«Если даст Бог, то я с вами хоть в огонь, хоть в воду, — улыбнулся слуга. — Вы славный пан, да и мне тут делать нечего».

— Ну вот и договорились, — Вишницецкий решительно встал. — Я к Рутковскому. Договориваться.

***

— Ты опоздал, — бросил Мнишек вместо приветствия. Драгош наглость стерпел и лишь нехотя поклонился.

— Мне не велели вмешиваться в первую же битву. Я и так уже повоевал, пусть и не по своей воле, — заметил он, присаживаясь подле Станислава.

— Я, кажется, не разрешал садиться, — грубо сказал тот.

Микулэ ухмыльнулся и поднялся, скрестил руки на груди. Ему было не привыкать, но если господарям и фанариоту это было дозволено по статусу, то вот Мнишек на подобное

никакого права не имел.

— Так вот, впредь я жду более верной службы. Твой господин я, и слушаться тебе велено тоже меня, — продолжал Станислав, недовольно скривив губы. Как же надоело, что все здесь относятся к нему с таким пренебрежением! Он снова почувствовал себя изгоем, снова почувствовал себя бастардом и сыном приживалки богатого магната.

— Мой домнуле — это Петру Морару, и на войне я лишь по просьбе домнуле Вереша, — прошипел Драгош, которого положение почти что раба действительно задело. — Я просто попрошу об этом не забывать.

— Дерзишь, — Мнишеку становилось очень тяжело сдерживаться. — На первый раз я тебя прощаю, но вот потом я такого не потерплю.

— Я не привык, чтобы со мной разговаривали, как с цараном, — Драгош знал, что даже если Станислав захочет, то ничего сделать не сможет — навлечёт на себя гнев всех румынских стригоев. — Я крайне редко обращаюсь к происхождению собеседника, но вы, сын проститутки, вряд ли имеете право указывать мне, как жить! Во всяком случае, в таком тоне.

— С предателем? — не остался в долгу Станислав. Он был неплохо осведомлён о прошлом этого хитрого и действительно ценного полководца.

— Я никого не предавал, — Микулэ это толком не задело — он уже давно свыкся со своими воспоминаниями и избавился от большинства слабостей. — Я дворянин, пусть и лишённый земель и титула. А у вас есть и то, и то, но досталось оно вам вовсе не по праву. А я пойду, пожалуй, я возвращаюсь обратно на границы, в Брашов. Буду защищать владения моего клана. При всём уважении к домнуле Верешу вам я служить не готов.

Мнишек не успел ничего ответить, как Драгош исчез, а на его месте возник Кшиштоф, укоризненно качая головой.

— Нет, сын мой, такими людьми не разбрасываются, — мягко заметил он.

— Что ты тут делаешь? — Станислав был уже достаточно зол, и появившийся откуда ни возьмись Водлевский его вовсе не радовал.

— Всего лишь указываю на твои ошибки. Уж если ты захотел стать королём, то изволь соответствовать. Я знавал Драгоша Микулэ, и ему нет равных ни в бою, ни в управлении. Так что зря ты так с ним, очень зря, — невозмутимо продолжал Кшиштоф.

— Я не готов терпеть тех, кто мне не подчиняется, — фыркнул Мнишек.

— И что же ты будешь делать, когда станешь королём? Рубить головы? Сажать на колы? Вешать? Станислав, умение договариваться очень дорогого стоит и для человека твоего положения является просто необходимым условием выживания, — Водлевский сел на стул, на котором ещё несколько минут назад сидел Драгош.

— О, что я слышу! Вереш до сих пор не может простить тебе смерть детей, — напомнил Станислав, криво улыбаясь.

— Увы и ах, — Кшиштоф безразлично пожал плечами. — Вереш тоже не обладает этим ценным качеством. Поэтому-то всё и сложилось столь печально. Не повторяй его ошибок.

— Хотел бы я тебе верить, — Станислав устало вздохнул. У него было сил спорить или ругаться с Водлевским.

— Так что ты там всё порывался рассказать? — без особого интереса спросил он. — Может, хоть после этого глаза мозолить не будешь. Не хочу каждый раз слушать нравоучения.

— Я бы хотел, чтобы твоё желание узнать о прошлом выразилось иначе, но что есть, то

есть. Смотри же, — Кшиштоф коснулся его руки, погружая в воспоминания.

Невена стояла по середине комнаты и презрительно смотрела на коленопреклонённого Водлевского.

— Ты чудовище, — тихо повторила она. — Ты обманул меня.

— Я думал, ты знала, — Кшиштоф сжимал её руки, то и дело целуя. — Клянусь, я бы никогда...

— Как я могу верить тому, кто отдал меня на поругание, до того поклявшись, что любит? Ты в своём уме, король? — Невена дрожала, едва ли не плакала.

— Невена, разве всё то, что случилось потом, не убедило тебя в моём раскаянии? В моей искренности. Я задаривал тебя драгоценностями, я окружил тебя заботой, я ухаживал за тобой, я тебе короновал! Что мне ещё сделать, чтобы ты поверила в мою любовь? Что мне ещё сделать, чтобы ты оставила этого ребёнка? — Водлевский вновь поцеловал её запястье и тут же получил сильную пощёчину, отвернулся, кусая губы.

— Ты солгал, хотя обещал этого не делать, — Вранич гордо подняла подбородок, вырвала свои руки из его цепких пальцев. — Оставь свою корону себе. И драгоценности, и заботу, мне этого не надо! Я уйду, ведь дал слово меня отпустить, если я того захочу. Хоть это-то выполнишь?

— Да, — дрогнувшим голосом ответил Кшиштоф. — Я поклялся на крови.

— Славно. В таком случае, прощай. Я не хочу видеть ни тебя, ни твоё отродье. Я помню, что Дарко Вереш как-то предлагал мне стать его женой. Я дам ему согласие на брак, — Невена повернулась к нему спиной, подошла к столу.

— Ты ему уже не нужна. Неделей ранее он повстречал на балу у Цепеша его племянницу, ты теперь никому не нужна, — прошипел уязвлённый Водлевский, всё ещё не поднимаясь с колен. — Остайся со мной, прошу, — тут же добавил он, понимая, как сильно ошибся, рассказав об Эржебет.

— Никогда и ни за что. Особенно теперь, — выдохнула Невена. — Я сама со всем справлюсь и выйду замуж за того, за кого захочу, я буду счастлива, вот увидишь. Вы все увидите! — она почти что по-детски топнула ногой, даже голос сделался какой-то капризный. — Я больше не твоя кукла, Кшиштоф.

— Невена, не испытывай моего терпения, — тот вскинул голову и посмотрел ей в глаза, а затем встал и вышел из комнаты.

— Изволь, — фыркнула ему вслед Вранич, ещё несколько минут рылась в шкапулках, затем позвала служанку, чтобы та помогла ей переодеться. Через четверть часа она уехала.

В ту ночь король Водлевский сжёг все её вещи, все портреты, всё то, что напоминало ему о гордой дворянке из Сербии. О том, что нашёлся кто-то, кто задел его самолюбие, его гордость.

О том, что у него всё-таки была душа.

— Поверить не могу, — Станислав выглядел совсем потерянным, он явно не ожидал ничего из увиденного. — Нет, нет, ты просто подменил правду ложью, такому сильному вампиру это вовсе не сложно проверить. Пусть и на том свете. Мама не могла так. Она меня всегда любила!

— Не кричи, на неё похож становишься, — Кшиштоф поморщился. — Твоя мать не святая, а это говорит тебе человек, который её действительно любил и любит по-своему по сей день.

— Но как она могла на такое пойти? Нет, быть не может, — возразил Мнишек,

поднимаясь и начиная ходить туда-сюда по шатру. — Одно там не обман — ты действительно лжёшь.

— Нет, — устало ответил Водлевский. — Я клянусь, что нет, Невена действительно ушла от меня сама, а потом отказалась принять помощь. Гордыня не дала ей этого сделать. Страшный грех, очень страшный. Он сломал тебе жизнь.

— Жизнь мне сломал ты, — Станислав резко обернулся и со злостью посмотрел на него. — Ты и никто другой.

— Да ты сам видел, что случилось! — возразил Кшиштоф. — Стась, сатаны ради, побудь хоть раз мужчиной, а не мальчишкой, и посмотри истине в глаза. Невена, безусловно, ни раз и ни два пожалела о своём решении, но вновь её гонор не дал ей вернуться. Она оклеветала меня, лишь бы чувствовать себя не самой плохой матерью. И только.

— А ты сейчас врёшь, чтобы чувствовать себя не самым плохим отцом? — парировал Мнишек. — Не лучший способ оправдаться.

— Пока ты не научишься слышать других и думать своей головой, ты ничего не добьёшься, кроме горы трупов и рек крови, Станислав, — тихо ответил Водлевский.

— Кто бы говорил! — мстительно отозвался тот, но его уже не слышали — Кшиштоф исчез, даже не попрощавшись.

Мнишек упал на кровать и слабо ударил кулаком по одеялу, кривя губы. Остатки пьянящего чувства триумфа окончательно исчезли, а на их место пришла застарелая неуверенность. Кто он? Чего он достоин теперь? Как могла бы сложиться его жизнь, будь всё иначе? Сложилась ли бы вообще? Эти вопросы терзали Станислава с новой силой, и он медленно проваливался в пучину того же отчаяния, что и много лет назад, в ту самую ночь, когда сущность мороя впервые дала о себе знать.

Зачем тогда, в войне с русским царём, он выбрал жизнь, а не смерть от ран?

Зачем он вообще есть?

Мнишек попросту не знал, кому верить. Он очень любил мать и не готов был усомниться в её словах, но то, что показал ему Кшиштоф, заставило его задуматься. Разве можно подменить столько и так? Да и зачем тратить столько сил, чтобы что-то доказать ненужному сыну, который, ко всему прочему, ещё и отцеубийца? Станислав не осмелился бы утверждать, что всё подстроено настолько хорошо, нет.

Тогда что же это?

Неужто правда, которой он порой так боялся?

Станислав хорошо понимал, что независимую сторону ему в этой давней ссоре уже никогда не найти, да и искать он, по чести сказать, боялся — он не хотел разрушать то небольшое, что было в прошлом дорого.

Правда режет острее всего, и даже морой — венец творения — не останется невредим, а нанесённая рана не затянется мгновенно и долго ещё будет напоминать о себе.

Так действительно нужно знать то, как всё было на самом деле?

Глава сорок седьмая

Влад умел воевать. Он знал это искусство в совершенстве, но предпочитал после становления уже никогда к нему не обращаться — Влад хорошо знал, чем кончается любая война.

Большим разочарованием.

Много погибших, много боли и страха, разруха, и никакого толку, потому что вскоре всё придётся начинать сначала, ведь людям свойственно браться за оружие в случае недовольства. А недовольства, надо признаться, возникали часто. Особенно в беспокойный век Дракулы.

Вот и сейчас он оказался среди двух противоборствующих сторон: польских вампиров и балканских стригоев. Влад на эту борьбу интересов смотрел сквозь пальцы и лишь усмехался на эти жалкие попытки вернуть справедливость. Все они там были одинаково неправы и друг друга стоили. Разве что Вацлав Левандовский Дракуле был приятнее нежели Станислав Мнишек.

Влад не был снобом и никогда не презирал стригоев, предпочитая смотреть на дела, а не на происхождение, и никакой ненависти к нынешнему противнику не пытал. И Дарко Вереш, и Драгош Микулэ были достойными людьми, как впрочем, и главы кланов, согласившихся сразиться на стороне Мнишека. Единственным, кто вызывал опасения и недоверие, был Каслав Новак, но Дракула не придавал этому значения — подозрительность, появившаяся ещё при смертной жизни, часто напоминала о себе.

Влад вступил в эту войну, хорошо понимая, что из этого всего выйдет, и воспринимал происходящее как шахматную партию, но не более. Он был прекрасно осведомлён, что при любом исходе к нему всё равно придут просить помощи и совета, а остальное... Какое ему, Владиславу Бессарабу, господарю Валахии и графу Дракуле, вообще было до этого дело? Влад не отличался человеколюбием и желанием спасти всех и вся, прибегая к таким поруганным понятиям, как честь, доблесть и благородство. Он не желал быть рыцарем, ангелом-хранителем или милосердным покровителем. Влад мог себе позволить иногда помочь кому-то в качестве знака расположения или чего-то подобного, но вот делать это всегда он готов не был. Дракула давно усвоил, что у всех свои интересы, и он ими пренебрегать не собирался ни в коем случае — и так уже достаточно потерял, пытаюсь жить по совести.

Тем временем польская шляхта отчаянно проигрывала уже два или три месяца и уповала лишь на то, что когда войска Книнского принца подойдут к Варшаве, Влад вдруг достанет из ниоткуда тысячи воинов и защитит Польшу от врагов или сумеет договориться с жаждущими расправы стригоями. Дракула на это лишь посмеивался и где-то в глубине души жалел лишь женщин и детей, ставших заложниками бахвальства и гонора мужей, отцов и властителей. Только и всего.

— Размышляешь о высоком? — тихий смех раздался где-то поблизости, и перед Владом предстал Раду.

— Твоя привычка появляться из ниоткуда когда-нибудь тебя подведёт, — беззлобно отозвался Дракула. — Вспомнил о брате?

— Только не говори, что тебе завидно, что я так хорошо сошёлся с Рихардом, — ухмыльнулся Ливиану. — Зависть — очень плохое чувство.

— Не притворяйся Ловичем, у тебя плохо получается, — Влад расхохотался, а от весёлости брата на душе стало немного полегче. — Ну так что случилось?

— Случилось? Да нет, я бы так не сказал. Оно ожидалось, оно есть и будет, не уверен, что это теперь возможно назвать случаем, — мягко отозвался Раду, подойдя ближе. — Стригои медленно оттесняют вампиров обратно к границам Речи Посполитой. Вскоре они будут оттеснять их уже к Варшаве. Превосходная подготовка, я горд ими.

— Да, они никогда не забывали, что война может нагрянуть в любой момент. Если бы не король Кшиштоф, то вампиры и стригои могли бы образовать отличный союз — сильное и обученное войско вкупе с невероятными талантами в стратегии и государственном устройстве, — Дракула слегка кивнул, задумчиво прикрывая глаза. — В том вопрос, что надобности так объединяться против кого-то у них нет, поэтому они объединяются против друг друга.

— Это свойственно всем, кто хоть немножечко жив, — пожал плечами Раду. — Ты поможешь им? Если, конечно, не случится чудо, и вампиры победят сами.

— Да нет, — Влад покачал головой. — Я, знаешь ли, не нанимался быть Господом Богом, который всегда простит и спасёт, — он немного помолчал, испытующе глядя на брата, а затем всё же добавил:

— Да и гадко, если честно. Понимаешь ли, Раду, сколько ворона ни мой, он всё равно будет чёрным. Так и здесь. Сколько бы они ни поносили короля Кшиштофа, вина его во всех бедах, сами лучше и чище не станут. Разве не могли польские вампиры договориться с Книнским принцем после смерти Водлевского? — Влад внимательно посмотрел на брата, и тот понимающе кивнул, будучи согласным. — Разве вездесущий Левандовский не сумел бы убедить Дарко Вереша принять дружбу шляхты вновь? Поверь, бескоролье давало немало возможностей, но он не воспользовался ни одной. Как и Потоцкий, как и воеводы, как и покойный Концепольский. Знаешь, я слышал их разговоры с Анной — сплошные оправдания того, почему они сидели сложа руки во времена Кшиштофа. Не давали сказать, не давали поспорить, одни сплошные «не», — тут Дракула ненадолго остановился, позволив себе презрительно улыбнуться, и было в этом столько язвительного и уничижительного, что Раду невольно поёжился. — Водлевский был тираном, но не дураком. Он хорошо понимал, что если шляхта восстанет, ему придётся принять её условия. Милый брат, люди — это огромная сила, способная смести всё на своём пути, лишь бы добиться того, что им нужно. Эта истина стара, она известна ещё со времён древних народов: Греции, Рима... В конце концов, скоро сто лет с того, как казнили английского короля! И после этого Левандовский говорит, что он чего-то не смог?

Раду медленно кивнул, скрестил руки на груди и некоторое время ходил по комнате туда-сюда. В полумраке он казался тенью, почти что игрой сознания, и Влад вдруг ощутил, будто вернулся в то далёкое время, когда мёртвый, как он думал, брат мерещился ему везде и словно выступал совестью только ставшего бессмертным брата.

Вот и сейчас Дракула вдруг подумал, что Ливиану готовится дать ему отповедь, указать на жестокосердие, на чёрствость по отношению к другим — Раду всегда был гораздо более чувствителен к чужому горю, нежели его старший брат. Возможно, он видел в жизни меньше зла или после всего сумел сохранить хоть что-то светлое в душе — Влад никогда не спрашивал про это, потому как догадывался, что ответ будет совсем иной. Раду знал слишком много того, что ему знать не стоило, и не хотел, чтобы это хоть когда-нибудь коснулось других.

— А ведь ты прав, — меж тем ответил Ливиану, коротко усмехнувшись. — Нет, это не война за что-то высокое, это война интересов. И она всегда таковой была. Станислав хочет власти, Вацлав хочет эту власть удержать, только и всего, — он устало вздохнул. — Мы это проходили, проходили не раз, и я теперь с уверенностью могу сказать: такой борьбы за справедливость не бывает, потому как сама она изначально несправедлива ко всем, кто оказался рядом.

— Таково насилие, — коротко ответил Влад.

— Верно. Так что мы сделаем? — Раду подошёл к нему вплотную, посмотрел в глаза. — А, хитрый брат? Мы дали им войска, расположение, мы дали им влияние, но они и этим не сумели воспользоваться. Когда я приехал сюда, то думал, что польская шляхта хоть на что-то способна, но увы. Со смертью князя Иеремии и гетмана Собеского Речь Посполитая утратила своё могущество.

— Ты прав, — Дракула нахмурился, размышляя над его вопросом. — Не знаю я, что нам делать. предавать я не люблю — сам испробовал этого сполна — а это будет именно предательство, но и делать всё за них не вижу смысла.

— Выгоды. Называй вещи своими именами, будь добр, — изящно поправил его Раду.

— Да, это так. Во всяком случае, я бы хотел, чтобы шляхта со своими проблемами разбиралась сама — не я их создал, и не мне расхлёбывать. Я не хочу портить отношения с балканской знатью из-за гонора горстки забывшихся вампиров. Они сами хотели этой войны, они её получают сполна, — отозвался Влад.

— Верно, люди не начинают сражаться, не имея намерения, а в любой бойне всегда виноваты обе стороны, — согласился Ливиану. — Я уверен, что вампиры хотели воевать и думали, что готовы к этому. Они сумели убедить в этом нас, но в конце концов всё вышло совсем иначе.

— Совершенно, — фыркнул Дракула. — Мы будем ждать, брат. Отойти в сторону уже поздно — мы тоже виноваты, раз глупо вступили в эту игру, но ещё не поздно сделать так, чтобы её исход случился в нашу пользу.

— И как же? — терпеливо осведомился Раду.

— Мы постараемся уговорить Книнского принца выйти из союза. Я уверен, что он уже сомневается в том, что затеял. Да и не нужна Верещу эта война — сколько я его помню, он всегда желал мира, пусть и не умел о нём договариваться. Конечно, его дед, король Бела, хотел от него иного, но что вышло, то вышло. Да и Бела, как известно, лежит в земле, а вот Дарко несмотря ни на что жив, — отвечал Влад, подходя к окну.

— Книнский принц жаждет найти того, кто убил его детей, — напомнил Ливиану. — Это для него важнее всего, и он не отступит, пока не отомстит.

— В таком случае, мы найдём тех, кто это сделал, — отозвался Дракула. — Я знал Драгоша Микулэ, и после смерти Ружи ему... стало хуже, если можно так выразиться. Он и раньше-то не слишком любил пиры и веселье, предпочитая жизнь затворника и служение своему домнуде, но когда речь заходила о присутствии где-то Ружи, он рвался туда, как безумный.

— Ты думаешь, Драгош любил её? — уточнил Раду.

— Да, если ему вообще знакомо это чувство, — кивнул Влад. — Так вот, Драгош в своё время оказал мне очень большую услугу. Жаль его. Да и Ружу жаль, славная была девушка.

— Хорошо, брат, я сделаю то, о чём ты просишь, — кивнул Ливиану.

— А я ведь ни о чём покуда не просил, — покачал головой Дракула.

— Ты подумал, а я прочёл, — Раду тонко улыбнулся. — Впрочем, я тоже хочу найти убийц. И, вероятно, я знаю, как это сделать.

— В таком случае, я буду ждать, — тихо ответил Влад. — Прекратим и по домам. У тебя свой край, у меня свой. А там мир, покой и никакой политики.

— Она утомила тебя, брат? — усмехнулся Ливиану.

— Прискучила, — отозвался Дракула. — Впрочем, посмотрим, быть может, будущее ещё преподнесёт нам любопытные сюрпризы. Кого там отправили управлять армией?

— Вишницецкого, — Раду скривил губы. — Такого олуха я не видал с роду.

— Я разделяю это мнение, — Влад задумчиво оперся на подоконник. — Кто бы мог подумать, что мы так быстро примиримся и прекратим спорить?

— Общий враг всегда сближает, Влад, как и общие интересы, — тихо ответил Ливиану. — Хотя... Знаешь, много воды утекло с тех времён, когда мы были по-настоящему в ссоре. Я ведь вспоминал тебя, но всё больше потому, что скучал. Когда живёшь уже который век, начинаешь смотреть на всё иначе. Начинаешь думать, переосмысливать. Какой толк ругаться, если ещё во время смертного существования было понятно, что это делает только хуже?

— Ты прав, ты всё верно говоришь, — согласился Дракула, подойдя к нему и положив руку на плечо. — Я тоже пришёл к этому, да и... Нас не так много осталось, чтобы продолжать все эти распри, верно?

— Верно, — Раду рассмеялся. — Я люблю тебя, брат, и всегда любил, пусть и совершал глупости. У меня нет никого роднее тебя. Даже Михня не был мне так дорог, как был ты.

— И я тебя люблю, — Влад ненадолго обнял его. — Знаешь, Михня, пусть и был с нами но всё больше занимался своими делами. Первенец, старший сын, он был важен отцу. Михня ведь стал бы править после его смерти.

— Но его заколотили в гроб живым, — глухо отозвался Раду. — И остались мы с тобой.

— Если бы я верил в Бога, то я бы попросил его сейчас за Михню, — горько произнёс Дракула. — Он был достойным человеком, он мог бы быть великим господарем. Но увя.

— Как будто ты не знаешь, что Бог всё-таки есть, — попытался пошутить Раду, чтобы хоть немного развеять грусть, но вышло плохо.

— Есть. Я не так выразился, да. Я уверен в существовании Бога, но я больше не верю в его силу, — Влад криво улыбнулся, но печаль из его взгляда уже пропала. — Впрочем, время приниматься за дело. Я слышал, что Милинский может то, что недоступно нам.

— Верно, он видит людей насквозь, — подтвердил Ливиану. — И?

— Поговори с ним. Я думаю, он может что-то знать, если это, конечно, называется так, — попросил Влад.

Раду коротко кивнул и тут же растворился, оставляя брата одного наедине с мыслями и воспоминаниями.

***

Вацлав Левандовский ходил туда-сюда по гостиной, заложив руки за спину, он был сердит и недоволен. Анна сидела в кресле и привычно вышивала, краем глаза следя за другом, но молчала, не желая ему мешать. Когда Вацлав захочет, то сам заговорит с ней — это княгиня Вишницецкая знала наверняка.

— Мы пропали, — наконец прервал затянувшуюся тишину Левандовский. — Анна, мы пропали! — он устало опустился в кресло рядом. — Что нам теперь делать? Что мне теперь делать?

— Я не знаю, — сухо ответила Анна и принялась за последний лепесток цветка. Она уже давно осудила всё происходящее и не желала иметь с войной ничего общего — Анна считала, что это грязно, мерзко и глупо, а обо всём можно договориться, если очень захотеть. Разве не так учил её Вацлав? Рихард с Вишницецкой был полностью согласен и всегда поддерживал её, у Вацлава же соратников не было — Лович, сломленный потерей стольких людей и услышанными исповедями, отказался с Вацлавом и прочими даже говорить. Анна часто навещала его и старалась хоть немного украсить его жизнь, но выходило плохо — Анджей ничего не замечал и замечать не хотел. Он погрузился в молчаливый траур и привычные самобичевания. Штраус, решив, что армии шляхте достаточно, тоже никакого участия в политике не принимал — он заперся в библиотеке и искал что-то своё, хотя Анна подспудно понимала, что он всё равно попытается сорвать куш. Она не знала, как это будет выглядеть, но чутьё её с недавнего времени не подводило.

— Ануся, девочка моя, — осторожно начал Вацлав, беря её за руку, — мне нужна твоя помощь. У меня... У меня не осталось никого, кто бы мог меня выслушать. Но ты...

— Бог с тобой, — Вишницецкая позволила ему уткнуться себе в плечо и обняла. — Ты устал, Вацек, ты просто устал. Ты не король по натуре своей, война тебе не к лицу. Это не твоё место, понимаешь? Только и всего. Да и вообще всё это глупо и бесполезно. Однако мужчины такое любят.

— Не я начал эту войну, — заметил Левандовский.

— Не ты. Но ты её поддержал, — мягко ответила Анна. — Впрочем, это уже неважно. Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты была рядом, — тихо признался Вацлав.

— Жениться тебе надо, Левандовский, — серьёзно посоветовала Анна. — Жениться. Что бы ты там не говорил про любовь и свои опасения, тебе этого не хватает.

— Может, так. Надо было выбирать тебя, — усмехнулся тот.

— Увы, поздно, — Вишницецкая тихо вздохнула. — А я вот скучаю по Матиушу. Эта война отняла его у меня. Он пишет мне длинные письма, и я чувствую, как ему тяжело. Как тяжело всем вокруг. Зачем, зачем это всё началось? — она всхлипнула.

— Это... — начал было Вацлав, но Анна перебила его:

— Не оправдывайся. Я и так прекрасно вижу, что это.

— Прости. Я думаю, ты не так представляла себе жизнь ещё пару лет назад, — Левандовский вздрогнул.

— Какая уже разница, — Вишницецкая справилась с собственной истерикой и вымученно улыбнулась. — Но ты пришёл мне что-то сказать. Что? Не томи, а то помру от любопытства, — она укоризненно посмотрела на Вацлава.

— Понимаешь ли, я не питаю иллюзий по поводу того, что твой муж умеет, а что нет. Я думаю, воеводы просто устроили заговор против меня, чтобы сместить руками стригоев, это уже ясно. Словом, скоро враг подойдёт к Варшаве, — отвечал он, боясь поднять на неё глаза.

— И что? — Анна выжидающе выгнула бровь.

— Тебе с Рихардом и Тадю придётся уехать в Краков к пани Телимене. Я уже всё продумал. Так будет лучше и безопаснее для всех, — произнёс Левандовский.

— Господь с тобой, никуда я не поеду, — Вишницецкая покачала головой. — Моё место здесь, я не буду прятаться! Я не изнеженная княгиня, Левандовский, я не эта... Елена, и прочие девки, что раньше крутились вокруг моего мужа!.. — она снова всхлипнула, но сдержалась и не дала себе плакать, словно малое дитя.

— Я пообещал Матиушу, что ты будешь как можно дальше от всего, что может тебе так или иначе навредить, — парировал Вацлав.

— Я теперь шляхтянка, пан король, и вы не сможете так просто мной распоряжаться, — Анна впервые за всё время разом припомнила самую большую обиду, которую ей когда-то нанесли.

— Анна, я прошу тебя... — Левандовский устало посмотрел на неё.

— И я тебя, Вацлав, — Вишнивецкая погладила его по щеке. — Ну не могу я так... Нехорошо это. И прости, что-то я не уследила за языком.

— Это мы должны просить у тебя прощения, — серьёзно ответил Вацлав.

— Ладно, кто старое помянет... Забудем, все мы были хороши, — решила Анна, выпрямляясь. — Но я никуда не хочу, так и знай.

«Это мы ещё посмотрим», — подумал Левандовский, всё же намереваясь съездить к единственному человеку, которого Анна слушала — к сломанному, но всё ещё сильному Ловичу.

Глава сорок восьмая

Анна долго не могла заснуть — ей не давали покоя мысли о муже, о том, что вражеские войска вот-вот подойдут к Варшаве, о том, что все сейчас в большой опасности. Она промучилась так с час или около того, а затем встала, кинула взгляд на перламутровый циферблат, едва видневшийся в слабом свете канделябра — полночь. Вишницецкая невесело усмехнулась, припомнив все известные поверья об этом времени суток, нашла домашние туфли, накинула на плечи шлафрок и запахнулась в него. Уже было довольно холодно, пусть и особняк хорошо отапливался, а Анна не хотела заболеть. Она вышла из комнаты и хотела было направиться в библиотеку, как за спиной у неё возник Рихард.

— Что-то случилось? — он осторожно обнял её, и Вишницецкая ласково погладила его по голове.

— Нет, просто уснуть не могу, — она слабо улыбнулась. — Милый мой Рихи, я тебя разбудила?

— Я ещё не ложился, — покачал головой Милинский. — Я чувствую, что тебя что-то беспокоит, но что? Расскажи мне. Я видел, что Вацлав приезжал к тебе. Что он говорил?

— А ты уверен, что хочешь это услышать? — ласково спросила Анна. — Ты ведь и так вечно хранишь чужое горе. Ты не раз спасал меня, я это хорошо помню. Тебе не будет тяжело сделать это вновь, после стольких потрясений?

— Пока я это делаю, я чувствую себя хоть чуточку нужным, — глухо отозвался Рихард. — Тяжело ощущать себя бесполезным, тяжело понимать, что окружающим плохо, а ты ничем не можешь помочь. Поэтому я...

— Но ты нужен и просто так, — возразила Вишницецкая, прижимая его к себе. — Хороший мой, конечно же, ты нужен и просто так, как иначе?

— Милая добрая Анна, — с улыбкой ответил Милинский. — Но мне правда интересно, — продолжил он.

— Изволь, — кивнула та. — Идём в гостиную, и я поведаю обо всём, что знаю.

— Хорошо, — они вместе спустились по высокой лестнице вниз. Было темно, Анна не видела, куда шла, и доверялась лишь Рихарду, прекрасно обходившемуся без света. Тот вёл её, мягко придерживая за руки и приобняв за талию, и Вишницецкой было вовсе не страшно. Она не боялась выступающих из тьмы рам, не боялась, что оттуда полезут призраки бывших хозяев дома — она была не одна.

— Так что он говорил? — Милинский зажжёт два канделябра у камина, осторожно усадил Анну на софу, укрыл пледом, чтобы не мёрзла, и устроился рядом.

— Он хотел, чтобы я с тобой и Тадю поехала в Краков, к пани Телимене. Чтобы была подальше от войны. Вацлав уже не верит в успех собственной армии, — тяжело вздохнула Вишницецкая.

— Раду и пан Дракула тоже, — признался Рихард. — Раду поделился со мной подробностями их с братом беседы. Они недовольны результатами того, во что вложились, они недовольны нынешним состоянием войск и границ... Словом, шляхта знатно напоролась. Раду сказал, конечно, что нас никто не бросит, но сама понимаешь, как это выглядит. Знал я такое положение.

— Не к добру всё это, — просто рассудила Анна, нахмурившись. — Я тоже не рада войне, но что уж делать, раз ввязались, верно? Глупо, конечно, гонор играл, как выражается

пан Штраус, но поздно об этом думать, раньше надо было.

— Это правда, — согласился Милинский. — Странно вообще-то выходит: ведь всего этого можно было избежать, если бы Вацлав договорился со стригоями. Я знаю, зачем связался в бой Дарко Вереш — он хочет отомстить. Остальные пошли за ним. Можно ведь просто найти тех, кто убил Ружу и Звонимира, выдать, а там уж обо всём мирно договориться. Я же всё так говорю, да?

— Так-то оно так, — Вишницецкая призадумалась. — Кому надо поддерживать Мнишека? Я его видела всего раз, но скажу честно: при всём уважении я бы такого человека никогда не поддержала, а я женщина! Мужчины уж явно поболее моего знают.

— Стась не глупый, просто... несдержанный, наверное, — признал Рихард. — Ну да ладно, в целом-то, ты говоришь всё верно. Я бы тоже за ним не пошёл, если бы знал то же, что и все. А мне кажется, они с паном Верешем не так уж хорошо дружат. Остальные кланы опять же идут за ним.

— Значит, вся сила Мнишека преимущественно строится на чужом желании мести, — кивнула Анна. — То есть, чтобы сломить его, надо просто помочь пану Верешу отомстить. Собственно, об этом мы уже говорили.

— Да, — Милинский подтянул колени груди, положил на них подбородок. — Что-то тут такое есть... Подвох какой-то, не иначе.

— Погоди-ка, а я поняла, — Вишницецкая поправила волосы. — Вот смотри, представь, что ты король.

— Допустим, — Рихард принял важный вид.

— Вот есть у тебя подданные, — продолжала Анна. — Есть те, которые тебя уважают, а есть те, которым ты не очень нравишься.

— Допустим, — кивнул Милинский и насупился, пытаясь глядеть вокруг строго.

— И вот представим, что те, кого ты должен выдать на смерть — твои сторонники. Они тебе за такое спасибо не скажут, как и прочие, — рассудила Вишницецкая. — И не будет сторонников. А если это окажутся твои противники, то и того хуже — будет бунт.

— А если и те, и другие, то дворцовый переворот, — закончил за неё Рихард. — То есть, ты хочешь сказать, что Вацлав хочет удержать трон?

— Ну конечно! Так ведь тут ещё дело в чём? А в том, что убийц сначала найти надо. Как их искать-то? Признаться никто не признается, а свидетелей нет — либо погибли, либо сами участвовали в расправе, — Анна замолчала, получше укуталась в плед.

— Это верно, — Милинский прижался к ней. — А пан Вереш вряд ли бы стал ждать — тогда он уже был достаточно настроен тогда идти войной. Да и, наверное, его люди бы ему тоже не дали — у них свои счёты с вампирами. Он пошёл бы воевать лишь потому, что этого хотят его подданные. Он, как и Вацлав, не хочет терять власть.

— И тогда мы приходим к тому, что война — это всё ещё очень глупо, но хоть какая-то логика у них была, — заключила Вишницецкая. — Печально это, но зато стало немножечко понятно, что вообще происходит.

— Вот и разобрались, — фыркнул Рихард. — Но сейчас Раду планирует найти тех, кто убил Ружу и Звонимира. И выдать.

— Да уж, теперь это действительно лучший выход — с таким решением нынче никто спорить не станет, — согласилась Анна. — Да только удовлетворится ли этим пан Вереш теперь?

— Я не знаю. Хотя бы потому, что лично его видел, пожалуй, очень и очень давно. Мне

кажется, мы даже не разговаривали, — ответил Милинский.

— Тяжко, — Вишницецкая зевнула, поспешно прикрыла рот ладонью. — Ой, вот теперь мне точно пора спать — забываю, как надо себя вести.

— Я тебя умоляю, все свои, — Рихард улыбнулся.

— А всё равно. Ладно, пойдём, — Анна нехотя поднялась, следом встал и Милинский. Они вместе поднялись обратно и, тепло пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по комнатам.

В спальне Вишницецкую ждал сюрприз — на одеяле важно сидел Тадеуш и обнимал зайца, ожидая мать.

— Ты что тут делаешь, солнышко? — Анна забралась на кровать, крепко обняла тут же подползшего Тадю и укрыла одеялом.

— Вы говорили, и я проснулся, — пожаловался тот.

— И всё слышал, верно? — Вишницецкая поцеловала его в затылок.

— Нет. Это плохо, — коротко отозвался Тадеуш, устраиваясь поудобнее. — Ма, спать, — он зевнул.

— Хорошо. Спать так спать, — согласилась Анна, коротко улыбнувшись. Как он всё-таки был похож на отца. На сердце вдруг стало немного больно — Анна действительно скучала по мужу, Анна боялась за него, Анна молила Бога, чтобы он вернулся живым и невредимым.

«Не поеду никуда, ни за что не поеду, — подумала она, закрывая глаза. — Если только он сам не попросит».

***

— Послание от пана Вишницецкого, — Якуб с поклоном протянул Вацлаву конверт. — Пан желает что-то ещё?

— Нет, можешь быть свободен, — покачал головой Левандовский. Он ждал этого письма, а потому тут же распечатал его, опустил за стол и наконец вчитался в неровные строки. Матиуш писал, что дела обстоят хуже некуда: он едва справлялся с войском, стригои уже давно оттеснили их за границы своих владений и теперь разоряли Польшу, при всём при том успевая укреплять дальние рубежи. Впереди сражались воины клана Вереш и Морару, сзади стояли кланы Мареш и Чеботари — словом, противник очень хорошо подготовился к битве. В отличие от вампиров.

Вацлав отложил отчёт, тяжело вздохнул, запустил пальцы в волосы, не зная, что делать. Он давно не чувствовал себя настолько отвратительно и гадко. Настолько неудобно перед всеми, кому он обещал победу и славу. Кому обещал добычу и богатство. А больше всего ему было стыдно перед Анной, перед её сыном — они ведь могли лишиться любимого человека в этой страшной бойне.

Он поднялся, прошёлся от окна до окна, присел на подоконник. Вацлав знал, что нельзя бездействовать, но понятия не имел, что ему делать. Становилось ясно, что пора идти на поклон к вечно ухмыляющимся Владу и Штраусу, пора просить о помощи их, потому что другого выхода попросту нет. Войско ему взять неоткуда, договариваться только с ним тоже никто не станет. Как же Левандовский ненавидел собственную беспомощность!

Ещё раз перечитав отчёт, он вдруг зацепился взглядом за короткое: «Я прошу тебя, увези Анусю и Тадю подальше от Варшавы». Вацлав сначала не поверил увиденному, а затем облегчённо улыбнулся. Одной проблемой как-никак меньше. Уж мужа-то Анна должна была послушать при всём упрямстве, ведь будучи вольной княгиней, она всё равно оставалась

женщиной и никогда с этим положением не спорила. Левандовский бы всё отдал, лишь бы она и её ребёнок были в безопасности, и просьба Матиуша оказалась поистине спасением. Не надо было ехать к Ловичу, не надо было его, усталого и несчастного, мучить чужими бедами, не надо было никому врать — теперь всё сложится само.

— Якуб! — позвал он. — Приведи мне сюда Рихарда Милинского.

— Но пан, он же спит, — слуга возник из ниоткуда, поклонился.

— Ничего, это действительно важно, — заверил Вацлав.

Через пару мгновений перед ним возник недовольный Рихард и скрестил руки на груди, выжидающе глядя.

— Ты время видел? — вкрадчиво спросил он. Левандовский кивнул.

— Если то, ради чего я здесь, окажется очередной твоей блажью, я за себя не отвечаю, — ласково предупредил Милинский, по-хозяйски устроившись в кресле у камина. Вацлав вернулся на подоконник, усмехнулся.

— Вампирам всё равно, сколько и как спать, в сущности. Во всяком случае, они не испытывают то же, что и люди в схожей ситуации, — заметил он.

— Не знаю, как прочие, а мне лично это не нравится, — парировал Рихард. — Так что тебе нужно, король?

— Ого, ты даже вспомнил, кто я. Похвально, — сыронизировал Вацлав. — Мне, Рихард нужно, чтобы ты поехал с Анной и Тадеушем в Краков.

— Я уже в курсе. Это всё? — Милинский как бы невзначай выпустил клыки.

— Не всё. Что ты знаешь о планах Мнишека? — терпение Левандовского плавненько кончалось, но для дела он готов был сдерживаться. — Не отпирайся, мне известно, что вы видите. Ты этого не прячешь.

— Верно, иначе ты и сам залезешь ко мне в память и найдёшь всё, что нужно — в таком ты отчаянии. Ничего, — вполне честно ответил Рихард. — Да правда ничего, не смотри так, — добавил он, поймав подозрительный взгляд Вацлава.

— Я ведь не просто так спрашиваю. Анна поедет не по защищённой дороге — у нас нет никого, кто бы смог обеспечить её безопасность. Ясное дело, что о ней вряд ли кто-то знает и она никому особо там не нужна, но я хочу быть уверен, что Мнишек не воспользуется неожиданной возможностью взять заложников, — пояснил Левандовский.

— Не воспользуется, — уверенно ответил Милинский. — Я его знаю, он не воспользуется.

— А почему я должен принять это как правду, напомни, — Вацлав прищурился. — Рихард, мы все относимся к тебе с уважением, потому что Велислав за тебя поручился, мы прощаем тебе все твои причуды, но за Анну я глотку порву любому, ты это понимаешь?

— Почему-то в те страшные дни, когда она умирала от боли, рядом с ней был только я, — тихо ответил Рихард. — Я готов поклясться всем, чем хочешь, что не лгу — Анна мне тоже не чужая, — он отвернулся. — Она меня любит. Она единственная меня любит. Пан Велислав, помнится, взял надо мной опеку, но что-то я не вижу особого проявления чувств, — с какой-то странной обидой в голосе добавил он.

— Извини, — Левандовский понял, что такое недоверие было лишним. — Я не хотел тебя задеть, просто...

— Просто время такое. Вы с Вишнивецким говорите слово в слово, — закончил за него Милинский. — Если вкратце, я с ней еду, защищаю от всего, а если вдруг узнаю, что ей угрожает опасность — сообщаю тебе. Это всё?

— Всё, — кивнул Вацлав. — Теперь можете продолжить прерванный сон.

— Если смогу, — фыркнул Рихард и исчез. Левандовский остался один.

***

— Что вы решили, герр Штраус? — Ганс положил на стол ещё одну книгу. — Уже который месяц читаете да читаете... Глаза устанут!

— Я вампир, и мне это не доставляет неудобств, — напомнил Максимилиан.

— Однако вы вечно в очках, — заспорил слуга.

— С этим я поделаться ничего не смогу, — покачал головой Штраус. Он уже привык к полумраку библиотеки и теперь совершенно не хотел покидать уютных стен, ему нравилось и здесь, среди массивных дубовых шкафов и старых фолиантов.

— И всё же. Вы тут давно, придумали что? — спросил Ганс, усаживаясь рядом. Его внимательные серые глаза смотрели на господина прямо, но с почтением.

— Придумал. Точнее, нашёл путь, который нам поможет и на который не понадобится класть так уж много жизней, — довольно отвечал Максимилиан, ища нужную страницу. Эта книга была особенно старой, заботливо написанные буквы понемногу выцветали, пергамент пожелтел, а переплёт заметно истрепался.

— И вы предложите его? — осведомился слуга, с интересом глядя на господина.

— Да. Правда, не королю, — Штраус усмехнулся. — Вацлав хороший правитель, очень хороший. Он, конечно, ошибся, но это нестрашно, с многими случается. Но тут дело в ином — он слишком... гуманный. Левандовский просто на подобное не согласится, это я уже знаю — не в первый раз случается подобный прецедент. А вот Вишницецкий...

— Он тоже, кажется, не то чтобы любит проливать кровь, — осторожно заметил Ганс.

— Верно, но управлять им просто, — Максимилиан откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. — Думаешь, он встал во главе армии потому, что что-то может? Нет. Он туда был поставлен потому, что им можно управлять.

— Не спорю, — слуга призадумался, нахмурился. — А вы уверены, что он другу-то своему ничего не скажет?

— Да куда там... Письма идут долго, их и перехватить могут, — тут Штраус как бы невзначай поправил очки, хотя они идеально сидели на переносице. — Отправиться к нему лично у него тоже не выйдет, он пока не настолько силён, чтобы перемещаться так далеко. Так что мы будем один на один. Даром убеждения я обладаю, остальное же — дело времени.

— Гладко говорите, герр, да только поостереглись бы. А никак откажется? Даже слепая курица иногда находит зёрнышко, — возразил Ганс. — Всякое мы с вами повидали, а?

— Кто не отважен, тот не выигрывает, — легко парировал Максимилиан. — Хотя бы попытаться нам стоит. А там... Будь что будет. Если Матиуш окажет достаточно серьёзное сопротивление, я просто оставлю его в покое — не хочется тратить силы попусту. Сам же знаешь, дела в Восточной Европе меня вообще-то не касаются, — напомнил он.

— А и верно, — кивнул слуга. — А и пусть. Ну, тогда мне остаётся пожелать вам удачи, герр Штраус.

— Благодарю, — тот поднялся. — Ну что ж, пора, пора! Дела не ждут, — он быстрым шагом покинул библиотеку, воодушевлённый своей же идеей, следом пошёл и Ганс, благодаря Господа за то, что его хозяин наконец-то отдохнёт.

***

Дарко Вереш не ждал гостей — он уже было приготовился лечь, как в палатку зашёл верный Новак, поклонился.

— Подойди, — Дарко кивнул ему, сел на расшитую золотом подушку, скрестил ноги. Каслав приблизился, опустился рядом, мельком отмечая узор трофейного турецкого ковра. В шатре царил полумрак, и от этого двум стригоям было спокойнее.

— Мой господин, в стане короля Вацлава есть предатель, — тихо сказал Каслав, кинув короткий взгляд на полог, едва кольшущийся под порывами неприятного осеннего ветра.

— Откуда ты знаешь? — Вереш прищурился — он не любил подобных новостей, потому что они не раз выходили ему боком.

— Он ждёт встречи с вами, хочет рассказать что-то действительно важное, — тихо ответил Новак. — Это явно вампир, я почуял... Думаю, нам стоит с ним поговорить.

— Кто он? — спросил Дарко, заметно напрягшись.

— Он отказывается показать своё лицо, а голоса я не помню, — вздохнул Каслав. — Если что, мы убьём его.

— Я не привык действовать так, но что делать, — согласился Вереш. — Я сейчас соберусь, — он поднялся.

— Вас что-то тревожит, — Новак видел его неуверенность, даже подобие страха.

— Да, — Дарко обернулся, устало посмотрел на него. — Боюсь, что я-то как раз его узнаю.

Глава сорок девятая

— Он велит мне ехать? — Анна употребила это хлёткое слово впервые за два года, и Вацлаву сделалось не по себе.

— Он просит, — ответил он, низко опустив голову и глядя себе под ноги — слишком боялся, что в глазах княгини Вишницецкой прочтёт всё то же, что когда-то читал в глазах крестьянки — безграничную покорность, почти мученическую и от того очень страшную.

— Что же, это меняет дело, — быстро сказала Анна, рассеянно и даже бессмысленно улыбнулась, руки у неё отчего-то затряслись. — Да, да, конечно, меняет.

— Я знаю, что ты не хочешь, — осторожно заговорил Левандовский, беря её за руку. — Я знаю, что тебе стыдно ехать куда-то и прятаться, но ведь если ты будешь в Варшаве... — он замолчал, обдумывая следующие слова — не хотел ненароком обидеть.

— То что? — Вишницецкая поднялась, приблизилась к нему вплотную. — Продолжай, прошу.

— То ты подвергнешься ещё большей опасности, — закончил Вацлав, тяжело вздохнув. — Говорю ведь, скоро война придёт в Варшаву.

— Я это слышала. Ты всё ещё недостаточно убедителен, — покачала головой Анна.

— А что для тебя весомо? — Левандовский, конечно, знал ответ, но высказывать его не осмеливался — не хотел её оскорблять. Особенно теперь, когда он выглядел так же, как и когда-то Матиуш.

— Слово моего мужа, — видно было, что это Вишницецкой далось непросто. Она всё задумала совсем иначе, но просьба Матиуша спутала её планы. Теперь княгиня была вынуждена согласиться со своим князем.

— Так всё-таки? — Вацлав расслабленно откинулся на спинку кресла, переводя дух — кажется, удалось. — Да?

— Да, — голос Анны словно заледенел, а обычно ласковый и добрый взгляд стал безразличным и холодным. — Это ты его уговорил? — с самой настоящей обидой вдруг спросила она. — Вацлав, как же тебе не стыдно? Как же вам всем не стыдно? Вы меня в это впутали, вы просили моего совета, вы возили меня в Сейм, а теперь просто отсылаете?! Как я должна это понимать? Почему я должна тебе верить? Откуда мне теперь знать, что ты не лжёшь, и Матиуш всё ещё жив?

— Анна, я могу быть кем угодно, но до такого не опущусь, — Левандовский встал, обнял её за плечи. — Ты справедливо на меня сердисься, не спорю, но я не так плох.

— Прости, — Вишницецкая устало опустилась обратно в своё кресло, прикрыла глаза, потёрла переносицу. — Бог с вами, я больше не в силах спорить. Но всё же ответ. Ты?

— Нет. Он сам, клянусь, — Вацлав виновато посмотрел на неё. — Признаюсь, я думал попросить Анджея поговорить с тобой, но Матиуш... Это только его желание.

— Я тебе верю, — Анна вздохнула. — Так когда мне ехать? Я велю собирать вещи.

— На утро, как можно раньше. Стригой в это время будут не так сильны, а значит, тебе ничего не будет угрожать. А в Кракове тебе будет хотя бы безопасно — Верешу этот город не нужен, как, впрочем, и Мнишеку — они претендуют только на столицу, — Левандовский говорил быстро и взволнованно, сам толком не веря собственным словам — он по-настоящему боялся, что что-то пойдёт не так.

— Ну так, так, — Вишницецкая нашла в себе силы улыбнуться. — Спасибо за заботу,

Вацлав, — она посмотрела на него тепло, и от того ему сделалось легче. — А как же пани Телимена? Она ни о чём не знает, её не предупредили... Нельзя же вот так сразу туда ехать!

— Она знает, — Левандовский позволил себе едва слышно усмехнуться. — Матиуш тебе не говорил?

— Не говорил чего? — удивилась Анна, нахмурившись. Она порядком устала от множества тайн вокруг и была не совсем готова услышать ещё одну. Ей казалось, что вампиры уже заврались, сами запутались в собственной лжи, в собственных бессмысленных распрях, и Анна вовсе не хотела быть частью этой странной и опасной паутины. Теперь ей даже казалось, что поездка в Краков поможет от этого всего отгородиться и не замарать рук.

— Первый муж пани Руцевич стал одним из нас, поэтому ей волей-неволей пришлось разобраться в происходящем. Она и про вас всё знает, и про меня... Разве что про войну мы ничего не сказали, но я уверен, что она уже осведомлена, — Вацлав уже готовился своим воздействием остановить истерику, которая могла начаться у Анны в любой момент — он понимал, что она уже устала, что уже достаточно изволновалась, что уже больше не может спокойно воспринимать всё то, что творится вокруг.

Но та и не думала плакать. Она лишь поднялась, подошла к окну, какое-то время смотрела на происходящее на улице, постукивая тонкими пальцами по мраморному подоконнику, а затем отчётливо произнесла:

— Матка боска ченстоховска! Вы тут все с ума уже посходили.

— Ты не сердись? — Левандовский такого не ожидал и сдерживать подобный порыв Анны искренне постеснялся. Даже, наверное, побоялся.

— Я? Нет, что ты. Я в ярости, — всё так же тихо ответила Вишницецкая, а затем наконец обернулась к нему. — Вон из моего дома. К утру пришьёшь карету, и мы уедем. До конца войны. Тогда, может быть, я успокоюсь и выслушаю все твои доводы в пользу того, что вы хором будете держать меня за дуру, но не теперь.

— Анна, я... — Вацлав не слишком хорошо понимал, что надо делать с разозлённой женщиной, да и чувство вины не позволяло думать достаточно быстро, чтобы что-то решить.

— Вон, — прошипела та. — Матиушу будешь оправдываться, я этим уже сыта по горло! — она отвернулась, и Левандовскому ничего не оставалось, как и в самом деле уйти — он понимал, что его сейчас не станут слушать, а извинения бы в данном случае смотрелись гадко. Да и что они могли исправить?

— Добился своего? — когда он уже выходил, перед ним возник Рихард и нехорошо заулыбался. — Видишь, к чему привели ваши политические игры? Ты умудрился вывести из себя даже такого кроткого человека, как Анна. Не кажется, что это уже слишком?

— Ты глумиться пришёл? — устало и даже расстроено спросил Вацлав.

— Расставить все точки над «и», — оскалился Милинский. — Свободен.

— Да... — хотел было выругаться Левандовский, но сдержался и лишь зашагал в сторону дома — он действительно был достаточно виноват и не имел права ни на ком срываться. Он чувствовал стыд, горечь, смятение, он не понимал, что ему теперь делать, а ссора с Анной, начавшаяся почти шутливо, переросла в что-то серьёзное. Всё это давило на Вацлава, мучило, не давало спокойно вздохнуть, и Левандовский не знал, куда ему от этого деться. Он вновь чувствовал себя человеком, и потому ему становилось совсем страшно и неудобно. Вацлав вернулся к тому, чего так долго лет боялся. К прошлому, где он не раз и не два подводил самых близких ему людей.

***

— Господин? — Новак смотрел в спину Дарко и не решался подойти ближе. — Вы так много думаете о той встрече. Почему?

— Это был человек короля, — отозвался Вереш, всё так же не оборачиваясь. Края идеально сидевшего на нём кожаного колета едва колыхались под слабым ветром, трепетало перо на шапке, а рука с золотым перстнем сжимала рукоять сабли. Каслав на мгновение улыбнулся, узнавая в Дарко того самого великого воителя, коим он был ещё с пару веков назад.

— Вы его узнали? — спросил Каслав.

— Нет. К счастью, — Вереш слабо усмехнулся. — Хотя счастье, признаться, сомнительное. Впрочем, он пришёл ко мне и пообещал помощь. Сведения. Говорит, что знает, как приблизить нашу победу. Вечером он пришлёт к нам своего человека, чтобы тот что-то рассказал.

— За деньги? — Новак нахмурился — больно всё гладко и легко выходило. Он чуял, что-то здесь не так, но не мог понять, что именно.

— За дальнейшую защиту, — покачал головой Дарко. — Я уверен, что где-то слышал его раньше, но не помню, где... Впрочем, неважно, я рад закончить эту войну как можно быстрее. Так что я решил воспользоваться его услугами.

— Вы уверены, господин? — Каслав прищурился. — Что-то уж слишком хорошо оно получается.

— Ты думаешь, вампиры не устали от войны? Думаешь, они любят своего нового короля? Нет... Вацлав Левандовский им уже порядком надоел. Поэтому они могли на такое пойти, — отозвался Вереш.

— А как же их хваленая гордость? — удивился Новак.

— Он изменяет королю, но не родине, — пояснил Дарко, наконец обернувшись. — Только и всего.

— А откуда нам знать, что это не ловушка? Что он не врёт? — продолжал Каслав.

— Я уже сказал, — пожал плечами Вереш. — Поверь, это достаточно весомый повод. Когда-то так предали моего отца... — он низко опустил голову. — Я слишком хорошо с этим знаком.

— Простите, — Новак понимал, насколько тяжело было Дарко это вспоминать. — Ну так что же? Ждать его посланца?

— Ждать. Надеюсь, то, что он расскажет, будет достаточно ценным, — кивнул тот. — А теперь идём, пора выступать.

***

— Ты беспокоишься, — Рихард присел рядом с Анной, убрал с её колен так и не раскрытую книгу. — Так и не ляжешь сегодня?

— Нет... Не хочу, — Вишнивецкая положила голову ему на плечо. — Мне так страшно, Рихи, и так обидно... Я сегодня совсем ничего не хочу, нет, ничего... — она болезненно поморщилась, потёрла глаза, прижалась к Милинскому. — Прости.

— Тебе не за что извиняться. Слишком многое навалилось, — покачал головой тот.

— На всех оно нынче навалилось, — тихо заметила Анна. — Разве нет?

— Ты не была к этому готова так, как они, — возразил Рихард. — Ты не для того была рождена, понимаешь? Ну словно пан Лович или... Или я сам, — он вздохнул, словно бы беспокоясь. — Я не знаю, как тебе это объяснить, но, наверное, даже к лучшему, что мы отсюда уезжаем. Оно нас не поглотит.

— Я согласна, — кивнула Вишницецкая. — Противно их всех видеть сейчас, если честно. Знаешь, кажется, будто за моей спиной ведут какую-то игру, о которой ничего не говорят, но используют меня всякий раз, когда им это удобно. И Матиуша тоже. Я же не глупая, я знаю, что он отродясь не воевал. И уверена, что Вацлав мог бы отбить его, если бы только захотел. Но он не захотел...

— Ну не может же быть всё так плохо. Я этих воевод видел, с ними сложно спорить, — покачал головой Милинский. — Может, если бы он им отказал, у нас бы и не было армии.

— Да пропади она пропадом. Толку от неё, если мы продолжаем проигрывать, как и раньше. Разве они этого не видят? Разве не могут взять командование в свои руки? — Анна поднялась, подошла к камину, оперлась на него, скрестив руки на груди. — А Велислав что? Он же великий гетман, он же сражался с татарами и шведами, чего ему стоит помочь Матиушу? — она посмотрела на Рихарда.

— Я думаю, для тебя не секрет, что они не дружат. Преимущественно потому, что Матиуш до недавних пор обращался с тобой... не слишком хорошо, — осторожно начал Милинский, неплохо знавший мнение своего опекуна касательно этого вопроса.

— Так и скажи, что как с хлопкой, — Вишницецкая устало махнула рукой. — На правду не обижаются. Но да, не секрет. Ты думаешь, Велислав решил припомнить ему старые обиды?

— Уверен, — кивнул Рихард. — Он может. Ты ему не чужая, тем более что... Он всю ту любовь, что на Фелисию не израсходовал, тратит на тебя. По-своему, конечно, но выражается это примерно так.

— Он же не думает, что я обрадуюсь положению вдовы? — фыркнула Анна. — Матиуш не подарок, но я люблю его. И он меня.

— Я в этом не сомневаюсь, всё-таки достаточно прожил рядом с вами, — продолжал Милинский. — Но все остальные видели не лучший пример его к тебе отношения. Вот и результат.

— Мне кажется, это вовсе не их дело, во всяком случае, теперь, — призналась Вишницецкая. — Ох, как всё стало непросто, как всё запуталось! Я бы хотела сейчас поехать к Анджею и всё ему рассказать, но я знаю, что он и без меня достаточно несчастен. Я не могу.

— Ты впервые за вечер что-то захотела, — Рихард слабо улыбнулся ей. — Анна, иди сюда.

— Зачем это? — она поймала его хитрый взгляд. — Что ты удумал?

Милинский молча встал, обнял её. Вишницецкая закрыла глаза, положила руки ему на плечи — так ей было гораздо спокойнее.

— Просто хотел сказать, что я всегда буду рядом, — чуть погодя произнёс Рихард. — Идём спать, дорога предстоит дальняя и тяжёлая. Я как-то ездил... То ещё приключение.

— Ну хорошо, хорошо, — Анна не могла с ним спорить, а от их разговора ей и впрямь сделалось легче и спокойнее, её даже понемногу клонило в сон. — Спасибо.

— Не стоит благодарности, — прошептал Милинский, отчего-то чувствуя себя очень и очень счастливым.

***

Рано утром было холодно, а над Вислой стоял зыбкий туман. Анна глубоко дышала, наслаждаясь речным воздухом, Рихард держал на руках сонного Тадеуша, слуги же заканчивали последние приготовления и сборы. Когда погрузили последний сундук,

Вишницецкая вдруг отчего-то вздрогнула, быстро перекрестилась.

— Страшно, — прошептала она. — Так страшно, словно еду куда-то в незнакомое мне место, к незнакомым людям. А ведь пани Телимена мне, как мать!

— И мне не по себе, — кивнул Милинский. — Мне всю ночь снилось что-то... Я видел, что тебя украли стригои. Он был жуткий, Анна. Слепой на один глаз и весь в шрамах.

— Это всего лишь кошмар, это не сбудется, — поспешила успокоить его Анна. — Всё хорошо, Рихи, правда. Всё хорошо. Думаю, это просто волнения перед долгим путешествием.

— Хотел бы я в это верить, — ответил тот, печально глядя куда-то в сторону.

Вдруг сзади раздались тихие шаги и шуршание рясы. Вишницецкая вернулась и увидела перед собой очень бледного, едва ли не прозрачного, Ловича. Он сжимал в тонких пальцах чётки, словно это была соломинка, а он — утопающим. Это ужаснуло Анну, она понимала, до какой степени отчаяния он доведён, и ей стало жаль Анджея.

— Я рада тебе, — она подбежала к нему, обняла. — Спасибо, что пришёл.

— Я не мог не попрощаться, — почти шёпотом ответил Лович — на большее его просто не хватило. — Не мог не благословить в дорогу.

— Ты очень добр к нам, — Вишницецкая улыбнулась ему так тепло и ласково, что Анджей невольно улыбнулся в ответ, ему сделалось не так горько. — Навестишь меня в Кракове? Мне это будет приятно.

— Я постараюсь выбраться. Рядом с тобой мне хорошо, — отозвался он, совсем не желая её отпускать — тогда всё вокруг вновь становилось серым. — Ты здесь одна из тех немногих, кто ещё при своём уме.

— О... — Анна понимающе кивнула, сочувственно посмотрела. — Мне жаль тебя здесь оставлять.

— Но мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты далеко от этого всего, — успокоил её Лович уже привычным тоном — этот разговор дал ему сил. — Храни тебя Бог.

— И тебя, — Вишницецкая позволила Анджею проводить себя до кареты, где уже сидели Рихард с Тадю. — Я напишу тебе, как приеду.

— Я буду ждать, — Лович открыл ей дверцу, помог устроиться на сиденье. — Хорошей тебе дороги.

Он ещё долго смотрел вслед экипажу, никак не решаясь осенить его крестным знаменем. Анджею отчего-то было очень не по себе, и хотя приветливость Анны значительно не отвлекла его, после её отъезда тревога поднялась с новой силой. Он не знал, были ли это потаённые страхи Вишницецкой, которые он ненароком забрал, или его собственные, те, что были рядом всегда. Однако Ловичу было беспокойно на душе, и это отчего-то заставляло его не запереться вновь в своей церкви, а остаться в Варшаве и помогать хоть как-то предотвратить разруху и смерти. Он будто чувствовал, что вскоре может понадобиться, и был готов забыть любые обиды, но оказаться полезным.

«Я просто надеюсь, что ты знал, на что идёшь, Вацлав, — подумал он. — И можешь гарантировать безопасность Анны».

Начинался дождь. Лович вздохнул, покачал головой и тут же оказался в кабинете Левандовского.

— Я пришёл поговорить, — коротко сказал он. — Без меня вы тут, похоже, не справляетесь.

***

Анна проснулась от того, что карета резко остановилась. Она удивлённо посмотрела на

Рихарда, взяла сына на руки, нахмурилась — вновь не давало покоя волнение.

— Разве мы приехали? — она отодвинула занавеску, увидела за окном лес. — Что произошло?

— Не знаю. Ехали, ехали, а тут вдруг застряли, — Милинский едва подавил желание закатить глаза. — Неужто Вацлав не мог нам дать хотя бы нормального кучера?

— А может, случилось что... — задумалась Вишницецкая. — Ну мало ли, ну нельзя же всё предсказать.

— Ты только вчера на него ругалась, а уже оправдываешь, — покачал головой Рихард. — Какая же ты всё-таки добрая.

— Отходчивая, — поправила Анна. — Ну да ладно. Тихо совсем... — она прислушалась. — Ничего живого нет, будто на кладбище. И как-то даже потемнело, а ведь сейчас всего лишь полдень, не думаю, что больше.

— Мне это не нравится, — Рихард взялся за ручку дверцы. — Я пойду и проверю, что там, а ты сиди. И ради бога, не высовывайся, я тебя очень прошу. Время сейчас непростое, мне всё время казалось, что за нами кто-то следит. Последние несколько дней точно.

— Да у меня тоже было такое чувство... Но я подумала, что мне всего лишь привиделось, просто волновалась много, ещё и Вацлав запугивал, — согласилась Вишницецкая. — Глупости это всё, что может произойти плохого? Не мог же он отправлять нас, не подумав совсем, верно?

— Я бы очень хотел, чтобы так оно и было, но увы, — Милинский недовольно скривил губы. — Я сейчас.

Но он не вернулся ни через минуту, ни через две. Анна, как ей казалось, просидела так около четверти часа, а потом ей всё-таки стало невтерпёж, и она осторожно выглянула из окна, не увидела ничего. Вишницецкая велела сыну оставаться на месте, укутала в шаль, поцеловала. Затем она медленно вылезла из кареты, ступила на опавшие и чуть влажные от недавно прошедшего дождя листья, обняла себя за плечи — дул противный холодный ветер.

— Рихард? Рихард? — позвала Анна, осторожно и даже боязливо оглядываясь. — Ты-то куда?

— Я прошу прощения за то, что сейчас сделаю, княгиня, — раздался над её ухом тихий голос с тяжёлым румынским акцентом, бледная рука легла на лоб. — Спи.

Та даже не успела понять, что это было, как её разом сморил тяжёлый, словно бы колдовской сон. Она только подумала, что сын может испугаться, что её долго нет, но позвать его уже не смогла — упала на руки незнакомцу, окончательно теряя связь с явью.

Глава пятидесятая

— Это женщина, — Драгош стоял прямо, скрестив руки на груди, и неотрывно глядел на Вереша. В его глазах плескалась самая настоящая ярость. — Домнуле Вереш, вы меня вызвали для того, чтобы я вам просто поймал женщину, а затем вернулся обратно в глушь? Могли бы получить это кому-нибудь из собственной свиты, разве нет?!

— Ты один из тех немногих, кто обошёлся бы с ней по-человечески, — терпеливо ответил Дарко, обернувшись на спящую на подушках Анну. Она была бледна, хмурилась, то и дело ворочалась, пару раз звала мужа, а затем вновь затихла.

— А вы сами? — спросил Микулэ, криво усмехнувшись. — Не королевское дело?

— Ты знаешь, что я никогда не ставил себя выше других, — жёстко ответил Вереш. — Я позвал тебя, потому что доверяю, потому что ты всё ещё знаешь, что такое жить по совести, по-людски. Ты не озверел, не сделался чудовищем!

— Это звучит не слишком убедительно, — Микулэ скрестил руки на груди, прищурился. — Я бы сказал, совсем неубедительно. Я не знаю, что вами движет, пан Вереш и не очередной ли это каприз сербского бастарда, но только из уважения к вашим делам и к... неважно, я забуду этот случай.

— Остерегайся гордыни, Драгош, она сгубила достаточно людей, — тихо сказал Дарко.

— Я не горжусь. Я просто не готов терпеть всё то, что терпел очень и очень давно, ещё раз. Я дворянин, домнуле Вереш. И я хочу подобающего обращения, — с достоинством ответил тот. — Я не готов быть мальчиком на побегушках, пусть Мнишек не забывает, где он. Это у вампиров король всевластен, а здесь, у стригоев, он лишь первый среди равных.

— Я не говорил про то, кто отдал этот приказ на самом деле, — с некоторым удивлением заметил Вереш.

— Вы человек чести, — коротко отозвался Драгош. — А то, что я сказал до того... Простите.

— Ничего, ничего, ты имел полное право злиться, — махнул рукой Дарко. — Я не обижаюсь, — он помолчал, думая спросить, что имел в виду Драгош под словом «неважно», но так и не решился, понимая — ему не ответят.

— Что с ней будет? — меж тем спросил Микулэ, кивнув в сторону Анны. — Что будет с её ребёнком?

— Я не убиваю ни женщин, ни детей, — серьёзно сказал Вереш. — Они не пострадают.

— В этом я не сомневаюсь, — Драгош кивнул. — Но зачем она вам?

— Господа Анна будет нашим козырем. Тогда всё закончится быстрее, — Дарко нахмурился. Было заметно, что ему противен подобный ход, противно то, чем должна стать несчастная женщина на арене этой войны, но он ничего не мог с этим поделать.

— Нет, — произнёс Микулэ быстрее, чем успел о том подумать. — Нет.

— Почему? — Вереш, кажется, знал ответ, но всё равно зачем-то задал этот вопрос. То ли чтобы поддержать разговор, и так не слишком получавшийся, то ли чтобы хоть чем-нибудь заполнить тишину — Драгош не знал наверняка, но ему казалось, что всё-таки это было второе. Именно в тишине приходили мысли о том, насколько бессмысленна эта война, насколько бессмысленны многие войны. Именно в тишине каждый вспоминал свои потери.

— Давайте не будем опускаться до поступков Концепольского и Водлевского, — только и ответил он. — Пожалуйста.

— Ты думаешь? — Дарко внимательно посмотрел ему в глаза.

— Я знаю, — Микулэ низко опустил голову, чтобы не было видно его лица. — Вампир, который сдал её нам, который хотел, чтобы мы использовали её как козырь — бесчестный, подлый, раз решился на такое. Но разве мы не лучше его?

— Нет, — покачал головой Вереш. — Мы на это согласились.

— Верно, — не стал спорить Драгош. — Мы на это согласились, но сейчас у нас есть шанс всё исправить.

— Интересно рассуждаешь, — с тихим смешком заметил Дарко, но вышло у него это как-то надломано.

— У меня тоже есть сердце, домнуле, — только и сказал Микулэ.

— Но что ты предлагаешь? — спросил Вереш, вновь возвращая себе прежнее самообладание. Сейчас он уже больше походил на древнего воителя, каким и был всегда.

— Возвращать мы её не станем, — покачал головой Драгош. — Это глупо, это смешно, да и у нас она скорее будет в безопасности с их-то успехами. В конце концов, она считается моей, раз уж я её похитил.

— И что дальше? — кивнул Дарко.

— Покуда мы не будем использовать эту женщину как рычаг, сейчас всё и так идёт гладко: вампиры вот-вот проиграют, и мы вступим в Варшаву. Пусть будет со мной, в Брашове, — продолжал Микулэ. — В противном случае...

— Я тебя понял, — Вереш одобрительно улыбнулся. — Хорошо, будь по-твоему.

— И снова вы что-то решаете, не позвав меня. Например, судьбу заложницы, — раздался за спиной Драгоша голос Мнишека. Он бесшумно вошёл и спрятался в тени, таким образом сумев услышать несколько последних фраз.

— Позволю себе напомнить, что вы среди стригоев, где каждый вправе сам решить, что делать с добычей, — прошипел Микулэ, обернувшись к нему. — У нас другие обычаи, а вы нам не господарь.

— Я лучше, я король, — парировал Станислав, позволяя себе блефовать.

— Вас никто не короновал, — усмехнулся Дарко. — Я бы не советовал гневить мироздание.

— Оставим это, — отозвался уязвлённый Мнишек. — Так почему вы хотите увезти её? — он кивнул в сторону Анны. — И я уже не говорю о том, что тут делает бунтовщик.

— Бунтовщик, как вы выразились, выкрал доамну и доставил её сюда, — с трудом сдерживаясь, чтобы не вызвать обидчика на бой, ответил Драгош. Срываться на глазах Вереша было стыдно.

— Это я заметил, — с некоторым неудовольствием признал Станислав. — Так вот, я лично считаю, что её стоит оставить здесь и предъявить мужу. Уж он-то всё сделает, чтобы вернуть жену.

— Нет, — жёстко ответил Микулэ. — Нет. Я видел тех, кто сражается на той стороне, и знаю, как они бесчестны. Они и женщины с ребёнком не пожалеют, лишь бы оставить власть при себе. А если Вишнивецкий попытается возразить, то его либо убьют, либо околдуют, и он забудет супругу.

— Ты думаешь, что вампиры настолько плохи? — вкрадчиво спросил Дарко, которому вовсе не верилось в слова Драгоша. Он вспоминал Велислава, своего бывшего друга, и понимал — нет, быть такого не может.

— После Концепольского я уже ничему не удивлюсь, — произнёс Микулэ. — Вы меня

поймёте.

— Да, — глухо ответил Вереш.

— Но мы должны хотя бы попытаться! — возразил Мнишек, которому было неприятно слышать подобное о вампирах. Да, он сейчас с ними воевал, да, он много времени провёл среди мирных сербских стригоев, которые оказались лучше сородичей, но ему всё равно стало обидно.

— Не должны. Не уподобляйтесь отцу, — хлётко ответил Драгош и вышел, чтобы не разозлиться в конец.

— Это уже решённое дело, ссориться с кланом Морару я не буду, — не менее строго сказал Дарко, смерив Станислава сердитым и немного укоризненным взглядом.

— Да чёрт побери ваши порядки! — буркнул Мнишек. — Пусть так. Но как только мы завоюем Варшаву...

— Тогда и поговорим, — оборвал его Вереш. Крыть Станиславу было нечем.

***

Рихард с трудом смог открыть глаза и впервые за несколько лет почувствовал себя так, как обычно чувствуют люди — очень плохо. Он был уверен, что, став вампиром, избавился от этого, но увы — не все повреждения проходили бесследно.

Милинский потёр виски, пытаясь понять, что же случилось, осмотрелся и с удивлением обнаружил, что находится в особняке Левандовского. Рихард сел на постели, вдумываясь наконец в происходящее, нахмурился. Неужто отъезд ему приснился? Но тогда что он делает здесь, у Вацлава в гостях? Они никогда не были добрыми друзьями, да и в последнее время Милинский всё время был с Анной. Что же произошло?

Внутри что-то сжималось, словно бы от волнения, и ему это не нравилось. Рихард знал, что предчувствия его никогда не обманывают, а некстати вспомнившееся предсказание только добавляло тревоги. Ну не мог же он и в этот раз оказаться прав... Нет, нет, только не это!

Рихард закрыл лицо руками, пытаясь совладать с собой и успокоиться. Ему всего лишь кажется. Все богатые дома похожи меж собой, а пани Телимена вполне могла позволить себе обставить гостевые комнаты по последней моде, чтобы не смущать тех, кто к ней приезжает. И с Анной наверняка всё хорошо, она уже даже проснулась и сидит сейчас с сыном. Милинский слабо улыбнулся собственным мыслям, уже почти поверив в них — мало ли что случается с безумцами, он действительно мог забыть то, как они приехали. Но только он поднялся, как в дверь постучали.

— Да, войдите, — произнёс он, беря со стула халат, который, кажется, был совсем не его.

Тут же в спальне возник печально улыбающийся Анджей. Его Рихард ожидал увидеть меньше всего, ведь Лович уже довольно давно жил самым настоящим отшельником.

— Пан Анджей? — удивлённо спросил он. — Что происходит?

— Присядь, Рихард, — мягко сказал тот, пододвигая к кровати кресло. — Ты ничего не помнишь?

— Помню, как карета остановилась, и я вышел проверить, всё ли в порядке, — задумчиво ответил Милинский. — И всё.

— Тебя сильно ударили по голове, причём зачарованной вещью. Есть силы, что способны усмирить и вампиров, — Лович опустил глаза. — Мне очень жаль тебе это сообщать, но Анна с Тадю... Их похитили.

— Что?.. — Рихард вздрогнул, не веря услышанному. — Нет, быть этого не может! — он испуганно посмотрел на Анджея. — Это неправда!

— Я клянусь святым крестом, что не лгу, — глухо ответил тот. — Я и сам не хочу это принимать, но увы, всё так, как я сказал.

— Нет, нет, пожалуйста... — Милинский схватился за голову, наконец понимая, что случилось. — Нет! — он вскрикнул, задрожал, а дальше...

А дальше была только тьма.

Она пришла не так, как всегда — тихо, медленно, а совсем иначе — быстро, словно огромная волна, нахлынула на него и целиком погребла под собой, утягивая куда-то в непроглядный омут. Рихард даже понять ничего не успел, как оказался где-то, где не было видно ничего, но было мягко и так спокойно... Не хотелось возвращаться назад.

— Вернись, прошу, вернись, — слышался откуда-то далеко голос Анджея. — Не отдавайся безумию, оно тебя погубит.

Но Милинскому было с ним хорошо. Когда недуг его настигал, то боль исчезала, а происходящее воспринималось просто, как нечто само собой разумеющееся, и измучившийся Рихард не хотел бороться со своими демонами. Ему было хорошо, по-своему, конечно, но хорошо, ему было нестрашно.

А самым главное — он уже и думать забыл о несчастной Анне просто потому, что в своём безумии не помнил и не узнавал никого.

— Где он? Где этот предатель? — раздалось над самым ухом. Милинский даже не понял, о ком говорят — сознание окончательно оставило его, и теперь там правила лишь такая родная и знакомая тьма.

— Не смей! — кажется, пришедший замахнулся, чтобы ударить его, но человек в рясе загородил Рихарда собой. Эти двое долго кричали друг на друга, но Милинский их почти не слышал и даже видел с трудом — он был всё дальше и дальше от внешнего мира.

— Вацлав, оставь его! Он даже не узнаёт нас, — прозвучало где-то. — Вацлав, да послушай же! Рихард ничего не делал, сам стал жертвой этого злодея. Я рассказал ему всё, и...

— Что и? Давай, докажи, что я не должен тут же казнить его за участие в заговоре!

— Сначала он не поверил, а затем... Рихард, кажется, совсем сошёл с ума или, во всяком случае, переживает очень сильный приступ.

— Как у Велислава?

— Гораздо хуже.

— Чёрт побери.

Голоса снова стали отдаляться, а затем и вовсе затихли. Рихард же совершенно этому не сопротивлялся, и вскоре тьма окончательно сомкнулась над ним, как озёрная вода смыкается над утопленником.

***

Максимилиан фон Штраус скрестил руки на груди и ненадолго задумался, глядя на Ганса поверх очков. В кабинете царил полумрак — наступал вечер, и бой, должно быть, уже закончился, и Вишнивецкий был свободен.

— Так значит, княгиню украли, а её мужу об этом пока никто не сказал, верно? — вкрадчиво переспросил он.

— Да, герр Штраус, — Ганс печально вздохнул. — Одна радость, что собрались там не совсем дикие. Уж герр Вереш её в обиду не даст, а?

— Верно, не даст, — не стал спорить Максимилиан. — Но вот юный Мнишек... Не думаю, что он окажется настолько любезен.

— Вы знали его? — уточнил слуга, пытаясь припомнить, видел ли этого мороя он сам.

— Лично нет, но я о нём слышал. Он какое-то время пробыл в Германии и причинил нам достаточное беспокойство, чтобы мы его не забывали впредь, — отозвался Штраус, отойдя от окна — солнце уже окончательно скрылось за горизонтом, и пора было в путь.

— Да, слышали, — Ганс кивнул. — Вы тогда знатно на него мне жаловались. Я уж думал решить дело по-своему, да приказа вашего не мог послушаться.

— Мы не убийцы, мы серьёзные вампиры, которые сумеют договориться с каждым, — повторил своё извечное правило Штраус. — Однако мы не об этом. Как думаешь, Ганс, как мне стоит поступить? Я могу присоединиться к всеобщему молчанию и не пытаться давить на Вишнивецкого таким образом, а могу рассказать ему обо всём, — он ненадолго умолк, видимо, пытаясь договориться сам с собой. — Стоит заметить, что при втором раскладе он скорее согласится.

— А что вам сердце говорит? — простовато спросил слуга.

— Это всё глупости, придуманные для сентиментальных дам, — Максимилиан усмехнулся. — Я полагаюсь не те выводы, что делает мой разум.

— Хорошо, я скажу иначе, — кивнул Ганс. — Что вам говорит совесть?

— Ах ты об этом... — Штраус коротко кивнул. — Что ж, как я уже говорил, я не желаю навязываться и уговаривать. И уж тем более я не хочу показаться невежливым и алчным впоследствии.

— Значит, не скажете? — понимающе произнёс слуга.

— Не скажу. Я, конечно, не прочь вернуть свои деньги и закончить всё это безумие как можно скорее, но первое можно достать иначе, не прибегая к сбору дани, а второе... а второе меня не касается, если подумать, — усмехнулся Максимилиан. — Как считаешь?

— И то правда, — согласился Ганс. — Решено, не так ли?

— Верно. Нам пора в польский лагерь. Захвати вон те книги, — попросил Штраус. — И пусть принесут мою шпагу. Надо всё-таки выглядеть соответствующе их сарматским привычкам.

— Так тогда вам надо саблю, — заметил слуга. — И ко... контуш. А ещё они головы бреют.

— Я говорил соответствовать, а не становиться такими же дикарями, — педантично отозвался Максимилиан. — Придумали тоже... Головы брить.

***

«К вам пришли, пан», — Войцех низко поклонился Матиушу и кивнул на полог шатра позади.

— Кто? — устало спросил Вишнивецкий. Очередная проигранная битва окончательно лишила его хоть какой-то уверенности, и теперь он только и мог, что сидеть, глядя, как горит свеча, и тяжело вздыхать всякий раз, как мысли вернутся к неудаче.

«Я его видел несколько раз до того, — начал слуга. — Он приходил к пану Фабиану. Худой такой, в очках, одет с иголочки. Не припомню, как звать».

— Максимилиан фон Штраус, — кивнул Матиуш. — Интересно, что ему здесь нужно... Впрочем, сейчас узнаем. Зови.

Тут же в шатре возник и сам граф, вежливо улыбнулся.

— Здравствуйте, — произнёс он. — Я рад видеть вас в добром здравии, князь.

— Добрый вечер, — сдержанно ответил тот, поднявшись навстречу гостю. — Взаимно, благодарю. Что вы хотели?

— Поговорить и предложить кое-что, — степенно отвечал Штраус. — Дело важное.

— Вот как? — Матиушу было беспокойно, и приход Максимилиана только растревожил его. — И что же вам нужно?

— Присядем, — Штраус кивнул на сундуки. — У меня есть кое-что, что может значительно помочь в войне.

— Одна ваша услуга уже вышла Фабиану боком, — тихо произнёс Вишнивецкий будто бы сам для себя, однако он знал — его вполне слышали.

— Боюсь, что герру Концепольскому боком вышла исключительно его гордыня, — терпеливо ответил Максимилиан. Он считал Матиуша не более, чем юнцом, покуда не разобравшись в делах старших, а потому не сердился ни на его дерзость, ни на ту волю, которую он давал чувствам. Молодости простительны ошибки. В конце концов, иначе научиться чему-либо невозможно.

— Я не знаю, чьи это козни, — покачал головой Вишнивецкий, уже жалея о том, что сказал, — но почему я должен вам верить и слушать вас?

— Потому что вы хотите вернуться живым, — ответил Максимилиан, не став добавлять «к жене». Это неминуемо вызвало бы вопросы, а нарушать данного себе слова не рассказывать ни о чём он не хотел.

— Это угроза? — прищурился Матиуш, и это Штраусу понравилось. Князь был не так слаб и бесхребетен, как казалось поначалу.

— Это проверенное временем наблюдение, — с подчёркнуто вежливой улыбкой отозвался Максимилиан. — Поймите меня правильно, герр Вишнивецкий: мы с герром Концепольским, конечно, не были друзьями, но я бы не стал его убивать. И вас не стану. Мне это совершенно ни к чему, да и вы не сделали мне ничего такого.

— Допустим, — у Матиуша явно не было сил спорить. — Так что у вас есть?

— Мне известны различные... заклинания, если можно так выразиться. И среди них я нашёл кое-что, что может уничтожить или, во всяком случае, значительно ослабить войско стригоев, — ответил Штраус.

— Святые дары, молитвы? — нахмурился Вишнивецкий.

— Нет, что вы, это колдовство гораздо древнее и связано с несколько другими личностями, — покачал головой Максимилиан. — Но в целом, вы думаете в верном направлении.

— И что же оно даёт? — Матиуш выглядел напряжённо. Кажется, соблазн согласиться, толком не узнав, что это, был велик, но покуда он держался. Это было даже... похвально.

— Оно лишает силы всех тех, кто пьёт живую кровь. Другими словами, они умирают на месте, — Штраусу понравилась подобная дотошность, но ему вдруг показалось, что что-то пошло не так с самого начала. Ведь Вишнивецкий и сам когда-то разрабатывал нечто подобное, да, но потом отказался. О причинах Штраус не знал, но догадывался, что тут вновь сыграли княжеское благородство и просвещенческая гуманность. Вероятно, и здесь могло возникнуть нечто подобное.

— А как вы предлагаете оградить вампиров? — спросил Вишнивецкий. — Не может же эта сила убивать выборочно?

— Верно. Существуют способы загородиться от неё, но все они недостаточно надёжны. То есть, велика вероятность, что те, кто окажутся ближе, погибнут, — начал

Максимилиан. — Я предлагаю вам отвести войско, а затем сам возьмусь за дело и опутаю стригоев этим заклинанием.

— И всё равно кто-то из моих людей может пострадать? — уточнил Матиуш.

— Верно. Сила вольна выбрать себе любую жертву, кроме уже намеченной, — кивнул Штраус.

— Но тогда мы победим, так? — Вишницецкий поднялся, прошёлся из стороны в сторону, поглядел в угол, где сидел Войцех и что-то чинил. Тот посмотрел на пана, пожал плечами и продолжил своё дело.

— Так, — кивнул Максимилиан. — Совершенно так. Это несложно, это быстро, это действительно, в конце концов.

— Я вас услышал, — Матиуш с минуту раздумывал над чем-то, затем обратился к слуге:

— Собери войско, я хочу с ними поговорить.

— Вы сдурели, герр Вишницецкий? — вкрадчиво спросил Штраус. — Вы же их командир! Солдат следует ставить перед фактом, тем более, если они вас и так не слишком слушаются.

— У нас, пан Штраус, в стране принято спрашивать шляхту, прежде чем что-то решить. У нас, пан Штраус, шляхетская демократия, — с нажимом ответил Матиуш, вдруг разозлившись на такое отношение к его подчинённым. Да, никто из них его толком не уважал, но всё равно Вишницецкий не мог так поступить. В нём уже довольно давно проснулось всё то польское, что он так долго прятал, и сейчас оно подсказывало — надо посоветоваться с другими.

— Да, наслышан, — Максимилиан криво улыбнулся. — Старый обычай.

— Который я хочу соблюсти, — серьёзно сказал Матиуш.

Он и сам не ожидал от себя такого. Последние месяцы выдались крайне неудачными, и Вишницецкий уже и забыл, что значит быть всевластным, уважаемым и любимым князем, ведь тут он никому не был нужен. Он уже привык командовать почти что дрожащим голосом, то и дело оглядываясь на Рутковского, пытавшегося что-то подсказать, на двух других воевод, на Велислава. Он уже привык каждый вечер возвращаться к себе и думать о том, как он на самом деле жалок и что деньги, потраченные на рыцарскую школу тёткой, оказались по сути свой выброшенными. Он уже привык сдаваться заранее, чтобы было не так обидно проигрывать, в конце концов! Но вдруг что-то изменилось. Матиуш не понимал, что это, но чувствовал, что у него будто бы открылось второе дыхание. Вишницецкий вновь ощутил себя гордым и владетельным шляхтичем, тем, кем родился, понял, что вообще-то умеет спорить и отстаивать собственное мнение, как он это делал раньше, пусть и не там, где надо. Уже не раз за последний год многие решали за него, а он соглашался, доверяясь словам про благо и пользу, но не теперь. Теперь у Матиуша были свои мысли на предложение Максимилиана, которые он, как первый среди равных, готов обсудить с другими.

«Шляхта собрана, господин. Мне обождать здесь?» — спросил вернувшийся с улицы Войцех.

— Нет, ты тоже пойдёшь со мной, — покачал головой Вишницецкий. — Ты, конечно, не шляхтич, и участвовать в решении тебе не положено, но мне нужен твой совет в этом деле.

«Спасибо, пан», — слуга низко поклонился.

А войска уже ждали их. Матиуш в очередной раз поразился умению вампиров так быстро собираться, но сейчас ему было не до этого. Он подошёл ближе, кивнул воеводам и

Потоцкому, смотрящему странно и будто бы мимо него — снова впал в безумие? — окинул взглядом своих вынужденных подчинённых.

— Панове, — начал он, — все мы здесь уже долго и мучительно воюем с сильным врагом.

По рядам пронёсся гул, вампиры переговаривались между собой, спорили, не понимая, зачем их позвали.

— Эта бойня уже унесла немало наших друзей и родных, — продолжал Вишнивецкий, которого вдруг сковал уже привычный страх, но он гнал это чувство прочь, знал — это не по-шляхетски.

Гул стал громче, в нём теперь слышались негодование и ещё большее непонимание.

— Нынче ко мне пришёл тот, кто хочет нам помочь. Он принёс силу, способную разом уничтожить войско стригоев, — произнёс Матиуш, тут же ожидая бури и новой волны ненависти в свой адрес, но её отчего-то не последовало. Все замолчали, ждали, что он скажет дальше.

— Эта сила может не только убить наших врагов, но и коснуться нас самих, — Вишнивецкий вновь оглядел пришедших. — И это первое, почему я хочу отказаться от предложенного — думаю, многие здесь почтут за честь погибнуть в бою, но не многие готовы умереть вот так, словно бы подстреленные исподтишка подлым противником, — он ненадолго замолчал, вслушиваясь — но в рядах шляхты царила тишина. — Есть и второе. Издревле Речь Посполитая сражала не одного врага, издревле шла войной на тех, кто угрожал ей и теряла там своих храбрых сыновей, но побеждала. Однако это были справедливые битвы, битвы, где две стороны встречались сабля к сабле.

— К чему клонишь? — спросил тот самый казак, что в первый раз оскорбил его.

— Я не готов быть тем самым подлым противником, — заключил Матиуш. — И, думаю, никто из вас не готов.

— Добре розмовляєшь, — задумчиво ответил ему сечевик. — За правду, значит?

— Значит, так, — кивнул Вишнивецкий.

— Помню, и пан Богдан с нами так советовался. Потому и победил, — казак на мгновение улыбнулся. — Что остальные думают?

— Я, панове, много всякого повидал, — выступил вперёд какой-то рослый шляхтич с литовским говором. — Войны тоже знавал всякие. Но никогда не было, чтобы мы силой бесовской побеждали. Шляхтич на то и шляхтич, чтобы в честном бою сразить врага или самому полечь. Не пристало.

— Правда, правда, — загалдели вокруг. — Может, и не мила нам эта война, может, и проигрываем, но не станем, как хитрые татары, в обманку играть.

— Не нам решать, умрём мы или выживем, — подал голос Яблоньский, — но нам решать, честно мы это сделаем или нет. Я сам шляхтич, я своего не предаю.

— Никто не предаст, — поддержали его прочие. — Дело говоришь, пан каштелян, не надо нам уловок да увёрток!

— Правильно, пан Вишнивецкий, правильно, — одобрительно кивнул Войцех. — Чужого нам не надо.

— Кажется, пан Штраус, вам мой ответ ясен, — Матиуш обернулся к стоявшему в тени Максимилиану. — Сколько бы Польша не пыталась стать европейской, она все ещё Польша. Речь Посполитая обоих народов. И мы не готовы предать свои идеалы.

— Интересно вы рассуждаете, — спокойно заметил тот. — Очень интересно. Ещё пару

лет назад вы были истовым просвещенцем, отрещивались от всего, что только может быть связано с вашей страной. Что же произошло?

— Я вырос и внёс соответствующие исправления, — коротко ответил Вишнивецкий.

— Нельзя заниматься новым, забыв старое? — понимающе улыбнулся Штраус.

— Да, — кивнул Матиуш. — Что ж, спасибо за предложение, но я вынужден отказаться.

— И это, безусловно, ваше право. Разрешите откланяться, — Максимилиан пожал ему руку и тут же исчез. Следом за ним последовал и Ганс, вечно находившийся при господине.

— Ну что ж, кажется, наше предприятие успехом не увенчалось, — сказал он, когда оба они уже были дома.

— Знаю, — беспечно кивнул Штраус. — Знаю. Но, как я уже говорил, это нестрашно, — он ненадолго задумался. — Признаться, я даже зауживал князя. Да, я посчитал его безумцем, как и все их порядки, но я его зауживал.

— Почему же? — удивился Ганс.

— Потому что я его понял, и его философия пришлась мне по душе в некотором роде, — улыбнулся Максимилиан. — Ну что же, не будем отчаиваться, дорогой Ганс. Раз уж мне так хочется чем-нибудь себя занять, пока в Пруссии тихо, то надо воспользоваться шансом!

— Куда опять? — устало спросил слуга.

— Помнится, Дарко Вереш желал найти убийц своих детей. Думаю, мы сможем ему в этом помочь, — отозвался Штраус. — Не напрямую, но всё-таки. Так что к делу!

Гансу не оставалось ничего, кроме как подчиниться. К причудам своего хозяина он уже очень и очень давно привык.

Глава пятьдесят первая

В Брашове очень и очень давно не появлялось столь изящных женщин. Драгош, так и не сумев привести сюда в качестве хозяйки одну такую, оставил всяческие попытки, а служанки, сплошь крепкие и немного грубоватые валашки, утончёнными называться никак не могли. И вот теперь Микулэ смотрел на доамну Анну, хмурился и зачем-то думал о том, как бы сделать простые каменные стены замка хоть сколько-то красивыми. Он никогда не стыдился своего дома, он любил его, но с вынужденным пребыванием здесь княгини Вишницецкой всё несколько поменялось.

— Вы так смотрите на эту доамну, мой домнule, словно давно были в неё влюблены и получили, наконец, её согласие стать вашей женой, — с усмешкой заметил Григор. — Помнится, раньше...

— Не будем об этом, — покачал головой Драгош. — Не теперь, прошу.

— Простите меня, — слуга низко поклонился. — Я знаю, что за боль вас гложет, но разве не пришло ей время упокоиться, как когда-то упокоилась та, по ком вы тоскуете? Она бы не хотела, чтобы вы всю жизнь прожили отшельником.

— Я знаю, но моя печаль сильнее меня, — Микулэ опустил голову так, чтобы волосы закрыли его лицо, и Григор не стал отвечать. Он понимал, что это единственный случай, когда его домнule позволяет скорби побеждать. Слишком уж она была велика, чтобы побороть её.

— Так мне распорядиться, чтобы вашей гостье-то комнаты подготовили? — чуть погодя спросил слуга, когда краткий, почти каждодневный траур был завершён.

— Да какая она мне гостья... — Драгош слабо рассмеялся. — Гость волен в любое время покинуть дом, где он пребывает, а вот доамна Анна — напротив.

— Ну что уж делать, — пожал плечами Григор.

— И то верно. Распорядись, — кивнул Микулэ, а сам вновь повернулся к находящейся в колдовском сне Вишницецкой.

Она не была первой красавицей или неземным ангелом, она не была идеальной, во всяком случае, по его меркам, но что-то в ней Драгоша трогало и не давало отвести взгляд. Были ли это рыжевато-золотистые волосы, мягкая и чистая кожа, тонкие руки — Микулэ не знал и полагал, что, верно, ничего из этого — он давно разучился смотреть на то, как человек выглядит. Он предпочитал иные достоинства.

Об Анне среди стригоев говорили мало, но всё, что Драгош слышал, ему нравилось: перебежчики-вампиры поминали добрым словом её добродетель. Собратья Микулэ, бывавшие на балах короля Потоцкого, а затем и короля Левандовского в качестве послов, рассказывали, что редко встречали таких честных и чистых женщин. Она их не презирала, не выказывала отвращения, а по-доброму беседовала и для каждого находила нужные слова.

Более ничего Драгошу известно не было, и он хотел это исправить. В конце концов, он понимал, что жить под одной крышей им ещё придётся долго, и не хотел, чтобы Анна чувствовала себя совсем уж узницей.

— Почему? — раздался сзади чей-то голос, похоже, детский. Микулэ отвлёкся от размышлений, обернулся.

— Что ты тут делаешь? — перед ним стоял сын Анны, умильно хлопал ресницами и задумчиво шмыгал носом.

— Я проснулся. Скучно. Пошёл гулять, — терпеливо объяснил ребёнок. — Почему?

— Что почему? — Драгош понятия не имел, как разговаривать с детьми и что с ними вообще делать, а потому решил воспринимать его так, как было принято раньше — в качестве маленького взрослого. Да и мальчик вполне себе оправдывал эту невольно полученную роль — не плакал, не звал мать, лишь сопел, скрестив пухлые ручки, подбирая слова.

— Почему уз... — ребёнок нахмурился, пытаясь вспомнить слово, нечаянно прочтённое в чужих мыслях.

— Потому что я и мои люди взяли тебя и твою маму в плен, — ответил Микулэ всё так же серьёзно. На мгновение ему стало не по себе от этих слов — он помнил, как ему, четырёхлетнему, когда-то таким же тоном сказали, что отец погиб на войне. Драгош тогда ничего не понял, только знал, что папа больше не вернётся, и ему от этого было больно. Он подумал, что зря сказал об этом ещё более маленькому ребёнку, но и врать в такой ситуации не хотелось. Тем более что тот мог с лёгкостью понять, о чём думают окружающие.

— Плен, — повторил мальчик. — Это плохо?

— Для кого как, — отозвался Драгош. Ему даже начинала нравиться это — они говорили почти что на равных, пусть и его собеседник не знал всех нужных слов. Впрочем, Микулэ готов был ему их подсказать в случае необходимости.

— Так, — ребёнок кивнул. — Та... Та-де-уш, — произнёс он по слогам и протянул Драгошу ладошку.

— Драгош, — тот пожал её.

— Так, — видимо, это слово заменяло Тадеушу все те, которыми обычно пользовались люди многим старше его, чтобы завуалировать или украсить очередную ложь или же сделать свою речь хоть сколько-то осмысленной и серьёзной. Ребёнок же их не знал и говорит так, как ему было проще и понятнее, и эта искренность тронула Микулэ.

— Так, — повторил Тадеуш. — Но вы хороший.

— Почему? — удивился Драгош. Его это утверждение, сказанное без всяких сомнений, позабавило.

— Вы не... Так... Вы не кусаетесь... Не так. Не кусаетесь, — фраза далась мальчику с трудом, но он мужественно закончил её, всё же найдя ошибку.

— Пока незачем, — честно ответил Микулэ. — И только поэтому?

— Да? — это было сказано полувопросительно, потому что Тадеуш ещё не успел до конца определить для себя границы хорошего и плохого, а о добре и зле и речи быть не могло. Поэтому он измерял всё в тех вещах, которые были ему понятны.

— Допустим, — Драгош с улыбкой кивнул. — Так значит, ты не сердишься?

— Нет, — Тадеуш покачал головой, и его кудри смешно растрепались. — На что? — кажется, он всё-таки не до конца осознавал, что происходит.

— Боюсь, ты это не поймёшь, даже если я объясню, — Микулэ наклонился и погладил его по волосам. — Да и не стоит тебе об этом думать.

— Почему? — удивился мальчик.

— Потому что это слишком плохо для тебя, — вздохнул Драгош. — Пойдём-ка лучше, я отведу тебя в столовую, там покормят.

— А мама? — наконец сдался Тадеуш. Он всё ещё оставался ребёнком, которому было страшно, и теперь это вырывалось наружу. Мальчик вздрогнул, потянулся к спящей матери, шмыгнул носом, но уже как-то грустно.

— Она скоро будет с тобой, — Микулэ увидел, как в дверях возник Григор. Это означало, что комнаты были готовы. — Утром.

— До утра долго, — возразил ребёнок, но беспокойства стало меньше. — Есть, — попросил он. — Пожалуйста.

— Да, конечно, — Драгош знаком велел Григору разместить Анну в покоях, а сам взял Тадеуша за руку и повёл вниз. На душе у Микулэ почему-то было беспокойно — казалось ему, что поступает неправильно, не по чести, что зря согласился на это предприятие. Ненадолго ему почудилось, что в недобрый час они послушали неизвестного предателя короля Вацлава и что всё, что они затеяли, принесёт только убытки. Драгош не знал, отчего ему так кажется, но привычно повторял про себя древнюю мудрость: предавший однажды предаст ещё раз. У таких людей нет ничего святого, и они всегда действуют по обстоятельствам, ради собственной выгоды. Они идут по головам, и неважно, были вчера эти головы головами их лучших друзей или нет.

Микулэ встречал мало польских вампиров, и самым ярким их представителем виделся ему покойный Концепольский, вечно ухаживавший за Ружей. Это всегда вызывало у Драгоша глухую ревность и страшную зависть — Фабиан был красавцем, был умён, был обходителен и тем нравился прекрасной домнишоаре. Мрачный и замкнутый Микулэ, вечно прятавший свой слепой глаз, ему значительно проигрывал. Но он никогда бы не предал Вереша. А вот Концепольский напротив. Драгош твёрдо знал, что как только Ружа отказала гордому Фабиану, тот обо всём рассказал Водлевскому, готовившемуся идти на стригоев войной. А затем Ружу жестоко убили. Микулэ слышал, что ей вырвали сердце, когда она ещё была жива, и это приводило его в страшную ярость — как они могли только коснуться светлой и чистой принцессы Вереш! При одном воспоминании об улыбке Ружи злость тут же проходила и сменялась болью, тоской.

Это разрывало изнутри и сводило с ума, но Микулэ сдерживал себя. Он был воин и хотел остаться им до конца.

Драгош перебирал в памяти всех знакомых вампиров, пытаясь угадать, кто оказался предателем. Он вспоминал гостей домнеле Василе — польских воевод. Они Микулэ никогда не нравились, но он молчал, уважая право хозяина дома принимать тех, кого он хочет видеть в своих палатах. Могли ли эти вампиры предать своего короля? Гордые, слишком кичащиеся шляхетством, они не захотели бы подчиниться тому, кто был вовсе не благороден. Потомок русского купца, посланца царя Ивана, в далёком пятнадцатом веке отправившегося в Польшу, он заслужил корону только лишь своими делами. Драгош уважал Левандовского за это, но всё остальное давало повод его презирать.

Впрочем, Микулэ никогда не считал себя достаточно умным, чтобы судить о тех, кто многим хитрее и проворнее его, а потом отбросил эти мысли. Он хорошо понимал, что ничего об этом не узнает наверняка, а думать о безопасности врага ему было без надобности. Безусловно, всё это косвенно касалось домнеле Вереша, но Драгош не привык лезть в чужое дело. Он уверился, что тот сам во всём разберётся. Если надо — позовёт. А до тех пор Микулэ предпочитал оставаться в стороне.

Он верил, что поступает правильно, и это было сильнее любых уговоров и предчувствий.

***

— Г-где я? Где мой сын?! — только что проснувшаяся Анна огляделась, резко села на кровати и судорожно огляделась по сторонам, прижала тонкие руки к груди. — Что

происходит? Матиуш! — она дрожала, борясь с чувством невозможной тревоги. Незнакомое место, зашторенные окна, холод — всё это её пугало.

— Никого с таким именем здесь нет, — раздался откуда сбоку тихий приятный, но усталый голос. — А о ребёнке не беспокойтесь, он ушёл гулять с одной из моих служанок с четверть часа назад. Мы познакомились вчера, и Тадеуш оказался приятным собеседником. Он поужинал, затем Мария уложила его, на утро разбудила, накормила завтраком и повела в сад.

— Благодарю, что позаботились о Тадю. Но... Вы так и не ответили на мой первый вопрос, — взволнованно и испуганно произнесла Анна, пытаясь совладать с собой. Она понимала, что крики и слёзы здесь не помогут.

— Вы в Брашове, доамна Вишницецкая, в моей крепости, если угодно, — поведали ей всё так же спокойно.

— С кем имею удовольствие говорить? — уже более сдержанно спросила та, не поворачивая головы. — Вы мне простите крики, я слишком испугалась.

— Драгош Микулэ, советник домнуле Василе Морару, главы клана Морару, — был ответ. — Рад знакомству.

— Признаться, случись оно при иных обстоятельствах, я бы была рада больше, — Анна тяжело вздохнула. — Мне нужно одеться и привести себя в порядок, а потом мы продолжим разговор. Я не хочу вас смущать и сама быть смущена.

— Как вам будет угодно, — согласился Драгош и быстрым шагом покинул комнату. Тут же вошла худенькая рыжая девчонка, неся в руках платье, вежливо поклонилась, улыбнулась.

— Доброго утра, — осторожно произнесла она. — Я буду выполнять все ваши поручения и прислуживать, доамна.

— Вот как? А откуда же ты знаешь польский? Как я поняла, мы в Валахии, — Анна поднялась и подошла к ней. — Как тебя зовут?

— Мируна, доамна. Я раньше была судомойкой у польского вампира, вот и научилась, — отвечала служанка. — Я сейчас принесу вам платье, воду для умывания, всё сделаю.

— Спасибо, — Вишницецкая слабо улыбнулась и вернулась обратно в постель. Она думала о том, что же всё-таки произошло. Карета остановилась, Рихард вышел посмотреть, что происходит, не вернулся, тогда она сама решила покинуть экипаж... Анна попыталась припомнить, который сегодня день, но не смогла — что-то ей подсказывало, что спала она дольше, чем одну ночь. Душу бередило беспокойство о сыне — Вишницецкая не доверяла здесь никому, потому что знакомых ей вокруг не было. Волновало её и то, что Вацлав и прочие, верно, сейчас места себе не находят. А Матиуш... Об этом и думать не хотелось. Он писал ей длинные письма, из строчек которых чувствовалось, как сильно он подавлен, и Анна в эту минуту особенно боялась, что из-за её исчезновения что-то пойдёт не так. Она знала, что польское войско проигрывает, и не хотела стать причиной окончательного поражения. Анна вздрогнула, обняла себя за плечи — ей было тяжело и страшно, она не понимала, что ей делать, но приходилось сдерживаться — она не должна была позволять себе слабости.

Меж тем Мируна принесла ей всё необходимое, и Анна принялась приводить себя в порядок. Это не заняло много времени, и вскоре она спустилась вниз и оказалась в просторной столовой. Комната была достаточно простой: деревянный стол с белой льняной скатертью, кресла, обтянутые старой, уже потрескавшейся кожей, оружие на серых стенах,

узкие окна. Но в тоже время это казалось приятным глазу и нравилось Вишницецкой — она так и не привыкла до конца к той пышности, которой окружил её Матиуш.

— И снова приветствую, — раздался рядом уже знакомый голос. — Надеюсь, вас всё устроило.

— Да, благодарю, — Анна от неожиданности испугалась, беспокойство с новой силой окутало её. Она не знала, насколько хватит её терпения и выдержки, боялась, что расплечется прямо на глазах этого непонятного стригоя.

— Меня зовут Драгош Микулэ, вас же мне представили, — тот тем временем приблизился, поклонился. Анна поймала его выжидающий взгляд, протянула дрожащую руку. Драгош невозмутимо поцеловал её, отпустил, затем отодвинул одно из кресел.

— Прошу, садитесь, вам сейчас принесут пищу, — произнёс он. — Вы не возражаете, если я останусь здесь?

— Пожалуйста, — Вишницецкая не хотела этого, но вежливость сейчас была превыше всего — она была шляхтянкой. Не по рождению, но по духу.

— Благодарю, — усмехнулся Драгош. — Да вы не бойтесь меня, — попросил он, заметив её робость. — Я не обижу вас и никак не оскорблю, я честный дворянин и воин.

— Я бы хотела вам верить, но, признаться, после всего того, что случилось, это было бы непросто, — осторожно ответила Анна. — Простите.

— Да нет, я бы тоже страшился своего похитителя, — понимающе кивнул Микулэ.

— Вы угадали, — Вишницецкая покраснела. — Мне, кажется, должно на вас злиться...

— Но вам не позволяет этого сделать природное самообладание, а также доброта ко всем, кто вас окружает, — закончил за неё Драгош. — Вы действительно ведёте себя очень спокойно, я ожидал иного.

— Я думаю, это бы не помогло, а мне не хотелось бы предстать перед вами в подобном свете, — Анна слабо улыбнулась. — И почему же вы меня выкрали?

— Мне было приказано это сделать. Кто-то поведал о вашем путешествии, и Мнишек, наш, скажем так, предводитель, решил, что можно использовать вас и вашего сына в качестве козыря, — пояснил Микулэ. В его голосе не было ни вины, ни радости победителя. Только безразличие.

— Что ж, это было, с одной стороны, умно — за меня дорого дадут, — спокойно признала Анна. — Но с другой, низко впутывать в войну тех, кто от неё всеми силами отгораживается.

— Не спорю, это так и есть, — согласился Драгош. — Именно поэтому я увёз вас оттуда.

— А отчего же не вернули? — спросила Вишницецкая.

— У меня есть гордость, — серьёзно ответил Микулэ, и Анна понимающе кивнула — её устроил такой ответ, и она за него Драгоша уважала.

— Ну что ж, раз так, то я постараюсь свыкнуться со своей участью, — мягко сказала она. — Я вижу, что вы не хотите причинять мне зла. Значит, мне нечего беспокоиться, верно?

— Я рад, что вы это поняли, — Микулэ улыбнулся ей. — Я прошу прощения за все причинённые неудобства и обещаю их окупить.

— Я вам верю, — кивнула Анна. — Я бы хотела увидеть сына. Вы можете позвать его сюда?

Микулэ встал, чуть поклонился ей и вышел, оставляя одну. Вишницецкая с тяжёлым

вздохом перекрестилась, пытаясь немного унять вновь подступивший страх, печально посмотрела на зарешеченные окна. Драгош, кажется, пытался сделать всё, чтобы она не чувствовала себя узницей, но осознание того, что она в плену, давило и мучило. Анна не волновалась за себя — за других, боялась за мужа и тосковала по нему. Она не хотела, чтобы ради неё Вацлав отказался от короны в пользу Мнишека. Да, Вишницецкая сердилась на него, но понимала, что это пройдёт, а вот несчастья Польши под рукой Станислава — напротив, и это её пугало больше прочего.

«Пан Микулэ — человек чести, — подумала она. — А ну как я попрошу его, чтобы он никогда не использовал меня в качестве рычага для Вацлава». Мысль, конечно, тут же показалась ей уж слишком безнадёжной, но иного выхода пока не предвиделось. Разумеется, любая бы на её месте попыталась бежать, но Анну удерживал разум: она была с ребёнком, без денег, без вещей, без всего, что могло понадобиться для возвращения домой. Поэтому она решила ждать и стараться не печалиться. В конце концов, даже здесь наверняка можно было найти солнце и дом Божий, в конце концов, с ней рядом был её сын, в конце концов, Драгош оказался не злодеем из сказок, что она слышала от матушки, а доблестным воином. Это виделось Анне достаточным для начала.

«Я шляхтянка и на том стою, — сказала себе Вишницецкая. — А там Господь выведет».

И это вдруг утешило её, придало сил, крест на шее согревал и давал надежду. Анна верила, что всё устроится, и эта вера позволила ей отбросить всяческие метания. Пришедший Тадю только способствовал этому, и Вишницецкая тут же занялась им, усадила рядом, велела принести ещё одну тарелку.

— Мне за ней следить? — тихо спросил Григор у стоящего в дверях Драгоша. — Ещё сбежать попытается.

— Не попытается. У неё тоже есть гордость, а этим славятся не многие с той стороны, — ответил Драгош, пристально глядя на Анну, возящуюся с сыном.

— А у них этого нет? — удивился слуга.

— Нет. Они все исполнены гордыни, а она представляет из себя нечто совершенно иное и пагубное, — отозвался Микулэ. — Я не хочу, чтобы доamna в чём-либо нуждалась. Все её приказы выполнять, не пугать, не трогать. Передай это всем.

— Конечно, домнуле, — Григор поклонился. — Всё исполню. А вы присмотритесь к ней, раз так, может, будет вам добрая жена, а? Если её вскорости не выкупят, то можно крест ставить — никому не нужна, значит. Что зазря ей пропадать?

— Глупостей не говори, — осадил его Драгош. — Я выше и глумиться над её горем не стану.

— Боюсь, большее её горе осталось там, — слуга указал рукой туда, где, по его мнению, располагалась Варшава. — Кто отправит женщину с мальцом-то да без охраны в такую даль?

— С ней был какой-то мужчина, — припомнил Микулэ.

— Слыхал я от ваших воинов, а те — от вампиров беглых, что он блаженный, — поведал Григор. — Какая там защита...

— Они или бесчестны, или глупы, — заключил Драгош.

— Или и то, и другое, — фыркнул слуга. — Помяните моё слово и сделайте так, как я советую. И вам покой, и ей счастье.

— С этим? — Микулэ указал на собственный слепой глаз. — Или с этим? — провёл пальцами по шрамам. — Увы, даже самая добрая из всех отказалась от меня. А тут и подавно.

— А вы предлагали? — серьёзно спросил Григор.

Драгош так и не ответил, лишь развернулся и быстрым шагом пошёл к Анне. Его впервые за долгое время задела за то небольшое живое, что в нём осталось.

Глава пятьдесят вторая

Влад не обернулся, слышав шаги Вацлава, робкие и необычно тихие даже для вампира. Он знал — Левандовский виноват и сильно себя за это корит, грызет, словно один дикий зверь другого, и это Дракулу устроило. Польский король уж слишком возгордился, слишком высоко задрал нос. Что ж, пришло время в кои-то веки его опустить. Жаль только, что для того была принесена слишком большая жертва — несчастная княгиня Вишницецкая. Влад вообще-то не терпел, когда женщин ненароком вмешивали в такое грязное дело, как война, и особенно злился, если оно случалось по оплошности, как и теперь. Дракуле довелось пережить подобное — его первая, любимая жена, Элисабета, сбросилась с башни, лишь бы не достаться туркам, с которыми в тот недобрый год воевала Валахия. Он опоздал на пару мгновений: замешкался на лестнице, остановился перевести дыхание, а когда поднялся, то увидел внизу окровавленное тело той единственной, что его не боялась. Влад до сих пор винил себя в смерти Элисабеты, потому что чётко знал — так он поплатился за первую и последнюю поблажку себе.

Точно то же теперь творилось с Левандовским. Он сидел, смотрел в огонь, сжимая ручки кресла так, что его бледные пальцы становились ещё белее, и разве что не дрожал. Да, Вацлав был подавлен, был сломлен и впервые жизни, кажется, понял, что значит всех подвести, оказаться неправым, оказаться в ответе за чужое горе. О, как это на него давило! Дракуле ненадолго даже стало жаль его, но это тут же прошло — Левандовский сам всё устроил и сам во всём виноват, значит, происходящее с ним полностью заслужено.

— Не будь так чёрств, — раздался над ухом голос Раду. Он говорил по-румынски, говорил тихо и вкрадчиво, и на мгновение Влад подумал, что из брата мог бы выйти отменный советник, всяко лучше жадных бояр и хитрых людей венгерского короля. Однако прошлое оставалось прошлым, и изменить его уже было нельзя. Впрочем, это сейчас не было важно. Слова Раду отрезвили Дракулу, смягчили его помыслы, и от того на душе сделалось легче.

— Я не чёрств, — всё же ответил он. — Я поступаю с ним по справедливости.

— Но поможет ли справедливость ему и его горю? Поможет ли она несчастной доамне? — Ливиану покачал головой, давая понять, что Влад всё ещё ошибается. — Сейчас надо отложить обиды и гнев.

— Ты красиво говоришь, но от них невозможно избавиться до конца, — возразил Дракула.

— Стоит хотя бы постараться, — парировал Раду, а затем обернулся к Вацлаву:

— Вы бы так не убивались, — осторожно начал он. — Насколько я могу судить по воспоминаниям Рихарда, пусть те и обрывочны, доамна Вишницецкая попала к не самому бесчестному из стригоев. Я бы сказал даже, что тот, о ком я...

— Хватит их оправдывать, — прошипел Левандовский злобно и ядовито. — Все вы тут только и делаете, что ходите и говорите, что Анне ничего не угрожает, что всё можно решить легко и просто, но мы-то воюем уже полгода! — он поднял голову, и свет упал на его лицо, почти восковое и оттого страшное. Раду без труда понял, как Вацлав измучился за последние несколько дней. Он был жалок, он бросался на всех, кто мог оказаться хоть сколько-то виновен, он ненавидел самого себя, и всё это жутким клеймом на нём отпечаталось. Ливиану, знавший Левандовского как сильного и непоколебимого правителя,

даже ужаснулся такой картине. Сломаться так из-за женщины? Много же она для него значила! Или, может, дело было не только в этом, а несчастная оказалась лишь соломинкой, переломившей хребет верблюда? Слышанная у османов поговорка сюда очень подходила.

— Я лишь пытаюсь объяснить, что не всё так плохо, как вы полагаете, — всё же ответил Раду. — Везде есть достойные, и доамна нынче у одного из них.

— Это должно мне помочь? — язвительно спросил Вацлав.

— Это должно заставить тебя мыслить трезво. До того война велась как придётся, ты ей даже не интересовался толком, — подхватил Влад. — Да у вас и коронного войска нет! После смерти короля Водлевского всех распустили, но обратно собирать потом не стали. Куда это годится?

— Я думал, после падения тирана мы заживём мирно. Зачем Польше биться, кому это нужно? — Левандовский заговорил устало. — Надо было разделаться с Мнишеком ещё тогда, надо было отправить людей к Верешу, чтобы он не давал солдат... Впрочем, уже поздно об этом рассуждать.

— Вот ты и нашёл свою главную ошибку, — Дракула чуть кивнул. — Но верно, сделанного не воротишь. Вы с Кшиштофом в этом удивительно похожи. Оба слишком уверены в том, что творите, и оба же боитесь потерять то положение, которого достигли, будете сражаться любой ценой... Жалкое зрелище.

— Что? — Вацлав резко поднялся. — Ты считаешь, что я жалок?

— Я считаю, что ты, Вацлав Левандовский, гораздо умнее и расчётливее, чем прикидываешься! — осадил его Влад. — Тебя не просят идти в бой — армия тебя не слушает, но хоть Анну-то тебе можно поручить.

— А что я могу сделать? Выкрасть? Прийти к Драгошу и выставить ультиматум его клану? — тот виновато опустил глаза. Он ощущал то страшное, всепоглощающее бессилие, что всегда пугало и неизменно сопровождало любую крупную неудачу. Вацлав не любил своей слабости, не любил, когда не мог сам управлять происходящим, и сейчас чувствовал себя последним дураком. Левандовскому вдруг показалось, что он не всемогущий король Речи Посполитой обоих народов, а испуганный юноша, которому принесли весть об убийстве отца. Он помнил это очень чётко, и оно по сей день ужасало его хуже самого жуткого кошмара.

— Думай, Вацлав, думай, — Влад заходил туда-сюда, заложив руки за спину, казалось, он совсем забеспокоился, если не разозлился. Левандовский искренне хотел понять, что ему нужно, но тщетно. Голова стала словно каменная, опустела и набухла, что вампирам свойственно не было. Неожиданно на Вацлава навалилась ужасная усталость, копившаяся уже долго и наконец победившая. Дракула, кажется, заметил это и немного смягчился. Раду же подошёл к Левандовскому и положил руку на плечо.

— Говорят, Максимилиан фон Штраус хочет найти убийц Ружи и Звонимира, — осторожно начал он всё тем же вкрадчивым тоном. Не даром сначала сумел прижиться при дворе Мариана Ливиану, а затем оказался на его месте. Советники вроде него дорого стоили, их нельзя было не ценить. Те же, кто по каким-то причинам не делал этого, рано или поздно оказывались свергнуты такими вот людьми. Влад бы не удивился, узнай он, что Раду убил Мариана, чтобы править самому, однако он верил словам брата — тот утверждал, что бывший правитель погиб от руки священника. Но кто направил эту руку, для него оставалось тайной.

— Я слышал о его делах, — тем временем ответил Вацлав. — Ты предлагаешь мне

присоединиться?

— Верно. Мне известно, что у тебя есть бумаги короля Кшиштофа. Ты их никому не показываешь, сам их не читаешь, словно боишься чего-то. Чего? Что он обличает и твои дела? — спросил Дракула серьёзно.

— Нет, — покачал головой Левандовский. — Мы говорили об этом с Велиславом... Он не желал, чтобы записи Водлевского покинули стены моего кабинета, чтобы их прочёл кто-то ещё, кроме... крайне узкого круга лиц.

— И ты сам не решился их открыть? — Влад прищурился, а затем одобрительно кивнул. — У тебя есть честь, а это дорогого стоит. Впрочем, мы должны позволить несчастному отцу хотя бы отомстить за своих детей.

— Что ты! — Вацлав вздрогнул. — Шляхта здесь меня уважает, но не любит, шляхта там меня не уважает и не любит. У меня не так уж много столь преданных сторонников. У Кшиштофа их было многим больше, признаться, — он глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями. — Я уверен, что убийцы потом оказались либо в войске покойного пана Концепольского, либо в коронной войске. То есть, где-то поблизости от трона нынешнего короля, меня.

— И? — Дракула понимал, к чему он клонит, но всё же хотел послушать, убедиться в том, что думает и знает о польской шляхте.

— Эти люди меня выбрали. Я не могу кусать ту руку, которая меня так или иначе кормит, — невесело усмехнулся Левандовский. — Да, я король, но я во многом завишу от тех, кто заседает в Сейме. Такова наша страна.

— Я думал, во время бескрулёвья они утратили свою силу, — заметил Раду. — Польша ведь двадцать лет была без правителя, шляхта не желала и не могла его выбрать. Над ней разве что не смеялись — виданное ли дело — собираться год за годом и так и не называть имя кандидата.

— Верно. Но как только я вызвал Велислава, предложил его в качестве короля, они вновь почувствовали, что всё ещё могут что-то решить. И решают по сей день, — Вацлав пожал плечами. — Странно, но у нас шляхетская демократия, похоже, сильнее здравого смысла.

— Возможно, есть в ней что-то, — мягко сказал Ливиану. — Немногие страны так рано пришли к подобному.

— Благодарю, — Левандовский коротко улыбнулся. — Так значит, у нас сейчас две задачи: остановить войну и спасти Анну.

— Узнаю прежнего тебя, — Дракула кивнул. — Но, кажется, второе тебе приятнее, верно?

— Пока не знаю, что делать с первым. Это вопрос деликатный, — уклончиво ответил Вацлав. — Хотя, признаться, задумавшись об одном, я вспомнил ещё кое о чём. Что мы скажем Матиушу?

— Матиушу? — Влад усмехнулся. — Ничего.

— Но?.. — Левандовский непонимающе посмотрел на него.

— Ваша армия может если не победить, то хотя бы достойно проиграть. Не лишай их того, кто ими управляет, — ответил ему Дракула. — Нет, мы будем молчать, чувства, знаешь ли, здесь ни к чему. Он покуда не способен с ними вовремя совладать, а поэтому...

— Вот как, — Вацлав вздохнул печально, на мгновение Раду даже показалось, что он устыдился этой тайны. — Мне неприятно это делать, но иначе не выйдет, верно.

— Боюсь, король должен быть глух и слеп в минуты тягости, чтобы рот его произносил лишь то, что подсказывает разум, — заметил Влад.

— Не проще ли тогда вырезать ему сердце? — только и спросил Левандовский.

***

— Я вас пугаю? — Драгош появился бесшумно, почти что тенью, и Анна оторвалась от вышивки, посмотрела на него. Пламя свечи выхватило из темноты бледное лицо со шрамами и слепой глаз, тонкие губы и прядь рыжих волос. Сердце Вишницецкой сжалось от сострадания к несчастному. Она вдруг подумала, что Микулэ немало мучился, что судьба его была слишком тяжела для просто человека, и оттого Анне стало его ещё больше жаль.

— Нет, почему? — она вскинула голову, улыбнулась мягко, искренне. — Разве вы страшны?

— Вы удивительная женщина, — Драгош приблизился, встал перед ней почти вплотную, и Вишницецкая указала ему на соседнее кресло, после чего он сел, коротко кивнув в знак благодарности. — Вы не пытаетесь плакать или кричать, не пытаетесь сбежать, не ненавидите меня за то, что я вас пленил... Теперь ещё и не боитесь.

— Я не вижу к тому причин. Понимаете ли, пан Микулэ, вы мне ничего плохого не сделали, так отчего же мне устраивать вам скандалы? — Анна едва слышно рассмеялась. — Думаю, наш утренний разговор был исчерпывающим.

— Что ж, я вам по-своему благодарен, — кивнул тот. — Позвольте узнать вас поближе? Я человек одинокий, — на слове «человек» он коротко улыбнулся. — Я редко с кем-либо говорю, разве что с Григором... А тут вы. Так позвольте?

— Прошу, — Вишницецкая отложила шитьё. — В конце концов, и мне теперь не с кем побеседовать, так что я буду рада.

— Поразительно, — Драгош устало прикрыл глаза, на его губах снова появилась улыбка, только уже болезненная, видимо, настоящая. — Поразительно. Вероятно, именно так христианские мученики отправлялись на арену Колизея.

— Но вы не собираетесь меня убивать, — Анна посмотрела на него прямо, стараясь разглядеть получше, но он тут же отвернулся. — Почему вы прячетесь?

— Немногим приятно видеть моё лицо, — как-то отрывисто ответил Микулэ. — Простите.

— Кажется, вы и это имели в виду, когда спрашивали, пугаете ли вы меня, — понимающе кивнула Вишницецкая. — И это тоже нет, — тут же добавила она, не желая обидеть его или задеть. — Вовсе нет.

— Необычная доброта, — Драгош всё ещё не оборачивался к ней. — Пожалуй, это та часть моего прошлого, которую я не хотел бы вам открывать.

— Ваше право, — Анна понимающе кивнула. — Так что вы желаете знать обо мне?

— Всё, что вы посчитаете нужным мне рассказать, — серьёзно произнёс Микулэ. — Я не могу настаивать на чём-то большем.

— Спрошу иначе. Чего вы обо мне не знаете? — Вишницецкая предполагала, что он слышал о её муже — это была тема, которой Анне не полагалось и не хотелось касаться, особенно в разговоре с другим, посторонним мужчиной. Ей это казалось нечестным и неприятным, некрасивым по отношению к Матиушу, которого она безмерно любила.

— О вас многого, о вашем супруге я и не думал говорить, — ответил Драгош, словно бы угадав её мысли. — Что вы любите, доamna? Что было с вами до того? Чем вы живёте? — он замолчал, видимо, смутившись такому количеству собственных вопросов.

— Я была хлопкой, — странным голосом ответила Анна, будто не услышав прочего. — Но теперь я свободная женщина, я княгиня. Я жена и мать, — она приободрилась. — Я счастлива, я живу так, как мне хочется. Я многое теперь знаю и умею.

— Мы похожи, — Микулэ вдруг вновь посмотрел на неё, и Вишницецкая смогла его хорошенько разглядеть. Было ли это доверие?

— Чем? Я о вас не слышала, во всяком случае, о том, что было с вами... раньше, — Анна читала в его глазах удивление. Схожее она когда-то видела в глазах Раду и Рихарда: все они не ожидали, что их увечья будут восприняты как-то иначе, и вовсе не думали, что кто-то может им посочувствовать.

— Я, доamna Анна, был в войске одного из господарей, имел своё хозяйство, разве что жениться не успел. Но у всех есть враги, и мои донесли фанариоту, что я строю козни против турецкого султана, — он помолчал немного, заставляя себя совладать с воспоминаниями и продолжить. — Меня бросили в тюрьму, пытали, а затем оставили слепого умирать в горах, — он криво улыбнулся. — Меня нашли голодные стригои, и я до сих пор не могу понять, почему не убили. Они забрали меня в свои владения, обратили, я стал служить домнуле Василе. Я снова был тем, кем родился.

— Но ведь родиться можно в семье короля, а в душе быть хлопом. Можно родиться и всю жизнь сеять хлеб, но чувствовать себя шляхтичем и так же вести свои дела, — возразила вдруг Анна. — Вы честный человек и всегда им оставались, вот что важно.

— Вы думаете? — как-то глухо спросил Микулэ. Он редко слышал, чтобы рассуждали так, и оттого немного растерялся.

— Иначе бы я не стала говорить, — ответила Анна скромно. — Я много людей видела, я с ними беседовала и теперь наверняка знаю, что происхождение — это не главное. Порой самый родовитый дворянин оказывается последним подлецом, а слуга — человеком благородным. Не кровь определяет, кто мы есть.

— Не всякий нынче так считает, вовсе не всякий, — заметил Драгош, однако улыбнулся по-доброму и даже ласково.

— А что поделать? — Вишницецкая пожала тонкими плечами, опустила голову, волосы упали ей на лицо, и она тут же убрала их изящным жестом, коротко, как-то виновато улыбнулась, и Микулэ вздрогнул от ужаса. На мгновение Анна напомнила ему Ружу, такую же... чистую? Светлую? Святую? Каждый жест у них обеих был схож, каждое слово звучало одинаково, и в глазах Вишницецкой Драгош видело то же, что и в глазах Ружи. Но он твёрдо знал. Это не она. Мёртвые не возвращаются — Микулэ знал наверняка. И оттого ему было больнее.

— Вы правы, — он кивнул. — Ну что же, довольно прошлого, оно и так слишком часто нас преследует. Расскажите лучше о чём-нибудь... добром, — вышло это неубедительно, с некой горечью, и Вишницецкая поняла, что ему тяжело говорить о минувшем. Она кивнула, снова взялась за шитьё, сделала пару стежков, затем опять отложила.

— В моей жизни было не так уж много доброго, наверное, но мне того достаточно, — Анна задумалась. — Вы не подумайте, сейчас я искренне счастлива, у меня славный муж, у меня есть ребёнок, мой маленький Тадю, — она обернулась к двери, за которой находилась кровать сына. — Это ведь дорогого стоит.

— Моя мать умерла рано, мой отец всю жизнь провёл в походах. Я не знал семьи, — Драгош как-то смущённо посмотрел на неё. — Но я рад, что она есть у вас.

— Отчего же вы не женились? — удивилась Анна. — Если не... тогда, так теперь. Вы

ведь, верно, давно живёте.

— Она погибла, — коротко ответил Микулэ и резко поднялся. — Простите, — Вишницецкая ненароком задела его за живое, и теперь Драгошу хотелось исчезнуть отсюда, полетать, обратившись вороном, над горами, лишь бы вновь обрести душевное спокойствие.

— Если я обидела вас, то прошу прощения, — мягко сказала Вишницецкая. — Я помолюсь за неё, — добавила она искренне и серьёзно.

— Спасибо вам, — Микулэ на краткий миг обернулся, бросил на неё пронзительный взгляд, полный одновременно боли и благодарности, а затем вышел, оставляя одну. Анна не стала его удерживать, понимая, что он чувствует теперь, снова взялась за шитьё. Так она просидела с полчаса или около того, пока не отворилась дверь, и из комнаты не вышел сонный Тадю.

— Ма, — он подошёл к ней, и Вишницецкая, отложив пяльцы, помогла ему забраться к себе на колени. — Ма, что? — Тадеуш провёл ладошкой по её щеке. — Тебе плохо.

— Ну что ты, маленький, — Анна покачала головой. — Это ещё ничего, правда, мой хороший.

— Ты грустишь. Ты... — он задумался, не зная нужного слова. — Как река и ветер.

— Волнуюсь? — Вишницецкая поцеловала его в затылок, пригладила кудряшки. — Немного, но ты не переживай, ладно? Тебе-то уж точно не стоит об думать.

— Ты подумала, я узнал, — Тадю вцепился в мать так сильно, как только мог, стараясь прижаться теснее. — Ма, — он всхлипнул. — Ма! — Анна почувствовала, что сын плачет, и крепче обняла его, стала гладить, шептать что-то, чтобы успокоить.

— Ну чего ты? — она тяжело и устало вздохнула, сердце сжалось от боли за собственного ребёнка. — Тадек, я же рядышком, я с тобой.

— Ма, ты грустишь. Па, — ответил ей Тадеуш. Он уже немного поутих и теперь сосредоточенно протирает глаза.

— Да, я очень скучаю по твоему папе и очень за него боюсь, — как-то потерянно отозвалась Анна. — Но я ничего не могу сделать. Самое страшное — это бессилие, потому что оно давит не хуже тяжёлого камня. Он тянет на дно, а оттуда уже не выплыть, — она посмотрела на сына. Его лицо было серьёзным. Создавалось ощущение, будто он вполне понимал всё то, что говорила ему мать.

— Ну да хватит об этом, — Вишницецкая дождалась его кивка, поцеловала в лоб, взяла на руки, поднялась и унесла в спальню. Она снова уложила сына, укрыла одеялом, поправила подушку и села рядом. Анна запела колыбельную, чтобы Тадеуш скорее уснул, а затем долго смотрела на него, думая о чём-то своём. Она и не заметила толком, как её окутал тревожный сон, и очнулась лишь под утро, когда Мируна разбудила её и помогла лечь в постель. Теперь уж Вишницецкой вовсе не спалось — она смотрела, как за окном занимается алый рассвет, и думала о Матиуше, оставшемся где-то далеко, верно, у самой Варшавы.

«Я скучаю, коханный мой, — подумала Анна. — Где ты? Как ты? Знаешь ли ты, что со мной случилось?»

...А в это время Матиуш отложил хлеб и с сомнением посмотрел на Войцеха, нахмурился, тихо спросил:

— Что мне тревожит? На душе беспокойно, тяжело, словно случилась беда.

«Птицы говорят, пан, что ваша жена так и не доехала до Кракова, — нехотя, виновато, печально ответил Войцех. — Соколы нынче перекликались, что впервые за много лет живой человек переступил порог старой крепости в Брашове».

Глава пятьдесят третья

— Вы не спали, — заметил Драгош осторожно и тихо, не глядя на Анну. Та встрепенулась, понимая, что вновь задремала, отложила рубашку сына, которую с четверть часа пыталась зашить — Тадю залез в заросли высокой травы и там ползал по кустам, где зацепился плечом за ветку. Мируна, с трудом поймавшая юркого ребёнка, хотела было сама починить вещь, но Анна ей не дала — Вишницецкой сейчас надо было отвлечься, и забота о сыне в этом очень помогала.

— Ох, — Анна обернулась к Микулэ. — Простите, не ожидала вас увидеть, ведь сейчас день, — она виновато улыбнулась.

— Помнится, ещё несколько дней назад вас это не удивляло, — мягко отвечал Драгош, впрочем, предпочитая стоять в тени высоких деревьев.

— Я думала, в эти окна, — Вишницецкая указала ладонью на бойницы, — свет проникает едва-едва, разве нет? А вы просто научились его обходить. Если можно так выразиться, конечно, — она окончательно смутилась, решив, что сказала ужасную глупость.

— Вообще-то вы не так уж и не правы — я и в самом деле это умею. Однако причина сейчас кроется в другом, — Микулэ произнёс это как-то неуверенно и пожалел, что не соврал ей — он только сейчас вспомнил, что Фабиан был Анне дорог. Однако даже за несколько веков ему не удалось постичь искусство обмана, и поэтому Драгош был с ней честен. Он считал ложь чем-то низким и недостойным воина, но сейчас смутно чувствовал, что лучше бы и вовсе промолчал — рассказывать обо всём прекрасной гостье не хотелось.

— И в чём же? — тем временем с любопытством спросила Анна, мягко улыбаясь.

— Боюсь, если вы узнаете, то уже не сможете говорить со мной так любезно, — глухо отозвался Драгош, болезненно улыбнувшись.

— Я, возможно, догадываюсь, — Вишницецкая вздохнула, — но я в состоянии понять, что война есть война, и там всё... — она немного помолчала, подбирая верное слово. — И там всё иначе, — это было вовсе не то, но это не звучало, словно обвинение или укор, и лишь потому Анна отдала предпочтение именно ему.

— Я рад, что вам это известно, — Микулэ вышел наконец из тени, вопросительно посмотрел на скамью, затем на Вишницецкую, и та кивнула. Тогда Драгош присел, робко взял её тёплую руку в свои, грубые и холодные, ужаснувшись тому, до чего Анна была жива, а он сам мёртв.

— Мне было пророчество в своё время, — тихо начал Микулэ. — Старая цыганка предсказала, что у меня есть неявный враг, которого убить могу только я сам. Ну и меня, конечно, убить может только он. Она не назвала имени, а я не стал спрашивать, но с тех пор носил с собой кинжал, чтобы в случае чего быть готовым... ко всему, — он прикрыл глаза, вспоминая те далёкие времена. — Как-то раз я встретил ту цыганку вновь — её схватили слуги господаря и бросили в темницу, её ждала казнь. Взамен на имя она попросила меня о скорой смерти — она уже была в том возрасте, когда жить днём больше или днём меньше уже бессмысленно, а погибать в огне всё ещё не хочется, — усмехнулся собственной горькой шутке. — Я убил её сразу же, как узнал то, что было нужно. Моего врага звали Фабианом из рода Концепольских.

— Так это вы его убили? — на удивление спокойно спросила Анна, хотя видно было, что она побледнела и взволновалась.

— Я, — коротко ответил Драгош, не став даже объяснять, почему он так поступил — не хотел оправдываться и выглядеть трусом.

— Полагаю, у вас на то были свои причины, — Вишницецкая потёрла переносицу, отвернувшись, видимо, желая скрыть слёзы.

— Безусловно, — одну из причин звали чёрной ревностью, и оттого Микулэ становилось даже стыдно.

— Нам с Матиушем Фабиан был дорог, — произнесла Анна. — Друг семьи, крёстный нашего сына... Мне бы следовало дать вам пощёчину и никогда в жизни больше не здороваться за то, что вы сделали, но я так не могу, — она снова взялась за шитьё. — Мне бы следовало вас обвинить не только в том преступлении, что вы совершили, но и во всех прочих тоже. Но я так не могу, — сделала пару стежков, закрепила нитку, затем оторвала, чтобы заняться слабо держащимися пуговицами. — Мне бы следовало вас ненавидеть.

— Но вы так не можете, — закончил за неё Драгош. — Я понимаю, что вы меня осуждаете, я понимаю, за что вы меня осуждаете, — он выдержал некоторую паузу, чтобы собраться с мыслями, — однако я прошу вас о милосердии.

— Я вас не осуждаю, — вдруг тепло ответила ему Вишницецкая. — Мне больно, мне может, обидно — я не знаю, как это правильно назвать, но я вас не осуждаю. Мне известна вполне очевидная истина — на войне убивают, — она подняла голову, выпрямилась, окончательно справившись с собой. — И если вы нанесли Фабиану удар в бою, а не исподтишка, не под покровом ночи, как вор, если вы защищались, то мне не в чем вас упрекнуть.

— Это сродни мужеству, — заметил Микулэ уважительно.

— Возможно, — Анна пожала плечами. — В конце концов, я уже много чего пережила, так зачем мне ещё мучиться и мучить вас?

— Пережили? — Драгош нахмурился. — Что с вами случилось?

— Женщине не пристало обсуждать своего супруга с другим мужчиной, — с тихим смехом ответила ему Анна. — Впрочем, мне надо это кому-то рассказать, чтобы навсегда отпустить. Чтобы больше не вспоминать.

— Я готов вас выслушать, — серьёзно произнёс Микулэ. — Если вас это, конечно, не смутит.

— Да нет, иначе бы я не предлагала, — Вишницецкая слабо улыбнулась. — Я не всегда была так счастлива с Матиушем, и, будь моя воля, я бы никому об этом не поведала так, как поведаю сейчас вам. Однако я безвольна и позволю себе эту слабость.

— Они есть у всех, вам не стоит её так стыдиться, — заметил Драгош. — Продолжайте же.

— Тяжело биться о душу человека, как о каменную стену. Я влюбилась в него сразу, ничего ведь не знала, не видела, а тут пан, красивый, молодой... Что мне было делать? И ведь все мне говорили, чтобы я не велась, чтобы не верила, чтобы не думала даже! А оно вон как вышло, — Анна говорила как-то устало, было видно, что ей непросто. — Но до того я горя хлебнула так, что едва не захлебнулась, уж извините за подобную игру слов.

— Он вас не любил, верно? — Микулэ вспомнил то, что говорил ему Григор. Интересно, он знал или предполагал?

— Верно. Но вы не подумайте, он не бил меня, не насиловал, не обижал, напротив! Конечно, Матиуш заботиться начал с подачи пани Телимены, но, думаю, лишь потому, что не додумался сам. Платья дарил, учил, сажал за один стол с собой, время проводил, словом,

пожаловаться мне было не на что, — отвечала Анна. — Однако он меня не любил и не раз говорил об этом. Говорил виновато, с горечью, но говорил, и это делало мне больно. Я часто думала, что так не поступают с теми, кто если не любим, то хоть дорог, я смотрела на его с собой обращение — оно было прежним, как с той, кто всегда будет подневольна по рождению — потому что хлопка, — она невесело усмехнулась, покачала головой. — Даже вольная, им самим и составленная, не сделала меня таковой в его глазах. Это ли не страшно?

— Это жестоко, — упавшим голосом ответил Драгош. Ему были знакомы чувства Анны, он сам когда-то оказался на её месте, а потому вдвойне сожалел о такой её судьбе.

— Возможно, но Матиуш этого не понимал. Он ведь, как я потом выяснила, затеял это всё, чтобы что-то там себе и другим доказать. Это считалось в его кругах верным, современным... Словом, оказалось, что всё вокруг меня было красивым обманом, кроме одного — он действительно не любил меня не со зла. Просто не умел, — продолжала Вишницецкая. — Что любопытно, в тот же день, когда я узнала обо всём, Матиуш признался мне в своих чувствах. И я ему поверила, — она коротко улыбнулась. — Он рассказал мне о своей лжи, и это, как ни странно, и послужило свидетельством того, что он меня действительно полюбил. Дорогому человеку тяжело врать, очень тяжело, вот и Матиуш не смог. Пусть мы и поссорились тогда, но я всё равно ценю этот его поступок.

— А отчего же вы от него не ушли раньше? — спросил поражённый Микулэ. — Зачем себя обрекли на такое?

— А куда мне было идти? К Вацлаву? К Велиславу? К Рихарду? Может, к Штраусу или к Анджею? Или хуже, к Владу? — Анна покачала головой. — Мужчины, уж простите мне подобную вольность, все меж собой похожи. Конечно, все они готовы были мне помочь, я не умаляю их доброты, но в каком бы я оказалась положении? Приживалки, бедной родственницы или вынужденной жены? — она прищурилась, откинулась на спинку скамьи. — С Матиушем я бы была не очень счастлива, но разве это кого-то бы беспокоило? Ведь его же не видно. То, что происходит в семье, там и остаётся, подобное считается чем-то... чем-то в порядке вещей. И я бы это перенесла легче, чем прочее, полагаю.

— И потому вы остались, — понимающе кивнул Драгош.

— И не только потому. Я ведь продолжала его любить, — заметила Вишницецкая. — Несмотря ни на что. Это сложно, но со временем привыкаешь и принимаешь человека таким, какой он есть. Помнится, хуже всего было, когда Матиуш предложил мне выйти за него замуж, добавив, что не любит меня, а поступает так потому, что он порядочный человек.

— И вы согласились? — искренне удивился Микулэ. — Разве это не унижение?

— Я привычная, — Анна болезненно скривила губы.

— Мне жаль, — участливо сказал Драгош, хотя подспудно понимал, что сочувствие ей не требуется. — Мне правда жаль, ведь вы этого не заслужили, — он сжал её руку.

— На всё воля Божья, — Вишницецкая повела плечами. — С тех пор многое изменилось, и я стала счастлива. Матиуш очень славный муж, очень добрый, заботливый, ласковый. Мне не на что сетовать, а это дорогого стоит.

— Я рад, что у вас всё разрешилось подобным образом, — Микулэ попытался улыбнуться тепло, но у него не получилось. То, что вышло, было похоже на оскал, и он побоялся, что напугает этим Анну. Однако она, похоже, не обратила на это никакого внимания.

— Да я и сама рада. Всё-таки, Драгош, приятно в итоге оказаться в чём-нибудь

правой, — Вишницецкая поднялась, увлекая его за собой. — Пойдёмте, поможете мне поймать сына. Он заигрался и не хочет отправляться спать, хотя ему уже давно пора. Думаю, вас-то он послушает.

— Это отчего же? — удивился тот.

— Вы очень похожи на древних воинов, про которых я ему читаю сказки, — со смехом пояснила Анна. — Сами догадаетесь, правда?

— Вот уж не мечтал, — понимающе кивнул Микулэ, тоже развеселившись. — И кто я, по его мнению?

— Полагаю, король Ягайло, не меньше, — ответила Вишницецкая.

— Спасибо, что не Вацлав, — весело отозвался Драгош.

***

Матиуш ответил не сразу, лишь смотрел куда-то в собственные переплетённые пальцы и пытался осознать услышанное. Внутри постепенно разгорался гнев — как посмели, как не уследили, как не уберегли? Уезжая из Варшавы, он заклинал друзей позаботиться о жене, заклинал защищать её и что в итоге получил? Видимо, следовало отказаться от предложения командовать, остаться дома, а эти все пусть бы разбирались, как хотели. Матиуш стал задумывать о том, что не всё так гладко, когда погиб Фабиан, и теперь, после увиденного здесь, на войне, после похищения Анны, окончательно уверился в том, что Вацлав крупно просчитался.

Он не мог поверить, что жена и сын оказались пленниками где-то в румынских горах, он не мог поверить в собственное бессилие перед этим — никто бы не дал вести ему армию туда, а не сражаться здесь. Это давило, это мучило, и Вишницецкий едва сдерживался, чтобы не начать метаться по шатру, не бежать к Велиславу и на коленях умолять помочь. Войцех же, наблюдавший за этим, тихонько вышел — видно, что-то задумал.

Матиуш же судорожно думал, что ему теперь делать. Он, конечно, мог писать Вацлаву и прочим, мог пойти на переговоры, чтобы ему вернули его семью, но прекрасно понимал: первое бессмысленно, а за второе его убьют на месте. От этого хотелось выть — настолько Матиушу было страшно за Анну и Тадю. Он не знал толком, кто такой Драгош Микулэ, он вообще был не слишком хорошо осведомлён о том, кто такие стригои на деле, и ужасно боялся, что его жена и сын просто не доживут до встречи. Вампиры говорили, что их собратья дикие, безумные, что звери, и не могут сдерживать жажду крови. Матиуш молил все известные силы, чтобы Анна не оказалась следующей их жертвой. О судьбе Тадю даже думать было тяжело — гибель сына была одним из самых жутких кошмаров.

— Я вижу, вы расстроены, — в шатре возник Марцин, вежливо улыбнулся. Войцех, следовавший за ним, юркнул в свой угол и затих, слушая, что будет дальше.

— Мне принесли достаточно печальные вести, — едва сдерживаясь, чтобы не поддаться панике, отвечал Матиуш, благодарно глянув в сторону слуги. Тот понимал своего пана без слов и тут же придумал, как дальше быть.

— Я слушаю, — Рутковский, кажется, и в самом деле хотел ему помочь — тут же сил, маска вежливости сменилась настоящим беспокойством, в глазах промелькнуло что-то, похожее на понимание.

— Мои жена и сын в плену, — глухо ответил Вишницецкий, сам не веря тому, что сказал. — Войцех сказал, они в Брашове.

— Так вот о чём говорили птицы, — понимающе кивнул Марцин и, поймав удивлённый взгляд Матиуша, улыбнулся. — Я тоже беседую с ними иногда — так сказать, чудесная

особенность, которая передалась мне от моего отца-обращающего. Впрочем, речь сейчас не об этом, — его лицо вновь сделалось серьёзным. — Вы, верно, хотите прямо сейчас сорваться и вести армию в горы, лишь бы спасти их?

— Каюсь, — Матиуш виновато склонил голову, понимая, что выглядит, как ребёнок, что всегда идёт на поводу у чувств, но, с другой стороны, разве кто-то на его месте поступил бы иначе?

— Мне это знакомо, — задумчиво произнёс Рутковский. — И я догадываюсь о том, что вы сейчас чувствуете. Но я прошу, сначала подумайте, а потом делайте.

— Это непросто, — Вишнинецкий посмотрел на него затравленно, вздрогнул. — Это совсем непросто. Пан Рутковский, я ведь... Я ведь столько раз упускал возможность заботиться об Анне, защищать её. Но теперь, когда она в такой опасности, что и подумать страшно, что она там одна, одна с ребёнком! Я запутался, я не представляю, как мне ей помочь, — он закрыл лицо ладонями, но Марцин осторожно взял его за запястье, заставляя положить руки обратно на стол.

— Вы ведь уже неплохо справились с войском, обрели некоторый авторитет, оставили ваши детские замашки там, в Варшаве, так зачем же вновь становиться избалованным панычем и устраивать сцены? — строго, но тем не менее вежливо спросил он. — Анне и Тадю вы этим не поможете. Так будьте же благоразумны.

— Простите, — Вишнинецкий глубоко вздохнул. — Я...

— Вы ещё слишком человек, — Марцин сочувственно похлопал его по плечу, болезненно улыбнулся. — Я когда-то тоже таким был. Надо сказать, это сослужило мне дурную службу. Если вы приняли удел вампира, то лучше бы вам привыкнуть, что тут нет места ничему живому. Во всяком случае, не в нынешние времена.

— Но я не хочу потерять себя, — возразил Матиуш, припомнив слова Войцеха.

— Поэтому я прошу вас спрятать всё то, что вам дорого, как можно дальше, — пояснил Рутковский. — Ведь ценную вещь вы кладёте на дно сундука, а не сверху, верно?

— Да, — согласился Вишнинецкий. — Так что делать?

— Вы ведь завоевали доверие шляхты, Матиуш, — Марцин хитро улыбнулся. — Так ведите её в бой, что же вы? Они вас теперь послушают и станут сражаться... лучше. Это, возможно, не долговременные меры, но для начала сойдёт. Я, признаться, со стригоями никогда не враждовал, скорее напротив, — он усмехнулся. — Самое время попробовать, не находите? Вот и узнаем, что будет. Не сказать, что я в вас верю, будем честными, но попытаться стоит.

— Я и сам в себя не верю, — признался тот. — Но ради Анны, ради сына. Я готов пойти до конца.

— А что вы сделаете для этого? — вкрадчиво спросил Рутковский.

— Что угодно, — уверенно ответил Матиуш.

— Только не забываетесь. Падать обычно очень больно, — тихо сказал Марцин, а затем поднялся. — Что ж, время не ждёт, нам пора. Извольте командовать, войско готово.

Глава пятьдесят четвёртая

— Мрачновато, но со вкусом, — Влад с интересом оглядел кабинет Вацлава, удовлетворённо кивнул, оперся на письменный стол. — Ты, Левандовский, всегда умел окружить себя изысканной роскошью.

— Стараюсь. В конце концов, раз уж бессмертие позволяет умножать богатства, то почему бы не умножать и разум, — тот коротко улыбнулся. — Впрочем, мы здесь не для того, чтобы обсуждать убранство, — снял с шеи маленький золотой ключ, чуть поёжившись, затем отпер один из ящиков. Там оказались несколько запечатанных конвертов и пара толстых тетрадей. Вацлав осторожно достал их, пролистал сначала одну, затем другую и, найдя нужную страницу, подал Владу.

— Самому неинтересно? — усмехнувшись, спросил тот. — Раньше ты был более... привычен лезть в чужие дела.

— О, я уже прочёл всё минувшей ночью, — отозвался Левандовский. — Это было... любопытно, признаться. Я бы сказал, неожиданно, но увы, нет.

— Любопытно понимать, что Кшиштоф Водлевский тоже был живым, насколько это возможно в его, скажем так, положении? — уточнил Раду, до того молчавший. — Да, это и в самом деле удивительно, но как есть. Однако твои слова о неожиданности звучат интересно. Там было что-то ещё?

— Верно, — кивнул Вацлав. — Вы думали когда-нибудь о том, кто такой Мнишек-Вранич?

— Да тут и думать не надо. Сын сербской дворянки, воспитанник Станислава Бонифация, а что? — Влад прищурился, ненадолго замер, словно бы что-то прикидывая и складывая воедино, а затем расхохотался.

— Быть не может, — он посмотрел на брата. — Раду, ты только представь!

— Я говорил, что они похожи, но чтобы так... Никогда бы не подумал, что такое бывает, — отозвался тот, ненадолго нахмурившись. — Каков случай, а!

— Вот и я до последнего не знал, что у короля остался сын, и он сейчас пытается заполучить польский трон, — сдержанно кивнул Левандовский. — Невозможное совпадение, даже, я бы сказал, ироническое, — он немного помолчал. — И ладно бы только это, — понизил голос, заговорил почти шёпотом, — Кшиштоф ведь, оказывается, любил своего сына.

— Невероятно, конечно, согласен. Это что бы могло случиться потом, представляешь? А ведь будь в Польше закон о престолонаследии... — Влад улыбался хитро и весело. — Впрочем, неважно, — он вновь посерьёзnel. — Новость, конечно, кое-что проясняет, во всяком случае, безумное поведение юного Мнишека уж точно, но это сейчас не главное.

— Верно. Поразмыслить об этом интересно, но есть дела поважнее, — согласился с братом Раду. — Лучше скажи, что Кшиштоф пишет об убийстве Ружи и Звонимира. Вряд ли бы он оставил без внимания такое событие, — обратился он к Вацлаву.

— Да, верно, — Дракула взгляделся в ровные строчки. — Так, вот он рассказывает о том, как вынудил Концепольского предать тайну Вереша... — он замолчал. — Жалкое происшествие, если подумать.

— Подлое, — тихо заметил Раду. — Со злости, не подумав, предал. А говорят, он любил Ружу.

— Если это возможно назвать любовью, — как-то презрительно отвечал Дракула. — Так, а вот и поход. Как интересно...

— Что? — Ливиану подошёл к брату.

— Он не упоминает имён, вроде бы ничего такого, но вот что странно, — Влад перелистнул страницу. — Смотри, здесь. «Я не нуждался в палачах и хотел лишь напугать дикого князька, но палачи сами меня нашли и предложили свои услуги».

— Меня это тоже удивило, — подал голос Вацлав. — Я знал Кшиштофа, даже слишком близко, ближе, чем хотелось бы, и не могу сказать, чтобы он и не нуждался в палачах в такой час, — замолчал, затем всё же добавил:

— Именно, не в воинах, а в палачах. Служилой шляхты у него всегда было предостаточно, а вот убийц без страха и жалости — нет. Водлевского самого можно назвать таким, но он предпочитал не марать рук.

— Может, он действительно не думал кого-либо из семьи Вереш лишать жизнью? — предположил Дракула. — Я понимаю, что у вас принято считать его чудовищем, но стоит смотреть правде в глаза: даже у таких, как он, есть свои понятия о чести и совести.

— Стоит это признать, — согласился Левандовский. — Но зачем палачам, в таком случае, приходить, а Кшиштофу — соглашаться?

— Все мы бываем злы, и даже бессмертие не может до конца затупить чувства, — терпеливо пояснил Влад. — Полагаю, те, кто явился к нему, выбрали момент, когда король Водлевский пребывал в ярости. Сам знаешь, какие решения принимаются в такой час.

— Верно. А отказаться потом он не мог — не принято, да и идея впоследствии оказалась не такой плохой, так? — Раду усмехнулся. — Кто бы мог подумать...

— Кшиштоф был из тех, кто менял мнения чаще, чем королева Марысенька — платья, так что написанное в дневнике может быть лишь попыткой оправдаться, — возразил Вацлав. — При дворе ходили слухи, что Водлевский до ужаса боялся, что после его смерти — он считал её неотвратимой — его забудут или представят в не слишком хорошем свете. Даже не знаю, что для него страшнее, но всё же.

— Странно. Раньше я за ним ничего подобного не замечал — королю этого не позволяла гордость, насколько мне известно, — заметил Дракула.

— Это так. Кшиштоф никому и никогда не объяснял, почему поступает так, а не иначе. Почувствовал что-то? — предположил Вацлав. — Его ведь убили через несколько лет после.

— Убили? Я думал, это кара божья, — удивился Ливиану. — Слухи о его гибели долетели и до Брашова.

— Многие, кто мыслит попроще моего, поверили в небесное вмешательство, но многие, как вы понимаете — не все. Я знаю нескольких шляхтичей, догадавшихся, что на самом деле произошло, — Левандовский неприятно улыбнулся. Он очень хорошо помнил то утро, когда Речь Посполитая наконец вздохнула спокойно. Он помнил, как испытал странное чувство триумфа, когда увидел безжизненное тело короля Кшиштофа. Помнил, как улыбались те, кто пришёл вместе с ним.

— Он мёртв?.. — тихо спросил Боровицкий. Лович коротко кивнул, осенив себя крестным знаменем, а затем опустил на колени, чтобы закрыть покойнику глаза.

— Это пытались выставить как божье наказание, но увы, не рассчитали, что здесь окажусь я. Наш преступник — отнюдь не посланник небес, уж простите, — произнёс он задумчиво. — У пана Водлевского было много врагов, и кто-то из них до него наконец добрался.

— Король умер, да здравствует Сейм, — пробормотал Вацлав. — Вот так дела, — он обернулся к Запольскому и с удивлением обнаружил, что тот странно улыбается. Словно бы с облегчением.

— Юзеф, да ты никак рад, — обратился к нему Левандовский.

— Как будто вы нет, — ответил тот, едва не смеясь. — Даже пан ксёндз, и тот не печалится.

— Грех так говорить, но ты прав, — нехотя признал Анджей, оглядываясь. — Что это могло быть? Ничего не пропало, ничего не сломано, не испорчено. Словно бы пришли только для того, чтобы убить, — он кивнул на меч.

— Словно бы Кшиштоф знал убийцу, — заключил Вацлав. — Кому-нибудь известно, что ему напорочили?

— Нет, он ни с кем не делился, боялся, — после недолгого молчания ответил Лович. — Сам знаешь, король Кшиштоф вечно видел вокруг предателей, и... вёл себя соответствующе.

— Я бы дорого дал, чтобы найти того, кто это сделал, — произнёс Левандовский. — И тому человеку за то, что он сотворил, дал бы ещё дороже.

— Ты что-то вспомнил? — Влад пристально посмотрел на Вацлава. — Об утре, когда короля нашли мёртвым?

— Да. Запольский тогда вёл себя странно. Не скажу, что они с Водлевским были друзьями, но приятелями так точно. А тут у него словно камень с души... — отозвался тот. — Что бы это могло значить?

— Вероятно, Водлевский знал о чём-то, о чём Юзеф предпочёл бы умолчать. Кшиштоф любил шантажировать окружающих. Чувствовал свою власть, что называется, — задумчиво ответил Влад. — В том вопрос, что Запольский привык к своей славе жестокого и не боящегося ничего. Очень интересно.

— Убийство Ружи и Звонимира, помнится, осудили, — Левандовский нахмурился. — Польские вампиры не были довольны таким раскладом дел. Боровицкий тогда сказал, мол, мы не палачи и не хотим, чтобы на нас было это клеймо, что... — он осёкся, осознавая сказанное, обернулся к Раду и Владу. — Погодите-ка.

— Да, мы думаем о том же, — кивнул Дракула. — Уж слишком всё хорошо сходится. Юзеф не боялся ни бога, ни дьявола, творил такое, что и подумать страшно, не терпел стригоев, если это не было ему выгодно, рад был покуражиться в бою таким ужасным способом, как жестокие убийства...

— Был среди людей короля, во всём его поддерживал, но потом куда-то пропал, а когда Кшиштоф умер — явно вздохнул с облегчением. Хотя с той войны он вернулся победителем, — продолжил за брата Ливиану. — Возможно, он был среди тех, кто погубил детей Вереша?

— Да, очень похоже на то, — согласился Вацлав. — Но если так, найдутся ли свидетели? Соучастники будут молчать, а вот прочие...

— Ну не могли же они вечно всё в себе держать. Наверняка есть те, кто знает. Друзья, жёны, любовницы, в конце концов, — рассудил Дракула. — Хотя я лично такого бы всё равно никому не доверил.

— Даже родному брату, — скорее в шутку подтвердил Раду, но тут же погрузился, и Влад, заметив это, подошёл к нему, положил руку на плечо.

— Тебе бы доверил, — серьёзно ответил он. Ливиану коротко кивнул, и в его глазах Дракула прочёл самую настоящую благодарность.

— Никого близкого, кроме друзей-воевод, не помню, — тем временем произнёс Левандовский. — Он многое им рассказывал.

— Яблоньский и Рутковский могут что-то знать? — Влад замер, словно что-то решая. — Да, стоит их спросить. Но согласятся ли поделиться?

— Не знаю, не знаю. Но без них наши выводы покажутся домыслами — всем известно, что мы с Юзефом не ладим, Сейм не позволит выдать его Верешу, и так далее, — отвечал Левандовский. — Словом, стоит попытаться.

— Попытка, как известно, не пытка, — кивнул Влад и мрачно усмехнулся.

***

— Стригои никак взбесились, — Рутковский прислушался — ветер доносил до него лязг оружия и неясный говор. — До того они сражались не в полную силу — это бы и ребёнок заметил, а теперь, после всех речей... Не знаю, справимся ли.

— Шансы есть, — Яблоньский вздохнул, прикрыл глаза. Он лежал на траве и грыз яблоко, глядя на то, как солнце медленно катится за горизонт, прячась в сизую дымку.

— В самом деле, — Марцин улёгся рядом. — У меня есть к тебе разговор.

— Я слушаю, — Адам повернулся к нему. — Ты в последнее время был задумчив, даже мрачен. Так и ждал, что что-нибудь наконец расскажешь.

— Ты и сам знаешь, из-за чего вся эта война, — начал Рутковский. — И ещё лучше знаешь, что тут делает Вереш, не так ли?

— Неужто ты устал? — усмехнулся Яблоньский. — Хочешь вернуться в Мазовию, жениться и вовсе облениться?

— Верно, — кивнул Марцин. — Правда, без последнего, — он усмехнулся. — Знаешь, я встретил у Заславских хорошенькую панну, племянницу Замойского — такая красавица. Говорят, она ещё ни с кем не сговорена, так что... — улыбнулся действительно светло и радостно. — Словом, надо нам заканчивать со всем этим, — вновь посерьёзnel.

— Мы обещали сохранить эту тайну, — покачал головой Адам. — Слово шляхтича.

— Обещать не клясться, — возразил Рутковский. — Да и такое дело, что тяжко молчать. Убийцу покрываем ведь.

— Твоя правда, — не стал спорить Яблоньский. — Надо было ещё тогда...

— После смерти короля? — Марцин пожал плечами. — Да, стоило. Но что бы это дало?

— Войны бы не случилось, — логично ответил Адам. — Я и сам не прочь саблей помахать да на лихом коне... Но не так.

— А славное было время с князем Ярёмой-то, — Рутковский усмехнулся. — Бились хорошо, помню, с самим гетманом Богданом в схватке сошлись. Добрые дни.

— Верно. И люди тогда рождались достойные, — согласился Яблоньский. — Ладно, не о том речь, — он сел, сорвал голубой цветок, кажется, незабудку, покрутил в пальцах. — Мы должны всё рассказать королю. Он, конечно, не так хорош, как хотелось бы, но только он может выдать Запольского Верешу и не быть при том преступником.

— Мы предадим друга. Хотя, признаться, не пожелал бы я иметь таких друзей, — Марцин вздохнул. Он некоторое время раздумывал над чем-то, хмурясь, взвешивал, решаясь, а затем заговорил тихо и взволнованно:

— Юзеф предатель. Помнишь, он ушёл куда-то в тот вечер, а вернулся с деньгами? Юзек думал, я не замечу, он ведь нас за дураков держит. Но нет. А на следующее же утро княгиня Вишницецкая пропала. Не странно ли? Он много рассуждал про то, что войну надс заканчивать, что надо найти рычаг и с помощью него воздействовать на обе стороны... Уж

не он ли княгиню-то в чужие руки передал?

— Быть не может, — Адам нахмурился. — Домыслы всё это, не мог он женщину да с ребёнком малым отдать врагам. Нельзя и это на него вешать.

— Возможно, — нехотя согласился Рутковский. — Возможно.

— Кто бы он ни был, он нам всё ещё друг, — твёрдо сказал Яблоньский. — Не выдадим его, если не узнаем, что он сам против чести пошёл.

— Стало быть, мы королю ничего не скажем? — уточнил Марцин.

— Покуда нет. Но если нам станет известно, что это он всё устроил, что он хочет таким образом, бесчестным и низким, короля к миру склонить... — Адам положил ладонь на рукоять сабли.

— Да будет так, — кивнул Рутковский. — Станем слушать и смотреть, а там, может, что и узнаем, — решил он. — Уверен, если Юзефу есть что сказать, он скажет.

— Верно, — кивнул Яблоньский, поднялся, оправил контуш. — А теперь идём, пора к войску. Нынче будет страшная битва.

***

Станислав смеялся. Вампиры были жалки в своих попытках сразить стригоев. Дурак Вишнивецкий думал, что одной речью сможет сделать их во сто крат сильнее, но увы. То, как польское войско яро кинулось в бой, лишь раззадорило людей Вереша, и они, забыв о всяческом покое, ринулись на врага. Они теперь не щадили сабель с серебряными наконечниками, не прятали измазанных елеем кинжалов, жестоко ранили или убивая всякого, кто встанет на их пути.

Он встал, прошёлся туда-сюда, глядя на поле битвы: дела, как и всегда, шли на лад. Мнишек удовлетворённо кивнул сам себе — вскоре он коронуется и станет править. Вскоре он наконец обретёт положение в обществе.

Обретёт себя.

Станиславу казалось, что как только на его голову возляжет древний венец польских королей, то он тут же перестанет сомневаться, перестанет ненавидеть, перестанет стыдиться и примет, наконец, себя таким, какой он есть. Надежда грела его, но где-то в глубине души Мнишек отчётливо понимал — его уже ничто не спасёт.

Впрочем, он предпочитал подобные мысли откидывать куда подальше, заменяя их чем-то более приятным. Мнишек представлял, как въедет в Варшаву, как когда-то въезжал в Киев гетман Богдан — гордый, непокорённый, любимый всеми. Он мечтал, как будет править хорошо, лучше Левандовского, лучше отца, мечтал, что его станут уважать, что признают его равным себе. Это было настолько прекрасно, что у Станислава сжималось сердце. Он так долго этого желал, так хотел, чтобы его приняли и поняли, что уже не мог отступить от задуманного.

Но кое-что беспокоило Мнишека. Он за те несколько месяцев, что шла война, привык видеть рядом с собой Рихарда — тот всякий раз приходил через день или два, рассказывал ему что-то, немного печально, но светло улыбаясь, слушал, отвечал, давал совет. Последнюю же неделю его видно не было. Станислав не знал, что произошло, и догадки ему приходили самые страшные. Может, Рихард в нём разочаровался? Может, послушал своих польских друзей и решил отказаться от мятежного мороя? Может, в том что случилось с Анной, Милинский обвинил не халатность того же Левандовского, а его, Стася? Да, это очень походило на правду. О худшем Мнишеку и думать не хотелось.

Однако он не мог больше ждать и надеяться, что всё решится само собой. Станислав

глубоко вдохнул, закрыл глаза, представив перед собой Рихарда, позвал его и тут же оказался в небольшой полутёмной комнате с простой кроватью, столом и парой шкафов. Он огляделся, ища обитателя, и вдруг заметил в углу человека. Мнишек похолодел — это был Рихард. Исхудавший, видимо, от недостатка крови, слишком бледный даже для вампира, а главное — совершенно безумный. Это сложно было не почувствовать — Рихарда от всего мира словно бы закрывала огромная стена. Стена, которую возвёл он сам во время очередного припадка. Неужто исчезновение Анны так на него повлияло? Станислав испуганно посмотрел на Милинского, молясь, чтобы тот его узнал. Ему давно не было так стыдно.

— Кто здесь? — безразлично спросил Рихард. — Левандовский? Лович? Увы, я не голоден и не нуждаюсь в беседах, можете уходить.

— Это... Это я. Я, Стась, — эта форма имени казалась ему чужой и сорвалась с языка с трудом, нехотя. — Ты ведь помнишь меня?

Рихард прищурился, замер, а затем кивнул, криво улыбнувшись.

— За что? — он поднялся, медленно подошёл к Мнишеку. — Ты этих убивай, сколько хочешь. Её за что?

— Анна жива, — Станислав осторожно взял его за плечи. — Рихард, я могу быть преступником, я могу быть убийцей, но я никогда не трону ни женщин, ни детей! — он взволнованно потряс Милинского. — Я клянусь.

— Многие тут клялись, — фыркнул Рихард, не глядя на него. — И что с того?

— А то, что это правда, — Мнишек тяжело вздохнул, опустил голову. — Рихард, пожалуйста...

— Мне нужны доказательства, — прошипел тот. Только сейчас Станислав заметил, что и голос друга изменился. Он стал хриплым, более низким, менее живым... Словно бы не живой говорил с ним, а совсем уж покойник. Призрак. Морок.

— Доказательства? — Мнишеку отчего-то стало больно — он привык, что хоть кто-то доверял ему, а теперь и это он потерял. — Ну что ж, — Станислав протянул Рихарду руку. — Смотри.

Какое-то время тот молчал, лишь изредка кивая, оставался безразличен, словно бы не чувствовал ничего, а затем вдруг вздрогнул, его зрачки расширились, а ноги подкосились. Рихард упал на колени, хватаясь за голову, всхлипывая от ужаса, его трясло, а затем вдруг замер.

— Стась, — тихо позвал он уже знакомым, родным тоном. — Стась, — протянул руки, и Мнишек помог ему подняться. — Ты пришёл? — он улыбнулся. — Прости, я теперь почти всегда по власти моих страшных демонов. Я редко кого-то узнаю.

— Что же произошло, Рихард? Что тебя так напугало? Неужто?.. — Мнишек побоялся договаривать. Он уже винил себя в произошедшем ужасе.

— Да, похоже. И Вацлав добавил, — Милинский печально усмехнулся. — Знаешь, это похоже на колодец. С каждым разом я всё глубже погружаюсь туда... Это страшно, признаться. Ведь настанет день, когда вернуться будет уже нельзя, — это он сказал достаточно спокойно, но Станислав понимал, какая горечь там скрыта.

— Они не помогают тебе? — тихо спросил он.

— Нет, они не знают, как мне помочь, — покачал головой Рихард. — Впрочем, как и всегда.

— А я... можно, я попытаюсь? — упавшим голосом спросил Мнишек.

— Прости, Стась, но, боюсь, меня уже ничто не спасёт. Это должно было случиться рано или поздно, и вот, оно случилось, — Милинский пожал плечами. — Не в добрый час я стал подобным всем вам, — он отошёл, вновь сел в свой угол, прикрыл глаза. — Я рад, что ты не забыл меня, рад, что ты оставил их обоих в живых, что они в безопасности, милая добрая Анна и смешной Тадю. Мне жаль, что вы на всё это вообще согласились, я имею в виду, на похищение, но увы, это война, где мне места нет, — немного помолчал. — Я начинаю забывать слова, путаться в них, словно рыба, пойманная в сети. Уходи, Стась, прошу. Уходи. Я чувствую, что вскоре вновь окажусь там, за гранью... Уходи, не стоит этого видеть. Это слишком чудовищно, — горько улыбнулся. — Потому что я чудовище.

— Да с чего ты взял? — искренне не понял Станислав, но его уже не слышали — взгляд Рихарда снова стал пустым и смотрящим в никуда, а кожа совсем побледнела. Мнишек наклонился к нему, сжал напоследок руку и исчез — он не мог не выполнить эту просьбу. Он знал, что Рихард потом себе не простит того, что Стась увидит.

Битва к тому моменту уже кончилась, вампиры отступали, но Станислав отчего-то не придал этому особенно значения, даже не обрадовался, хотя должен был. Он быстрым шагом зашёл в свой шатёр, сел на ковры, расшитые непонятным ему турецким узором, и медленно, как-то неуверенно и виновато позвал:

— Отец? Ты мне нужен.

Глава пятьдесят пятая

Кшиштоф прищурился, коротко улыбнулся.

— Здравствуй, сын мой, — тихо сказал он. — Что же такого случилось, что ты сам позвал меня? Неужто?..

— Нет, не это. Пусть прошлое останется прошлым — толку-то теперь? — Станислав болезненно усмехнулся. — Там много того, что я бы предпочёл забыть, немало и того, что предпочёл бы просто не вспоминать, словом... Нет, мне нужно настоящее.

— Это первый шаг на пути к величию — отпустить, — Водлевский одобрительно кивнул. — Ну ж, я слушаю, Стась, в конце концов, должен же я для тебя сделать хоть что-нибудь, раз уж ты смирил свою гордыню.

— Гордыню, но не обиду, — весомо ответил тот. — Я слышал, тебе многое известно о сущности вампиров, слышал, что ты многое можешь.

— Допустим, — Водлевский вопросительно-выжидающе вскинул бровь, и вид его сделался совершенно издевательский — так он выглядел на всех портретах, что Мнишек видел в Варшаве, так смотрел на него всякий раз, пока он был при дворе, такое же выражение застыло на его лице, когда Станислав его убил. Это пугало и одновременно раздражало Мнишека — Кшиштоф его всё ещё ни во что не ставил.

Это было очень странное желание — заставить нелюбимого, сломавшего ему жизнь отца гордиться собой. Станислав не понимал, зачем этого хочет, не понимал, откуда это вообще взялось — его не научили рассуждать, как того же Потоцкого, не научили мыслить, как ненавистного Левандовского. Станислав Бонифаций сделал из него хорошего воина — он знал, что это нужнее, что это пригодится. Но теперь времена поменялись, а Мнишек так и остался диковатым и не умеющим красиво говорить солдатом. Впрочем, не это сейчас было важно — он отчаянно хотел разобраться в себе, но никак не мог этого толком сделать. А просить помощи Станислав не привык. Тем более у отца. И никогда бы не попросил, если бы не Рихард — тот был слишком дорог Мнишеку. Для него Станислав готов был поступиться многим, если не всем.

— Мой друг, — начал он деланно безразлично, — оказался в беде.

— Ближе к делу, — Кшиштоф криво улыбнулся. — Это Рихард, не так ли?

— Откуда? — прошипел Станислав, тут же меняясь в лице. — Кто?

— Ты сам открыл мне свои мысли, когда звал, — пожал плечами Водлевский. — Так что не обессудь.

— Ладно, — ругаться и препираться Мнишеку не хотелось. — Ты знаешь, что делать? Ты можешь ему помочь? — он так и не решился сказать «мне».

— Это не так просто, — Кшиштоф помрачнел и посерьёзnel. — Я должен видеть его, чтобы понять, на что я способен в такой ситуации. Признаться, раньше мне приводилось только калечить людей подобным образом, а вовсе не лечить.

— Неужто всё то, что о тебе говорят, правда? — удивился Станислав.

— Что именно? — поинтересовался Водлевский, нахмурившись.

— Что тебе нравилось быть жестоким по отношению к другим, — спокойно ответил Мнишек.

— Если можно, я не стану ничего говорить про это, — покачал головой Кшиштоф. — Так ты доверишь мне этого Рихарда? Не боишься, что и его сломаю? — он спрашивал без

тени шутки, серьёзно — вероятно, догадывался, что думает о нём родной сын даже теперь, после стольких объяснений и разговоров.

— Куда там... Он уже сломан, — печально отозвался Станислав, даже не вслушавшись толком — ему и без того было плохо и беспокойно. — Да и ты вряд ли теперь что-то чувствуешь.

— Верно, мёртвым всё равно, — согласно кивнул Водлевский, правда, солгав — с чувствами он расстался ещё тогда, когда отпустил Невену. — Я сделаю то, о чём ты просишь, сын, я попытаюсь его спасти. Но я ничего не могу обещать — я всё-таки не священник и не колдун, — он позволил себе короткую и даже по-своему гадкую усмешку.

— Ты уж постарайся, — Мнишек ухмыльнулся в тон ему. — В конце концов, должен же быть хоть какой-то толк от тебя в моей жизни, верно? — этот вопрос горечью отдался в его душе — он намеренно был грубый и злой, но Станислав хорошо понимал — это удар, нанесённый и себе тоже.

— Верно, — Кшиштоф, казалось, колкости и вовсе не заметил. — В таком случае, я скоро навещу его. Сколько, говоришь, ему осталось? — казалось, они друг друга не дослушивали до конца и лишь поэтому ещё не начали препираться, но что-то Мнишеку подсказывало, что дело не в этом, а в совсем ином — в том, что сейчас они оба друг друга попросту терпят.

— Я... Я не знаю. Он не сказал, но... Он словно бы чувствовал... Я не знаю, — Станислав низко опустил голову. — Ты сможешь это понять? — он винил себя в том, что не спросил о самом главном, о самом важном — ведь от этого зависела жизнь Рихарда. Теперь приходилось всё больше надеяться на отца.

— Пока не уверен, — Водлевский устало вздохнул, хотя вряд ли призракам такое было нужно. — Но я, как ты выразился, уж постараюсь, — он кивнул в подтверждение своих слов, и это почему-то Станислава успокоило.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Правда, спасибо. Я не думал, что ты согласишься.

— Ты мой сын. Даже с учётом того, что ты меня убил, — Кшиштоф пожал плечами, голос его был безразличен. — До свидания, Стась, — и исчез, оставляя его одного.

Мнишек ещё долго не мог прийти в себя после этого разговора. Впервые они общались на равных, впервые не поссорились, пусть и вышло всё не слишком вежливо, впервые Станислав попросил о помощи, пусть и неявно, не для себя, точнее, не совсем для себя, а Водлевский не стал издеваться, а попросту помог. Это было странно, неожиданно, ведь по словам матери эгоистичнее вампира не видел свет, да и сам Станислав считал отца кем-то не тем. Он полагал, что тот жесток, жаден, избалован хорошей жизнью, что ему не знакомо сострадание, но нет. И это Мнишека пугало. Ему казалось, что мир рушится, что устои, на которые он всегда опирался, исчезли, что у него и в самом деле нет прошлого — неужто мать лгала, чтобы действительно обелить себя? Разве она могла так поступить? Станислав отказывался в это верить, но теперь отец доказал свою правоту не только словом и воспоминанием, но и делом.

Тяжело было принять то, от чего Мнишек отказывался долгие годы. Однако идти против фактов он не мог и почему-то впервые не хотел — то ли перестал видеть в этом смысл, то ли что-то внутри сломалось и ожило. Станислав не знал и боялся в этом разобраться. Боялся, что наткнётся на правду ещё более страшную, чем есть сейчас. Он не считал себя готовым. Пока нет.

Но было ли ещё у него время откладывать?

Драгош смотрел, как Анна читает, и не мог отвести глаз. Он редко бывал в обществе женщин, тем более живых, и теперь чувствовал себя немного счастливым. Когда-то Микулэ мечтал, что будет наблюдать так за Ружей, за светлой и доброй Ружей, но увы, его желания пали прахом. Как и сама принцесса Вереш.

Теперь у него была Вишницецкая. Он вовсе её не любил — он её не знал и вряд ли бы успел узнать: Драгош понимал, что ему и целого века не хватит для этого — ведь люди изучают друг друга долго и неспешно. Но ему нравилось с Анной, ему с ней было хорошо и спокойно. Как и с Ружей.

Григор говорил домнуде жениться. Они давно знали друг друга, и обыкновенно Микулэ доверялся совету верного слуги, но сейчас он сомневался. Драгош не мог ту, что любил по сей день, не мог нарушить хрупкий и уютный мир Анны — подходящей, по мнению Григора, женщины. Она была замужем, она любила своего супруга, и Микулэ бы не хватило дерзости предложить ей замену.

Да и было ли это честно? Не по любви, а из желания не быть одиноким. Драгош считал, что нет. Ему привычно было осознание того, что женятся по расчёту или по велению родителей или господаря, и он готов был вступить с Анной в брак — ему были приятно её общество. Но привычно ли это было Вишницецкой после всего, что она пережила? Ведь бедная княгиня доверила ему своё горе, словно бы Драгош был священником. Мог ли он после этого предать? Нет.

«Если стригои победят, то что я сделаю? — думал он. — Убью её мужа? Прикинусь победителем и попрошу руки? Нет, нет, это жалкие поступки, подлые, недостойные война. Нельзя неволить такую женщину. Она не заслужила».

Но и отпустить Анну Драгошу было тяжело. Он привязался к ней, привязался к её забавному и милому сыну и не хотел теперь расставаться с ними, когда всё кончится. Это казалось слишком уж страшно. Микулэ боялся, что потеряв Вишницецкую, он снова станет совсем холоден, совсем мёртв. Ощутить такое вновь было безумно страшно — так он чувствовал себя после смерти Ружи.

Впрочем, каково стало бы жить с осознанием того, что женщину рядом с собой ты к браку принудил ради жалкой прихоти?

— Драгош, вы так смотрите, — меж тем Анна заметила его, подняла глаза, улыбнулся. — Вы что-то хотите спросить?

— Нет, вовсе нет, — смущённо отвечал тот, улыбаясь даже виновато — вероятно, Вишницецкая и так поняла, зачем он тут сидит, то есть ситуация выходила неловкая. Стыдно было признаться, что ему нравится за ней наблюдать — это значило бы посягательство на её честь, ведь Анна всё ещё оставалась пленницей.

— Хорошо, — Вишницецкая пожала плечами, снова опустила взгляд на страницу. Затем всё же отложила книгу, покачала головой.

— Вы не умеете лгать, Драгош, — мягко сказала она, улыбаясь тепло и ласково. — По глазам вижу, что тревожитесь. Может, поделитесь? Вы помогли мне, я тем более буду рада помочь вам.

— Боюсь, я вас оскорблю своей историей, — отозвался Микулэ. — Простите меня за обман, но мне было бы стыдно в таком признаться.

— О чём вы? Насколько мне известно, вы приличный... человек, — Анна так и не поняла, как вернее тут выразиться, поэтому пошла привычным путём. — Прошу, я слушаю.

— Позвольте мне в этот раз не быть откровенным, — Драгош отвернулся, опустил глаза.

— Что ж... Я не буду настаивать, — Вишницецкая коротко кивнула. — Это ваше право — молчать. Извините, — она снова улыбнулась, и разговор зашёл в тупик. Вероятно, его вообще не следовало начинать — Драгошу не были знакомы слова любви, он не умел юлить и объясняться загадками, а здесь либо так, либо никак. Сказать прямо Микулэ бы себе никогда не позволил. Не хотел обижать или пугать Анну.

— Глупо получилось, — он тряхнул головой, пригладил непослушные волосы. — Вы не сердитесь?

— Нет, — Вишницецкая поднялась, подошла к нему, протянула руку. — Пойдёмте пройдёмся.

Драгош осторожно взял её под локоть, слабо улыбнулся, повёл по каменистой тропинке вглубь заросшего сада, такого же дикого, как и всё вокруг: горы, замок, сам Микулэ. Какое-то время и Драгош, и Анна молчали, наслаждаясь приятной погодой. Дул лёгкий ветер, солнце не жгло, а лишь заботливо грело, и шелестели по обе стороны высокие деревья.

— Что вы знаете о любви? — вдруг тихо спросил Драгош, сжимая её руку. Он не знал, как сгладить произошедшее, его мучило странное чувство привязанности к Анне, теперь проросшее в его душе ещё больше.

— Я люблю, — отозвалась Анна, слабо пожав плечами — она не понимала, как верно ответить на этот вопрос теперь. В своё время попытка над этим размышлять привела к ссоре, и Вишницецкая больше не желала подходить к этому с точки зрения холодного ума.

— Так вы его и впрямь любите? — как-то глухо обронил Микулэ. В её странной исповеди он не услышал обратного, он понимал, что княгиня давно простила нерадивого мужа и теперь бесконечно его обожала, как и он её. Но отчего-то в его сердце зародилась слабая надежда, что Анна по какому-то невозможному стечению обстоятельств всё же останется с ним.

— А как иначе? — удивилась Вишницецкая, впервые за весь разговор посмотрев на него пронзительно, в самые глаза.

— Вы правы, — согласился Драгош. — Иначе вы бы не смогли, — он тут же отвернулся. Продолжать не хотелось — боялся проговориться.

— А отчего вы интересуетесь? — Анна наморщила лоб. — Пытаетесь осмыслить?

— Не знаю. Очень похоже на то, — Микулэ вздохнул. — Меня не учили рассуждать, меня учили убивать не глядя, и я, признаться, не привык думать... о всяком. Даже о Боге.

— Знакомо, — Вишницецкая печально улыбнулась. — Я тоже была возвращена так. Но поверьте, милый Драгош, — она остановилась, — лучше не пытайтесь облечь подобные вещи в мысли, не пытайтесь постигнуть их разумом. Если вам дано любить, любите и не мудрствуйте.

— Я бы и рад, — серьёзно отвечал Драгош, — но так... большее что ли. Когда взвешиваешь всё, разбираешь, есть надежда, что чувство в итоге окажется ложным, вроде как случайным. Это помогает не совершать ошибок.

— Вы правы, — не стала спорить Анна. — Но всякий ли раз это так?

Драгош не нашёлся, что ей на это сказать.

***

— Вы хотели со мной встретиться? — Штраус едва ли не светился — настолько он был чем-то доволен и горд. — Ну что ж, минутка у меня найдётся, — он деланно нахмурился, достал золотые карманные часы на изящной цепочке, раскрыл. — Да, да.

— А вы торопитесь? — Вацлав кисло улыбнулся — надменность немецкого графа его выводила из себя настолько, что сдерживать себя Левандовский уже не мог. Он и так достаточно волновался обо всём, чтобы терпеть ещё и плохо скрываемое презрительное снисхождение.

— Может быть, — Максимилиан ухмыльнулся — он был недостижим для любых выпадов в свою сторону. — Так что вам нужно, Ваше Величество? Помните, раньше вы моей скромной персоной толком и не интересовались.

— Я о вас наслышан, — отозвался Вацлав, сделав акцент на последнем слове. — И с ваших делах тоже.

— И что же говорят обо мне и моих делах? — Штраус выжидающе посмотрел на него, чуть повернув голову. Он знал, что его затею не оставят без внимания, и теперь желал набить достаточную цену — Максимилиан привык дорого продавать свои даже самые ненужные секреты.

— То, что вы с недавних пор заняты поисками убийцы принца и принцессы Верещ, — произнёс Левандовский уже более осторожно и вежливо — всё-таки ему нужны были сведения, которых, кажется, у Максимилиана имелось немало. Он чувствовал, что после от него чего-то захотят, например, денег — ведь Штраус и так много заплатил за армию и теперь хотел хоть немного возместить себе эту сумму. Вацлав готов был ему помочь хотя бы для того, чтобы поскорее выдворить его из Польши вон.

— Верно, — Штраус коротко кивнул. — У меня есть крайне любопытные сведения.

— Сведения? Я слушаю, — Левандовский указал на кресло рядом. — Прошу.

— Сначала я должен увериться, что это окажется бесполезно и для меня тоже, — Максимилиан по природе своей был торгашом и интриганом, как и польский король, потому говорил прямо — его бы так и так поняли, а тратить время попусту он не привык.

— Сколько вы хотите? — спокойно спросил Вацлав.

— Две тысячи талеров, — Штраус усмехнулся. — Две тысячи талеров, и я забуду об этой истории, а триумф целиком будет вашим. Мне не жалко.

— Признаться, я думал, что выйдет дороже, — рассмеялся Левандовский. — Отчего же так дёшево?

— Дарко был мне наставником и другом. У меня тоже есть совесть, — отозвался Максимилиан. — Так вы согласны?

— Да. Что вы хотите рассказать? — Вацлав кивнул стоящему у окна Владу. Тот обернулся, тоже прислушался.

— Во дворце много слуг, которые всё видят и слышат. А среди них немало тех, кого король Кшиштоф так или иначе обидел. Они с удовольствием вспомнили тот недобрый год, когда Водлевский воевал с Верещем, — начал Штраус. — Говорят, что Кшиштоф вызвал всех трёх воевод на подмогу, но откликнулся только один — Юзеф Запольский. Он же после предательства Концепольского предложил убить детей Книнского принца, чтобы заставить того подчиниться, — ненадолго замолчал, давая осмыслить сказанное. — Не знаю, хотел ли этого Кшиштоф изначально, но он согласился. Юзеф взял с собой пять или шесть воинов, добрался до церкви и убил Ружу и Звонимира. С той войны вернулся один — боялся, что остальные не выдержат и расскажут об этом страшном преступлении. Кроме самого Запольского, знал ещё и Водлевский, собственно. Я даже думал, что Юзеф его убил. Но нет.

— Отчего же слуги так хорошо осведомлены? — удивился Левандовский, впрочем, довольный услышанным.

— Они были поблизости, чтобы помочь хозяевам. Про них Запольский и думать не стал — кто поверит такому слову? — отозвался Штраус.

— Верно. По польским законам нужно слово шляхтича, чтобы обличить в чём-то другого шляхтича, — кивнул Вацлав. — И что же нам делать?

— Либо уговорить воевод, либо искать дальше, — заметил до того молчавший Влад. — Иного выхода нет.

— Да, — согласился Максимилиан. — Я продолжу искать и, вероятно, поделюсь найденным с вами.

— Благодарю, — Левандовский нашёл силы улыбнуться, затем вдруг задумался, нахмурился.

— Помнится, Водлевский упоминал какого-то, как он пишет, шута, что по ошибке был взят в войско, — задумчиво произнёс он. — Как вы думаете, кто бы это мог быть? Если он сражался, то, наверное, всё-таки шляхтич по рождению — других Кшиштоф не брал.

— Погодите-ка, — Раду, стоявший рядом с братом, вдруг поднял голову, и его лицо просветлело. — Помнится, среди стригоев так называли только одного польского вампира, — он выдержал должную паузу, а затем гордо закончил:

— Феликса Твардовского.

— Якуб, — позвал Вацлав, — вели найти шляхтича Твардовского и привести ко мне.

— Да Бог с вами, — отозвался слуга. — Он слывёт ненормальным.

— Но лишь слывёт. Найди его, прошу, и пусть приходит сюда. Нам нужно поговорить, — Левандовский довольно хлопнул в ладоши. — Конец войны не за горами, — весело сказал он. — И мы ещё сумеем обернуть его в свою пользу!

Глава пятьдесят шестая

— Вы тоже это видите? — Станислав ликовал. Не прошло и недели, как войска стригоев оказались в Праге, предместье польской столицы, как наголо разбили остатки войск вампиров. Да, те сражались храбро, да, не жалели себя, лишь бы спасти свою несчастную родину — Вишнивецкий успел кое-чему научиться и смог какое-то время удерживать призрачное превосходство, но увы. Мнишек благодарил тот день, когда полководец врага выбрал благородство и не стал использовать свои страшные разработки, не прибегнул к помощи настолько тёмных сил, что даже Вереш не поверил, когда узнал. Вампиры были хороши, но у Станислава были шпионы, искусные шпионы — птицы и звери, всегда умевшие оставаться незамеченными. Они о многом рассказали, и услышанное Мнишека пугало. Ведь будь вампиры с таким оружием, то вполне могли бы победить. Но, к его счастью, лощёный князёк прямиком из салонов оказался слишком мягкотел, чтобы что-либо предпринимать. Его люди проиграли.

Войска короля не отказывались сражаться, нет. Но когда погибать стало слишком много — стригои будто озверели, стали бросаться в бой не глядя, убивать не думая — Вишнивецкий принял решение отвести войска и дать Мнишеку подойти к Варшаве. И снова его подвела его гуманность, нежелание рисковать жизнями. Впрочем, какая уже разница? Станислав не хуже его понимал, что вампиров бы просто добились, поголовно перерезали. Варшаву было уже не защитить.

— Красивый город, — тем временем ответил Вереш. Он щурился, устало и странно-счастливо улыбался, словно бы знал что-то, о чём не было известно другим.

— Наш, — Станислав победно ухмыльнулся. В голове промелькнула тщеславная мысль: «Ты можешь гордиться мной, отец. Теперь-то я тебя достоин, теперь-то я не просто бастард, теперь я буду королём». Однако она тут же пропала — история Кшиштофа прочно поселилась в его сознании и отчётливо давала понять — Водлевский им, вероятно, всегда гордился, просто по-своему.

— Ну, ваш, точнее, — Дарко рассмеялся, и это тоже звучало легко, весело, будто у него гора с плеч свалилась. Станислав задумался над этим — вроде как родных у Вереша после всего не осталось, тем более в Польше. Так что же?..

Он вдруг вспомнил, как видел на столе у Книнского принца какие-то письма с инициалами «Э. Б.». Догадка напрашивалась сама собой — Дарко был влюблён или, в всяком случае, очень очарован племянницей господаря Влада. Ну что ж, это уже Станислава не касалось. Главное, чтобы оно ни на что не повлияло.

— Вы отомстите и просто уйдёте? Не попросите земли, деньги, власть, в конце концов? — деланно удивился Мнишек. Догадку не мешало проверить, а заодно понять, чего ожидать от возможного союзника.

— Просто уйду, — покачал головой Вереш. — Разве что... Впрочем, это уже личное, — он отвернулся, чтобы сказать что-то Каславу, и Станислав не стал его дальше выспрашивать — не видел смысла.

— Господин, там парламентёр, — в шатре показался один из стригоев. — Они хотят говорить с вами.

— Пусти, — тут же кивнул Дарко.

Тут же перед ними возник Велислав Потоцкий собственной персоной. Он вежливо,

пусть и через силу, улыбнулся, отстегнул саблю и бросил её на пол. Вереш сделал то же со своим мечом, Новак последовал его примеру. Мнишек непонимающе посмотрел на них.

— Древняя традиция. На переговорах нет места оружию, — коротко и спокойно ответил Потоцкий. — Я желаю вам здравствовать, пан Вереш.

— И вам того же, господин Потоцкий, — кивнул Дарко. — Мы готовы вас выслушать, ведь вы пришли сюда за этим.

— Верно, — Велислав сел на предложенный ему стул, Вереш и Новак устроились на расшитых турецкими узорами коврах, Станислав неприкаянной тенью остался стоять у дальней стены. — Мы хотим знать, что будет с городом, с женщинами и детьми. Я не осведомлён о планах вашего предводителя и не вижу повода ему доверять. Сейму он известен в качестве смутьяна и жестокого убийцы, как, впрочем, и королю. Поэтому мы должны убедиться, что мирному населению ничто не угрожает.

— Я не убиваю женщин и детей, я вообще не собирался их трогать, — грубо ответил Станислав. — За кого вы меня принимаете?

— За того, кем вы являетесь, — Потоцкий неприятно улыбнулся. — Так вы можете ручаться за их безопасность?

— Я поручусь, — быстро ответил Вереш, чтоб предотвратить начинавшуюся свору — он слишком хорошо знал бывшего друга и понимал, что тот может не выдержать и взяться за саблю. А воином Велислав всегда слыл очень и очень хорошим.

— Хорошо, — Потоцкий кивнул. — А теперь, если возможно, огласите свои требования, пан Мнишек. Король и Сейм готовы с вами беседовать, однако для начала мы хотели бы понимать, чего ждать.

— Я всего лишь хочу короноваться и править, — усмехнулся Станислав. — В конце концов, возможность быть выбранным у меня несправедливо отобрали, и поэтому мне пришлось добиваться своего... иными способами.

— Я вас понял, — Велислав не пожелал замечать его наглости. — Ну что ж, в таком случае, король Вацлав, — он сделал ударение на имени, — ожидает вас, пана Вереша и пана Новака у себя. Войска просят остаться за чертой города. В свою очередь, за вашу неприкосновенность ручаюсь я.

— В таком случае, не стоит медлить, — Дарко поднялся. — Я велю седлать коней.

— В таком случае, я через четверть часа жду вас у ворот, — отозвался Потоцкий. Он тоже встал, внимательно посмотрел на Мнишека, презрительно усмехнулся. — Вы ведь знаете, пан Вранич, — фамилия матери была выбрана им намеренно, чтобы унижить, — что у нас шляхетская демократия, и вам так или иначе придётся мириться с Сеймом?

— Моя фамилия — Мнишек, — только и ответил Станислав.

— «Водлевский» вам бы пошло больше, — ухмыльнулся Велислав и исчез.

Дарко проводил его немного печальным взглядом, переглянулся с Каславом, кивнул.

— Терпение, Станислав, только терпение. Вам придётся этому учиться, — тихо произнёс он. — Мы пойдём, надо ещё успеть разъяснить всё людям и раздать указания. Вы тоже готовьтесь.

Мнишек не ответил, лишь повёл головой, давая понять, что услышал. Он снова чувствовал себя незаслуженно униженным, снова понимал, что такого короля никогда не примут. Но отступать уже было слишком поздно.

***

Варшава встречала его неприветливо. Людям, конечно, никакого дела до всего

происходящего не было, но вот вампиры... Они отворачивались, перешёптывались, смеялись, словно Станислав въезжал в город не победителем, а пленным. Это напоминало о словах Потоцкого, это напоминало о прочих унижениях, это напоминало о том, кто он на самом деле есть. Бастард, изгой, деревенщина.

Во дворце оказалось не лучше. Слуги шарахались, шляхта не замечала, а Левандовский даже не пожелал его встретить. Он ожидал гостя в тронном зале, вероятно, при полном параде — Мнишек хорошо понимал, что Вацлав захочет напоследок отыграться.

Станислав оказался прав. Левандовский и в самом деле пожелал оставаться королём до самого конца. Древняя корона покоилась на его голове так, словно была выкована для него, мантия укрывала плечи и спускалась к ногам, как на портретах древних владык. Да и сам он больше походил на кого-то из Ягеллонов, нежели на сына торговца. Мнишек усмехнулся. Они знали, наверняка знали, кто он такой. Не сказать, чтобы Станислав это скрывал, но всё же. Было по-своему неприятно и обидно, даже немного больно. В конце концов, он был ничем не хуже, но увы. Здесь его не уважали.

— Добро пожаловать, — тихо произнёс Вацлав. — Не буду лукавить — мы вам не рады. Но мы готовы говорить.

— Вы всё ещё король и всё ещё в своём праве, — повёл плечом Станислав. Он думал, что сорвётся, что разозлится, как и тогда, несколько лет назад, когда ему отказали. Но нет. Мнишек действительно изменился, Мнишек действительно повзрослел. И сейчас он впервые заставил себя действовать умом, а не чувствами. Он выглядел достойно, он не выглядел юнцом. И, кажется, Левандовский это оценил.

— Я смотрю, вы кое-что учили с тех пор, как мы встречались последний раз, — он одобрительно кивнул. — Не думал, что такое может быть. Впрочем, неважно. Садитесь, — кивнул на кресло. — Беседа предстоит долгая.

— Ну что ж, время есть, — Станислав слабо усмехнулся. — И?

— Как вы понимаете, я выбранный король, — мягко начал Вацлав приятным бархатистым голосом. — И я не могу нарушать древних традиций. Время, когда я мог снять с себя полномочия, прошло, — он немного помолчал, давай Станиславу осмыслить услышанное. — Да, вы победили меня в честной войне, но... Тем не менее.

— Мне казалось, что всё ещё существует отречение. Я объявил войну, чтобы взять Варшаву и низвергнуть вас. Я могу прибегнуть к убийству, но я этого не хочу, — вежливо отвечал Мнишек. Он не думал пугать, он желал лишь показать, что готов ко всему, однако теперь предпочитает мир бойне.

— Звучит дерзко, — Левандовский рассмеялся. — Ладно, я понимаю, что уклоняться от прямого разговора — бессмысленно. Ну что ж, даже если я подпишу отречение, то это не будет значить, что следующим королём станете вы.

— Я осведомлён о польских законах, — кивнул Станислав. — Они сложнее сербских, и наше дело может поэтому затянуться.

— Верно. Ведь Сейм, думается, должен выбрать вас. А шляхта к этому не готова, — спокойно, без презрения или издевательства отвечал Вацлав.

— Я понимаю, что я чужак здесь, — кивнул Мнишек. — Но разве нет способа заслужить уважение ясновельможных?

— Есть, конечно. Я мог бы сказать своё слово, например, — Левандовский улыбнулся. Это было то, отчего Станиславу было сложно отказаться. В том вопрос лишь, победит он своё самолюбие или нет. Сейчас Вацлав мог позволить себе подобную сделку. Ту самую, что

не состоялась в тот роковой вечер. Он снова предлагал помощь и влияние в обмен на власть. Мнишек, кажется, поумнел и теперь должен был согласиться.

— А что вы за это хотите? — Станислав, конечно, знал ответ, но не спросить не мог.

— Хочу не терять своих позиций, — это был самый вежливый и изысканный из всех способов высказать желание править и дальше, только исподтишка.

— Ну что же, — Мнишек не знал, как ему выкручиваться так, чтобы это не выглядело грубо, — ну что же, это... Я должен спросить знающих людей, — он беспомощно обернулся к Дарко, и тот устало кивнул. — Я понимаю, что нельзя попирать традиции, понимаю, что вы хотите их соблюсти, и сам не хочу ничего нарушать, но это важный шаг, — заговорил быстро, едва ли не путаясь в словах, — но всё же я должен быть уверен, что никто не останется обделённым.

— Дело ваше, — Вацлав вздохнул. Нет, такие чудеса мир преподнести пока не в состоянии. Впрочем, согласия ожидать и не следовало, но предложить... Попытка не пытка, и он своё дело сделал. Раз Мнишек всё ещё не в состоянии осознать, что его ждёт, то на трон ему садиться рано, а в подземельях дворца всегда найдётся лишняя камера. Там-то у него будет время подумать.

— Позвольте мне сообщить о своём решении завтра, — Станислав смутился, вся уверенность разом куда-то пропала — всё же Левандовский здесь был в своей стезе, был всевластным королём и умелым политиком, и Мнишек на его фоне казался зарвавшимся князьком. Это пугало, это давняя ненависть к себе пыталась заставить его отступить и жалко спрятаться где-нибудь в Сербии. Но в этот раз Станислав решил идти до конца.

— Думайте, думайте, — пожал плечами Вацлав. — Я не возражаю. Покуда можете разместиться в отведённых вам покоях — вас проводят туда. Еда, питьё, прочее — всё будет предоставлено, стоит вам только попросить.

— Благодарю, — сдержанно ответил Мнишек. Внутри просыпалась уже знакомая злоба. Задобрить хотят, а потом оставить с носом. Отсылают, чтобы без него говорить обо всём с Верешем. Отсылают, как малого ребёнка. В этом был весь Левандовский. Понял, что его предложение пришлось не по вкусу, и теперь хочет извернуться, найти путь к отступлению и снова обмануть. Впрочем, спорить казалось бесполезным — выглядело бы глупо, по-детски, это вовсе не вязалось с выбранным поведением. Поэтому Станислав предпочёл вежливо кивнуть, подняться и выйти из проклятого зала. К тому же, у него возникли дела поважнее — он вспомнил о несчастном Рихарде. Поэтому Мнишек попросил проводить его к комнатам пана Милинского, что тут же и поспешили сделать.

***

Слуги явно боялись безумца. Они не пытались отговорить Станислава, но и в комнату не пошли, объяснив это тем, что её обитатель несколько не в себе. Мнишек лишь презрительно усмехнулся. Пожив среди стригоев, он научился принимать чужую неполноценность, научился видеть дальше того, что на поверхности. Станислав всё же смог смирить свою гордыню, а вот вампиры... Им не было знакомо сострадание.

Он подошёл к сидящему в углу Милинскому. Тот заметно исхудал, осунулся, ещё больше побледнел, теперь уже напоминая привидение. Станислав постарался вспомнить, что ему говорил отец. Помнится, Кшиштоф сделать ничего не смог, хотя и старался. Он тогда явился к сыну каким-то... виноватым. Мнишек даже удивился — не поверил, что он на такое способен.

— Прости, тут... Тут я не помощник, — Водлевский тяжело вздохнул. — Он и так

безумен, а здесь... Здесь что-то ещё. Знаешь, Стась, он как будто прячется. Не я здесь нужен, не я. Здесь нужен тот, кто ему покажется родным.

Станислав не был уверен, что подходит на эту роль. Да, они много беседовали и виделись, но значило ли это для Рихарда то, что Мнишек ему не чужой?

— Рихи, — Станислав наклонился к нему, коснулся плеча. — Рихи, это я. Я пришёл. Я теперь в Варшаве, слышишь?

Мишинский молчал, его пустой взгляд был уставлен куда-то в сторону, кажется, в окно, хотя Мнишек сомневался, что Рихард вообще что-либо видит. Это смотрелось жутко.

— Рихи, — Мнишек сел рядом, не решаясь тронуть вновь. — Рихи, пожалуйста, ответь...

Но тишина только больше сгустилась вокруг них, мешаясь с полумраком и страхом. Станиславу казалось, что оно всё обратилось огромной тучей и теперь валилось на них сверху, пытаясь забрать с собой. Рихард, верно, уже был там. Он слишком многое перенёс, слишком многое держал в себе и попросту сломался, сдался, выбрал то, что казалось... спокойнее? Мнишек не знал.

— Рихи, — он взял его за руку, сжал ледяную ладонь. — Рихи... — Станислав с болью был знаком не понаслышке, но сейчас что-то изменилось. Что он на самом деле чувствовал? Бессилие и горечь от того, что не может помочь? Страх за единственного родного здесь, в этой неприветливой Польше? Осознание того, что он снова кого-то подвёл? Станислав готов был метаться по комнате, словно загнанный зверь, но боялся отпустить Мишинского, боялся, что тогда уж точно потеряет и его тоже.

Он не знал, сколько времени просидел вот так: казалось, что здесь, в этой проклятой комнате всё остановилось, застыло, как лёд зимой. Станислав почему-то вспомнил, как в детстве выходил к Висле, смотрел, как её сковывают морозы, и что-то внутри умирало. Мать как-то рассказала ему, как к одной сербской царевне приплыл по реке на большом красивом корабле её жених и увёз с собой. Стась тогда думал, что и их отец так приплывёт и заберёт далеко-далеко, где никто не сможет обидеть или сделать плохо. Каждую весну, каждое лето, каждую осень он ждал, а с наступлением холодов становился всё злее и недоверчивее. Пока не перестал приходить на реку совсем. Там их, конечно, уже забрал его приёмный отец, добряк Станислав Бонифаций, но это... Это было не то. Точнее, не так.

Скрипнула дверь, и Мнишек вздрогнул, обернулся. В проёме стоял Потоцкий и испуганно рассматривал Рихарда.

— Вы?.. — он удивлённо взглянул на Станислава. — Откуда?..

— Он... Словом, мы однажды встретились и подружились, — Мнишек недовольно скривил губы. Он считал Велислава безразличным и холодным, считал, что тот слишком чтит память своей жены, чтобы вообще жить. И теперь этот жуткий вампир зачем-то пришёл к Рихарду.

— Рихи, боже, — Потоцкий опустил на колени рядом с Мишинским, толком не обратив внимания на ответ Станислава. — Рихи, мальчик мой... — повернулся к Мнишеку. — Он... Он мой приёмный сын.

— Я знаю, — коротко кивнул тот.

— Рихи... — Велислав обнял Рихарда. — Станислав, прошу вас, выйдите. Дело не в моём к вам отношении, — он болезненно улыбнулся. — Это просто очень личное. Я знаю, что с ним, и, надеюсь, я смогу ему помочь. Рихи, господи...

— Скажите потом, как он, — тихо попросил Мнишек, поднимаясь. Потоцкий

внимательно посмотрел на него и неожиданно кивнул.

Когда они остались одни, Велислав взял со стола скрипку — Рихард любил музыку и выучился на ней играть. Потоцкому тоже было знакомо это искусство. Он взял инструмент, взял смычок, неуверенно коснулся струн. Вскоре страшную давящую тишину нарушила тихая колыбельная — когда маленький Милинский болел, Велислав часто убаюкивал его таким образом, заставляя забыть о жаре и удушливом кашле.

Рихард дёрнулся. Он повернулся к Велиславу, словно бы вслушиваясь, но глаза всё ещё оставались мёртвыми, как у статуй.

Потоцкий замер, но тут же продолжил, боясь, что Милинский вновь отдастся безумию. Ещё несколько минут он играл, не переставая смотреть на Рихарда, а потом вдруг чуть не выронил скрипку.

Рихард выпрямился, моргнул, а затем впервые за пятнадцать лет обратился к Велиславу тихим:

— Отец?

***

— Матиуш пока не приехал? — Вацлав обернулся к Якубу.

— Нет, пан, — слуга покачал головой. — Но как приедет, голову вам оторвёт.

— Поговори мне тут! — зашипел Левандовский. — Без тебя знаю, что виноват.

— Да Бог с вами, обойдётся, — успокоил его Якуб. — Так это, люди-то мои нашли вам пана Феликса, ну, Твардовского. Непросто, конечно — больно хорошо прятался, ну да ничего, всё же привезли.

— Это не он прятался, это его спрятали, — устало ответил Вацлав, припомнив, что случилось с несчастным паном. — Зови.

Твардовский выглядел потрёпанно, но счастливо — он явно был рад выбраться в Варшаву.

— Ваше Величество, моё вам почтение, — он поклонился, улыбнулся, мельком оглядывая кабинет. — Что нынче слышно в столице?

— Слышно, что вы, пан Твардовский, считаетесь сумасшедшим, но на самом-то деле совершенно здоровы и многое замечаете и знаете, — Вацлав решил не церемониться, а сразу переходить к делу. В конце концов, сейчас у него каждая минута была на счету.

— Ну вот, — Феликс тяжело, даже немного обиженно вздохнул — всё говорило о том, что его ждут как важного гостя, а вышло то, что вышло. — Я-то думал, я впервые кому-то пригожусь в качестве учёного, а вы!

— Есть у нас учёный, — буркнул Вацлав, нахмурившись. — И толку?

— Вишнивецкий, между прочим, талантлив. Во всяком случае, в этом, — возразил Твардовский. — Иначе бы я не взялся за ним следить и помогать ему!

— Ладно, не о том речь, — препираться Левандовский особенно не хотел. — Вы лучше расскажите мне о делах более давних.

— О том, как на Луне был? — искренне удивился Феликс.

— В следующий раз. О том, как воевали на стороне короля Кшиштофа, — попросил Вацлав. — Это очень важно, это может спасти Польшу.

— Так я не воевал, я сидел в кустах и объедался яблоками. Я шляхтич, конечно, но сражаться за того короля — это нет, это не то, что должно делать, — просто ответил Твардовский. — А, и про Луну я вам ничего сказать не могу, Ваше Величество. Я там не был, я рядом висел, на небе, — он погрустнел. — Про меня столько слухов распустили, век не

отмоешься. Так что в следующий раз я вам о чём-нибудь другом лучше поведаю.

— Пожалуйста, — отмахнулся Левандовский. — Но мы не об этом. Вы помните, что на войне, которую развязал Водлевский, убили Ружу и Звонимира, детей Книнского принца?

— Да... — Твардовский нахмурился. — Я это... видел. Когда они ушли, я вылез, пытался помочь, но что там... Я помогал их хоронить.

— Мне жаль, — Вацлав неожиданно проникся уважением к этому странному вампиру. Он и подумать не мог, что Феликсу знакомо сострадание, что ему вообще знакомо что-то человеческое.

— Да ладно, — тот ненадолго отвернулся, затем протёр глаза и снова посмотрел на Левандовского. — Словом, я понимаю, о чём вы хотите спросить. Да, я это видел. И убийца тоже.

— Вы сможете на них указать? — это было его спасение, спасение всей Польши. Теперь слова слуг подтверждались словом шляхтича. А уговорить воевод оказывалось уже не так сложно.

— Могу, правда, в живых остался только один. Но обещайте, что он меня не тронет, — Феликс, кажется, по-настоящему боялся Запольского, и Вацлав это понял. Он рассеянно улыбнулся, кивнул, поспешно сказал:

— Ну что вы, конечно.

Он оглянулся, подошёл ближе к Твардовскому и прошептал:

— Мы выдадим его Верещу, и тот отведёт войска. Он хочет расправиться с теми, кто убил его детей, и я готов в этом помочь. Мнишек останется один.

— Я скажу, — коротко кивнул Феликс, нахмурился. — Да, месть — это... это правильно, — вдруг сказал он, ни к кому не обращаясь. — Да только от неё не легче.

***

Дарко тенью скользнул на балкон, где сидела Эржебет. Он долго этого ждал, он всё то время, пока они договаривались с Владом и его братом, мыслями был с Батори. Конечно, Верещ, старый политик, понимал, как всё происходящее важно, но он слишком долго терпел, слишком долго притворялся камнем, да так, что почти стал им. Теперь Дарко впервые за долгое время хотел жить. Да и он хорошо понимал — Дракула с ним беседует для порядка, для отвода глаз, всё упирается только в Мнишека. Верещ был уверен — ещё немного, и Станислава запрячут в подземелья, станут судить, а потом казнят или навеки оставят гнить в тюрьме. Дарко видел много правителей и прекрасно понимал, как кончаются войны. Левандовский своего в жизни не уступит, а Сейм его поддержит, и останется Мнишек, как и был — без всего. Если останется, конечно. Но это уже Вереша не касалось. Он выполнил свою часть сделки, а Станислав и сам просил его не лезть. Дарко для себя решил, что интриг ему хватило с головой, и теперь мечтал об отдыхе. И об Эржебет рядом с собой.

— Дарко? — Батори поднялась ему навстречу, подбежала, неожиданно обняла и лишь потом вспомнила о приличиях, отпрянула, опустила голову. — Простите, урам Верещ, я...

— Дарко, — тот опустился перед на колени, прижал руки к губам, не веря своему счастью. — Мы ведь ещё в письме договорились, — поднялся, искренне улыбнулся.

Этих посланий было бесчисленное множество, и они обменивались ими едва ли не каждый день, они говорили обо всём и ни о чём, они рассказывали друг другу о том, что видели.

«Я не спала всю ночь — небо было слишком красивое. Но звёзды здесь кажутся другими. Не как в Венгрии.»

«Мы которую неделю воюем, и для меня небо всякий раз одно и то же. Оно неприветливое, мрачное, оно вечно закрыто тучами.»

«Это невыносимо. Слишком холодно, слишком промозгло, слишком серо. Мне казалось, вампиры не чувствуют ничего, но это не так.»

«Чувствуют, ещё как. Это сродни проклятию. Невыносимо желанному проклятию. Ведь если вампир любит, он чувствует себя живым. А если мучается, то вынужден вечно умирать.»

«Как вы резко заговорили о любви. Я ведь имела в виду простое осознание... Что вы скрываете, Ваше Высочество?»

«Думаю, вы и сами догадались.»

— Дарко, — послушно повторила Эржебет. — Дарко, — снова обняла. — Простите... Простите, но я не могу больше. Я измучилась, я боялась, я волновалась, я... Хорошо, что вы здесь.

— Эржебет, — Вереш прижал её к себе так крепко, как только мог. — Эржебет, как же я скучал... Бала-то не было.

— Так разве он не через пару дней? — Батори смотрела ему в глаза и доверчиво улыбалась. — Хотя, конечно, вряд ли кто-то нам это позволит.

— Нет никого, кто бы смог нам указывать, — вдруг возразил Дарко. — Никого, слышите? Мы... Мы свободные... — он замялся, смутился. — В конце-то концов!

— Свободные, — согласилась Эржебет, хитро посмотрела на него из-под полуприкрытых ресниц, затем опустила взгляд. — Но ведь сейчас война.

— К чёрту войну, — Вереш усмехнулся — он слишком желал встречи, чтобы теперь от чего-либо отказываться. — Вы потанцуете со мной?

— Как я могу отказать Вашему Высочеству, — Батори присела перед ним в реверансе.

— Хорошо. Вы только не делайте так больше. Это мне следует вам кланяться, — отвечал Дарко, взяв её за руки. — Потому как... Если я принц, то вы должны быть королевой.

— А если вы король? — лукаво спросила Эржебет.

— Императрица, — отозвался Вереш с обожанием и, предупреждая её следующий вопрос, добавил:

— Богиня.

***

Драгош осторожно укрыв плечи Анны шалью и сел рядом, взял за руку, виновато и смущённо улыбаясь.

— Как вы? — тихо спросил он.

— Всё хорошо, — Вишницецкая посмотрела на него, покраснела. — Ну что вы так на меня смотрите? Ей-богу, грешно.

— Я нагрешил так, что вечно буду гореть в аду, если случится умереть, — мрачно отозвался Микулэ, горько усмехнувшись. — Простите, — он отвернулся.

— Вы не обижайтесь, — ласково попросила Анна. — Я просто замужем, и... Я не хотела вас задеть, — она сжала его ладонь. В свете закатного солнца её волосы казались ярче, и Драгош вновь невольно залюбовался ей.

— Всё в порядке, — отозвался он. — Нет, правда, вы... Это я должен извиняться.

— Оставим формальности, — Вишницецкая устало поморщилась, поймала его благодарный взгляд, улыбнулась. — Вы мне лучше расскажите, что там, в большом мире? Я

уже давно ваша... гостья, писем не получаю, ничего не знаю. Что там?

— Да, — Тадеуш, игравший неподалёку, оставил лошадь, подбежал к Драгошу, с криканием забрался к нему на колени, обнял. — Драгош, что?

— Стригой уже в Варшаве, — нехотя ответил тот. — Вы простите, доамна Анна, но уж как есть.

— Бросьте, — отмахнулась та. — Я же понимаю, что это война, что тут совсем другие игры. И вы, Драгош, ни в чём не виноваты.

— Я убил Фабиана. Будь он каштеляном краковским, то, возможно, победа бы осталась за королём Левандовским, — тихо отозвался Микулэ.

— Не ворошите прошлое, — попросила Вишницецкая, тут же погрузнев, затем всё же ободряюще посмотрела на него и мягко сказала:

— Но ведь это значит, что мы скоро перестанем вас обременять своим присутствием, верно? Отдохнёте от нас наконец.

— Да. Ты хороший, но папа там, — Тадеуш удобнее устроился у Микулэ на коленях. — Мама скучает. И я.

— Мне не в тягость. Наоборот, — губы Драгоша дрогнули, а взгляд потускнел. — Я тут совсем один, я тут отшельник. С вашим приездом, пусть и вынужденным, это место ожило. В стенах этой мрачной крепости впервые зазвучал детский смех! Анна, милая Анна, вы делали меня счастливым.

— Мама, я пойду, — Тадеуш, кажется, понял, что тут разговор не для его ушей, слез и вернулся к лошади, принялся двигать её туда-сюда.

— Драгош, да что же вы? — Вишницецкая наклонилась к нему. — Драгош...

— Анна, я с вами чувствую себя живым, — прошептал Микулэ. — Анна, да как же я без вас... Прошу вас, задержитесь хоть немного. Пусть они там всё решат и обговорят, а вы потом поедете туда. Спокойно, без страха, без опаски. Пожалуйста, — он поднёс её запястье к губам и поцеловал. — Я слишком привык к вам, простите.

— Я ведь пока здесь, — ласково успокоила его та. — Кто знает, сколько это всё продлится. Может, и перезимуем у вас.

— Буду рад, — Драгош улыбнулся. — Вы мне как семья.

— Бог с вами, мы друг друга знаем совсем недолго. Несколько недель всего. Какая же я вам семья? — смутилась Вишницецкая.

— Всё равно, — покачал головой Микулэ. — Вы не возражаете?

— Если вам хочется, то пожалуйста, — Анна усмехнулась, поправила юбку. Драгош не так давно подарил ей всякого и радовался, как ребёнок, когда она надевала что-то из этого. Вот и сегодня Вишницецкая выбрала одно из тех платьев. Оно было красное, богато расшитое золотом, украшенное парчой и Анне невероятно шло. Это заставляло Драгоша улыбаться.

— Спасибо, — он едва заметно кивнул. — Мне Тадек как сын, правда. А вы...

— Я вам как жена, не так ли? чужая жена, — вдруг с горькой улыбкой спросила Анна и прищурилась. — Вы меня любите, пан Микулэ?

Глава пятьдесят седьмая

— Отчего вы не гуляете? Не веселитесь? — Юзеф ворвался в шатёр к Рутковскому, где тот мирно беседовал с Яблоньским. — Ну же, война кончилась, — он явно был пьян, и Марцин поморщился, предпочтя не думать, скольким несчастным Запольский разорвал горло, чтобы развлечься.

— Разве? — Адам нахмурился. Он не слишком понимал, почему Запольский так доволен — по-хорошему, Польша проиграла, и это частично была вина их всех, а потому поведение Юзефа казалось по меньшей мере странным.

— Ну конечно, — с усмешкой ответили ему. — Мнишек с Верешем нынче в Варшаве, король Вацлав проиграл. Король умер, да здравствует король! — Юзеф уселся на сундук, взметнулись полы контуша. — Ну что же вы, друзья? Пейте и ешьте вдоволь, пришла пора.

— Прекрати это, — Рутковский укоризненно посмотрел на него. — Скольких ты убил?

— Человек десять. Не знаю, — беспечно отозвался Запольский. — Да ладно вам, в чёрту серьёзность. Теперь у нас будет новый правитель, получше пана торгаша.

— Мы все недолюбливаем пана Левандовского, но и Мнишек, признаться, не то, что хотелось бы видеть, — возразил Яблоньский. Он не слишком понимал, что происходит. Адам не был осторожен, как тот же Марцин, не привык обращаться к деталям, однако сейчас догадывался — что-то здесь не так. Он хорошо знал Юзефа, а потому удивился такому его поведению. Тот славился своей нетерпимостью ко всем, кто не мог называться шляхтой, а происхождение Станислава явно вызывало сомнения.

— Да бог с ним, с Мнишеком, Сейм его не выберет, — покачал головой Запольский. — Мнишек — это лишь способ, лишь предлог, главное, что короля Вацлава заставят подписать отречение, а там уж... Того гляди, я править стану. Эх, не зря тогда выследил, не зря рассказал, — он пугался в словах, терял предложения, и обоим воеводам сначала показалось, что это лишь пьяные речи, но тут вдруг Юзеф замолк, прислушался.

— Я ведь в ту ночь нам с вами славу добыл, — тихо сказал он совершенно серьёзно, даже горделиво. — Помните, когда король пожелал выслать княжескую жену из Варшавы? Пани Анну?

— Помним, — Марцин переглянулся с Адамом, придвинулся ближе к Запольскому, хмурясь. — И что с того? Она ведь была захвачена в плен вместе с сыном. Странно, конечно, что с ней не послали охрану.

— Да кто бы стал её трогать, — покачал головой Юзеф. — Вампирам она не нужна, а стригои слишком честны. Да даже Мнишек об этом не задумывался, — он усмехнулся. — Недальновидный. Молодость, что с неё взять.

— И кто же ему в таком случае подсказал? — спокойно спросил Рутковский, хотя это далось ему с трудом. Он был в шаге от страшной догадки, о том же явно подумал Адам, и теперь они ждали лишь признания. Оба чувствовали себя жутко, очень жутко — ведь тогда они теряли друга, пусть и не самого хорошего, не самого достойного. Вместе воеводы провели много добрых лет, отпускать такое не хотелось.

— Да я и подсказал, — просто, без тени вины в голосе ответил Запольский и странно улыбнулся. — Да я и подсказал, — зачем-то повторил он, вдруг крепко задумавшись. — Достало всё до чёртиков. То король-безумец, то король-торгаш, один воевода подох, как собака, другой проиграл последнее — хотя, конечно, мы тоже хорошо, не смогли его вовремя

направить на верный путь, — замолчал, кивнул сам себе. — Устал я, панове, очень устал от всего этого посмешища. С такими правителями Польшу великой не сделаешь, а вот мы с вами... Мы ведь Ягеллоны, уж не посраим памяти предка.

— Что ты такое говоришь? — испуганно воскликнул Марцин. — Юзеф, неужто ты продал бедную женщину врагу?

— И получил за неё гораздо больше, нежели тридцать серебряников, — отозвался тот. — Ну не надо про Иуду и прочих, не надо. Посмотрите на себя! Во что вы превратились?! — он презрительно фыркнул. — В поборников морали, справедливости, тьфу! Вы вампиры, вы те, что живут вечно и пьют кровь, вы охотники и великие воители! — покачал головой. — А ведёте себя хуже нынешних баб, — ухмыльнулся гадко и зло. — Я поступил так, как мне было выгодно, так, как было выгодно моей стране, и никто не вправе меня за это судить.

— Но ведь ты продал нас! Если бы вампиры не проиграли сами, то стригои бы взяли за пани Анну или, того хуже, за её сына, и что бы было? Королю волей-неволей пришлось бы уступить, — возразил Марцин, поднимаясь. — Юзеф, как ты мог? Бог с ней, с женщиной, допустим, ты никогда не отличался милосердием, — тут он опустил взгляд. — Но ты пошёл на сделку с врагом!

— А что ты прикажешь делать? Малодушничать, как Вишнивецкий? — Запольский оскалился. — Это негуманно, это плохо, это нечестно, — передразнил он. — Да к чёрту! Лучше договориться с теми, кто на той стороне, чем терпеть нынешний двор.

— Но вампиры — это разумные существа. Мы не стригои, мы не дикие звери! Нам должно приумножать знания, а не разрывать заживо невиновных, — тихо заметил Яблоньский. — Знаешь, Юзеф, я с многим не согласен, я часто принимал твою сторону, но сейчас неправ ты.

— Вы привыкли прятаться, — грубо бросил тот. — Что тогда, что сейчас. А я не побоялся, я выступил против.

— Прикрылся женской юбкой? Ребёнка не испугался? Сумасшедшего? — с яростью в голосе спросил Рутковский. — Юзеф, как же низко ты пал, чтобы творить такое.

— А в мои времена такого не было, — прошипел Запольский. — И мою жену с детками-то тоже не пощадили. И брата убогого не пощадили. И старую мать.

— Но пани Анна в том не виновата, — покачал головой Адам. — И юный князь Тадеуш тоже.

— Все они... Я умолял Водлевского мне помочь, я за ним на коленях ползал, я просил этого проклятого немца, просил Фабиана... Они сказали, что моя семья не достойна. Что я сам могу их обратить, если уж так хочу, — Юзеф забрал у Марцина бокал, залпом осушил его. — Кшиштоф хохотал надо мной, пока я пытался вернуть Зузанну, дочек... Да, им было весело наблюдать, как я мучаюсь. «Вампир — это чудовище без чувств, это тот, у кого нет слабостей», — он едва ли не взвыл — так стало больно от воспоминаний. — Не я такой. Таким меня сделали.

— Зачем ты уподобляешься им, раз так ненавидишь? — с ужасом спросил Марцин.

— Я не могу иначе, — глухо ответил Запольский. — Убивать — это хорошо, это помогает ненадолго забыться. Сами знаете... Вино, табак, женщины — всё попусту. А вот кровь... Да не из бокалов, а из только что вскрытого горла — вот что позволяет хоть немного отвлечься. Не видеть перед собой тех, кого уже нельзя воскресить.

— Ты убил Ружу и Звонимира Верешей, — утвердительно произнёс Яблоньский. — Ты

не думал, что чувствовал их отец?

— Какая мне разница? — пожал плечами Юзеф, и глаза у него сделались совершенно пустые. — Какая, к чёрту, разница? Я тоже был отцом, — он опустил голову. — Вот так-то, друзья мои, — мрачно добавил, горько усмехнулся. — Ну что теперь?

Марцин с Адамом переглянулись, но ничего не ответили. Им предстояло принять страшное решение.

***

— Матиуш, здравствуй, я так рад, что ты жи... — Вацлав не договорил — Вишнивецкий неожиданно выхватил саблю и молча приставил лезвие к его горлу.

— Ты клялся. Слышишь, ты клялся, что с ними ничего не случится, — процедил Матиуш, смотря с такой ненавистью, что Левандовский даже испугался.

— Бог с тобой, откуда я могу знать? — хрипло спросил он.

— Ты мог послать с ними охрану. Сам бы поехал. Пусть бы ты там умер — мне плевать, вы мной достаточно вертели, чтобы я понял, чего стою... — Вишнивецкий замолчал, зло сощурившись, затем убрал саблю, отвернулся.

— Прости, — пробормотал чуть погодя.

— Я должен просить прощения, — покачал головой Вацлав, подходя ближе и кладя руку на плечо. — Ты прав.

— Сейчас не время давать волю чувствам, — покачал головой Матиуш. — Да и смысла нет — это никому не поможет. Теперь уже никому, — он горько улыбнулся. — Я слышал, моя семья в Брашове. Что это за место? Чьё оно? Как туда добраться и что сделать?

— Я тебе в этом не советчик, — признался Левандовский. — Нет, я, конечно, знаю о той части Балкан, но лишь по книгам. Быть может, стоит спросить Раду? Думаю, он не откажется.

— Не откажусь, — Ливиану возник, как и всегда — неожиданно и бесшумно. — Извините, не смог удержаться, подслушал, — он обезоруживающе улыбнулся. — В конце концов, нетрудно было догадаться, что вы, домнуде Вишнивецкий, будете злы и потребуете ответа, захотите спасти жену, а вы, домнуде король, ничего не сможете сделать. И вот, я здесь.

— Мне действительно нужна ваша помощь, пан Ливиану, — кивнул Матиуш.

— Ну что же, вам повезло. Брашов разделён между мной и кланом Морару на две равные части. Я обитаю в замке, домнуде Микулэ же предпочитает старую крепость. Она в горах, она окружена лесами, и войска туда вести бесполезно — будет ещё одна бойня, — Раду замолчал, давая Вишнивецкому время, чтобы тот осмыслил услышанное. — Так вот, — продолжил он, — где не пройдёт дружина, пройдут послы. Мы договоримся. Микулэ смелый и умный стригой, но ему незнакома хитрость. В отличие от меня.

— И что вы предлагаете? — Вишнивецкий обречённо усмехнулся. — Явиться туда и просто побеседовать? Я видел стригоев, они упёртые, они всегда добиваются своего и при своём же остаются... Если этот... захочет, он не отдаст Анну.

— Я, смею напомнить, тоже происхожу из того племени, — успокоил его Ливиану, продолжая улыбаться. — Я сумею устроить всё так, как нам надо, — добавил он. — Можете мне поверить, ещё никого не подводил.

— А?.. — Матиуш не решился озвучить вопрос до конца, но Ливиану его и так понял.

— Не подвожу, если не хочу подвести, — пояснил он. — Владу на такое раньше не везло по разным причинам. То оказывался не в том месте и не в то время, то был со мной

ссоре, то... Впрочем, и этого достаточно.

— В таком случае, мы можем отправиться туда уже завтра? — взволнованно попросил Матиуш, выжидаяще глядя на Раду. — Я... Я слишком беспокоюсь, — нехотя признался он.

— Сможем, — кивнул Ливиану. — Мне не хуже вашего знакомы любовь и тоска по родным, — он на мгновение печально улыбнулся. — Я возьму с собой двух-трёх верных мне людей, Влад тоже будет с нами. Вместе мы справимся.

— А если?.. — Вишнивецкий болезненно нахмурился. — Я всё ещё боюсь, что он не захочет вернуть мне законную жену и сына.

— Вернёт, куда денется, — мрачно отозвался Раду, отвернувшись. Вацлав поймал его взгляд и коротко кивнул. Они, конечно, догадывались, что чувствовал Драгош, но на войне, как на войне, и иначе поступать было нельзя.

— Я надеюсь, — просто, искренне ответил Матиуш, не заметив этого немого разговора. Холодной усмешки возникшего так же из ниоткуда Владислава он, конечно, тоже не увидел.

***

— Нет.

Анна вздохнула с облегчением, рассеянно улыбнулась. Не любит, не станет мучиться, не попытается её удержать. Это удивительно грело душу, и Вишнивецкая даже позволила себе рассмеяться, словно произошедшее было лишь неудачной шуткой. Но Драгош молчал, лишь внимательно смотрел на неё, и печаль в его глазах становилась только страшнее.

— Я вас обидела? — испугалась Анна. — Драгош, ну что вы?

— Неважно, — мотнул головой тот, спрятав лицо в руках. — Ох, лучше бы я молчал... Как и тогда. Простите меня, умоляю, простите, я вас смутил и оскорбил, а вы ведь такая добрая и уважаемая женщина... Простите.

— Драгош, что с вами? — Вишнивецкая робко положила руку ему на плечо, тут же этого устыдившись — такое ей было не позволено, Микулэ и сам сказал, почему. Однако Анна слишком хотела его утешить и поддержать: ей казалось, что она тут виновата, и хотела исправить случившееся.

— Знаете, я до безумия любил Ружу Верещ, — хрипло ответил Драгош. — Но я так ничего ей и не сказал. И правильно. Теперь вижу, что правильно.

— Мне жаль, если вас задела, — торопливо заговорила Анна. — Просто... Не привыкла я такое слушать. Понимаете, я ведь ваша пленница, вы вольны со мной сделать всё, что душа пожелает, и мне очень страшно. Я не сомневаюсь, что вы славный человек, я вам сама это сказала, но, Боже мой, тут любой порядочной женщине должно забеспокоиться, — она остановилась, чтобы перевести дыхание, успокоить дрожащий голос, часто заморгала.

— Я понимаю, — устало кивает Микулэ. — Понимаю, вы... вы слишком хорошо воспитаны, чтобы позволить себе что-то большее, чем просто семья. Доамна Анна, вы ведь даже обожать себя не даёте, не даёте любоваться и восхищаться, предостерегая всякого, кто попробует, — он болезненно рассмеялся.

— Я иначе не умею, — покачала головой Вишнивецкая. — В конце концов, я не картина и не статуя, чтобы на меня глазеть, — она опустила голову, испугавшись собственной дерзости.

— На произведения искусства не глазуют, — искренне возразил Драгош. — На них благоговейно смотрят.

— А что вы видели? — спросила Анна, не совсем понимая, что он хочет сказать.

— Иконы в церкви, — просто ответил Микулэ, печально улыбаясь. — Больше ничего,

увы. Но я помню, что они были достаточно красивы, чтобы меня восхитить. Во всяком случае, тогда.

— Не богохульствуйте, какая же я икона? — испугалась Вишницецкая. — Право, не говорите этого, — она взволнованно перекрестилась. — И прошу вас, не надо так больше... смотреть. Вы вот удивляетесь, что я сержусь, а мне, может, обидно, может, я боюсь, что окажусь потом виноватой. Очернённой.

— Так я на вас не смотрю, — оскорблённо и немного зло ответил Драгош. — Я бы не решился. Не посмел, — он отвернулся. — Я могу быть стригоем, могу быть чудовищем и убийцей, но мне знакомы приличия!

— Простите, — Анна вздохнула, поднялась. — Знаете, я лучше пойду. Не в добрый час, ох, не в добрый час, — она всхлипнула, ускорила шаг, едва ли не перешла на бег и через несколько минут скрылась в замке.

— Ма? — Тадеуш удивлённо поднял голову.

— Видно, ей захотелось побыть одной, — мрачно отозвался Микулэ, но остался на месте — Мируна была занята расстроенной доамной, а за ребёнком всё равно требовалось приглядывать.

Драгош не знал, чем он мог оскорбить Анну, да и понять толком не пытался. Всё равно война кончится, они расстанутся и вряд ли когда-либо увидятся. Может, так будет легче переживать утрату?

— Вы и про домнишоару Ружу так думали, домнуле, — раздался над ухом тихий голос Григора.

***

Рихард держал в руках скрипку и сосредоточенно рассматривал её, краем глаза следя за сидящим напротив Велиславом.

— Давненько я не играл, если честно, — признался он. — И... не слышал твоей игры.

— Ты был ребёнком, ты плохо спал... Надо было как-то успокаивать и убаюкивать, что уж, — отозвался Потоцкий со слабой улыбкой. — Рихард... Рихи, я рад, что ты вернулся к нам сюда. Я испугался, когда узнал, что с тобой.

— Спасибо, что вытаскил, — Милинскому было не до вежливости, не до манер, он называл приёмного отца просто — на «ты», без титулов. — Там очень страшно, очень пусто и одиноко. Конечно, ни о чём не думаешь, пока пребываешь в безумии, но... в редкие минуты просветления это очень больно, это ужасно. Не хочу возвращаться, — вздрогнул, поёжился. — Не хочу остаться там навсегда.

— Я буду рядом, я помогу тебе, — Велислав мягко посмотрел на него. — Рихи, ты мой сын, ты моя единственная семья, — на мгновение в его взгляде промелькнула печаль. — Я не готов терять и тебя тоже.

— Отец, — губы Милинского дрогнули, он робко улыбнулся.

— Что? — тихо спросил Потоцкий. Рихард в ответ лишь покачал головой.

— Мне было видение, — вдруг серьёзно заговорил он, хмурясь. — Нет, они приходили и раньше, просто... Просто тогда я не всегда мог сказать, случится ли что-то наверняка или нет. Хотя последний раз оказался прав, — горько вздохнул. — Но там мне открылось страшное, — замолчал, не в силах продолжать.

— Я перед войной предсказал Левандовскому смерть. Не его, чужую, — припомнил Велислав. — Я в таком, к сожалению, не ошибаюсь.

— Смерть? Да, пожалуй, смерть, да... Я видел мёртвое тело и хорошо понимал —

покойный мне знаком. Это уже не в первый раз, и оно меня пугает. Кто бы это мог быть? — Милинский отложил скрипку, обнял колени. — Я боюсь.

Он снова вздрогнул, прислушиваясь — заскрипела дверь. В проходе показался Станислав, прищурился, затем вдруг кивнул сам себе.

— Простите, — пробормотал он и тут же вышел.

— Стась, — Рихард потянулся в его сторону, затем вновь спокойно сел. — А что?..

— Видимо, хотел узнать, как ты, — отозвался Потоцкий.

— А почему не остался? — удивился Милинский.

— Кажется, почувствовал себя лишним, — как-то виновато ответил Велислав. — Мы враги, конечно, но мне его жаль. Тяжело быть совсем одним, это... это ведь значит, что надо держать всё в себе. И себя тоже. Знаешь, у нас есть Анджей, которому можно исповедаться, а у Станислава... у нет никого. Наверное, это ужасно больно.

— Ты прав, — Рихард уже и думать забыл о предсказании. — Я пойду, догоню его, — он поднялся. — Нам надо поговорить.

— Хорошо, — не стал спорить Потоцкий. Всё равно уже всё было решено, какая, в самом деле, разница? Он дождался, пока Милинский окажется в коридоре, а затем коротко перекрестился.

— Господи, я очень хотел бы не ведать, кто умрёт, — тихо прошептал он. — Уж на это-то ты способен?

Глава пятьдесят восьмая

— Верно ли мы поступаем? — Адам оправил контуш, пригладил волосы, рядом тут же возник Марцин. Они стояли аккуратно перед кабинетом короля и не решались постучаться.

— Куда уж вернее? Не покрывать же убийцу, да что убийцу... Предателя, — отозвался Рутковский. Казалось, ему не было страшно или волнительно, но Яблоньский твёрдо знал — друг просто притворяется, а на деле так же переживает. Марцин по праву считался самым спокойным среди них и не раз разнимал Адама и Юзефа, не раз усмирял Запольского, находил для него верные слова и теперь, вероятно, чувствовал себя виноватым в том, что не придумал ничего тогда и поэтому готовится рассказать обо всём теперь.

— Это верно, — кивнул нехотя согласился Яблоньский. — Но всё равно как-то не по себе. Мы столько всего повидали, через многое прошли вместе, защищая друг друга, а теперь... Я уверен, стригои не станут церемониться с Юзефом. Они убьют его, как он — Ружу и Звонимира.

— Страшная смерть, — Марцин вздрогнул. — Но надо решиться, — он глубоко вдохнул и медленно поднял руку. Раздался тихий стук.

— Войдите, — ответили из-за двери. — Что ещё?

— Ваше Величество, — они прошли в комнату, поклонились, усмирив гордость. — Ваше Величество, у нас есть к вам разговор.

— И вы желаете мне отречения или смерти? Или и того, и другого? — Вацлав поднял голову от каких-то бумаг, устало, немного болезненно улыбнулся.

— Напротив, — отвечал Рутковский, про себя удивившись тому, насколько их король изменился и сломался. — Мы пришли, если так можно выразиться, вам помочь. Вас спасти.

— Это как же? — Левандовский нахмурился. — Мне поможет разве что чудо, — мрачно добавил он.

— Мы хотим вам рассказать кое-что, — продолжил более решительный Яблоньский. — Мы долго хранили эту тайну, — он криво улыбнулся, — но нынче вечером стало понятно, что уже дальше некуда.

— Тайну? — Вацлав встрепенулся. Неужто обычно такой безразличный Бог всё же услышал его и преподнёс сюрприз? Неужто не придётся полагаться только на Твардовского и слуг, умолять Сейм осудить Запольского за одно лишь убийство? Неужто удастся задобрить Вереша?

— Наверное, вы удивились, заметив, что мы здесь только вдвоём, — начал Марцин неуверенно, поглядывая на Адама.

— Да, пожалуй, — Левандовский внимательно посмотрел на него. — Продолжайте же, пан Рутковский.

— Мы были в ту страшную ночь вместе с Юзефом и просили его не убивать королевских детей, — отозвался тот, — однако он нас не стал слушать и сделал то... что сделал. Мы готовы свидетельствовать об этом на суде, — голос дрогнул — Марцин чувствовал стыд. Рассказывать о друге такое оказалось страшно, ведь это тоже называлось предательством, пусть и за правду.

— Но не только из-за этого мы решились обо всём поведать, — продолжил Яблоньский. — Сегодня Юзеф явился к нам и признался кое в чём. Он сказал, что выдал несчастную пани Анну стригоям.

— Что? — внутри Вацлава просыпалась самая настоящая ярость. Долгими ночами он винил себя в пленении Анны и Тадю, он сидел перед камином и раз за разом вспоминал их с Вишницецкой ссору, ругая себя последними словами, он почти не спал. Да, это, конечно, не могло измотать вампира, но чувства, не пойми зачем вернувшиеся, так мучили его, что и их хватало с лихвой. А оказалось, что дело тут не столько в его халатности, хотя и в ней тоже, а в проклятом Запольском, решившимся предать его и использовать женщину и ребёнка для своих целей.

— Да, он выдал их, получил деньги. Он надеялся, что стригои буду использовать пани, что вы тогда пойдёте на уступки, и война кончится, — мрачно закончил Адам. — Я не знаю, было ли ещё что-то. Может, Юзеф не всё рассказал. Он всегда был скрытным, всё себе на уме, а ведь... Никто с ним здороваться не хотел, не то что дружить, кроме нас.

— Верно, — кивнул Марцин. — Запольский происходил из очень богатой шляхты, он получал всё, что пожелал, но своим поведением отвратил если не всех, то многих.

— Что правда, то правда, — согласился Вацлав. Он с Юзефом познакомился при дворе короля на одном из балов и уже тогда догадался, что такие приятели ему не нужны. Запольский оказался груб, несдержан и не слишком умён, однако Кшиштоф зачем-то держал его при себе. Левандовский и тогда предполагал, что Водлевскому просто понадобился ещё один палач, который не станет тяготиться своей долей, а сейчас нашёл этому самое страшное подтверждение.

— То, что мы сейчас сделали — неправильно, — произнёс Яблоньский. — Запольский нам друг. Какой-никакой, а друг. И сейчас мы его предали, потому что он предал Польшу.

— Вы действительно так верны своей родине? — тихо спросил Вацлав. Он не верил в собственную удачу: те, кто всегда был против, преподнесли ему такой сюрприз. Да, после такого определённо стоило вновь начать ходить в церковь.

Воеводы лишь молча кивнули и поклонились.

— А почему вы не обратились к Сейму? Помнится, я в ваших глазах всего лишь... купец, — это Левандовский спрашивал скорее для собственного успокоения, нежели из интереса.

— Вы, Ваше Величество, не самый лучший король, — мягко сказал Марцин, — но и не самый худший. Признаюсь честно, Юзеф говорил нам о том, что сам хочет сесть на престол Речи Посполитой, — он немного помолчал, давая Вацлаву подумать над услышанным — всякому полезно знать, насколько прочна его власть. — Такого правителя никто бы не хотел. Кроме него, нет ни желающих, не умеющих. Поэтому вы должны остаться на троне, который нынче под вами знатно шатается — война многое испортила, — вздохнул, улыбнулся как-то устало и беззлобно. — Выдайте преступника, побудьте триумфатором, заручитесь поддержкой вновь. Вряд ли бы, конечно, Сейм выбрал Мнишека вместо вас, но осторожность никогда не помешает.

— Я благодарю вас за откровенность, — тихо отвечал Левандовский. Правда оказалась не слишком приятной, но она всяко была лучше лести, которая всегда в достатке имелась при любом дворе. Вацлав понимал, что раньше он не со всеми был достаточно предупредителен, недостаточно вежлив или сдержан, понимал, на что посягнул, когда надел корону. За время правления он наделал достаточно ошибок, но Левандовский знал теперь, как их исправить и больше не повторять. Сейчас ему было оказано огромное доверие, которое он собирался оправдать. Раз уж его не могут признать королём по роду, то пусть признают королём по делу, чем плохо? Тем более что воеводы дали ему такую возможность.

— Идите и властвуйте, — как-то по-доброму сказал Адам, обыкновенно смотревший волком. — Полагаю, конвекционный сейм собирать нужды нет, сразу же созовём элекционный. Шляхта так и так в Варшаве.

— А посланники из разных земель? — припомнил Марцин, а затем хлопнул себя по лбу, усмехнувшись. — Ну да, нас нынче не так много, чтобы стараться совсем уж походить на людей. Простите.

— Я и сам пока не привык, — усмехнулся Вацлав. — Ну что ж, панове, — он поднялся, пожал обоим руки, — сегодня вы, возможно, спасли Польшу.

— На том клялись, — серьёзно ответили Рутковский и Яблоньский. — В конце концов, верность стране не всегда значит верность короне, так что... Да, мы не сражались за вас, но за Речь Посполитую постоим всегда.

— Мне стоит чаще об этом вспоминать, — кивнул Левандовский. Эти слова усмирили его гордыню и самолюбие, и теперь он чувствовал себя на удивление спокойно и уверенно. Это ли — быть настоящим королём?

***

Когда на утро к Юзефу пришли люди короля, тот даже не удивился. Запольский протрезвел ещё ночью и теперь ожидал сначала суда, а потом казни. Признание вырвалось у него само, но Юзеф вовсе не жалел. Он устал жить, он устал быть негласным изгоем и ловить на себе косые взгляды, он понимал, что так или иначе вновь оказался бы в опале, он понимал, что и друзей у него после всего не осталось. Ни Рутковский, ни Яблоньский не приняли бы его больше — у них были принципы, а Запольский теперь наверняка считался безумным палачом. Впрочем, он уже привык. Да и смерть виделась избавлением — Юзеф, давно забывший дорогу в храм, в глубине души верил, что там хоть ненадолго, но встретится со своими родными. Это и было то небольшое человеческое, что у него имелось.

— Рассказали? — тихо спросил он, увидев следовавших за стражей воевод.

— Ты и сам знаешь ответ, Юзеф, — холодно ответил Марцин, не глядя на него. — Ты не оставил нам выбора.

— Выбор есть всегда, — покачал головой Запольский. — Но не спорю, и я когда-то прикрывался этой фразой, — он усмехнулся. — Ну, бывайте. Надеюсь, вам повезёт больше, чем мне.

— Да простит тебя Господь, Юзеф, — отозвался Яблоньский. — Пора, Марцин, пора Идём.

Элекционный Сейм вопреки традициям собрали во дворце. Рутковский посоветовал королю торопиться, чтобы как можно скорее уладить дела в стране и вновь утвердить власть — Мнишек был достаточной неприятностью, от него следовало избавиться. Левандовский к этому хорошо подготовился — собрал слуг, вновь вызвал Твардовского, заручился поддержкой воевод. Теперь и Запольский оказался в его руках. Всё выходило как нельзя лучше.

Станислав же боялся. Чувство страха он позабыл ещё в детстве и теперь вспоминал о нём лишь в те минуты, когда думал о Рихарде, его единственном друге. Впрочем, теперь у Милинского всё было в порядке, и от этого Мнишеку было немного легче. Ночью они много говорили, сидели рядом, каждый улыбаясь чему-то своему. Станислав ощущал себя дома, в семье, Станислав доверил Рихарду всё, что только хотел доверить и впервые за долгое время перестал сомневаться в себе. Правда, на утро он снова оказался выбит из колеи: Милинский вдруг стал умолять его не ходить на заседание Сейма, едва ли не плакал и хватал за руки,

шептал сбивчиво: «Не надо, они тебя арестуют, прошу!». Станислава это серьёзно испугало, он даже подумал, что Рихард снова обезумел, но нет.

И вот теперь Мнишек стоял перед высокими резными дверьми и не решался войти. Он не хотел видеть всех этих надменных шляхтичей, не хотел видеть индюка Левандовского, боялся, что вновь не сможет ничего сделать и окажется дураком. Ведь это был его престол. Ведь это было его право на корону, законное, отвоёванное, омытое кровью — достаточно стригоев и вампиров полегло от посеребрённых сабель или еля, отравлявшего кровь и сжигавшего на месте. Но Станислав всё равно чувствовал себя вне Польши и польской знати. Сербия всегда была ему роднее, и даже уютный дом Станислава Бонифация, его забота о Мнишке, о матери, Невене, не смогли это заменить.

— Я буду рядом, — Рихард возник бесшумно, словно в ответ на его мысли. — Я слишком боюсь, Стась. Прошу тебя, уезжай, они замышляют недоброе. Стась...

— Мне некуда отступать, — покачал головой Мнишек. — Уже поздно.

— Вацлав тоже так говорил, только про войну. И Матиуш, и Анна, и... мой отец. Все они, — Милинский тяжело вздохнул. — Но, быть может, если отступить, то окажется, что всё-таки есть куда? Может, если остановиться, получится избежать чего-то страшного?

— Рихи, мне жаль, — Станислав на мгновение коснулся его плеча, затем толкнул тяжёлые двери, гордо поднял голову, сделал первый шаг.

— Добро пожаловать, — без тени надменности или оскорбления произнёс Левандовский, сидя на троне. Мнишек пригляделся: ничто не выражало его истинных намерений, на лице застыла холодная вежливость, даже участие. То же Станислав прочёл и в глазах собравшейся шляхты. Справа сидел Потоцкий, слева застыл тенью Анджей Лович, поодаль расположились воеводы и Твардовский. Вереш нашёлся рядом с Эржебет Батори ближе к окну, там же стоял Штраус, усмехаясь и посматривая на всех поверх очков. Не было видно лишь Влада и Радугу. И Вишницецкого. Этого странного, может, немного истеричного и слабовольного князя Станислав запомнил хорошо и удивился его отсутствию.

— Полагаю, вы кое-кого недосчитались, — произнёс Вацлав, поймав его взгляд. — Мы приносим свои извинения за тех, кто нынче отбыл. У них были веские причины.

— Всё в порядке, — покачал головой Мнишек, оглянулся на Рихарда. Тот так и стоял в дверях. Едва заметный кивок Левандовского, и их закрыли. Станислав почувствовал себя совсем одним перед толпой тех, кто готов был его уничтожить. Он нерешительно подошёл ближе, глубоко вздохнул, беря себя в руки, улыбнулся.

— Я приходил за короной, как честный шляхтич и поляк, — заговорил Мнишек, — но мне отказали. Я имел такое же право, как и прочие — издревле здесь принято считаться с любимыми достойными кандидатами. Однако на Сейме моё имя так и не прозвучало, — он немного помолчал, обводя взглядом собравшихся. — Тогда я пошёл войной и победил. Теперь я могу забрать то, что должно принадлежать мне по праву, — собрался с духом, готовясь к признанию. — Я сын убитого короля.

Шляхта зашептала, заспорила, кто-то заговорил громче, но тут же замолк, какое-то время Станислава, казалось, и вовсе не замечали, покуда кто-то не спросил:

— А юноша знает, как у нас заведено?

— Знает, — кивнул Мнишек, сдерживая гордыню и не поддаваясь на оскорбление. — Однако известно, что в мире людей бывало, что следующим королём становился сын предыдущего. Владислав Четвёртый тому хороший пример. И Ян Второй Казимир тоже.

— Они были законными детьми, — возразили ему.

— И пусть. Я не говорю, что право моё дано мне только по рождению, хотя и по нему тоже, — покачал головой Станислав. — Я пришёл сюда, чтобы быть вами выбранным, я не отбираю трон силой. Силой я лишь доказал, что достоин его так же, как и прочие.

— Вы складно говорите, — кивнул Вацлав. — И мне нынешние ваши речи нравятся больше, нежели прошлые, — он коротко улыбнулся. — Однако я хотел бы кое-что прояснить, прежде чем ясновельможная шляхта объявит своё решение, — едва заметно повёл рукой, двери отворились, и в зал ввели Юзефа Запольского.

Мнишек обмер. Его пугал этот вампир, злой и дикий, но он поверить не мог, что король взялся за своих же.

— Все мы помним день, когда были убиты дети Дарко Вереша, Книнского принца, главы клана Вереш, — произнёс Левандовский. — Однако мало кто знал, кто это сделал. Сегодня я выдам преступника, — он не боялся. Ещё ночью потратил почти все силы на перемещения и разговоры с особенно старыми и влиятельными братьями, которые согласились на его предложение. Они тоже сочли Юзефа недостойным жизни и обещали повлиять на прочих, склонить их к нужному решению.

— Простите? — Дарко вздрогнул, Эржебет сжала его пальцы. Максимилиан положил руку на плечо — они успели поговорить, вспомнить былое и вернуть дружбу. Вереш уже не чаял отомстить, не чаял найти тех, кто лишил его самого дорогого, и тут его враги неожиданно помогли.

— Да, вы не ослышались, — Вацлав обернулся к воеводам. Те поднялись, за ними робко последовал Феликс.

— Мы готовы свидетельствовать, что этот шляхтич, — Марцин кивнул на Юзефа, — убил Ружу и Звонимира из рода Вереш.

— Пан Запольский признался нам в этом сам, и сомнений быть не может, — кивнул Адам.

— Я видел, как Юзеф Запольский лишил жизни принца и принцессу, — тихо сказал Твардовский. — Мне очень жаль, пан Вереш, — обратился он к Дарко.

— Мы слышали от пана покойного короля, что это сделал Юзеф, — перекрестились приведённые слуги — они по разумению своему оставались всё теми же крестьянами, что и были при жизни, и так и не перестали верить в Бога.

— Я не отрицаю, — безразлично бросил Запольский. Он не чувствовал ни боли, ни разочарования, ничего, он просто хотел скорее умереть и оказаться с родными. Воспоминания, что нахлынули вчера, оказались слишком губительны и окончательно сломали его, и так ходившего по краю.

— Делайте, что хотите, только... только я хочу поговорить с ксёндзом, — попросил Запольский. — Пожалуйста, всего несколько минут. Даже самый жестокий преступник имеет право на последнее желание.

— Прошу, — Анджей поднялся. — Это то, чего мы не можем лишить ни по закону, ни по совести.

— Мы подождём, — кивнул Левандовский, и Лович с Запольским вышли, провожаемые удивлёнными и испуганными, недовольными и укоризненными взглядами.

— Спасибо, — Юзеф остановился. — Мне нечего скрывать, но... так лучше.

— Я слушаю, — кивнул Анджей.

— Знаете, ксёндз, у меня была жена, Зуанна. Красавица, каких не сыскать. Я её любил, я её так любил, с ума, наверное, сошёл бы, выбери она другого. Зуанна родила мне двоих

девочек, дочек моих, Марысю и Стефанию. Им и десяти не исполнилось, когда Водлевский пришёл в мой дом, чтобы заполучить меня в свою армию. Он убил всех, он смеялся, пока я пытался вернуть мою семью, уже обращённый, он презирал меня за то, что я тосковал по ней, — Запольский тяжело, нехотя, неуверенно перекрестился, глаза сделались совсем пустые. — Я остался один, я заполнял существование убийствами, вином, женщинами... Словом, я пытался забыться, заснуть и не проснуться. Помню, однажды стало лучше — я был долгое время влюблён, и это тоже похоже на сон, добрый сон. Её... ту, кого я любил, её звали Фелисия. Жаль, что в своё время я не слишком хорошо о ней говорил. Помолитесь об упокоении Фели, прошу, — он вздрогнул, снова осенил себя крестным знамением. Видно было, что боль рвётся наружу, что выжигает его изнутри, отравляет, рвёт. Видно было, что Юзеф уже доживает, и приближающаяся расправа его не волнует. Видно было, что Запольский хочет умереть. И это пугало Анджея.

— Я не раскаиваюсь ни в чём, кроме одного — что не нашёл погибель раньше, чтобы быть с женой и детьми, — тем временем прошептал Юзеф сдавленно и хрипло. — Это всё, — он гордо поднял голову. — Не хочу, чтобы они меня видели таким. Спасибо вам, святой отец, спасибо. Ничего не говорите, не надо. Я просил выслушать, а не давать отповедь. Идёмте, пора, — он вновь вошёл в зал, дал сковать себе руки. Лович проводил его печальным взглядом, перекрестил, достал чётки, шепча молитву. То, что он узнал, было ужасно, не укладывалось в голове, хотя Анджей о жестокости Водлевского знал не понаслышке. Хуже было лишь то, что Юзеф после всего лишь озлобился и одичал, несколько веков провёл в полужизни-полусмерти, тоскуя по дорогим людям и проливая кровь невинных. Так и ломались, гибли души.

— Мы закончили, — только и сказал Лович, вернувшись на своё место.

— Позвольте мне забрать убийцу Рушки и Звонко, — глухо произнёс Дарко. — Я... — он замолчал, сжимая и разжимая кулаки. — Мои люди хотят с ним расправиться.

— Он ваш, — ответил один из старейшин, чтобы предотвратить любые споры. Вереш поднялся, поцеловал руку Эржебет, кивнул Штраусу и вышел. Следом направилась королевская стража, ведя Юзефа. Казнь была близко.

Его вывели на улицу, и яркое солнце ударило Запольскому в глаза, он зажмурился отвернулся. У дворца понемногу собрались стригои — Вацлав дозволил им ждать любимого предводителя у самых ворот. Они присматривались, говорили между собой кто порумынски, кто по-хорватски, кто по-сербски, переругивались и гадали, что теперь будет.

— Всем известно о моём горе, — Вереш оскалился, оглядывая своих воинов. Ну наконец-то. Он добился этого. Добился возможности отомстить.

— Сегодня я могу наконец восстановить справедливость, — Дарко усмехнулся, дал знак отпустить Юзефа. — Кровью, — кивнул в сторону безразлично смотрящего Запольского. — Я знаю, что вы все эти годы ненавидели того, кто убил моих детей, — он вдруг вздрогнул, понимая, что сейчас произойдёт, но был настроен решительно. — Возьмите преступника и сделайте то, что должно.

Стригои загалдели, потрясая оружием, многие выпустили клыки, когти, готовясь расправиться с проклятым вампиром. Да, они являли собой страшную силу, которую боялся даже Дарко, хотя и считался их сородичем, повелителем. Впрочем, он знал как её смирить.

Стража хотела было толкнуть Юзефа к его палачам, но тот качнул головой, сам подошёл ближе, коротко перекрестился, бросил последний взгляд на солнце.

— Попросите панове Яблоньского и Рутковского забрать мою саблю и похоронить в

семейном склепе, — только и сказал Запольский, криво улыбаясь, затем коротко перекрестился и шагнул в толпу. Стригои непонимающе смотрели на него, кажется, не ожидая такой храбрости от ненавистного врага.

— Давайте, — он слабо кивнул, закрыл глаза и вскоре исчез из виду, поваленный разъярёнными солдатами. Вереш отвернулся, не желая на это смотреть и мысленно попросил мироздание простить и Юзефа, и его самого. В конце концов, после того, как месть свершится, нужно было остановиться и суметь отпустить.

...Вацлав дождался, пока гул за окном утихнет, натянуто улыбнулся. Он догадывался, какая судьба постигла Запольского, и это несколько напугало его. Впрочем, сейчас пора было решать иные дела.

— Теперь же, когда справедливость восстановлена, Сейм должен решить, нужен ли Польше новый король, — величаво сказал он, внутренне немного испугавшись: а вдруг не получится, а вдруг они в последний момент поведут себя иначе. Старейшины, конечно, на многое влияли, но... вдруг шляхта взбунтуется. Кто знает.

— Сейму предоставлены два кандидата, — взял слово Рутковский, — Вацлав Левандовский, нынешний король, и Станислав Мнишек-Вранич, — он обвёл взглядом присутствующих. — Желает ли Сейм сменить правителя? Пусть те, кто хочет, проголосуют.

Кажется, единогласное veto ещё никто не получал. Станислав оказался первым. Он смотрел на ухмыляющихся шляхтичей, гордых и презирающих его, он смотрел, как они едва ли не смеются, наблюдая за его падением. Осознание пришло неожиданно. Мнишек понял, что произошло, и ему словно бы землю выбило из-под ног — так стало плохо и страшно. Снова пустота, снова ощущение собственной бесполезности — его смешали с землёй, сплясали и оставили так. Ну конечно, чего он ждал? Чего хотел? На что надеялся? Он, бедный сербский морой, не мог получить ничего, кроме того, что уже имел, хотя и того оказывалось много. Он...

Додумать Станислав не успел, потому что на его плечах сомкнулись чьи-то крепкие руки.

— В темницу этого смутьяна, — раздался короткий приказ Левандовского. — И заприте получше, чтобы не сбежал.

Криков Рихарда и тихого «Простите» Вереша он уже не слышал — Мнишек впервые в жизни потерял сознание.

***

Раду вальяжно сидел на широкой ветке дерева у самых корней, крутил в пальцах широкий зелёный лист и довольно смотрел куда-то в даль. Влад ходил поблизости, размышляя о чём-то своём, несколько стригоев, что они взяли с собой, развели костёр и жарили пойманную дичь, намереваясь первый раз за долгое время вкусить человеческой пищи.

— Почему вы не боитесь солнца? — наконец нарушил тишину Матиуш. Он пока не привык к перемещениям на длительные расстояния и ещё не до конца пришёл в себя, поэтому желал отвлечься на какой-нибудь не слишком заумный разговор.

— В своё время Мариан Ливиану напоил меня кровью вампира, — с живостью отозвался Раду. — Это вкусно, — он облизнулся, поймал затравленный взгляд Вишницецкого и рассмеялся. — Я пошутил, я этого уже не помню.

— И кого вам пришлось убить? Заплутавшего крестьянина, которому в своё время не повезло встретиться с вашим братом? — вымученно улыбнувшись, уточнил Матиуш. Влад,

видно, услышав это, расхохотался, но ничего не сказал.

— Бросьте, я порядочный стригой. Мой домнуле был вашим сородичем, — мягко ответил Ливиану.

— А разве вы не враждуете между собой? — нахмурился Вишнивецкий, окончательно запутавшись в отношениях двух бессмертных народов.

— Враждуем, однако порой случаются чудеса, — пояснил Раду. — Находились вампиры, которые сумели заслужить уважение стригоев, скажем, домнуле Мариан. Я вам больше скажу, везде на Балканах почитается король Бела.

— Кажется, он приходился дедушкой пану Верешу, — припомнил Матиуш. — И что же?

— Бела Арапад был мудр, проницателен и столь же скромн. Он помогал Дарко править, он не раз разбирался в тяжбах кланов, судил по справедливости и принёс мир в наши земли. О нём слагали легенды ещё при жизни, — с благоговением поведал Ливиану. Так говорили только о Боге, Богоматери, святых или действительно великих людях.

— А что же с ним случилось? — Вишнивецкий, казалось, действительно заинтересовался.

— Сгинул. Никто не знает, где и как, но принято считать его мёртвым. Говорят, однажды уехал охотиться и не вернулся, вот и всё, — пожал плечами Раду, и торжественность момента, речей пропала. — Но наш Андраш хочет его найти. Верит, что гибель надо сначала доказать, и только потом уж хоронить короля.

— Андраш истинный учёный, — улыбнулся Матиуш.

— Так, я всё продумал, отправьте кого-нибудь в замок, — произнёс до того молчавший Влад, кивнув в сторону старой, частично разрушенной крепости на горе. Окружавший её густой лес прелести предприятию не добавлял, и это несколько пугало Вишнивецкого.

— Да вы не бойтесь, не в первый раз спасаем прекрасных дам, — махнул рукой Ливиану. — Помнишь, Влад? В тысяча шестьсот четырнадцатом.

— Вы ведь были в ссоре, — Матиуш вновь почувствовал себя ребёнком, которого обманули, а теперь говорят правду, как само собой разумеющееся.

— Ссора ссорой, а Эржебет нуждалась в помощи, — мягко ответил Раду. — Она ведь мне не чужая, пусть в основном о доамне Батори и заботится мой старший братец.

— Вот оно что, — протянул Вишнивецкий. — Ну конечно.

— Влад, я сам к нему схожу, — Ливиану нехотя поднялся, поправил одежды, пригладил чёрные волосы, улыбнулся так обезоруживающе, как только мог, и исчез. Дракула проводил его усталым и немного укоризненным взглядом, по-доброму усмехнулся. Раду привык блистать, привык добиваться своего, привык получать всё и сразу, и его политика, манера говорить и держаться, пусть и осторожные, вежливые, были схожи на него самого. Однако Влад хорошо знал, что прячется за такой железной уверенностью в себе и собственных силах. То, что когда-то взрастил он сам.

Матиуш же переживал. Он понимал, что Анна совсем близко, что она тоже чувствует его присутствие, что скучает, что сходит с ума от волнения. Более того, Вишнивецкий знал, как страшно и непонятно сейчас Тадю, у которого с отцом имелась определённая мысленная связь. Матиуш чувствовал, как плохо его близким, и это ужасно тяготило душу, делало больно. «Анна, если ты меня слышишь, знай, что я люблю тебя, знай, что мы скоро будем вместе», — подумал он, сжимая ладони в молитвенном жесте. Так Вишнивецкий просидел, по ощущениям, с четверть часа и очнулся лишь от шороха шагов.

— Драгош Микулэ обезумел и отослал меня так витиевато, что я даже не всё понял, —

если бы Раду был человеком, то у него бы сейчас дёргалось веко — так ошарашенно он выглядел.

— Что это с ним? Не припомню, чтобы Драгош когда-либо вёл себя подобным образом, — искренне удивился Влад, нахмурился. — Домнуле Микулэ слыл крайне спокойным и рассудительным, я не раз и не два в этом убеждался. Так что же случилось?

— Полагаю, дело в прекрасной доамне Вишницецкой, — Ливиану вздохнул, хотел было продолжить, но его перебили.

— И не только в ней. Я не обязан подчиняться какому-то корольку на той стороне Европы, — Драгош в полёте из ворона вновь перекинулся в человека и медленно опустился на траву, сжимая в руках саблю. — Я выкрал Анну и имею на неё такое же право, как и её муж, это вам ясно? Давно вы стали приспешниками торговца Левандовского? Давно вознамерились нарушать древние законы?

Матиуш дёрнулся, намереваясь ответить, но Раду схватил его за плечо и знаками велел молчать, чтобы не сделать хуже.

— Драгош, опомнись. Ты Анну спросил, когда решился нам о таком говорить? Ты узнал, чего хочет она? — Влад не знал, как верно подобрать слова, чтобы успокоить разъярённого стригоя. Он был уверен — его брат не сказал ничего лишнего, но что же тогда так повлияло?

— Она хорошая жена, — Микулэ эти слова дались с трудом. — Но мне известно, что у неё на душе, известно, как она мучается. Я хочу её освободить, избавить от этого... — он презрительно посмотрел на Матиуша. — Я нынче вольная птица и делаю то, что хочу, я сам себе государь и повелитель. И я буду биться за то, что мне принадлежит по праву.

— Да вы себя только послушайте! Принадлежит... Анна не вещь! — не выдержал Вишницецкий. — Я прошу вас, — он заговорил уже спокойнее. — Я догадываюсь, что вы могли услышать от моей жены. Это то, чего она не решилась сказать мне, и я понимаю, почему, но оно... Оно в прошлом. Мы счастливы, у нас есть ребёнок, который нуждается в отце. Отпустите мою Анну.

— Много вы понимаете, — прошипел Микулэ. — То, что вы с ней делали... Я не верю, что люди могут меняться, во всяком случае, так, а существа вроде вас — и подавно. Я знаю шляхту, я знаю вампиров, и я в жизни не видел, чтобы хоть кто-то из вас смотрел дальше собственного носа, — он недобро оскалился. — Вы удобно устроились, решив всё там, в Варшаве, конечно, все так счастливы: Вереш получил месть, Мнишек в тюрьме, Левандовский на троне, — он презрительно скривил губы. — Да только мои люди тоже сражались, тоже проливали кровь, тоже гибли, и я имею право на сбор дани с проигравших.

— Разве столь достойная женщина может быть данью? — осторожно начал Раду, вежливо и немного заискивающе улыбаясь. Влад и Вишницецкий уже достаточно наломали дров, и вступать в игру вновь приходилось ему.

Драгош застыл, обдумывая вопрос, и, кажется, его злоба начала понемногу утихать — Ливиану всегда знал, что нужно сказать человеку, чтобы отрезвить, пусть это порой и было больно.

— Для вас я предпочту объяснять это так, — чуть погодя всё же произнёс Микулэ. — Иного вы уж точно не поймёте и не примете. И, признаться, правда будет на вашей стороне, — он горько усмехнулся. — Я готов выставить всех стригоев, способных сражаться, против, чтобы оставить Анну рядом с собой. Она в жизни не скажет, что любит меня, пока вы живы, — обратился к Матиушу. — Поэтому...

— Вам придётся меня убить, верно? — Вишнинецкий прищурился. Он кое-чему научился и покуда не показывал это, но теперь, видно, было самое время.

— Ну что ж, и как вы думаете, ей понравится? — продолжил Матиуш с самой неприятной улыбкой из всех возможных. — Анна, как вы точно подметили, хорошая жена и в жизни не останется с убийцей, позвольте напомнить, любимого мужа. Я не отрицаю, что началось у нас всё отвратительно, и я уже не раз искупил свою вину перед Анусей, — он невольно назвал её так, как называл дома, и даже испугался этого. — Так с чего же вы взяли, что она до сих пор меня не простила?

— А с чего вы взяли, что она до сих пор вас любит? С чего взяли, что она с вами поэтому, а не из чувства долга? — Драгош уже не ведал, что говорил, принимал желаемое за действительное, и пусть в сознании и билась мысль, что ему кажется, и Анна действительно счастлива с мужем, он уже не мог себя сдерживать. — Она очень хорошая жена, который вы не достойны. Я видел её, мы уже много времени провели здесь, в этом месте на краю мира, а вы всё это время воевали чёрт-те где. Не раз униженной женщине не нужны годы, чтобы сделать верный выбор.

Матиуш открыл было рот, намереваясь не менее терпеливо разъяснить Микулэ в чём он не прав, а затем вдруг поднял голову и увидел в оконце одной из башен знакомый силуэт — зрение вампиров и не такое позволяло.

— Анна? — одними губами прошептал Вишнинецкий. Словно бы в ответ ему раздалось, эхом отражаясь от скал и каменных стен, отчаянное:

— Матиуш!

Вдруг крик прервался, а Анну оттащили от окна, словно тряпичную куклу. Вишнинецкий дёрнулся следом, ненавидяще посмотрел на Драгоша, но тот, кажется, был напуган и удивлён не меньше.

— Я вам клянусь, это не я, — прошептал он. — Туда!

***

— Ну тихо, тихо, — Григор попытался улыбнуться, но это больше походило на оскал хищника, готовившегося расправиться с добычей. — Тихо, не кричи. Я не слепой, я вижу, что мой домнуле тебя любит, что из-за тебя сейчас там врагов себе наживает, — он закрыл окно, усадил Анну, прислонив к стене, знаком велел подбежавшей Мируне уйти и увести ребёнка, который расплакался, увидев, что его мать в опасности. — Ты женщина, тебе можно быть глупой и не понимать да прятаться за кресты с иконами и пустые клятвы, а вот верному слуге нужно стараться ради своего домнуле, — убрал мягкие волосы с шеи, осторожно провёл грубым пальцем по коже. — В тебе так много живой крови, такой сладкой и насыщающей, что не будь ты мне доамной, я бы тебя выпил всю, — усмехнулся. — Не бойся, не бойся, я тебя не обижу, я лишь сделаю то, чего не решается сделать домнуле Микулэ. Обращу. Ты будешь некрасива, но мой господин примет тебя любой, а вот твой муж вряд ли, — обнажил клыки. — Впрочем, это-то мне и нужно, — впился в горло, и Анна закричала от ужаса и боли, пытаясь оттолкнуть его, но было поздно — уже поздно было останавливать обряд.

Вдруг Григор затрясся и обмяк, клыки из шеи исчезли, а над Вишнинецкой склонился испуганный Драгош, отбрасывая в сторону окровавленный крест. Где-то внизу стригои ругались и звенели саблями, видимо, не пуская Матиуша и прочих, но Анне почему-то было всё равно. Она чувствовала, как из тела толчками вытекает кровь, как силы покидают её. Что-то отравило несчастную изнутри — Григор думал постараться на славу, и теперь яд,

призванный сделать бессмертной, убивал её.

— Анна, Анна, нет... Нет, пожалуйста, Господи, я прошу, пожалуйста, только не это... — Драгош пытался закрыть рану, хватал Анну за бледнеющие руки. — Анна, дышите, умоляю, не поддавайтесь, не надо! — он дрожал, судорожно пытаясь понять, что делать. — Анна... Я бы отпустил вас, если бы вы только попросили, — заставил себя собраться с силами. — Вы такая красавица, я бы не посмел вас изуродовать своим проклятием, не случилось... — говорил сбивчиво, путаясь в словах, не произнося фразы до конца. — Вы то творение Господне, что я не в силах исказить, потому как не достоин вас касаться, я бы никогда... Простите меня, ради Бога, простите, — наклонился, укусил, надеясь закончить начатое — он знал, Матиуш заберёт жену любой, и жестоко было не помочь ему, не спасти то, что он любил, теперь.

Но ничего не произошло. Анна хваталась за его плечи, силясь вдохнуть, слабо улыбалась, по её щекам текли слёзы — она не хотела расставаться с жизнью.

— Драгош, не надо, не пробуйте. Меня уже не спасти, — с трудом сказала вдруг. — Я благодарна вам за всё, что вы сделали для меня, — вздрогнула, хватая ртом воздух. — Вы очень славный человек, я вас ни в чём не виню и никогда не винила. Храни вас Господь, — попыталась провести рукой по его лицу, испуганному и печальному, но не смогла. — Мне очень жаль умирать, жаль оставлять всех, кого я знаю. С Вацлавом мы и вовсе поссорились... А я бы хотела с ним помириться, — она всхлипнула, посмотрела на Драгоша, читая в его глазах, что слепом, что зрячем, отчаяние и боль. — Драгош, я прошу вас, скажите моему сыну, что я его очень любила и буду любить, только... Мой бедный Тадю... — она сморгнула ещё слезу. — Я чувствую, что мне осталось совсем чуть-чуть. Поднимите меня, поднесите к окну. Я хочу последний раз увидеть солнце, — закашлялась, сползла по стене, затряслась в предсмертной судороге. — Драгош, скажите Матиушу, прошу, скажите... — Анна уже хрипела, хватаясь за горло, — что я была с ним... — дёрнулась, — счастлива.

Она улыбнулась чисто, искренне, светло, а затем её голова упала набок, глаза застыли, остекленели, тело обмякло. Рука скатилась с плеча Микулэ и осталась лежать на ледяном полу, кровь не текла, кожа медленно холодела. Анна умерла.

Драгош издал такой вой, на который не был способен даже самый страшный зверь. Там слышало всё: и боль, и тоска, и вина, и горечь. Казалось, весь мир замер, что наступила вечная тишина — так остро и громко оно прозвучало. Драгош обнимал Вишнивецкую, рыдал, пряча уродливое лицо на груди, теперь больше похожей на грудь статуи, Драгош повторял давно забытые молитвы, призывая то Бога, то Дьявола, Драгош не верил в то, что только что случилось. Не хотел верить, надеясь, что это лишь сон, злой сон, видение, морок, но увы. Судьба никогда не была добра к нему.

Дверь вдруг распахнулась, в комнату влетел Матиуш, за ним бежали Раду и Влад. Вишнивецкий осмотрелся, бросил взгляд на тело жены, выронил саблю, упал на колени, словно подкошенный, протягивая к Анне дрожащие руки.

— Нет! — кричал он, трясаясь, как припадочный. — Не-ет! — подполз, отталкивая Драгоша, прижимая любимую к себе. — Анна, нет, пожалуйста! — судорожно обнял. — Ты не мог, Ты не мог забрать её! Она в Тебя верила, она была такой чистой. Ты не смеешь! — Матиуш обращался к небесам, к Богу, но тот его не слышал. Влад, с ужасом смотревший на это, вдруг вспомнил себя, Элисабету, и это больно ранило его в остатки души. Он по-своему любил Анну, добрую и заботливую, её смерть же принесла ему и всем страшное горе.

— Анна, я люблю тебя, Анна, пожалуйста, — Матиуш распорол кинжалом запястье,

прижал его к губам жены. — Анна, я умоляю... — но тщетно. Ни один вампир не мог вернуть к жизни того, чей обряд обращения начал стригой.

— Сделайте что-нибудь, вы же можете! — Вишнивецкий обернулся к Владу и Раду. — Прошу, она ведь ни в чём не виновата... — разрыдался, уткнувшись носом в холодную, как мрамор церкви, ключицу.

— Слишком поздно, — Раду отвернулся, чтобы скрыть слёзы. — Это то, что нам недоступно, — он проклинал себя за то, что говорил, за страшную правду.

— Это и есть проклятие, вызванное нашей враждой, — Влад старался говорить твёрдо, но видно было, как он переживал, как мучился произошедшим. Он опустился на колени, забрал Анну у Матиуша, стёр кровь, закрыл глаза, затем замер ненадолго, словно бы решаясь на что-то.

— Отец, я прошу тебя об одолжении. Если Он отказался от неё, то хоть ты не оставь своего любимого сына. Верни эту женщину, верни её к мужу и сыну, она не заслужила смерть, — прошептал Влад, прокусывая себе руку и вливая кровь в рот Вишнивецкой. — Прошу, отойди единожды от своего закона, позволь моей силе оживить её.

Небеса в ответ потемнели и разразились грозой. Дракула поднялся, осторожно прижимая Анну к себе.

— У нас есть невозможно малая надежда, что доamna Вишнивецкая вернётся, — дрожащим голосом сказал он. — По истечении трёх дней она либо окончательно останется там, либо обретёт бессмертие.

Матиуш поднялся, пошатываясь и тихо всхлипывая, подошёл, забрал жену у Влада, устроил её голову на плече, осторожно удерживая на руках.

— Так кажется, словно бы она просто спит, — глухо ответил он. — Это ведь как сон, да? Через три дня она проснётся, она будет со мной, и всё станет хорошо, — обернулся к Раду. — Пан Ливиану, пожалуйста, найдите Тадеуша, возьмите его с собой. Только не говорите, что с Анной... — слёзы текли по его лицу. — Он ребёнок, он не должен знать.

— Конечно, — Раду тут же исчез. Влад прошёл вперёд, чтобы объясниться со стригоями, а Драгош, до того сидевший, словно статуя, тяжело встал, горько улыбнулся.

— Я пойду с вами. Я же преступник, верно? — он усмехнулся, и боль нахлынула с новой силой. — А преступник всегда должен получать то, что ему положено за его злодеяния.

Драгош последний раз окинул взглядом замок, коротко кивнул, уже вернувшийся Влад крепко взял его за плечо. Миг, и они исчезли в сером вихре. Раду возник рядом с Матиушем, укачивая на руках Тадю.

— Я усыпил его ненадолго, чтобы мирно перенести, — пояснил он. — Всё хорошо, — тут же пропал.

— С-спасибо, — пробормотал Матиуш, стараясь не смотреть в лицо Анны, не думать, что произошло, не оплакивать, чтобы не прогневить... Да к чёрту, уже некого. В Бога Вишнивецкий верить теперь не хотел. Бог предал его и самое прекрасное, что когда-либо создавал, и такое не прощали.

Матиуш пересилил себя, сосредотачиваясь, закрыл глаза и тут же растворился следом за прочими.

С тех пор старая крепость уже не оживала и погрузилась в запустение — стригои оставили проклятое место, вампиры не пожелали там селиться, а дикие звери обходили его стороной, и лишь чёрные вороны гнездились меж башенных зубцов, протяжно каркая и вспоминая судьбу тех, кто когда-то здесь жил. Люди прозвали те места Замок княгини и

рассказывали историю о проклятом чудовище и женщине, что была с ним и после смерти которой он исчез и более не убивал.

Тем временем в Варшаве с минуты на минуту ждали вестей.

Глава пятьдесят девятая

Вацлав переводил взгляд с Матиуша на тело Анны и обратно. Казалось, он не верил тому, что видел, казалось, что едва удерживался, чтобы не перекреститься, не развеять тем самым морок. Левандовский мечтал сообщить Вишницецкой о том, что война кончилась, мечтал попросить прощения, примириться, а теперь это всё обратилось в прах, как и сама Анна.

Вацлав вспомнил, как Велислав когда-то предсказал ему смерть. Тогда Потоцкий не назвал ему имени, но Левандовский всё то время, что они сражались со стригоями, ужасно боялся, что гибель настигнет не кого-нибудь, а именно Анну. И вот, его самые сокровенные страхи, те, что никогда не должны были сбыться, оправдались.

— Анна? — он коснулся лица, ледяного, как камень, с ужасом понимая, что несчастная пани Вишницецкая вряд ли его слышит. — Анна... — отошёл, дрожа, обернулся к Драгошу. — Ты... Ты...

— Он не виноват, — глухо пробормотал Матиуш. — Хватит злобы, хватит ненависти, — он ненадолго замолчал, сдерживая всхлип — Вишницецкого не успокоили слова Влада, да и вряд ли бы нашлось что-то, что могло его утешить, кроме живой и здоровой супруги. Матиуш невероятно тосковал по ней, мучаясь мыслями о том, что был совсем рядом и не смог уберечь, не смог защитить, спасти, хотя клялся перед Господом и ей самой. Вишницецкий тяготился виной — он уверился, что Анна погибла только лишь по его оплошности. Следовало бежать к ней, следовало забыть всё, наплевать на гордость и спасти ценой чего угодно. Проклятый подозрительный стригой! Привык жить отшельником и окружил свою крепость диким колдовством, стеной, через которую вампиры пробиться толком не могли, а если и могли, то разве что с его разрешения. Всего минута, может, меньше, и Анна была бы жива... Анна... Матиуш любил её до безумия, и с годами чувство лишь крепло, всё больше разрасталось в его застывшей душе. Вишницецкий жалел, что не понял этого раньше, что так долго причинял несчастной девушке боль своей холодностью, своим безразличием. Даже полуслепой Микулэ сошёлся с ней лучше, чем когда-то он сам, хотя у Матиуша преимуществ имелось многим больше. Вишницецкому было ужасно стыдно за всё, что он когда-то творил, и теперь это чувство усилилось — не смог искупить, не смог доказать, как на самом деле любить, да что там... его просто не оказалось рядом, когда Анна так в нём нуждалась. И сейчас Матиуш тоже проклинал себя — ему следовало находиться с сыном, но он не решался уйти из проклятой комнаты, оставить Анну тем, кто скорее был способен ей помочь. Вишницецкий ощущал себя невероятно слабым, подчас трусливым, даже лишним, неправильным, ощущал себя никчёмным и ненужным. Он себя ненавидел.

— Отдай её нам, — Вацлав же чудом взял себя в руки. Признаться, за столько лет он уже привык к боли, к горю. Левандовский похоронил всех родных, дорогих людей, и теперь ещё одна потеря пусть и рвала всё внутри, но силы этого не показывать находились почти что легко. Такое было по-своему страшно, но его сущность и не такое позволяла.

Однако даже она не смогла удержать его от пустых просьб к давно забытому Богу.

Вацлав готов был сбить колени в кровь, построить сотни церквей, заказать тысячи икон, лишь бы его услышали и оставили то немного светлое, что он имел, в живых.

Он попытался ещё что-то сказать, протянул руки, чтобы забрать Анну, испорченную и изуродованную множественными укусами, до ужаса мёртвую и чужую, посеревшую. Вацлав

не верил, что перед ним одна из самых красивых женщин, что он когда-либо видел. Внутри рождалась злость — как там, на небесах, допустили такое? Сами создали добрую Анну и сами же позволили её уничтожить, опорочить. Если и Бог способен на предательство, то на кого тогда надеяться?

Удивительно, но воля нарушить тишину, это жуткое оледенение нашлась у Анджея. Он глубоко вздохнул, перекрестился и решительно подошёл к Матиушу.

— Следует её уложить, отмыть, — Лович говорил быстро, он явно волновался, но верил — Анна выживет. — Владислав же сказал, что надежда есть, — вера всегда вела его и не оставила даже тогда, когда он умирал в тёмных подземельях. — Вы не слышали? — спросил уже более твёрдо.

— К-конечно, — Вишнивецкий на удивление легко подчинился его просьбе. — Д-да, — вздрогнул, бессильно опустил в кресло. — Я на всё готов, лишь бы моя Ануся вернулась, — всхлипнул, спрятав лицо в ладонях.

— Первые годы бессмертия всегда самые тяжёлые — надо научиться не чувствовать, — ни к кому не обращаясь, мрачно бросил Влад. — Хотя, безусловно, такую любовь сложно перебороть.

— Должен же я был сделать для неё хоть что-то после всех обид и унижений, — глухо ответил Матиуш.

— Это больше, чем вы думаете, — серьёзно сказал до того молчавший Микулэ — его даже не пытались арестовать или отправить в темницы, взять под стражу: все и так понимали, что он не сбежит и не попытается никого убить. Драгоша слишком поразило случившееся, попросту сломало, и теперь он вряд ли мог предпринять что-то подобное.

— Доамна княгиня, она... она просила передать, что была с вами счастлива, — произнёс Микулэ с какой-то затаённой горечью. — Полагаю, она ценила всё то хорошее, что между вами когда-либо происходило.

Матиуш коротко кивнул, не в силах говорить, кажется, снова разрыдался — он слишком переживал и мучился, он терял впервые, он и представить не мог, что вообще может лишиться Анны. И теперь её смерть существенно подкосила Вишнивецкого. Ему себя в своё время не было жаль так, как было жаль жену.

— Оставим всё это на потом, — Анджей обернулся к Вацлаву. — Что ты стоишь столбом, вели подготовить комнаты, да хоть эти, хватит с несчастной на сегодня путешествий, вели найти лучшую кровь наконец! — строго произнёс он. — Что вы за люди, если раньше времени хороните?

— Это можно понять, — покачал головой Влад. — Ты не хуже моего знаешь, как часто дьявол делает то, о чём его просят.

— Не чаще Господа, — кивнул Лович. — И всё же.

— Спасибо, что позвали, падре, иначе бедную женщину и впрямь бы пришлось хоронить, — вдруг раздался чей-то звонкий голос. — Да, обмен мыслями — это очень удобно, — Андраш шутливо поклонился всем присутствующим, затем посмотрел на Анну на руках у Анджея, уже суетящихся вокруг слуг, одобрительно кивнул.

— Андраш? — Влад нахмурился. — Это человек, а не лягушки и ящерицы, с которыми ты привык возиться, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул тот. — Но кое-какое разумение у меня всё же имеется. Урам Микулэ, вы укусили даму?

— И я тоже. До меня это сделал Григор, — чётко и твёрдо ответил Драгош, понимая,

что сейчас его страх и страдания ни к чему.

— Славно. Насколько мне известно, вы не брезговали кровью убитых вампиров, — как ни в чём не бывало продолжал Андраш тоном знающего своё дело человека.

— Верно, — кивнул Микулэ. — Но какое это отношение имеет к делу?

— А такое, милейший урам, что ассонём Анна может и выжить, причём этот исход скорее вероятен, нежели прочие, — Андраш улыбнулся. — Да будет известно ясновельможной шляхте и пану королю, что тот, кто единожды испил кровь вампира, при обращении будет получать не совсем стригоя, — он обернулся к Владу. — А с помощью моего уважаемого дядюшки... Полагаю, ассонём княгиня переродится в существо гораздо более сильное.

— Звучит не слишком правдоподобно, — тихо заметил Раду. — Ты уверен?

— Более чем. Это наука, а не суеверия, — кивнул Андраш.

— Суеверия... Слышал я в детстве от матери сказки всякие, и там говорилось, что если ударить ту или иную нечисть мечом один раз, она умрёт. А если больше, то станет могущественнее, — задумчиво произнёс Вацлав. — А если и с укусами так?

— Не буду отрицать, — немного нехотя согласился Андраш. — Тем не менее и то, и другое способствует воскрешению прекрасной ассонём, а не наоборот.

— Если её тело это выдержит, — пробормотал Влад. — Ты знаешь, как это обеспечить?

— Поить кровью, конечно же, — фыркнул Андраш. — Дядя, вы здесь величайший вампир всех времён и народов, — он улыбнулся. — Не в обиду окружающим будет сказано, — поспешно добавил, словив обиженный взгляд Раду. — Ну, надеюсь, всё уже готово?

— Да, пан, можно перенести пани Анну в спальню. А пану королю где стелить? — деловито отвечала одна из служанок.

— Разберёмся, дворец большой, — устало успокоил её Вацлав. — И что теперь?

— Ждать, верить и делать то, что я говорю, — Андраш нахмурился. — А теперь к другим делам. Матушка просит, чтобы отпустили урама Вереша с миром.

— Если он не будет помогать Мнишеку, то пусть возвращается к себе в горы, — махнул рукой Левандовский. — Я не хочу портить отношения.

— Стригой больше не пойдут за этим гордецом. Они получили своё, отомстили, теперь домнуде Вереш вынужден подчиниться их просьбе и отправиться домой, — произнёс Драгош. — Поверьте, я знаю, о чём говорю. Главы кланов всеильны, но они всегда спрашивают тех, кто им подчиняется, прежде чем принять то или иное решение.

— Вот как... — у Левандовского голова шла кругом, но он старался держать себя в руках. Хотя бы ради Анны. — И что же, пан Вереш уйдёт?

— Да, — кивнул Микулэ. — У них был чёткий договор: Мнишек получает армию, а домнуде Дарко — месть. Всё просто.

— И в самом деле. Вампиры бы такое, верно, осудили, — Вацлав криво усмехнулся. — Нехорошо, знаете ли, союзники так не поступают.

— Союзники предпочитают травить серебром на весёлых пирах и закалывать отравленными елеем кинжалами в тёмных коридорах? — даже немного издевательски уточнил Драгош.

— Ну что вы, — Вацлав оскалился. — Мы действуем более деликатно.

— Не время ссор! — вдруг осадил их Анджей. — У нас сейчас слишком много дел. И так уже достаточно произошло из-за того, что все мы шли на поводу у чувств и обид.

— Верно, — согласился Левандовский. — Влад, ты говорил с ним. Может, стоит подписать мир?

— Да, Дарко склонен поступить подобным образом, — отозвался тот. — Как только он отведёт войска, дело станет сугубо польским. Собственно, это то, чего ты и хотел.

— Вот и славно, — Вацлав слабо улыбнулся. — Очень хорошо, — он поднялся. — Матиуш, идём, побудем немного с Анной. Кровь уже принесли?

Анджей молча протянул ему бутылку и кубок. Когда оба вышли, Лович тихо спросил:

— А что же будет с Мнишеком? После того, что произошло с Анной, король вряд ли станет миловать всех, кто хоть как-то причастен.

В кабинете повисло тяжёлое молчание. Отговорить Левандовского от страшного поступка могла только пани Вишницецкая, но она сейчас лежала в соседних комнатах, едва живая, бледная, словно сошла со старых картин. Теперь Станислава могло спасти только чудо. Да, он был им врагом, но он не заслужил смерть. В конце концов, он отвоевал своё право кровью, а решение Сейма не могло называться приговором ни при каких обстоятельствах. Все понимали, что Вацлав хочет устранить мешающегося соперника, но, если обратиться к законам чести, казнить его король не мог. И даже Влад не мог предугадать, к чему склонится Левандовский.

— Простите, я разбирался с войском, опоздал, я... — вдруг дверь отворилась, и в проёме возник взъерошенный Велислав. — Что случилось? — он нахмурился. — Вы сказали, что Матиуш и прочие уже вернулись, и что... — осёкся, оперся на стену. — Нет... — тяжело задышал. — Нет, я же просил Тебя, я же просил... — чуть было не осел на пол, но Анджей схватил его за плечи, помог удержаться. — Рихарду не говорите, — прошептал, стараясь взять себя в руки. В конце концов, Велислав многое пережил, и чувств в его душе с годами становилось всё меньше и меньше. Он понимал, что сейчас не время плакать, не время поддаваться горю, он понимал, что прежде надо выяснить, что к чему, и лишь потом принимать решения.

— Что с Анной? — твёрдо спросил гетман Потоцкий.

— Она была убита стригоем, однако наш юный гений утверждает, что она вполне может выжить, — отозвался Раду и пустился в объяснения того, как это может произойти. Велислав слушал, и постепенно его сердце билось всё спокойнее: он слишком хорошо знал, что смерть — это далеко не приговор, если есть те, кто заинтересован в человеке.

***

Эржебет обернулась на шаги, протянула руку для поцелуя, и Дарко прижал её запястье к губам, улыбнулся. Он хорошо видел в темноте, а потому царивший в комнате полумрак не помешал разглядеть прекрасное лицо и его выражение — несколько мечтательное, чуточку счастливое, но всё ещё хитрое.

— Стригой готовятся уходить, — тихо сказал Дарко. — Ваш дядя обещал мне мирный договор и невмешательство вампиров наши дела.

— Его слово стоит дорого и значит достаточно, — отвечала ему Батори степенно, но с некоторой недосказанностью, словно за её словами скрывалось что-то ещё.

— Полагаю, вам об этом известно не понаслышке, — Вереш внимательно посмотрел на неё в ожидании следующей фразы — он догадывался, к чему Эржебет ведёт, но хотел убедиться в этом.

— Конечно, — кивнула та, пряча взгляд, чтобы подольше потомить его. — В конце концов, я его племянница и должна подчиняться его воле. В конце концов, я лишь женщина

в мире мужчин.

— Мужчин, которые готовы этот мир положить к вашим ногам, — Дарко усмехнулся — ему всегда нравились её милые уловки. — Если вы позволите, — он опустил на одно колено перед креслом Батори, снова поцеловал руку.

— Всем? Боюсь, они передерутся, ведь такова их природа, — Эржебет прикрыла глаза. — Мне стоит выбрать кого-то одного и скоротать с ним вечность, — она улыбнулась чарующе, но вместе с тем тепло.

— И кто же вам пришёлся по душе? — Вереш напрягся, вдруг испугавшись, что ему откажут.

— А разве вы не знаете? — Батори внимательно посмотрела на него, и Дарко всё понял. Он сжал её руку, коротко коснулся губами тонких пальцев.

— Через год я вновь жду вас у себя на балу, — быстро произнёс, удивляясь собственной дерзости: вот так, при личной встрече, без приглашений и писем.

— Там я дам вам окончательный ответ, — Эржебет заметила у него на шее цепочку с собственным кольцом, отданным ещё несколько лет назад. — И уверяю, он вас не разочарует.

— Я готов ожидать столько, сколько потребуется, — серьёзно ответил Дарко, улыбнулся. — Потому что я знаю, что вы мне скажете.

— Я приеду, как только все мои дела будут улажены, — Батори всё ещё не отнимала руки.

Это значило «да».

***

Мнишек очнулся в крошечной темноте. Вокруг не было видно ничего, даже пол и стены ощущались с трудом — Станиславу казалось, что он попал куда-то в иной мир, где пространство и время ни над чем не властны, если вообще существуют. Это пугало, ведь Мнишек не понимал ни то, который нынче час, ни то, который нынче год. Он, правда, надеялся, что всё ещё находится в Польше, во дворце короля — от отчаяния. Ведь в противном случае он оказывался почти что нигде, что ужасало больше любого из кругов Ада.

Мнишек попытался сесть, что получилось легко, спина прислонилась к холодному камню. Это немного отрезвило его, и Станислав с облегчением вздохнул. Да, надежды оправдались, да и времени, должно быть, прошло немного — вампиры, тем более морои, не могли надолго лишиться чувств.

Чувства.

Станислав закатил глаза. За последний год он не раз проклял это слово, проклял то небольшое, что оставалось в нём от человека. Чувства, а именно гордыня, когда-то вовлекли его во все эти политические игры и не отпускали по сей день. Станислав, возомнив себя достойным трона, возомнив себя достаточно разумным и сильным для правления, явился в чужую страну из дикого края стригоев, рассорился со всеми, с кем только мог, и... И он ещё чего-то хотел...

Вообще-то Мнишек никогда себя толком не жаловал. Прочие были довольны собой, любили похвастаться на званом вечере теми или иными успехами, а Станислав привычно прятался по углам и в тени, коротал часы в одиночестве или с наставником, потому что знал: он не достоин и десятой части того, что с ним происходит.

Это началось со страшной ночи, когда он стал жертвой жестокого насилия. Будучи ребёнком, Мнишек верил в сказки матери о том, что рождён принцем, мечтал, что отец

вернётся за ними, а после уже не смог — ненависть и осознание собственной испорченности, изломанности не позволили. Станислав перестал верить людям, перестал их понимать, к себе относился с пренебрежением. Слова Кшиштофа его добились — с тех пор он стремился всем доказать, что хоть чего-то да достоин, что хоть что-то может. Наверное, так он заполнял ту пустоту, что осталась после смерти матери, отца, Марины. Наверное, думал, что если чего-то добьётся, то сможет вновь себя полюбить, почувствовать, что может жить так, как живёт, что вообще может жить.

И королевство ему нужно было для этого, и война, но и то, и другое оказалось бессмысленно. Первого Мнишеку не дали, победа во втором ничего не принесла — и зачем тогда? Станислав вдруг задумался о том, что бы стал делать, надев корону. Он не умел править: его приёмный отец оказался никудышным магнатом и воеводой, вечно влезал в долги, а мать не знала ничего. При дворе Кшиштофа научиться чему-либо представлялось практически невозможным — манера правления у Водлевского была слишком своеобразная. А с Левандовским Станислав поругался, не успев толком подружиться. Смог бы он разбираться со всем один? Долго бы продержался на престоле? Год, а там Сейм бы выбрал кого-то нового, более способного и мудрого.

Эта догадка подкосила Мнишека. Теперь всё то, что он делал, казалось пустым, неправильным, глупым, казалось поступком заигравшегося мальчишки. Впрочем, в кругу Левандовского его, верно, так и называли. И были правы — ведь так и есть. Стоило ли начинать войну, убивать, проливать столько крови ради того, чтобы теперь оказаться в темнице? Оказаться, вероятно, без суда приговорённым к казни. Разве он не понимал, что всё так и кончится, что теперь ни одна победа не докажет, что он достойный кандидат? Восемнадцатый век был веком хитросплетений, разговоров и ядовитых улыбок, а вовсе не ратной славы. Так разве мог Сейм проголосовать иначе? Теперь-то Станислав понимал, что нет. Он даже удивился: откуда могла появиться такая надежда? Гордыня, пусть и напускная, настолько застилала глаза, что он ничего не заметил? Левандовский сумел переиграть его? Мнишек решил не искать ответ — толку от него не было.

Проснулась злость. Станислав вспомнил о своём союзнике, Вереше, вспомнил короткое «Простите». Как будто оно чем-то могло помочь! Конечно, Мнишек понимал, что он для Дарко никто, особенно после того, как отверг его советы и попытки заботиться, понимал, что ничего, кроме мести, Верешу не требовалось, но всё же. Договор в который раз оказался сильнее чего-то человеческого, и Станислав почему-то почувствовал себя преданным, хотя в мире политики это понятие вряд ли существовало в том виде, в котором он его знал.

Он поднялся, прошёлся по камере. Постепенно боль сменилась отчуждением, как и всегда, и теперь Мнишек зачем-то гадал, сколько он уже здесь находится. Станислав ходил так с четверть часа или около того — во всяком случае, ему так казалось, а потом вдруг рядом завопили.

— Вот же они тебя запрятали, еле нашёл, — из темноты вдруг возникла свеча, немного разогнавшая ночь вокруг, мелькнуло бледное лицо Рихарда. — Даже лучинки не дали, — он сел на пол, и Станислав опустился следом, непонимающе глядя на него. — Стась, это же я, это Рихард.

— Я узнал, — Мнишек рассматривал его, словно видел впервые. Не сказать, чтобы заключение, тем более только начавшееся, на него давило, но тяжёлые мысли сводили с ума любого. Станислав же едва не сломался, и это его пугало.

— Я просил их не поступать так с тобой. Всё же было честно... Но политики,

проклятые политики и их порядки... — расстроено зашептал Милинский. — Стась, как ты здесь? — он вздохнул. — Помню, когда меня, ещё совсем ребёнка, тётки выгнали из дома, я чуть с ума не сошёл от страха в первый же вечер — темно, холодно, одиноко.

— Морои, как и вампиры, мало что чувствуют, — попытался успокоить его Мнишек, но вышло не слишком-то хорошо.

— С тобой что-то не так, — возразил Рихард. — Я чувствую это... — он замер, словно бы прислушивался. — Стась, что произошло? До чего ты дошёл, пока был здесь один?

— Тебе случалось понимать, что всё — пустота? Что всё, что ты делал — лишь глупость, детский каприз? Что-то самое всё, которое ты имел, оказывалось ничем? — тихо отозвался тот, едва решившись сказать об этом вслух, по сути, признаться даже больше самому себе, чем Рихарду.

— Нет, — со странной горечью ответил тот. — Нет... — придвинулся ближе. — Стась, не говори так. Быть таким ужасно страшно!

— Увы, таким, как ты выразился, я сделал себя сам, — покачал головой Мнишек. — Я успел подумать, Рихи, и, к сожалению, выводы вышли не самые приятные. Впрочем, ожидаемые, я ведь всегда знал, кто я, — он отвернулся.

— Ты мой друг, — Милинский поднял на него испуганные глаза.

Станислав лишь вымученно улыбнулся. Он не хотел своими страданиями ранить только оправившегося Рихарда, он надеялся его от всего уберечь.

— Я не просто так пришёл, — вдруг произнёс тот, словно решаясь на что-то. — Я пришёл тебя вывести, Стась, — перед Мнишеком на пол упал серебряный замок. — Это тебя не пускало, а теперь... Ты свободен.

— Ты с ума сошёл, — выдохнул тот. — Рихард, нет! Они тебя убьют, если узнают! Никто не должен больше умирать из-за меня, слышишь?

— Я ведь знаю, что Анна погибла, я это чувствую, — глухо ответил Милинский. — Я не спас её ещё тогда, так давай спасу хоть кого-то. Тебя, — он опустил голову. — Он любит меня во всём обвинять, это слышно, хотя он никогда не говорит об этом вслух. Все они.

— Ты последний, кто за это ответственен, — возразил Станислав. — Я многое понял благодаря тебе, ты не раз облегчал мои страдания, я не могу так, Рихард. Я не хочу, чтобы ты вновь мучился из-за меня.

— Они ведь убьют тебя, — неожиданно всхлипнул тот. — У короля Левандовского нет сердца.

— Зато оно есть у меня, — дверь с лязгом отворилась, и в камере возник Матиуш Вишнивецкий, держа в руках канделябр. Он просто уселся рядом с Рихардом и Станиславом, тяжело вздохнул. Было видно, что его глаза покраснели от слёз, а лицо осунулось — смерть жены его сломила, но в тёмных зрачках плескалась самая настоящая решимость.

— Как она? — тут же спросил Милинский. Мнишек же молчал, пытаясь понять, что происходит и не очередная ли это политическая игра.

— Она справится, — дрожащим голосом ответил Матиуш, но взял себя в руки. — Я, пан Мнишек, королю друг и обладаю некоторым влиянием на его решения, — он криво улыбнулся, хотя уголки губ дрожали. — Вацлав спросил моего совета, как бы смешно это ни звучало.

— Я его казню. И Микулэ тоже, — Вацлав посмотрел на лежащую под одеялом Анну. Она казалась совсем фарфоровой, только тронь — и рассыпется в прах.

— За что? Они оба воевали, чтобы прийти сюда, — осадил его Вишнивецкий. Он

держал в ладонях ледяную руку жены, то и дело целуя, вглядывался в умиротворённое лицо, застывшую улыбку — слова о том, она была с ним счастлива, мучили, напоминая, как он с ней поступал.

— Она погибла из-за них, — жёстко ответил Левандовский.

— Она погибла из-за нашего промедления, — возразил Матиуш. — Очень удобно винить в чём-то страшном другого — совесть не так сильно грызёт.

— Прекрати, мне и так известно, что я не должен был её отпускать одну, — Вацлав тяжело вздохнул. — Матиуш, я не собираюсь проявлять милосердие. Не теперь.

— А когда ты его проявлял? — Вишницецкий издевательски посмотрел на него. — Вы считаете меня глупцом, сердобольным просвещенцем и мелким князьком, но ведь в том, как я живу, есть нечто верное.

— Например, жалость к убийцам любимой супруги? — глухо уточнил Вацлав.

— Понимание того, что она на это скажет, когда очнётся, — веско ответил Матиуш, поборов всхлип.

— Если очнётся, — голос Левандовского задрожал.

— Мы не можем хоронить её раньше времени! — прошипел Вишницецкий. — Не смей.

— Если Анна выживет, делай, что хочешь, — пробормотал Вацлав, затем молча отвернулся.

— Через три дня станет ясно, умрёте вы или нет, — тихо произнёс Матиуш. — Это всё, что я могу для вас сделать.

— А зачем вам вообще что-то для меня делать? — удивился Мнишек. — Кажется, мы с вами больше враги, нежели друзья.

— Мне кажется, хватит уже жертв, — только и ответил Вишницецкий, отвернулся.

— Спасибо, — произнёс Станислав. Он не думал, что сможет искренне сказать это своему врагу, тем более, сопернику в битве, однако тот удивил его.

— Не уверен, что за такое благодарят, — Матиуш поднялся. — Я оставлю канделябр, — он коротко кивнул, обратился к Рихарду: — Ты можешь прийти к Анне, если хочешь. Ты знаешь, мы тебе всегда были рады, — исчез.

— Не думал, что он на это способен, — тихо пробормотал Мнишек. — Я видел его в бою несколько раз... Жалкое зрелище. Да и в войске о Вишницецком не слишком хорошо отзывались.

— Матиуш неплохой. Он дурно поступал с Анной поначалу, и это его единственное прегрешение, на мой взгляд, — отвечал Милинский. — Думаю, оно уже искуплено.

— То, что сказали... Это правда? — глаза Станислава вдруг лихорадочно загорелись, это смотрелось страшно, словно он обезумел.

— Я очень надеюсь, — Рихард с сожалением посмотрел на всё ещё валяющийся на полу замок. Он готов был поклясться — Матиуш всё видел, но ничего не сказал. Матиуш хорошо знал, что такое милосердие.

— Я хочу жить. Я... Я ненавижу себя, я знаю, что я недостойн и жизни тоже, но я хочу жить, понимаешь? — Мнишек вздрогнул. — Я хочу вернуться в Сербию, остаться там и... И жить. Я пробыл в неизвестности совсем немного, но это слишком страшно, — он немного помолчал. — Вспомнил, как прыгнул с обрыва и не разбился. Приятное чувство превосходства не то что над людьми, над богом... — прикрыл глаза. — Я хочу жить, — зачем-то повторил. — Рихард, я ведь не заслужил смерти.

— Её не заслуживает никто, даже Запольский, — заметил Милинский.

— Он был чудовищем, — нахмурился Станислав.

— В котором всё ещё оставалось хоть что-то от человека, — Рихард печально улыбнулся. — Стась, я прошу тебя, беги.

— Я хочу, чтобы жил и ты тоже, — только и ответил ему Станислав.

До утра они сидели в молчании.

***

Вацлав давно не принимал в тронном зале иностранных гостей. Конечно, Вереша уже сложно было называть гостем, но церемония обязывала.

Тот явился в сопровождении Каслава, своего верного помощника, и ещё двух-трёх близких военачальников. С Новаком Левандовский почти не пересекался, но слышал, что тот во многом не уступает тому, кому служит, и это значило, что и с ним следует осторожничать. Нередко именно такие люди управляли теми, кому им следовало подчиняться, и тот же Якуб порой был тому хорошим примером.

— Я приветствую короля, — Дарко на мгновение склонил голову в знак уважения. — И я пришёл сюда не ради войны, а за миром.

— И я приветствую принца Книнского, — степенно произнёс Вацлав. — И так же поддерживаю его намерение.

Стоявший позади трона Штраус переглянулся с Потоцким, а затем подал Левандовскому свиток. Тот быстро просмотрел его, вежливо улыбнулся Верешу.

— Этот договор будет залогом дружбы между нашими державами, — сказал Вацлав. — И...

— Меня не слишком интересуют титулы и красивые слова. Если там сказано, что более вы не вторгнетесь в наши владения и не станете впутывать нас в свои игры, то я подпишу этот мир, — осторожно перебил его Дарко. — Простите, что нарушаю ваши порядки, но стригои не привыкли к подобному и не поймут, зачем такие сложности, — он мотнул головой в сторону свиты.

— В таком случае, я предлагаю скрепить договор подписями. Это должно сделать в присутствии уважаемых собратьев, — Левандовский поднялся. — Граф Максимилиан Отто Фридрих фон дер Штраус-Гессен, коронный гетман Велислав Потоцкий и бан Славонии, Каслав Новак засвидетельствуют происходящее.

Стригой зашептались между собой — вампир назвал их собратьями. Это дорогого стоило.

— Да будет так, — согласился Вереш. — Подайте перо.

— Теперь стригои уйдут с ваших земель, — сказал он после. — Прощайте, король Левандовский. Надеюсь, что в следующий раз мы свидимся уже по иному, доброму, поводу.

— Надежда взаимна. Прощайте, — они кивнули друг другу, и Дарко, а за ним и прочие, вышли. Напоследок Вереш обернулся, поймал взгляд Эржебет, коротко улыбнулся.

Влад и Раду, стоявшие поодаль и не принимавшие в происходящем никакого участия — это было не их дело, усмехнулись.

— Кажется, через год мы с тобой, братец, погуляем на свадьбе, — заметил Ливиану весело и с задором. — Не разучился ещё веселиться?

— Мы ещё посмотрим, кто лучше развлечётся, — в тон ему ответил Дракула. — Готовь подарки, наша племянница выходит замуж.

— О чём это они? — шёпотом спросил Потоцкий у Штрауса.

— Понятия не имею, — покачал головой Максимилиан. — Но прикупить что-то эдакое

стоит, а то мало ли...

***

Дни проходили в мучительном ожидании. Вампиры пришли в беспокойство уже на исходе первого, на второй всё чаще собирались в смежных со спальней Анны комнатах, а на третий Вацлав не представлял, как вообще сможет что-то сделать — грозившее горе отбирало силы.

Он давно мечтал разделаться с Мнишеком. Тот достаточно раздражал его, мешался, докучал, чтобы быть убитым, но Левандовский поклялся себе держаться — он же дал слово Матиушу. Анне. Но желание мести жгло его изнутри. Анджей говорил, что это неправильно, что это не поможет, что так нельзя, но оно не подействовало. Вероятно, Вацлав слишком ненавидел, чтобы вспоминать о прощении.

Дело шло к вечеру, с Анной остались Лович и Андраш — первый не мог отойти от Вишницецкой, второй твёрдо знал, что делать, и ни на минуту не поддавался страху и прочим чувствам.

Вацлав же с прочими спустились в темницы. Матиуш умолял его повременить и не делать глупостей, не совершать страшной ошибки, но Левандовский был непреклонен. Желание раз и навсегда разделаться с врагом, вернуть всю причинённую им боль сполна перевешивало.

Станислав сидел в углу, у него на плече дремал Рихард. На полу валялся всё тот же серебряный замок. Вацлав, увидев это, дёрнулся к Милинскому, но Влад и Раду удержали его, а Матиуш с Велиславом же подошли ближе.

— Рихи, пойдём отсюда. Есть кое-что, — мягко сказал Потоцкий, коснувшись плеча Милинского. Мнишек, поняв, что происходит, будто немного вжался в стену, и в его глазах промелькнул самый настоящий страх.

— Что такое? Что-то с Анной? — Рихард проснулся, доверчиво посмотрел на приёмного отца, поднялся. — Всё хорошо?

— Да, конечно, — Велислав не умел врать, и это не укрылось от Станислава. Он затравленно огляделся, а когда дверь с той стороны закрылась, и вовсе испугался.

— Она умерла? — отрывисто спросил Мнишек.

— Нет, — ответил Матиуш быстрее, чем Вацлав успел что-либо предпринять. — Нет, к счастью, нет. Но срок на исходе.

— И вы решили ждать его исхода здесь, чтобы в любой момент убить меня, не так ли? — Станислав криво улыбнулся. — Вы представляете, Левандовский, как это гадко выглядит? Вы готовы похоронить бедную женщину заранее, лишь бы пойти на поводу у своих желаний.

— Если бы я этого хотел, ты бы уже давно был мёртв, — выплюнул Вацлав. — Матиуш, сколько ещё?

— Полчаса, — горько ответил тот. — Она должна справиться, она же сильная...

— Конечно, — поддержал его Велислав. — Конечно.

Тем временем Андраш несколькими этажами выше скучаяще перевернул страницу книги, бросил взгляд на Анну.

— Начинается. Перерождение, — бросил он Анджею. Тот отвлёкся от молитвы, поднялся с колен, подошёл к постели.

— Она уже выживет? — тихо спросил, словно боясь разбудить Вишницецкую.

— Борьба за это только начинается, — отозвался Батори. — Дай ассонём княгине ещё

крови, это поможет.

Он приподнял Анне голову, и Анджей поднёс к её губам кубок, осторожно влил в рот, надавил, заставляя проглотить, сел рядом, взял Вишницецкую за руку.

— Возвращайся к нам, хорошо? — попросил он ласково, с тоской. — Мы скучаем.

— Она не слышит, — безразлично напомнил Андраш. — Отпустите, — быстро велел. — Иначе ей будет больнее.

Анну тут же затрясло, тело словно молнией пронзило, и оно забилося, как пойманная птица, побледнело ещё больше, а затем его стало метать туда-сюда по кровати. Анджей почему-то всё боялся, что она закричит, заплачет, хотя это стало бы знаком того, что княгиня Вишницецкая жива. Тем временем Анна замерла, упала на простыни, и её лицо немного порозовело, кожа кое-где разгладилась, волосы сделались ещё пышнее, а фигура — тоньше. Вишницецкая совсем чуточку помолодела: ей и так было едва за двадцать. Наконец она медленно открыла глаза, села, неуверенно озираясь вокруг.

— Я умерла? — тихо спросила Анна.

— И воскресла вновь. Поздравляю, — серьёзно ответил Андраш.

Лович, забыв обо всём, просто обнял её. Он так боялся, так переживал и теперь был невозможно рад, что всё разрешилось благополучно.

— Бог мой, мне снились страшные сны, — тем временем продолжала Вишницецкая. — Что вы плачете, что вокруг траур, что кого-то хотят убить, чтобы отомстить за меня... И вообще, где Тадю?

— Ты говорил, что она не слышит, — Лович беспомощно посмотрел на Андраша.

— Это было неожиданно, — виновато отозвался тот. — Ассонём Вишницецкая, ваш сын с Зофией, своей нянькой. Он о вас не раз спрашивал, — ответить даме, тем более взволнованной матери, было важнее, чем оправдываться.

— Маленький мой... — Анна вздрогнула. — Зовите служанок, пусть подадут платье, мне надо к сыну! — она скрестила руки на груди. — Так что вы там говорили про то, что я не слышу?

***

— Никого, — Вацлав взволнованно посмотрел на стрелку часов. — Господи, нет... — он отвернулся, низко опустил голову. — Нет, только не она...

— Может, ещё просто не успели сообщить... — Матиуш вздрогнул, глядя затравленно, испуганно. — Ануся не могла бросить меня... Нас! — он обернулся к Владу, с отчаянием посмотрел на него. — Вы что-нибудь знаете? Что с моей Анной? Она?..

— Матиуш, выйди сюда, у меня платье не пролезает, — вдруг отчётливо раздалось откуда-то из-за двери. — Да что ж ты будешь делать...

— Анна! — мгновение, и Вишницецкий прижал жену к себе, не веря своему счастью. — Анна, Господи, Анна... — он судорожно обнял её, уткнулся носом в плечо, словно боялся, что она исчезнет. — Анна, родная моя, любимая... Я так переживал, так боялся, так!.. Не оставляй меня больше, слышишь? — замолчал, тяжело дыша.

— Всё, всё, я рядом, — та ласково гладила его по голове, смущённо и немного виновато улыбаясь. — Мне тоже было плохо без тебя, страшно... Я представить не могла, как тебя оставлю. Как оставлю Тадю, — она всхлипнула. — Я люблю тебя.

— Не отпущу ни на шаг, — Матиуш слабо улыбнулся.

— Папа! — к ним со всех ног бежал Тадеуш, за которым едва поспевал Лович. — Мама хорошо спала? — он забрался Анне на руки, деловито обхватил ручками за шею, надул

щёчки, о чём-то думая.

— Не то слово, — та содрогнулась. — Мама теперь с тобой, — поцеловала сына в лоб и, не отпуская его, кинулась к вышедшему навстречу Вацлаву. — Прости меня, мы ведь тогда поссорились, — тоже обняла. — Вацлав, я была такая глупая...

— Ты меня прости, — Левандовскому с трудом верилось в происходящее, но его душу впервые за долгое время наполняла живая радость. — Анна... — он на мгновение обернулся к камере. — Мнишек, ты свободен. Отправляйся, куда хочешь, но чтобы здесь ты больше не появлялся, во всяком случае, пока я или кто-то из близких мне того не позволит, — снова обратился к Анне, счастливо разглядывая её.

Станислав неуверенно поднялся, вышел, опираясь на стены, вжав голову в плечи. Никто не пытался его остановить, никто не пытался его убить — они лишь молча расступались, пропуская.

— Правда? — уточнил он, хмурясь: ещё был жив страх, что и это обман.

— Правда, — кивнул Матиуш. — Польский король не нарушает своего слова, — серьёзно ответил он за Вацлава. Станислав благодарно посмотрел на него, склонил голову, а затем, сопровождаемый Потоцким, исчез в темноте коридоров.

В ту же ночь Мнишек покинул Польшу и отправился в Сербию, чтобы остаться там навсегда. Он не алкал больше ни короны, ни власти, ничего, он желал лишь оказаться подальше от политики, людей, вампиров, стригоев, всех. Он желал остаться затворником и провести вечность в покое — он слишком многое пересмотрел и теперь не представлял, как ему быть дальше, и его это сломило. Изредка его навещал Рихард, и то был единственный, кого в старом доме где-то в горах привечали как гостя.

Драгош Микулэ, узнав о том, что Анна выжила, сдался Владу и Раду, ведь они издавна правили Балканами. Драгош теперь мечтал о смерти, слишком подавленный, измученный, и просил о ней Дракулу, просил о ней Ливиану, но никто не смог убить его — им не позволяли ни честь, ни совесть. Однако домнуде Василе понял его печаль и исполнил последнюю просьбу: выколол второй глаз и велел оставить не пожелавшего более жить Микулэ где-то в горах. С тех пор никто его больше не видел, и не было ничего о нём слышно. Говорили, что он заплутал и сорвался со скалы, говорили, что он обрёл новую жизнь в какой-то затерянной в горах деревушке, говорили, что просто канул в небытие, но так или иначе имя Драгоша Микулэ потерялось в веках и, верно, уже более не произносилось никем на земле.

Речь Посполитая же процветала, и король Левандовский, любимый своими подданными, правил ей не хуже своих великих и мудрых предшественников. В Европе воцарился покой.

***

Матиуш вывел Анну на балкон, привычно набросил на её плечи тонкую шаль, получил на это короткий смешок.

— Я бессмертная и не боюсь холода, — мягко улыбнулась Вишницецкая. — А ты к этому не привык, верно?

— Милая, я как вспомню, как мы к этому пришли, так спать не могу потом спокойно, — виновато отозвался Матиуш. — Я чуть не поседел, ей-богу.

— Вампиры не седеют, — со знанием дела заметила Анна, а затем обняла мужа. — Ну ладно, прости, — поцеловала в щёку. — Я же теперь рядом, — оглянулась на дверь, за которой возился с лошадкой Тадю. — И всегда буду, — сказала это с особым достоинством и тихим счастьем, какие есть только у счастливых жён.

Внизу несла свои воды Висла, задувал ветер и гнал тяжёлые тучи куда-то на запад, открывая звёзды и тоненький золотой месяц. Варшава спала, укутанная речным туманом, где-то лаяли собаки, горели редкие огни, шелестели листья деревьев. Анна и Матиуш смотрели на город и улыбались. Теперь они были уверены: сколько бы тёмной не была ночь, после неё всегда настанет новый день. И никак иначе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net